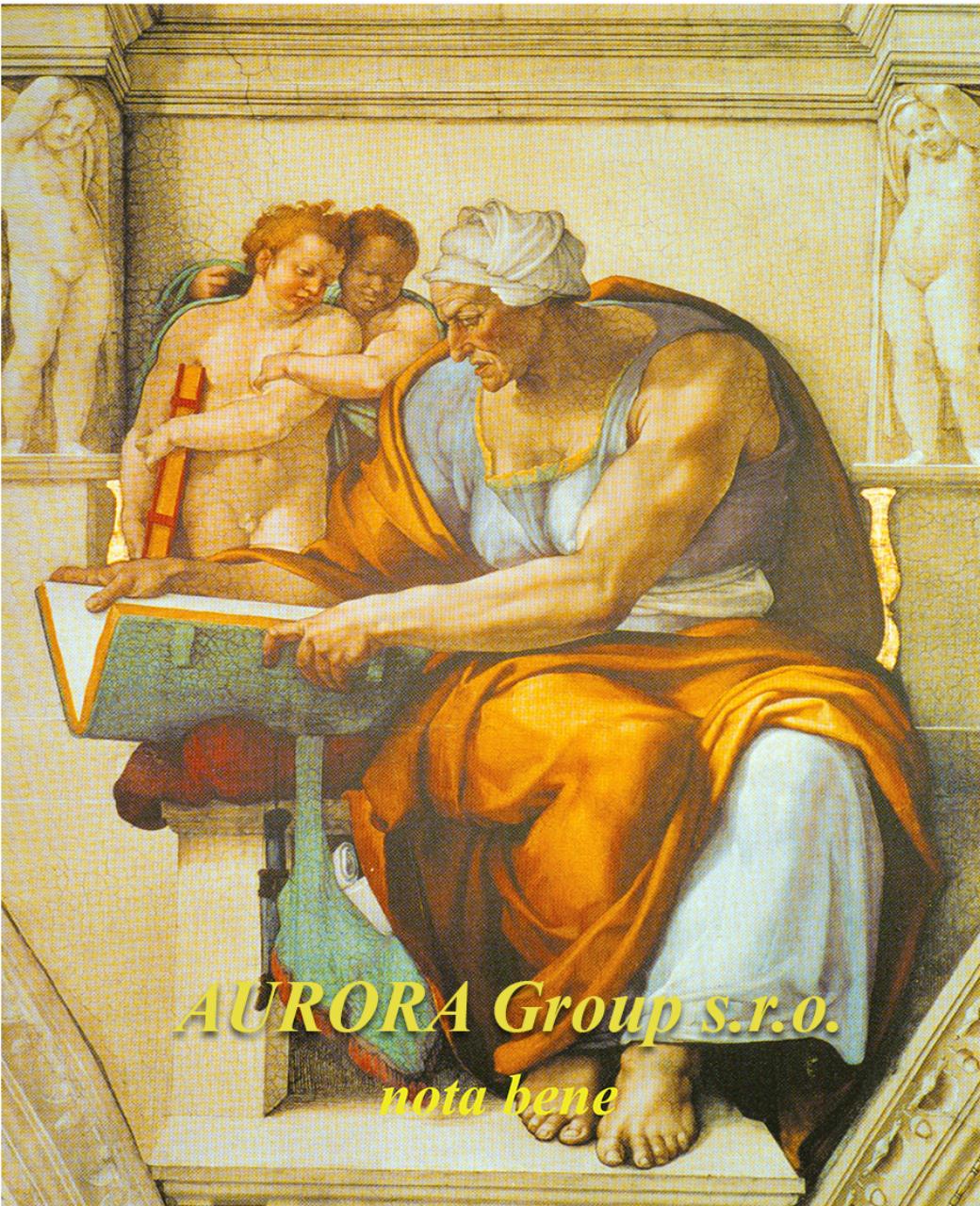

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

научные исследования

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 10-04-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук,
medieval@hist.msu.ru

ISSN: 2454-0609

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 10-04-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Karpov Sergei Pavlovich, akademik RAN, doktor istoricheskikh nauk,
medieval@hist.msu.ru

ISSN: 2454-0609

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет и редакционная коллегия

Арсентьев Николай Михайлович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Директор Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева

Безбородов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, исполняющий обязанности директора Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Борисов Николай Сергеевич, доктор исторических наук.

Бородкин Леонид Иосифович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой исторической информатики.

Ватлин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Президент исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой истории средних веков

Мироненко Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, заведующий кафедрой истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, Директор Института российской истории РАН

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Руководитель центра «История России в XIX – начале XX в.» Института российской истории РАН, директор Института общественной мысли, президент ассоциации «Российская политическая энциклопедия»

Мясников Владимир Степанович, доктор исторических наук, академик РАН, советник РАН, Член дирекции Института востоковедения РАН, член Бюро Отделения историко-филологических наук РАН

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Заведующий кафедрой регионоведения факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент Российского центра стратегических и практических исследований.

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заместитель директора Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, президент Межрегиональной общественной

организации «Общество интеллектуальной истории»

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, ординарный профессор, Директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сапрыкин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Уваров Павел Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой социальной истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Уколова Виктория Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений – Университета МИД России, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

Гайдуков Петр Григорьевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заместитель директора Института археологии РАН

Канторович Анатолий Робертович, доктор исторических наук, доцент, Заведующий кафедрой археологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Крадин Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Макаров Николай Андреевич, доктор исторических наук, академик РАН, Директор Института археологии РАН, член-корреспондент Германского археологического института и Американского археологического института

Бондаренко Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Главный научный сотрудник – заместитель директора Института Африки РАН, куратор Центра изучения стран Тропической Африки, Центра истории и культурной антропологии и Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, директор Международного центра антропологии НИУ ВШЭ, профессор Центра социальной антропологии РГГУ

Мартынова Марина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Директор Института этнологии и антропологии РАН, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН, заслуженный деятель науки РФ

Функ Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, Директор Института российской истории РАН

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Бааса,

Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

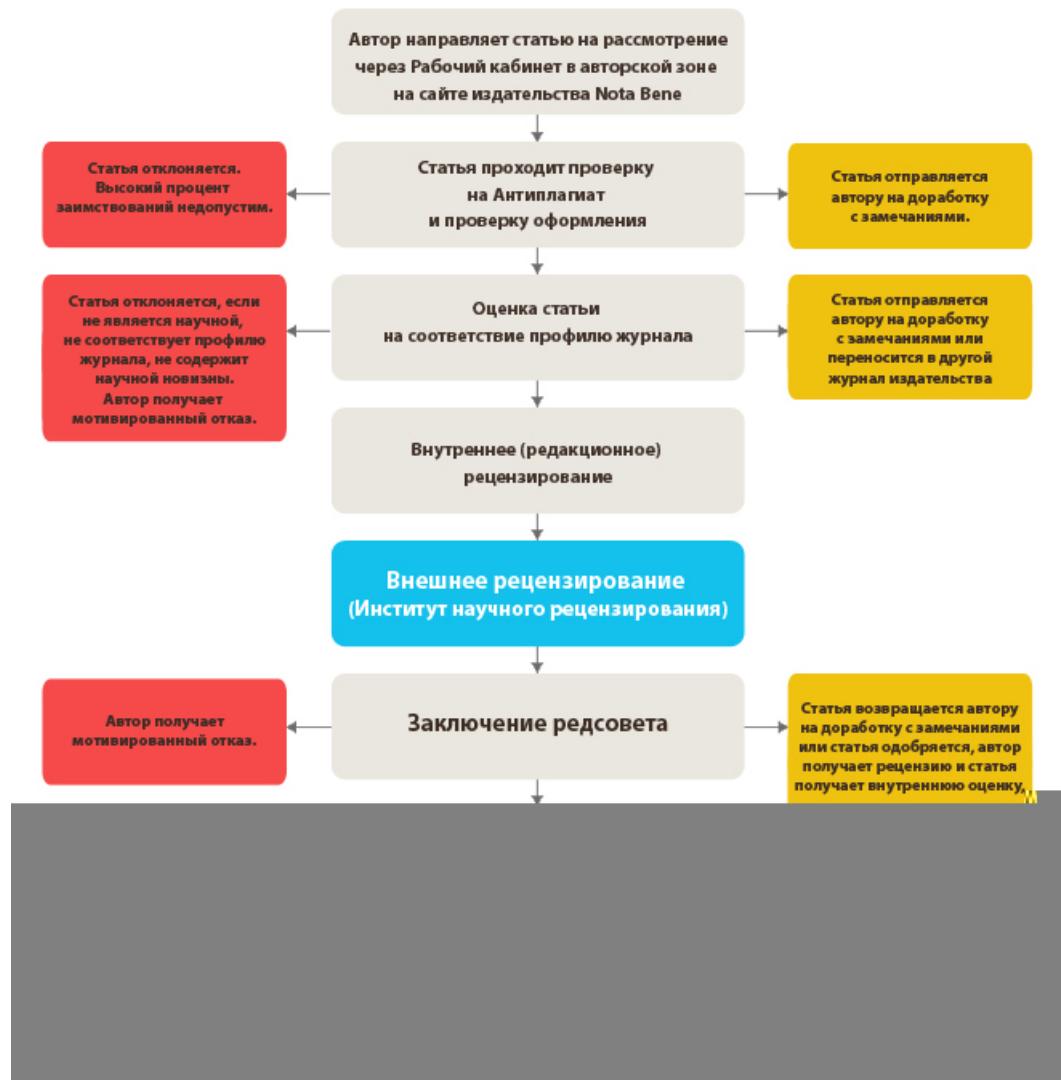
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Байдаков И.М. Особенности развития банковской системы России в 1996-1999 гг.	1
Рябова Ю.В. Трудовой контингент в Южноузбасском ИТЛ МВД СССР (1947-1953): численность, трудоиспользование, состав рабочего фонда	24
Дорджеева Е.В. А. Ф. Воейков и «Описание калмыцкого народа»	38
Кондалова Н.А. Преодоление последствий неурожаев и помощь пострадавшим от голода в Пензенской губернии в 1860-1890-е гг.	55
Орчакова Л.Г., Синин Е.Ю. Григорий Зиновьев: терзания и метания оппозиционера (1927-1934 гг.)	67
Волгина Н.Д. Обзор этнографических источников для изучения сельского хозяйства средневекового Новгорода	81
Сотников В.Е. Встречи с высшим руководством Вооруженных Сил СССР М.С.	91
Горбачева и Б.Н. Ельцина 10-11 декабря 1991 г. как переломный момент в истории Советского Союза.	
Волгин Е.И. Проблема деполитизации российской армии в условиях кризиса 1990-х гг.	102
Кирчанов М.В. Концепция «короткого XX века» как интерпретационная модель для изучения социально-политической истории Индонезии	117
Каледа Г.К. «Распутин - предатель»: формирование образа в 1914-1916 гг.	132
Гонта С.Н., Иванов Н.А. Вооруженные силы и полиция независимой Родезии (1965-1979). Часть 2: Вооруженные силы	145
Маркова Е.В. Духовная жизнь общества сквозь призму деятельности библиотек Европы на пересечении Средневековья и Нового времени	168
Сухова О.А., Иноземцев И.Н., Колпакова О.В. Русская Православная Церковь в системе социально-политического взаимодействия в годы Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области)	185
Аленичева Я.С. Дискуссия на тему советского коллаборационизма: взгляд на проблему отечественных и зарубежных историков	196
Англоязычные метаданные	206

Contents

Baydakov I. Features of the development of the Russian banking system in 1996-1999.	1
Ryabova Y.V. Labor contingent of the Southern Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs of the USSR in 1947-1953: number, employment, composition of the working fund.	24
Dordzhieva E.V. A. F. Voeykov and "Description of the Kalmyk people"	38
Kondalova N. Overcoming the consequences of crop failures and helping victims of famine in the Penza province in the 1860s-1890s.	55
Orchakova L.G., Sinin E.Y. Grigory Zinoviev: the torments and tosses of the oppositionist (1927-1934)	67
Volgina N.D. An overview of ethnographic sources for the study of agriculture in medieval Novgorod	81
Sotnikov V.E. M.S. Gorbachev and B.N. Yeltsin meetings with the top leadership of the Armed Forces of the USSR on December 10-11, 1991 as a turning point in the history of the Soviet Union	91
Volgin E.I. The problem of depoliticization of the Russian army in the crisis of the 1990s.	102
Kyrchanoff M.W. The concept of the "short 20th century" as an interpretative model for studying the socio-political history of Indonesia	117
Kaleda G.K. "Rasputin the traitor": the formation of an image in 1914-1916	132
Gonta S.N., Ivanov N.A. The Armed Forces and Police of Independent Rhodesia (1965-1979). Part 2: The Armed Forces	145
Markova E.V. The spiritual life of society through the prism of the activity of libraries in Europe at the intersection of the Middle Ages and Modern Times	168
Sukhova O.A., Inozemtsev I.N., Kolpakova O.V. The Russian Orthodox Church in the system of socio-political interaction during the Great Patriotic War (using the example of the Penza region)	185
Alenicheva I.S. Discussion about the Soviet collaboration: a View on the problem of domestic and foreign history researches	196
Metadata in english	206

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Байдаков И.М. — Особенности развития банковской системы России в 1996-1999 гг // Исторический журнал: научные исследования. – 2024. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.68997 EDN: QGVZZJ URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68997

Особенности развития банковской системы России в 1996-1999 гг

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

ИНСТИТУТ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
НАУК

Байдаков Иван Михайлович

ORCID: 0000-0003-0651-3029

Директор научно-исследовательского центра прикладной истории, научный сотрудник Лаборатории Актуальной истории, Институт Общественных Наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119192, Россия, г. Москва, ул. Мичуринский пр-т, 12к1, кв. 69

✉ Baydakovim@gmail.com

[Статья из рубрики "Экономическая история, история предпринимательства"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.68997

EDN:

QGVZZJ

Дата направления статьи в редакцию:

16-11-2023

Дата публикации:

19-01-2024

Аннотация: Данная работа посвящена кризисному четырехлетию 1996-1999 гг. в истории России и взаимосвязи с произошедшим в российской банковской системе изменениями. Автор выделяет два этапа развития отечественного банкинга:

становление в 1991-1995 гг., завершившееся выходом из августовского кризиса 1995 г., показавшего, что банковская система еще не адаптирована к требованиям рыночной действительности. Второй этап – кризисное четырехлетие 1996-1999 гг., пиком которого стали дефолт и девальвация рубля, в итоге чего основная деятельность банков повернулась от участия в спекулятивной игре к работе с реальным сектором экономики и населением. В рамках изучения второго периода автор, в том числе рассматривает вопрос антикризисных мер, принятых Правительством Российской Федерации. Автор анализирует большой пласт источников и библиографии, фактически выстраивая хронологию развития банковского сектора в России в 1996 – 1999 гг. Новизна данной работы состоит в том, что до сих пор в отечественной историографии практически отсутствуют обобщающие исторические работы об истории банковской системы России. Автор приходит к следующим ключевым выводам: в результате кризиса 1998 г., в котором произошло обрушение государственных ценных бумаг, являющихся основой как спекулятивной деятельности кредитных организаций, так и залоговым обеспечением их ресурсной базы, банковское сообщество начало в основном ориентироваться на работу с реальным сектором экономики и потребностями населения. В рассматриваемый период была проведена реформа банковской системы, включающая установление комплекса жестких банковских нормативов и отчетности, служащих повышению надежности кредитных организаций и возможностей эффективного регулирования их деятельности, и осуществлена ликвидация технического отставания Центрального банка в автоматизации контрольной и платежной сфер.

Ключевые слова:

банковская система России, становление банковской системы, кризисное четырехлетие, девальвация рубля, бюджетный кризис, ГКО-ОФЗ, Радикальные экономические реформы, экономическая политика Ельцина, дефолт в России, Экономическая история России

Введение

Социально-экономическая роль банковской системы в обществе реализуется, при всей важности регулирующей роли государства, с одной стороны, банковским сообществом – всей совокупностью людей, выполняющих свои трудовые обязанности в системе, с особым значением в ней лиц, имеющих права принимать решения и несущих за них персональную ответственность (в обиходе именуемых «банкирами»); а с другой стороны, населением, отношение которого к банковской системе является основой их взаимодействия.

У любой системы есть этапы развития. Исторические «точки» резкого изменения целеполагания и/или менталитета банковского сообщества и/либо вектора отношений общества к банковской системе предлагаем определить как границы этапов ее развития. В российском банкинге можно выделить два начальных этапа: становление в 1991-1995 гг. и кризисное четырехлетие 1996-1999 гг.

Перерегистрация к 1 января 1991 г. всех подразделений государственных спецбанков, находящихся на территории республики, в коммерческие банки с российской юрисдикцией и переподчинение Верховному Совету РСФСР республиканского Госбанка следует считать фактом рождения современной российской банковской системы. Завершился этап в конце 1995 г. после первого системного российского банковского

кризиса – августовского «черного четверга», по итогам которого и кредитные организации, и общество смогли, отказавшись от ложного постсоветского понимания банков как некой части совместно действующего общегосударственного хозяйствующего комплекса, начать адаптироваться к требованиям рыночной действительности;

Окончание второго этапа – начало восстановления в 1999 г. банковской системы после дефолта и девальвации рубля в августе 1998 г., что изменило превалирующую до того ориентацию банков на присутствие в основном в спекулятивной сфере и нацелило банковское сообщество на работу с реальным сектором экономики и потребностями населения.

Данная статья посвящена второму этапу развития российской банковской системы.

Опубликованных работ по периоду 1996-1999 гг., особенно в сфере публицистической или научно-популярной литературы, много. При этом их качество, к сожалению, не лишено влияния политических взглядов авторов из-за своего личного жизненного опыта, либо из-за отсутствия возможности абстрагироваться от своих политических предпочтений. Научные исследования также зачастую не лишены политической окраски и не вполне объективных оценок об этом прошедшем, но ближайшем к нам периоде.

Среди научных работ, с нашей точки зрения, стремящихся объективно рассматривать указанный период, основное место занимают экономические труды, среди которых следует выделить исследования «по горячим следам» как отечественных экономистов [11; 15; 23; 25; 26; 44; 51], так и зарубежных [54-56], а также результаты экономического анализа по прошествии определенного времени [21; 22; 24; 57]. Большое внимание уделили кризисному четырехлетию аналитики Института экономики переходного периода в исследованиях, возглавляемых Е. Т. Гайдаром [33-38]. Рассматривали это время и социологи [6]. Высказывали свое мнение непосредственные участники событий [1; 16; 48; 53]. Взгляд на кризисный период со стороны МВФ представил М. Гилман [9]. Данную тему в своих работах затрагивали и другие авторы: Л. И. Лопатников, Р. Г. Пихоя, Н. С. Симонов, С. Г. Синельников-Мурылев, Г. И. Ханин, А. А. Яник.

Однако следует признать, что в исследованиях этой темы еще недостаточно и специализированных исторических работ, и отсутствует историко-экономический обзор истории банковской системы России.

Последствия августовского 1995 г. системного банковского кризиса

Августовские события «черного четверга» 1995 г. – первого системного банковского кризиса, были связаны с крупнейшим сбоем на межбанковском рынке, где краткосрочное кредитование массово использовалось банками для поддержания собственной ликвидности.

Отсутствие у Центрального банка (ЦБ) оперативно действующей автоматизированной платежной системы позволяло банкам восполнять нехватку собственных средств для текущих платежей через цепочки межбанковских взаимозачетов [49]. Такая технология давала возможность банкам «не афишировать» перед ЦБ свою текущую ликвидность, что существенно осложняло оперативное вмешательство регулятора в «аварийных» случаях, причем проблемы любого из банков создавали сбои через эффект «падающего домино» по всей цепочке кредитных организаций. Этот сценарий и реализовался 24 августа 1995 г.

Он наглядно продемонстрировал обществу, что в задаче создания национальной рыночной банковской системы [4, с. 43] еще не решена проблема обеспечения ее надежности посредством активной регуляторной и контрольной работы ЦБ.

Произошедшее настоятельно требовало и ужесточения комплекса банковских нормативов, повышающих надежность и регулирующих всю деятельность кредитных организаций и действенность контроля над ними, и ликвидации технического отставания ЦБ в автоматизации и контрольной сферы, и платежной системы, и в приближении отчетности к международным стандартам.

Первый системный кризис изменил менталитет как банковского сообщества, так и населения, на практике осознавших, «благодаря» потерям денег при обрушении кредитных организаций, жесткие рыночные реалии функционирования банковского сектора [4, с. 53].

«Черный четверг» имел также и кадровое последствие: 22 октября 1995 г. Госдума не утвердила Т. В. Парамонову на должность Председателя ЦБ, год до этого исполнявшую эти обязанности. Этот пост занял С. К. Дубинин, практически не имевший до этого банкирского опыта.

Политическая ситуация и бюджетный кризис

Итоги выборов в Государственную Думу 17 декабря 1995 г., на которых победила КПРФ, выступавшая с позиций борьбы с реформами и получившая наибольшее количество голосов в Думе (157 из 450), предсказали фактическую расстановку политических сил на предстоящих президентских выборах и будущую жесткую борьбу реформаторов и антиреформаторов.

Параллельно острой политической борьбе, кризису доверия как между Парламентом и Правительством, так и общества в целом к исполнительной власти разворачивался, и в некоторой степени подпитывался ими, глубокий бюджетный кризис.

Его основой явилось хроническая недостаточность в сборе налогов в первой половине 1990-х гг., ставшая особо критичной в 1995-1997 гг. Е. Г. Ясин (министр экономики в 1994-1997 гг. и министр без портфеля в 1998 г., отвечающий за экономическую аналитику и инвестиционную политику) обозначал налоговую проблему как «самое узкое место российской экономики», называя границей бюджетного дефицита сбор налогов в 15-16% ВВП вместо, например, 10,6% ВВП в 1995 г. [53, с. 32-33, 99].

Недостаточностью доходов государства для покрытия своих расходов не исчерпывается понимание сути развернувшегося бюджетного кризиса.

Россия, выйдя из командно-плановой экономики и явившаяся в 1990-е гг. «по уровню экономического развития одной из последних в ряду демократических государств», не имела возможности «без опасного наращивания государственного долга» выполнять доставшиеся ей в наследие от советской системы социально-экономические обязательства, находящиеся «по бюджетной нагрузке на уровне США». Уровень экономического развития страны и политический режим трансформационного периода были несовместимы и с необходимым высоким уровнем налогового давления на общество, и с требуемой реструктуризацией расходов, крайне болезненной и с социальной, и политической точек зрения [24, с. 393-400]. К структурному преобразованию деятельности в рыночных условиях систем здравоохранения, образования, отказу от «валовой» социальной поддержки и переходу к адресной общество еще не было готово,

а Правительство смогло приступить к комплексному решению этих задач лишь при реализации Программы Грефа в первом десятилетии ХХI в.

Безусловно, в экспертной среде были и иные мнения по вопросу сокращения бюджетных расходов: они ведут к спаду производства, уменьшающего налоговую базу доходов бюджета, что не позволяет проводить активную политику реструктуризации экономики, а это вызывает новый виток сокращения бюджетных расходов и т. д. [\[31, с. 214\]](#).

Кроме того, постоянное противодействие мощных лоббистских группировок, связанных, в первую очередь, с военно-промышленным комплексом, сельскохозяйственной и сырьевой сферой, поддержка которых в законодательной власти, да и среди Правительства, была существенной, не содействовало созданию рациональной структуры бюджетных затрат [\[22, с. 95\]](#).

Исполнение доходной части бюджета было затруднено, с одной стороны, общим социально-экономическим состоянием общества – и низкими доходами частных лиц, в существенной степени находившихся в «серой» зоне (по мнению экспертов, во второй половине 1990-х гг. «в конвертах» выплачивалось до 60% всех заработанных в стране денег [\[18\]](#)), и проблемами производств: их малой рентабельностью и конкурентоспособностью, и процветающей системы неплатежей, немаловажным специфическим фактором возникновения которой стало накапливание итогов постсоветского управления производствами директорским корпусом [\[48, с. 152, 156\]](#), считавшего своей главной задачей выпуск и отгрузку продукции, перекладывая выручку денег за нее либо на собственников предприятия, либо на государство, либо на обслуживающий банк, получая от него кредиты (в условиях неплатежей практически невозвратных) под факт отгрузки и дебиторскую задолженность.

С другой стороны, перекосы в расходной части бюджета, связанные с поддержкой неэффективных лоббируемых отраслей, способствовали поддержанию жизнедеятельности производств, не имеющих возможности быть эффективными налогоплательщиками и для которых «неуплата налогов стала последним средством борьбы за свое выживание» [\[33, с. 3\]](#).

Кроме того, в условиях жесткой предвыборной борьбы вопрос оплаты налогов приобрел политический характер. Антиреформаторскими силами налоговые неплатежи объявлялись одним из инструментов борьбы с «национальными предателями» в лице реформаторов. Как образно обрисовал происходившее Е. Г. Ясин, «одни не платят потому, что ждут своих; другие не хотят создавать финансовую базу для коммунистов в случае их прихода к власти» (цит. по: [\[19, с. 164\]](#)).

В условиях хронической нехватки поступлений от налогов Правительство для сокращения бюджетного дефицита было вынуждено прибегать к заимствованиям.

Например, в марте 1996 г. были выпущены полностью выкупленные банками облигации государственных нерыночных займов (Пост. Правительства от 21.03.1996 № 316 (здесь и далее, если не оговорено иное, текст документа представлен в базе данных КонсультантПлюс)).

Однако главными инструментами пополнения бюджета, дававшие реальные денежные привлечения, оставались государственные краткосрочные обязательства (ГКО), введенные зимой 1993 г. (Пост. Правительства от 8.02.1993 № 107), и облигации федерального займа (ОФЗ), первый выпуск которых был осуществлен в мае 1995 г.

(Пост. Правительства от 15.05.1995 № 458). Это объяснялось в том числе тем, что большинство бюджетных поступлений (две трети к апрелю 1996 г. [\[53, с. 72\]](#), а к началу 1998 г. – почти все поступления [\[48, с. 153\]](#)) были не денежными: казначейскими налоговыми освобождениями и обязательствами, гарантиями и поручительствами Минфина по банковским кредитам на покрытие текущих бюджетных расходов.

Начавшаяся президентская избирательная кампания добавила бюджетных проблем из-за необходимости производить дополнительные затраты на исполнение предвыборных обещаний Президента, существенными из которых были выплаты задолженностей по зарплатам.

Как вспоминала Б. И. Златкис (руководитель департамента ценных бумаг и финрынка Минфина в 1993-1998 гг.), только для финансирования в ходе предвыборной кампании этих выплат в первой половине 1996 г. на 100 млрд рублей были увеличены бюджетные расходы за счет выпуска гособлигаций, усугубив «проблему ГКО» (цит. по: [\[39\]](#)).

О значительных объемах предвыборных обещаний Президента говорит то факт, что принятие весной 1997 г. новой программы Правительства было в том числе вызвано необходимостью учета их исполнения.

В апреле 1996 г. произошел резкий скачок (рост примерно в 1,76 раза) отношения государственных расходов по ГКО-ОФЗ к доходам бюджета, что было связано с одновременными и ростом социальных расходов бюджета, и снижением налоговых выплат [\[44, с. 116\]](#).

Объемы размещения ГКО постоянно возрастили: например, если задолженность государства по ценным бумагам на 1 января 1994 г. составляла 0,2% ВВП, то к 1 января 1997 г. – 12,4%, а еще через год – 18,3%. С 7 февраля 1996 г. на рынок ГКО были ограниченно допущены нерезиденты. Резко увеличился и оборот ГКО на финансовом рынке: в 1996 г. по сравнению с 1995 г., когда рынок был уже и так высок, он поднялся еще в 3 раза.

Не последнюю роль в этом сыграло введение ЦБ в апреле 1996 г. практики сделок РЕПО, при которых под залог ГКО-ОФЗ банкам выдавался краткосрочный заем, оформляемый как сделка по продаже ценных бумаг с обязательством обратного выкупа, что позволило кредитным организациям объединить решение двух ранее противоречащих друг другу задач – поддержки собственной ликвидности за счет краткосрочных заимствований и заработка на спекулятивном рынке ценных бумаг, требующих существенно более долгосрочных вложений, причем без изменений показателей нормативов, регулирующих привлечение заемных средств. Операции РЕПО открыли банкам широкие возможности не только кредитования за счет средств ЦБ, но и займа денежных ресурсов за рубежом под залог российских государственных бумаг [\[3\]](#). Это, безусловно, способствовало разрешению кризисных для банковской системы последствий августовского «черного четверга», но также стимулировало банки, «раскручивать» рынок ГКО, расширяя вложения в них, поддерживая госбюджет.

По мере повышения объемов привлечения государством средств соответственно росли и затраты на обслуживание долгов, что требовало новых и новых заимствований. Обострение бюджетного кризиса и одновременное усиление по мере приближения выборов политической борьбы привели в период с марта по июнь 1996 г. к повышению стоимости заимствований на рынке в 4-5 раз до уровня 200-250% годовых, результатом

чего стало быстрое наращивание долга по отношению к ВВП [\[11, с. 30\]](#). Как вспоминал Е. Г. Ясин, уже в августе 1996 г. «стала очевидной опасность, что ГКО превратится в финансовую пирамиду» [\[53, с. 72\]](#).

Следует отметить, что победа 16 июня 1996 г. на президентских выборах Б. Н. Ельцина снизила столь высокую доходность в 2 раза (см.: Процентные ставки в 1996 году // ЦБ РФ).

10 августа 1996 г. начало работать второе Правительство В. С. Черномырдина, активно продолжившее борьбу с бюджетным кризисом. Однако предпринимаемые меры, включая административное давление, не оказывали эффективного воздействия, и в стране сформировалась «экономика долговой необязательности», когда практически все хозяйствующие субъекты не соблюдали налоговую дисциплину и предпочитали лучше «жить взаймы» [\[52, с. 453\]](#), чем заведомо оказаться в невыгодных конкурентных условиях. Существенным ограничителем собираемости налогов явилась и высокая концентрация неплатежей, когда около 40% бюджетных недоимок приходилось на долю 102-х предприятий [\[24, с. 315, 324\]](#).

Денег в бюджете не хватало, и в августе ЦБ снял ранее существовавшие ограничения на участие нерезидентов и в торгах, и на вторичном рынке ГКО с квотой 1 млрд USD в месяц, а также репатриацию их прибыли (уже в ноябре квота была поднята в 2 раза). Подготовка к этому шагу потребовала изменения порядка определения валютного курса с целью его управляемой стабилизации: с 1 июля 1996 г. вместо четко обозначенного привязанного к курсу рубль/USD «валютного коридора», в котором ЦБ через свое участие в продаже/покупке валюты регулировал колебания ее цены, был введен изменяемый «наклонный валютный коридор», где границы валютного курса рубля корректировались ЦБ в зависимости от прогнозных оценок текущего уровня инфляции. Одновременно иностранных инвесторов с целью недопущения спекулятивных игр на курсе рубля обязали заключать в момент входа на рынок ГКО форвардные контракты на конвертацию рублей в валюту при выходе с него, чем гарантировалась фиксированная доходность, что «фактически трансформировало краткосрочные рублевые обязательства в краткосрочные валютные» [\[44, с. 119\]](#). Таким образом российская сторона брала валютные риски работы нерезидентов с ГКО на себя.

Профессиональная спекулятивная работа в цепочке «валюта-рубль-ГКО-рубль-валюта по форвардным контрактам» давала возможность зарубежным игрокам получать прибыли от 50% годовых в валюте (в личном архиве автора находятся соответствующие воспоминания участников событий).

К концу 1996 г. Правительству удалось за счет жесткого контроля за денежной массой (ее прирост составил 32,5% против 126% в 1995 г. и 200% в 1994 г.) снизить инфляцию до 21,8% по сравнению с предыдущими годами (131% в 1995 г. и 216% в 1994 г.) [\[34, с. 101\]](#), опустив ее ниже уровня, «запретительного для производственных инвестиций» [\[24, с. 308\]](#), что давало шанс привлечения ресурсов в сектор реальной экономики.

В марте 1997 г. происходят изменения в составе Правительства, сформированного уже не на основе политической коалиции, а на принципе «правительства команды», нацеленной на обеспечение выхода на устойчивый социально-экономический рост. Ключевые посты в нем вместе с В. С. Черномырдиным заняли А. Б. Чубайс и Б. Н. Немцов. Отсутствовали в новом составе Кабинета и представители «красных директоров», в чем не последнюю роль сыграла ликвидация в новой правительственный

структуре отраслевых министерств.

Одной из первых мер нового состава Правительства стало первое с 1991 г. прямое вмешательство исполнительной власти в хозяйственную деятельность естественных монополий в области ценообразования (Указ Президента от 28.04.1997 № 426), что в некоторой степени послужило снижению объемов неплатежей между предприятиями, а следовательно, и в бюджетной сфере.

Совершенствование регулирования и технологичности банковской системы

Неустойчивое положение банковской системы страны, что показал кризис августа 1995 г., и продолжающееся и поощряемое Правительством с целью снижения дефицита бюджета расширение участия банков в спекулятивных операциях с ГКО-ОФЗ (основными их держателями были банки – 64,4% [\[45, с. 49\]](#)), требовало от ЦБ принятия предупреждающих мер.

1 октября 1997 г. ЦБ ввел в действие новую редакцию регулирующей всю деятельность кредитных организаций Инструкции № 1, в которой в целях повышения надежности банковской системы и установления более действенного контроля над ней был существенно ужесточен пакет банковских нормативов. Вместо 8 ранее действующих, из которых 3 были рекомендательными и использовались лишь для «аналитической работы учреждений ЦБ» (Инструкт. ЦБ от 5.05.1991 в ред. изм. от 17.03.93, 28.05.93, 07.07.93, 02.07.93 № 1), были введены 19 обязательных к исполнению нормативов (Инструкт. ЦБ от 1.10.1997 № 1), давших «в руки» ЦБ жесткие рычаги регулирования деятельности кредитных организаций. Одновременно была принята Инструкция, регулирующая банковскую отчетность с целью внедрения международных стандартов учета и формирующую у ЦБ аналитическую базу данных по оценке финансового состояния банков в разрезе показателей их ликвидности, платежеспособности и доходности (Инструкт. ЦБ от 1.10.1997 № 17). Все это совместно с ранее предпринятыми шагами по внедрению жестких мер воздействия на кредитные организации (Инструкт. ЦБ от 31.03.1997 № 59 и от 11.09.1997 № 65) создало, в отличие от предыдущего периода с весьма мягким контролем и суженными возможностями оперативного влияния со стороны ЦБ, эффективно действующий комплекс инструментов пруденциального регулирования и надзора за деятельностью российской банковской системы.

Был увеличен и размер уставного капитала для создаваемых банков: 22 октября 1997 г. он был установлен в сумме эквивалентной 100 тыс. евро (Телегр. ЦБ от 22.10.1997 № 1-У), а с 1 января 1998 г. (после деноминации) ЦБ отказался от практики приравнивания уставного капитала к зарубежным валютам и определил его размер в 33 млн рублей для банков с генеральной лицензией и 26,4 млн рублей – для остальных (Указан. ЦБ от 5.01.1998 № 129-У).

Важнейшим событием развития банковской системы страны стало внедрение ЦБ в феврале 1997 г. в московском регионе, сосредоточившем в себе наибольшее количество банков, системы автоматизированных расчетов, построенной по многорейсовому принципу (Положение ЦБ от 24.02.1997 № 416) с несколькими пакетами платежей за день, используемому до настоящего времени. ИО руководителя ЦБ Т. В. Парамонова еще в 1995 г. публично анонсировала разработку этой системы [\[5\]](#).

К концу же 1998 г. ЦБ завершил построение общероссийской двухуровневой платежной системы, архитектура которой основана на принципе расчетов «каждый с каждым» на внутрирегиональном и межрегиональном уровне [\[40, с. 481\]](#).

4 августа 1997 г. была проведена деноминация рубля с коэффициентом 1000:1, что стало возможным благодаря снижению и стабилизации инфляции. Обмен старых денежных знаков на новые «без трех нулей» начался 1 января 1999 г. и продолжался в течение 4-х лет. Были заменены и монеты, в том числе введены и копейки. Итогом проведенной деноминации было упрощение расчетов наличными деньгами и уменьшение их номинального количества, существенно облегчился бухгалтерский учет, что положительно сказалось и на снижении объемов работы кредитных организаций в кассовой сфере и отчетности.

В конце августа 1997 г. для улучшения качества банковской деятельности в каждой кредитной организации была введена система внутреннего контроля – комплекс мер наблюдения за исполнением законов и нормативов, достоверности отчетности, достижения эффективности, включающая персональную ответственность специально выделенных специалистов и руководителей (Положение ЦБ от 28.08.97 № 509).

Углубление кризисной ситуации

К осени 1997 г. при устойчивом росте к концу года стоимости долгового обслуживания снизились темпы роста государственного долга: к октябрю за прошедшие 8 месяцев объемы ГКО-ОФЗ выросли лишь на 4,3% (с 15,8% до 16,5% ВВП) [\[11, с. 38\]](#), всего за весь год долг по ГКО-ОФЗ увеличился примерно в 1,5 раза, объем их размещения составил 438,4 трлн рублей [\[37, с. 40, 43\]](#). Некоторая экономическая и политическая стабилизация позволила Президенту и Правительству ставить задачи экономического роста через привлечение инвестиций, изменение промышленной политики в целях подъема конкурентоспособности производств [\[12\]](#).

Международный финансовый кризис, разразившийся в середине лета 1997 г. на развивающихся рынках, изменил всю ситуацию. Как отмечалось в отчете Минфина, в России начался ставший массовым в первой половине 1998 г. отток иностранных капиталов (Об итогах работы Министерства финансов РФ в 1998 году // Минфин. 1999. 12 апреля).

Ситуацию существенно усугубило, писал заместитель председателя ЦБ в 1998-2013 гг. О. В. Можайсков, падение мировых цен на углеводороды – основной статье российского экспорта [\[27\]](#).

В последние месяцы 1997 г. резко снизилось отношение поступлений в бюджет от реализации ГКО-ОФЗ к приросту облигационного долга (показатель бюджетной эффективности), его значение (-13%) стало отрицательным [\[45, с. 48\]](#).

Начался вывод средств иностранными держателями ГКО-ОФЗ, что привело за ноябрь-декабрь 1997 г. к двукратному повышению доходности их размещения при росте оборота на вторичном рынке до 30% [\[50, с. 47\]](#), а также к «перегреву» валютного рынка, связанному с объемными «сбросами» нерезидентами рублей.

Стабилизируя ситуацию, ЦБ был вынужден проводить интервенции на валютном рынке, достигающие 3,5 млрд USD, а также 10 ноября поднял в 1,5 раза (с 6% до 9%) банковский норматив обязательного резервирования пассивов в иностранной валюте [\[1, с. 118\]](#). В этот же день Правительство и ЦБ опубликовали заявление с намерением проводить на валютном рынке такую политику, которая обеспечит в 1998-2000 гг. курс на уровне 6,2 рубль/USD с допуском максимального отклонения не выше 15%

(Заявление Правительства и ЦБ РФ «О политике валютного курса» от 10.11.1997).

Стремясь к удержанию низких ставок на рынке ГКО-ОФЗ, ЦБ в ноябре также резко увеличил принадлежащий ему пакет этих бумаг. В итоге лишь за один месяц валютные резервы ЦБ сократились на 26,6%. В декабре ЦБ отказался от этой политики, в результате чего резко поднялась до 40% доходность госбумаг к погашению [\[11, с. 38\]](#). Впоследствии все эти шаги были признаны рядом экспертов ошибочными [\[37, с. 9-10\]](#).

Продолжающийся в России бюджетный кризис заставлял Правительство при бегстве с рынка нерезидентов осуществлять новые выпуски краткосрочных обязательств. Так, доля ГКО, выпущенных с января по август 1998 г., составила в общем портфеле 74,4% [\[44, с. 119\]](#).

Ю. М. Лужков (в тот период мэр Москвы) утверждал, что государство своим прямым диктатом вменяло банкам в обязанность покупать ГКО, «мало того, фондам медицинского страхования, пенсионному – тоже, страховым компаниям – тоже» [\[20, с. 47\]](#).

8 февраля 1998 г. состоялось совещание ЦБ с 20-ю ведущими банкирами страны по вопросу накапливающейся проблемы государственного долга, на котором по результатам анализа динамики погашения ГКО банкирами был сделан вывод о предстоящей в сентябре опасности дефолта и предложена во избежание кризиса девальвация рубля до курса 9 рубль/USD [\[16, с. 525\]](#). ЦБ и Минфин отказались от этого пути, считая, по объяснению С. К. Дубинина, что это «поставит крест» на российской банковской системе, важнейшую роль в которой играли банки, закредитованные у нерезидентов (цит. по: [\[28\]](#)).

В марте скачок государственного долга по сравнению с февралем был более чем двукратен, а с апреля новые привлечения средств, отмечал ЦБ, уже не могли покрыть объем государственных обязательств «даже для рефинансирования долга» [\[46, с. 41, 42\]](#). Попытки увеличить суммы размещений приводили лишь к росту доходности новых выпусков, «еще более сокращая объемы заимствований» [\[11, с. 41\]](#), и Минфин был вынужден на очередных аукционах ГКО вместо рефинансирования «старых обязательств погашать часть их из бюджета в ущерб запланированным ассигнованиям на самое необходимое» [\[53, с. 75\]](#).

Новое Правительство

23 марта 1998 г. Кабинет В. С. Черномырдина уходит в отставку, причем ряд членов Правительства, например, министр внешнеэкономических связей и торговли М. Е. Фрадков и министр без портфеля, отвечающий в том числе за экономическое прогнозирование и инвестиционную политику, Е. Г. Ясин, продолжили исполнение своих обязанностей и в следующем Кабинете.

Утверждение нового премьера С. В. Кириенко растянулось на месяц и произошло 24 апреля 1998 г. на третьем голосовании в Госдуме при угрозе ее распуска.

30 апреля была утверждена новая структура Правительства, существенно сократившая число членов: отсутствовали посты первых заместителей Премьера, а число заместителей уменьшилось до трех с более, чем десятка.

Перед новым Кабинетом, при официально озвученной Президентом задаче экономического роста, всталась первоочередная проблема снижения остроты бюджетного

кризиса и недопущения дефолта государственного долга.

Попытка в мае 1998 г. пополнения бюджета примерно на 2 млрд USD посредством продажи 75% акций АО «Роснефть» окончилась неудачей из-за резкого падения стоимости акций в ходе финансового кризиса.

ЦБ отмечал, что в первой половине 1998 г. в доходах бюджета преобладали средства, полученные от реализации государственных ценных бумаг [\[46, с. 41\]](#).

7 мая на заседании Правительства Председатель ЦБ С. К. Дубинин заявил о катастрофическом нарастании госдолга и угрозе кризиса национальной финансовой системы (цит. по: [\[29\]](#)). Следует отметить, что при резком росте государственного внутреннего долга за 1997 г. и первую половину 1998 г. (с 365,5 трлн неденоминированных рублей до 607 млрд рублей), прямой долг государства ЦБ, по данным Института Гайдара, с 1 января 1998 г. был обнулен [\[36, с. 29\]](#).

В мае Правительство в высоком темпе предпринимает шаги по снижению остроты бюджетного кризиса (напр.: Пост. Правительства от 12.05.1998 № 438, Указ Президента от 14.05.1998 № 554). Была принята программа деятельности Правительства по обеспечению экономии государственных расходов (Основные направления деятельности Правительства РФ по обеспечению экономии государственных расходов (Утв. Указом Президента от 26.05.1998 № 597)), был назначен новый руководитель налоговой службы России Б. Г. Федоров, который инициировал внесение 24 июня в Госдуму (отклоненного в июле) пакета законопроектов, касающегося налога на прибыль хозяйствующих субъектов, налога с продаж по ставке 5%, единого налога на вмененный доход и НДС.

Велась работа и по привлечению внешних средств. Россия начала размещать еврооблигации: 10 июня 1998 г. – пятилетние на сумму 1,25 млрд USD, а 24 июня – на 2,5 млрд USD. Это давало Правительству надежду, что в случае замещения краткосрочных ГКО-ОФЗ еврооблигациями с более длинным сроком удастся снизить как стоимость обслуживания госдолга, так и отношение расходов по нему к доходам бюджета [\[44, с. 118\]](#).

Проходили успешные переговоры с МВФ по выделению финансовой помощи, которые с российской стороны возглавил назначенный 17 июня спецпредставителем Президента А. Б. Чубайс. Важную роль в переговорах сыграл А. Л. Курдин, явившийся в тот момент управляющим в МВФ от России [\[8\]](#). 20 июля 1998 г. Совет директоров МВФ принял решение о предоставлении России кредита в размере 11,2 млрд USD. В этот же день Правительство и ЦБ объявили о согласованной политике экономической и финансовой стабилизации (см.: Пост. Правительства от 20.06.1998 № 85). 24 июля поступил первый (ставший и последним) транш кредита МВФ в объеме 4,8 млрд USD, а 7 августа – 0,3 млрд USD от Всемирного банка.

Н. С. Симонов, ссылаясь на опубликованный 30 сентября 1998 г. отчет МВФ, утверждает, что большая часть этого кредита ушла на конвертацию в июле 1998 г. рублевых средств Сбербанка, которым было принято решение «не продлевать свой значительный портфель казначейских облигаций, срок оплаты которых приходился на последние две недели июля, вынудив тем самым Правительство брать в долг под сравнительно высокие проценты для его обслуживания и подорвав уверенность других инвесторов в том, что Правительство сможет осуществить продление своего долга в будущем [цитата из отчета МВФ – И. Б.]» [\[41, с. 535-536\]](#).

Зарубежные исследователи высказались более осторожно: по их мнению, в течение второй половины июля и первых недель августа ЦБ потерял 10,5 млрд USD, что намного превышало транши, полученные от МВФ и Всемирного банка [\[56, с. 11\]](#).

М. Гилман, работавший в 1996-2002 гг. представителем МВФ в России, утверждал, что ни МВФ, ни даже Правительство не ожидали от Сбербанка, являвшегося дочерним банком ЦБ, этого погашения на сумму 12,4 млрд рублей, и резонанс на рынке вынудил Минфин отменить все, начиная с 28 июля, первичные аукционы ГКО [\[9, с. 270\]](#).

Кризисный момент

Июльские итоги работы Правительства по долгам «оказались катастрофическими»: было размещено ГКО-ОФЗ на сумму лишь 13,8 млрд рублей при том, что в целом на выплаты по госдолгу требовалось 38,8 млрд рублей [\[9, с. 270\]](#), т. е. перефинансировать долги за счет новых заимствований стало более невозможно и, как вспоминал Е. Г. Ясин, «было ясно, что дальше удерживать ситуацию бессмысленно» [\[53, с. 76, 77\]](#). 25 июля ушли в отставку министры – члены предыдущего Кабинета Черномырдина, до этого момента продолжавшие исполнять свои обязанности и в Правительстве Кириенко (Указ Президента от 25 июля 1998 № 888).

В первых числах августа в связи со снижением котировок государственных ценных бумаг, являющихся залогами международных кредитов российским банкам, возникли дополнительные требования по увеличению их обеспечения (margin call), причем уровень задолженности российских банков перед банками-нерезидентами составлял около 10% их пассивов [\[46, с. 96\]](#). Все это потребовало массового «сброса» банковских портфелей ценных бумаг и конвертации находящихся на счетах рублей в валюту, что привело к финансовому «взрыву» на рынке, проблемам с ликвидностью и платежеспособностью кредитных организаций.

Общий настрой инвесторов заключался в том, чтобы «быть первым, когда все побегут на выход» [\[9, с. 272\]](#).

А. Б. Чубайс в одном из своих интервью приводил содержание «ключевого» совещания у С. В. Кириенко (основными участниками которого, по воспоминаниям О. Г. Дмитриевой, в 1998 г. министра труда и социальной политики, были «Кириенко, Дубинин, Алексашенко, Чубайс и еще кто-то» (цит. по: [\[17\]](#))): «Ухудшение ситуации в течение всей недели и резкий срыв в пятницу [14 августа 1998 г. – И. Б.]: 1. Пробита верхняя граница коридора [рубль/USD – И. Б.], установленная на 3 года! 2. Не выплачен margin call... 3. Замедление платежей в банковской системе начинает перерастать в их полную остановку. Резко падает поступление налогов в бюджет... 4. Сокращение резервов ЦБ – в течение недели израсходовано около 1,5 млрд USD, причем только за пятницу [14 августа – И. Б.] израсходован 1 млрд USD» (цит. по: [\[2\]](#)).

17 августа 1998 г. Правительство и ЦБ объявили (Заявление Правительства и ЦБ РФ «Об изменении курсовой политики» от 17.08.1998; Заявление Правительства и ЦБ РФ «О политике валютного курса» от 17.08.1998) о расширении границ «валютного коридора» до уровня 9,5 рубль/USD, трехмесячном моратории на обслуживание внешних долгов хозяйствующих субъектов, включая выплаты нерезидентам по возврату кредитов и страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг, и, главное, отказе от обслуживания ГКО, объем которых в тот момент составлял около 217 млрд рублей, т. е. более 34 млрд USD. Правительство отказалось от выплат и по внутреннему

долгу: номинированные в рублях ГКО-ОФЗ со сроками погашения до конца года переоформлялись в новые ОФЗ с фиксированным купонным доходом, причем курсовой рублевый риск возлагался на владельцев бумаг (Пост. Правительства от 17 августа 1998 г. № 980).

Также Совет директоров ЦБ приостановил на три месяца операции по выплатам нерезидентам долгов по кредитам со сроком более 180 дней, сделкам РЕПО, срочным валютным контрактам и вкладам (Решение Совета директоров ЦБ РФ «Об обеспечении экономической стабильности и устойчивости финансовой системы в Российской Федерации» от 17.08.1998; Указание ЦБ от 04.09.1998 № 344-У).

Общая сумма замороженного внутреннего долга России составила 265,3 млрд рублей (42,2 млрд USD по курсу на 14 августа 1998 г.). В обращении остались ОФЗ на сумму около 75 млрд рублей со сроками погашения, превышающих 1999 г. [\[24, с. 414\]](#).

Курс рубль/USD начал резкое повышение: уже в конце августа в 1,45 раз, а через неделю – еще в 2,23 раза (Архив курсов валют ЦБ РФ). За сентябрь 1998 г. потребительские цены подскочили на 38,4%.

Как вспоминали участники событий, население «встало в очередях в различные банки и пункты обмена валют, чтобы, спасая свои деньги, обменять [рублы – И. Б.] на доллары или вывести [денежные средства – И. Б.] по максимуму из банков» (цит. по: [\[43\]](#)). В итоге отток вкладов населения из банковской системы «на домашнее хранение» составил 55,2% в валюте и 7,4% в рублях (при этом еще более 40% рублевых депозитов вкладчики перенесли из коммерческих банков в Сбербанк) [\[46, с. 98\]](#).

По оценкам социологов, пик кризиса – дефолт, стал «бифуркационной точкой» [\[6, с. 23\]](#), в которой большинство общества ощутило потерю опоры и доверия к государственным институтам.

Возникшую панику было необходимо, как вспоминал А. Б. Чубайс, «ввести в некоторые контролируемые рамки» (цит. по: [\[2\]](#)), и 21 августа 1998 г. ЦБ предложил банкам посредством заключения соглашений со Сбербанком, обеспечит «каждому вкладчику 100%-ные гарантии государства» (Заявление ЦБ РФ «Гарантия – на личные вклады» // Российская газета. 1998. 21 августа. № 2027).

21 августа Госдума принимает постановление, призывающее Президента уйти со своего поста (Пост. Госдумы от 21.08.1998 № 2896-II ГД). 23 августа Б. Н. Ельцин отправляет Кабинет Кириенко в отставку и назначает ИО премьер-министра В. С. Черномырдина. «Менеджерское, технократическое» Правительство, как назвал его Ельцин [\[13, с. 313\]](#), сыграло свою историческую роль, принимая жесткие решения для недопущения девальвации рубля и дефолта и из-за неудачи в этом взял на себя ответственность за тяжелое политическое решение.

26 августа ЦБ, стремясь сохранить резко сократившиеся валютные резервы и не имея возможности поддержки рубля, остановил на неопределенный срок биржевые операции (Указан. ЦБ от 26.08.1998 № 328-У).

За сентябрь однодневная ставка межбанковского кредитования достигла 450% годовых, что практически означало остановку банковских операций по поддержанию ликвидности кредитных организаций, причем в «центре кризиса платежной системы, будучи не в состоянии выполнять обязательства перед клиентами», оказались крупнейшие банки, чьи

отношения обязательств до востребования к ликвидным активам «уже на 1 августа 1998 г. приближались к 500%» [\[25, с. 13-14\]](#). Российская банковская система вошла в масштабный кризис.

Дефолт в определенной степени снизил проблему государственного долга, реструктуризация которого составила 80,5% затрат по его обслуживанию [\[46, с. 41\]](#), позволив вице-премьеру и министру финансов Канады К. Фрилэнд позже назвать произошедшее «самой выгодной сделкой века для России» (цит. по: [\[9, с. 17\]](#)).

Кризис поставил вопрос о создании государственной системы гарантирования населению банковских вкладов [\[25, с. 106-109\]](#).

Сжатие рынка ценных бумаг развернуло российские банки от доминирующего участия в спекулятивной деятельности к работе с реальным сектором экономики.

Финансовые потери также нанесли существенный урон олигархическим промышленно-финансовым группам, снизив их возможности влияния в экономике и политике [\[24, с. 424\]](#). Но следует отметить, что собственники некоторых из крупнейших рухнувших банков, входящих в эти группы, например, ОНЭКСИМ-банка, Менатепа, СБС-Агро перевели бизнесы в другие принадлежащие им кредитные организации [\[29\]](#).

Отрицательные социально-экономические последствия кризиса были значительны. Снизился ВВП страны на 4,9%, инфляция к концу года составила 84,4%, падение промышленного производства – 5,2%, валютный курс вырос до 20,62 рубль/USD [\[38, с. 10\]](#); только к концу 1998 г. рухнули 77 банков (Прекратившие существование кредитные организации // banki.ru), совокупный капитал банковской системы страны в валютном эквиваленте уменьшился в 5,6 раз и по объему на 1 января 1998 г. (119,2 млрд рублей) был равен сумме замороженных дефолтом ГКО-ОФЗ (119,6 млрд рублей) [\[46, с. 96\]](#); произошел обвал как межбанковского, так и российского фондового рынков – индекс РТС/RTSI по отношению к началу октября 1997 г. рухнул на 90% [\[24, с. 423\]](#); упало доверие как внутри страны, так и во вне к руководящим структурам государства; резко сократился объем налоговых поступлений: только в Москве в последние две недели августа 1998 г. он уменьшился против первой половины месяца почти в 3 раза (а в сравнении с августом 1997 г. – на 60%) [\[20, с. 46\]](#); закрылись возможности финансирования дефицита госбюджета за счет заимствований; 38,2% населения страны оказались за чертой бедности [\[42\]](#); произошло общее усиление социально-экономического недовольства общества: Левада-центр зафиксировал к январю 1999 г. самый низкий с 1995 г. уровень индекса социальных настроений [\[7, с. 233-234\]](#). Причем наибольшие потери и в сбережениях, и в сжатии возможностей для деятельности понесли люди, уже ранее успешно адаптировавшиеся к рыночных отношениям, так как именно они в предыдущие годы реформ либо были трудоустроены, а кризис, если даже они не потеряли работу, обесценил их рублевые заработные платы, либо владели рухнувшими в кризис малыми и средними бизнесами, находившимися, главным образом, в рублевой зоне экономики и являвшимися источниками личных средств, обеспечивающих социальный уровень владельцев.

Банки после пика кризиса

Тактика поведения российских банков в первые недели после кризиса зависела от трех взаимосвязанных факторов: степени «погруженности» кредитной организации в

государственные ценные бумаги в момент дефолта, соотношения ее рублевых и валютных пассивов/активов и нарушений (вплоть до полной остановки) клиентских платежей, при том, что проблемы банка создавали проблемы его клиентам и наоборот – «обвал» каждого из клиентов лишал банк пассивов, столь необходимых в кризисный момент.

Поэтому банки, насколько они имели возможности, сосредотачивались на клиентском бизнесе, проявляя здесь изобретательность: от применения чисто банковских инструментов, например, предоставления овердрафтов под залоги кредитовой и дебетовой задолженостей, продажи и учета с дисконтом своих векселей для взаиморасчетов дебитор/кредитор и до создания неформальных советов при правлении из наиболее значимых клиентов для регулирования размеров и последовательности ежедневных клиентских платежей с целью недопущения возникновения у банка так называемой «300-ой формы» – отчетности о невозможности провести клиентские платежи из-за недостатка средств на корреспондентском счете (в личном архиве автора находятся соответствующие воспоминания участников событий).

В крайне критичной ситуации оказались банки, разместившие валютные облигации. В итоге произошедшего из шести докризисных эмитентов выжили только двое – «Внешторгбанк» и «Альфа-банк».

Возможность последнего продолжать обслуживать свои обязательства можно связать с двумя причинами: объединения банка за месяц до острой фазы кризиса с группой инвестиционных компаний «Альфа-групп», управляющих к тому моменту уже значительными фондами, что дало возможность уже в первые кризисные дни показать себя финансово состоятельным, и, как следствие этого, резким увеличением клиентской базы начиная с первых же дней дефолта – только за сентябрь 1998 г. число открытых счетов в нем увеличилось в четыре раза (История «Альфа-банка» // Альфа-банк).

Проведенный «по горячим следам» Г. Ю. Трофимовым анализ того, был ли российский государственный долг осознанной «финансовой пирамидой» и, если «да», то с какого момента, убедительно показал, что:

- нельзя говорить о том, что российские власти сознательно раскручивали реализацию схемы «финансовой пирамиды» на макроуровне;
- выпуск краткосрочных валютных обязательств являлся самой невыгодной и самой рискованной стратегией управления государственным долгом;
- подобные упущения власти вполне объяснимы ввиду отсутствия целенаправленной политики по управлению государственным долгом;
- с первыми проявлениями кризиса в конце 1997 г. стратегия принятия валютных рисков государством на себя уже могла превратить долговую политику в построение «пирамиды» с увеличивающимися ставками и степенью риска [\[44, с. 115, 118, 119\]](#).

О губительном принятии государством валютных рисков на себя посредством «валютного коридора» и «поощрения фактически неограниченных заимствований за рубежом» писал в своем исследовании А. Н. Илларионов [\[15, с. 46-47\]](#).

Действия по преодолению последствий кризиса

Несмотря на плотное взаимодействие В. С. Черномырдина с основными политическими силами, совместным заявлением с Палатами Федерального Собрания о сложившейся в

стране ситуации и путях дальнейшего социально-экономического развития (Заявление трехсторонней комиссии палат Федерального Собрания и Правительства РФ «Об основных направлениях социально-экономического развития Российской Федерации» // Совет Федерации РФ. 1998. 2 сентября), Госдума по итогам жестких дебатов [14, с. 168-180] дважды не утвердила его кандидатуру на пост Председателя Правительства, и 11 сентября 1998 г. по предложению Г. А. Явлинского Совет Министров возглавил Е. М. Примаков – по оценке автора идеи, «ответственная фигура для подготовки наиболее важных решений... человек диалога... [который – И. Б.] сможет породить доверие у граждан России» [10].

В. В. Геращенко в тот же день вновь стал Председателем ЦБ. В структуре Правительства был восстановлен ряд министерств и ведомств, отсутствующих в Кабинете Кириенко.

Первыми действиями нового руководства ЦБ стали мероприятия по облегчению ситуации с остановкой платежей в банковской системе, для чего в пяти крупнейших регионах страны были проведены взаимозачеты (Указан. ЦБ от 17.09.1998 № 351-У и от 18.09.1998 № 353-1У). Так, например в Москве, дебиторская задолженность хозяйствующих субъектов составляла 170 млрд рублей, а кредиторская – 194 млрд рублей [20, с. 46].

ЦБ вновь по прошествии почти 7 лет после начала в стране реформ пришлось вернуться к вопросу ограничения платежей наличными деньгами между юридическими лицами (Указан. ЦБ от 7.10.98 № 375-У).

Остановка платежей была настолько катастрофична, что власти Москвы, наиболее крупного конгломерата банков, совместно с Отделением экономики РАН, руководимым академиком Д. С. Львовым, срочно 24 сентября организовали конференцию «Разрешение проблемы неплатежей в интересах российского народа», где обсуждались аспекты выхода из кризиса и дальнейшего развития России, ставшие публично представленной программой смены социально-экономического курса [30], в основу которого была положена дирижистская модель управления экономикой, не подразумевающая сдерживание инфляции. Одновременно об альтернативной стабилизационной программе заявила группа экономистов-либералов во главе с Е. Т. Гайдаром (в программе «Время» Центрального телевидения 1 октября 1998 г. [24, с. 427]).

Следует отметить, что Правительство Примакова, в своей деятельности, принимая в основном либеральные решения, демонстрировало баланс между этими политиками.

24 сентября 1998 г. В. В. Геращенко опубликовал видение ЦБ на происходящее, прогноз и программу восстановления банковской системы страны.

Наиболее опасным развитием событий ЦБ видел в продолжении падения рубля до уровня 30 рубль/USD и более, что могло создать «угрозу возврата к интенсивной инфляции... а также подрыву доверия к рублю и закреплению сверхдоходов тех, кто накапливал валютные средства, фактически работая против национальной валюты».

ЦБ планировал свою деятельность по двум блокам: «глубокой реструктуризации банковской системы и сдерживанию девальвации рубля» и «неинфляционному развитию финансовой системы страны, направленному на запуск финансовых рынков и переориентацию банковской системы с операций с государственным долгом на активизацию работы с реальным сектором экономики и населением». В каждом из блоков была предложена конкретная программа действий.

Было особо подчеркнуто, что «идя на ограниченную эмиссию с целью финансирования критических нужд бюджетной системы и преодоления платежного кризиса, ЦБ не может поддержать идеи эмиссионного решения всех проблем бюджетной и банковской системы...[что – И. Б.] способно вместо решения проблемы лишь окончательно развалить финансовую систему страны» [\[32\]](#).

Следует отметить, что ЦБ еще до обнародования своей позиции начал реализацию изложенной программы: прекратилось списание с банков задолженностей по операциям РЕПО, уже были предоставлены крупнейшим банкам кредиты на сумму 10,6 млрд рублей, был существенно смягчен ряд обязательных банковских нормативов, в федеральное казначейство на обслуживание было уже переведено 69,3% от общего количества бюджетных учреждений и организаций [\[32\]](#).

С сентября 1998 г. были возобновлены биржевые валютные торги с использованием Системы электронных лотовых торгов, и в декабре их объем составил 3,9 млрд. USD при 226 банках-участниках (в начале 1998 г. из было только 67) [\[46, с. 68\]](#).

Стремясь оперативно создать надежную систему гарантирования вкладов населения посредством заключения банками специальных соглашений со Сбербанком, ЦБ, в дополнение к передаче из своих активов Сбербанку государственных ценных бумаг на сумму принятым им обязательств по вкладам (Решение Совета Директоров ЦБ РФ «О мерах по защите вкладов населения в банках» от 1.09.1998), принял решение передать ему также и обязательные резервы заключивших соглашения банков (Указан. ЦБ от 27.11.98 № 426-У), в которых создавались специальные наблюдательные советы и комиссии по жалобам вкладчиков (Указан. ЦБ от 22.09.98 № 356-У).

Учитывая накопление в банках текущих проблем, связанных с ликвидностью, просрочками, невозвратами клиентских кредитов и сбоям в межбанковском взаимодействии, недостаточностью капитала, многочисленными нарушениями обязательных нормативов, ЦБ предпринял целый ряд шагов по смягчению ситуации: ввел практику предельных нормативов, предоставляющих кредитной организации «временной лаг» для исправления (Указан. ЦБ от 30.10.98 и ред. от 04.02.1999 № 393-У), изменил величины обязательных резервов (Указан. ЦБ от 17.11.98 № 414-У), в том числе создаваемых в связи с обесцениванием ценных бумаг (Телегр. ЦБ от 05.03.99 № 84-Т), регулировал исполнение взаимных обязательств между банками (Указан. ЦБ от 12.10.98 № 380-У).

Действия ЦБ по установлению банкам лимитов разрывов между валютными обязательствами и требованиями («открытой валютной позиции») и повышенных резервов по валютным депозитам (Указан. ЦБ от 17.09.1998 № 350-У и от 30.10.98 № 395-У), позволили к концу 1998 г. накопить на корреспондентских счетах в ЦБ весьма значительные объемы рублевых средств [\[38, с. 30\]](#), что предоставило регулятору дополнительные ресурсы для содействия разрешению текущих проблем банковской системы.

17 ноября 1998 г. Правительство и ЦБ выступили с заявлением о планируемых шагах по стабилизации социально-экономического положения, а ЦБ также обнародовал свое видение денежно-кредитной политики на 1999 г. В качестве главных принципов определялись создание жизнеспособных банковских и производственных рыночных структур, нормализация хозяйственного оборота и его обеспечение денежными средствами. «Важнейшим условием оздоровления экономики» обозначалось «повышение

организующей роли государства в обеспечении эффективности производства», в том числе через создание корпораций с государственным участием, что предполагало «качественно улучшить положение дел с налоговыми платежами, гарантированием взаиморасчетов, своевременным погашением кредитов, поддержанием необходимого уровня ликвидности» (Заявление Правительства и ЦБ РФ «О политике валютного курса» от 17.08.1998). Планировались контрольные макроэкономические показатели – удержание в 1999 г. спада экономики в пределах 3% и инфляции на уровне, ограничивающем рост цен не выше 30% (Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 1999 год // Вестник Банка России. 1998. 4 декабря. № 84).

Совместные документы Правительства и ЦБ и опубликованный ранее план действий ЦБ ознаменовали переход исполнительной власти к реализации курса управляемых государством рыночных отношений.

В эти же дни Правительство и ЦБ приняли решение о создании ОАО «Агентство по реструктуризации кредитных организаций», задачей которой было определено восстановление банковской системы страны через реструктуризацию банков с нестабильным финансовым состоянием путем объединения, поглощения нестабильных стабильными, увеличения капиталов и привлечения новых собственников, замены неэффективного руководства (Заявление Правительства и ЦБ РФ «О реструктуризации кредитных организаций» от 21.11.1998).

В принятом 26 ноября 1998 г. Законе о бюджете страны впервые на законодательном уровне были предусмотрены федеральные средства на поддержку государством инновационной и инвестиционной деятельности, выделяемые на конкурсной основе на условиях возвратности, платности и срочности (Фед. закон от 26.11.1998 № 181-ФЗ).

В налоговой сфере Правительство начало проводить зачеты долгов предприятий с бюджетами всех уровней и заключать соглашения с крупными налогоплательщиками. Например, соглашение с ОАО «Газпром» предоставляло компании право увязывать свои платежи бюджету с объемом задолженности перед ним со стороны бюджетных организаций [\[24, с. 441\]](#).

30 сентября 1998 г. ЦБ с целью улучшения ситуации с капитализацией банков отменяет ранее существовавший запрет на оплату взносов в уставный капитал кредитных организаций иностранной валютой (Указан. ЦБ от 30.09.98 № 365-У), а 31 декабря разрешает вносить в уставный капитал неденежные средства (Указан. ЦБ от 31.12.98 № 474-У).

Большое значение ЦБ уделил регулированию валютных операций, в том числе с целью снижения выведения денег за рубеж: в первые месяцы посткризисного 1999 г. усиливается валютный контроль, традиционно осуществляемый банками над внешнеэкономическими операциями клиентов (Указан. ЦБ от 12.02.99 № 500-У), вводится ряд ограничительных мер по приобретению валюты российскими экономическими субъектами (Указан. ЦБ от 12.03.99 и ред. от 19.05.1999 № 511-У и от 14.04.99 № 543-У), а в июле на законодательном уровне были реализованы меры по предупреждению платежей в мировые оффшорные зоны (Фед. закон от 5.07.1999 № 126-ФЗ), что позволило существенно (в 2 раза во втором полугодии 1999 г.) сократить вывод средств из России [\[47, с. 72\]](#).

Заключение

Проведение Правительством и ЦБ согласованной политики, сбалансированной «либеральным прагматизмом», с одной стороны, а также умеренным государственным участием и регулированием, с другой, заложило основу экономической стабилизации, сыгравшую, в свою очередь, положительную роль в сохранении денежных средств в стране с целью их инвестирования.

Девальвация рубля (а также рост мировых цен на нефть и газ) обеспечила возможность роста в экспортно-ориентированных и импортозамещающих отраслях страны [38, с. 134, 331], дала шанс отечественным производителям заместить импорт существенно более дешевой, хотя, возможно, пока еще менее качественной, отечественной продукцией. С учетом долларизации частных сбережений, о чем свидетельствует уже упомянутое ранее массовое снятие средств с валютных депозитов граждан после дефолта, девальвация также предоставила возможность существенно не снизить рост платежеспособного спроса [19, с. 195-196].

Начавшийся в стране рост объемов промышленного производства, а следовательно, и прибыльности в реальном секторе экономики, проведение ЦБ взвешенной денежно-кредитной политики ограничительного характера, принятие в конце декабря 1998 г. Закона о первоочередных мерах по исполнению бюджета, включающего обязательность продажи 75% валютной выручки экспортерами (Фед. закон от 29.12.1998 № 192-ФЗ), увеличение денежной составляющей в расчетах хозяйствующих субъектов [47, с. 50-51] дало возможность Правительству взять не предполагающий послаблений курс на повышение собираемости налогов и утвердить в конце февраля сбалансированный профицитный бюджет на 1999 г. (без учета расходов на обслуживание государственного долга) (Фед. закон от 22.02.1999 № 36-ФЗ).

27 мая 1999 г. ЦБ утвердил новую редакцию Инструкции № 1, регулирующей деятельность банков, изменив систему обязательных нормативов и снизив их число до 16 (Инструкц. ЦБ от 27.05.1999 № 1).

1999 г. показал рост промышленности в 8,1%, а ВВП – 3,2% [38, с. 332], причем изменение ВВП было обеспечено на 28% увеличением промышленного производства, на 5% – сельскохозяйственного и лесного производства, на 7% – увеличением строительных работ, на 11% – увеличением услуг транспорта и связи [47, с. 12].

«Движение крови» в экономической сфере восстановило жизнь и банковского сектора: активы увеличились на 51,5%, вклады населения в рублях на 43,1%, а в иностранной валюте – на 61,9%, средства, привлеченные банками от юридических лиц, – на 66,7%.

Более того, дефолт и принятые последующие меры Правительства и ЦБ заставили кредитные организации «повернуться лицом» к реальному сектору экономики, банковские кредитные вложения в который за 1999 г. возросли в 2,5 раза, составив 239,6 млрд рублей [47, с. 86-88]. Начало меняться и отношение населения к банковской системе: люди стали осваивать новые банковские продукты: потребительские кредиты, кредитные карточки [6, с. 29], что положительно влияло на рост потребления.

Все это дает возможность обозначить последние месяцы 1999 г. как окончание второго этапа – 1996-1999 гг. – развития банковской системы Новой России. А это позволяет говорить и о завершении кризисного четырехлетия. «В историческом плане очевидно, что Россия осталась в выигрыше» [9, с. 16]. Посткризисная стабилизация предоставила возможность выхода страны на следующий социально-экономический исторический

отрезок, начало которому в 2000 г. положила разработка Программы Грефа

Библиография

1. Алексашенко С. В. Битва за рубль. М.: Almamater, 1999. 240 с.
2. Альбац Е. Анатолий Чубайс: нас ждут очень тяжелые полтора-два года // Коммерсантъ. 1998. 8 сентября. № 165.
3. Астанин Э. В. Насыщение ликвидностью // Денежный рынок. 2017. № 1. С. 3.
4. Байдаков И. М. Рождение банковской системы в Российской Федерации в 1991-1995 годах // Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 4. С. 36-57. DOI:10.18288/1994-5124-2023-4-36-57
5. Бойко Б. Татьяна Парамонова отвергнута Думой // Коммерсантъ. 1995. 20 июля. № 140.
6. Бондаренко Н. В. Дефолт августа 1998 года глазами населения // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. С. 23-32.
7. Боченкова Н. А. Индексы социальных настроений в современных социологических центрах // Вестник Университета. 2013. № 23. С. 232-236.
8. Бритвин Б. Чубайс назвал спасителя российской экономики в 1998 году // Lenta.ru. 2021. 15 февраля. URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/15/kudr/> (дата обращения: 08.11.2023).
9. Гилман М. Дефолт, которого могло не быть. М.: Время, 2009. 480 с.
10. Григорий Явлинский в программе «Время» // Партия «Яблоко». 1998. 10 сентября. URL: <https://www.yabloko.ru/Publ/Articles/yavl-28.html> (дата обращения: 08.11.2023).
11. Дробышевский С. В. Анализ рынка ГКО на основе изучения временной структуры процентных ставок // Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара». 1999. 265 с.
12. Ельцин Б. Н. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17.02.1998 «Общими силами к подъему России» // Российская газета. 1998. 24 февраля. № 1966.
13. Ельцин Б. Н. Президентский марафон. М.: АСТ, 2000. 383 с.
14. Избранные выступления депутатов Государственной Думы с 1906 года до наших дней / Под ред. С. Е. Нарышкина. М.: Издание Государственной Думы, 2013. 304 с.
15. Илларионов А. Н. Мифы и уроки кризиса // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 24-48.
16. Кротов Н. И., Геращенко В. В. Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Геращенко... М.: Наше завтра, 2022. 581 с.
17. Кто виноват в кризисе 1998 года? // Коммерсантъ. 2013. 17 августа. № 147.
18. Кукол Е., Невинная И. 2000-е годы стали уникальными по росту доходов населения России // Российская газета. 2011. 12 декабря. № 5556.
19. Лопатников Л. И. От плана к рынку. Очерки новейшей экономической истории России. СПб.: Норма, 2010. 320 с.
20. Лужков Ю. М. «Блефомомика» или реальная экономика? // Экономическая наука современной России. 1998. С. 46-55.
21. Лякин А. Н. Три кризиса по одному сценарию // Вестник Санкт-Петербургского ГУ. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 4-25. DOI:10.21638/11701/spbu05.2018.101
22. May В. А. Кризисы и уроки. Экономика России в эпоху турбулентности. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 488 с.

23. May В. А. Политическая природа и уроки финансового кризиса // Вопросы экономики. 1998. № 11. С. 4-19.
24. May В. А. Экономика и политика России: год за годом (1991-2009) // Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. М.: Изд-во «Дело», 2010. 832 с.
25. Михайлов Л. В., Сычева Л. И., Тимофеев Е. В. Банковский кризис 1998 года в России и его последствия // Научные труды ИЭПП. 2000. № 21Р. 159 с.
26. Михайлов Л. В., Сычева Л. И., Тимофеев Е. В. Кризис 1998 года и восстановление банковской системы. М.: Гендалльф, 2001. 308 с.
27. Можайсков О. В. Платежный баланс России за 1998 год // Коммерсантъ. 1999, 14 мая. № 80.
28. «Мы все тогда сделали выбор». Интервью С. К. Дубинина // ТАСС. 2018. 17 августа. URL: <https://tass.ru/interviews/5447827> (дата обращения: 08.11.2023).
29. Мы проснулись в другой стране // Коммерсантъ. 2016. 16 августа. № 148.
30. Открытое письмо ученых Отделения экономики РАН Президенту РФ, Федеральному Собранию и Правительству РФ // Экономика и жизнь. 1998. № 37. С. 4-12.
31. Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998. 286 с.
32. Проект Геращенко // Коммерсантъ. 1998. 25 сентября. № 178.
33. Российская экономика в первом полугодии 1996 года. Тенденции и перспективы / Под ред. Е. Т. Гайдара. М.: ИЭПП, 1996. 135 с.
34. Российская экономика в 1996 году. Тенденции и перспективы / Под ред. Е. Т. Гайдара. М.: ИЭПП, 1997. 190 с.
35. Российская экономика в 1997 году. Тенденции и перспективы / Под ред. Е. Т. Гайдара. М.: ИЭПП, 1998. 293 с.
36. Российская экономика в январе-сентябре 1998 года. Тенденции и перспективы / Под ред. Е. Т. Гайдара. М.: ИЭПП, 1998. 382 с.
37. Российская экономика в 1998 году. Тенденции и перспективы / Под ред. Е. Т. Гайдара. М.: ИЭПП, 1999. 477 с.
38. Российская экономика в 1999 году. Тенденции и перспективы / Под ред. Е. Т. Гайдара. М.: ИЭПП, 2000. 745 с.
39. Рушайло П. Рынку ГКО 30 лет // Коммерсантъ. 2023, 24 мая. № 98.
40. Савинская Н. А., Пивоваров В. В., Смирнова Н. И. и др. Из истории становления и развития платежной системы в России // Проблемы современной экономики. 2010. № 34. С. 476-488.
41. Симонов Н. С. Банки и Деньги. М.: Изд-во РАГС, 2009. 612 с.
42. Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России, 1999. 445 с.
43. «Такие скорбные лица я видел только в трансляциях ТВ-похорон генсеков»: как россияне переживали дефолт в августе 1998 года // NGS.ru. 2023. 17 августа. URL: <https://ngs.ru/text/economics/2023/08/17/72605825/> (дата обращения: 08.11.2023).
44. Трофимов Г. Ю. Был ли российский государственный долг «финансовой пирамидой»? // Вопросы экономики. 1999. № 5. С. 109-119.
45. Центральный банк Российской Федерации. Годовой отчет 1997. М.: ЦБ РФ, 1998. 215 с.
46. Центральный банк Российской Федерации. Годовой отчет 1998. М.: ЦБ РФ, 1999. 219 с.

47. Центральный банк Российской Федерации. Годовой отчет 1999. М.: ЦБ РФ, 2000. 211 с.
48. Чубайс А. Б. Неплатежи в российской экономике 1990-х: непредвиденный институт // Вопросы экономики. 2023. № 7. С. 142-158. DOI:10.32609/0042-8736-2023-7-142-158
49. Шмид А. В., Конторович В. К., Галахов И. В. Рейсовый и непрерывный режимы проведения платежей // «ВКСС. Connect!». 2007. № 4. URL: <https://ec-leasing.ru/rejsovyj-i-neprelyvnyj-rezhimy-provedeniya-platezhej.html> (дата обращения: 08.11.2023).
50. Энтов Р. М., Радыгин А. Д., May В. А. и др. Развитие российского финансового рынка и новые инструменты привлечения инвестиций. М.: ИЭПП, 1998. 283 с.
51. Энтов Р. М., Улюкаев А. В., Юдин А. Д. и др. Банковский кризис: механизмы вызревания и развертывания кризисных процессов. М.: ИЭПП, 1999. 41 с.
52. Яник А. А. История современной России. М.: Изд-во МГУ, 2012. 760 с.
53. Ясин Е. Г. Экономика России накануне подъема. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 334 с.
54. Chiodo, A. J., & Owyang, M. T. (2002). A Case Study of a Currency Crisis: The Russian Default of 1998. *Economic Research of The Federal Reserve Bank of St. Louis*, 24(6), 7-18.
55. Desai, P. (2000). Why Did the Ruble Collapse in August 1998? *The American Economic Review*, 90(2), 48-52.
56. Kharas, H., Pinto, B., Ulator, S. (2001). An Analysis of Russia's 1998: Meltdown: Fundamentals and Market Signals. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1.
57. Zonis, N. (2010). The Financial Crisis in Russia 1998. GRIN. Seminar Paper.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В эпоху Перестройки кардинальным образом поменялась не только общественно-политическая, но и социально-экономическая ситуация в стране. Как писал в тот момент один из зарубежных наблюдателей: «Все пришло в движение». И действительно, всего за несколько лет советские граждане познакомились с такими новыми для себя явлениями, как безработица, инфляция, забастовки и др. Важнейшей переменой в стране были финансово-банковские изменения, ведь фактически сперва негласно, а затем открыто страна вступала в рыночную экономику. Изучение банковской системы в России представляет важность и сегодня в условиях сложных процессов, вызванных санctionями со стороны западного блока.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является банковская система в России в 1996-1999 гг. Автор ставит своими задачами рассмотреть степень научной разработанности темы, показать последствия августовского 1995 г. системного банковского кризиса, проанализировать последующее четырехлетие.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать кризисное для банковской системы России четырехлетие 1996-1999 гг.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 50 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объёме подготовительной работы, которой проделал ее автор. Источниковая база статьи представлена прежде всего годовыми отчёты Центробанка и материалами периодической печати. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды В.А. May, Е.Г. Ясина и других экономистов. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста рецензируемой статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей России после 1991 года, в целом, так и ее экономической историей, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что многие научные работы по рассматриваемой теме «не лишены политической окраски и не вполне объективных оценок об этом прошедшем, но ближайшем к нам периоде». Автор обращает внимание на то, что банковский кризис 1995 г. «изменил менталитет как банковского сообщества, так и населения, на практике осознавших, «благодаря» потерям денег при обрушении кредитных организаций, жесткие рыночные реалии функционирования банковского сектора». Автор обращает внимание на то, что «тактика поведения российских банков в первые недели после кризиса зависела от трех взаимосвязанных факторов: степени «погруженности» кредитной организации в государственные ценные бумаги в момент дефолта, соотношения ее рублевых и валютных пассивов/активов и нарушений клиентских платежей, при том, что проблемы банка создавали проблемы его клиентам и наоборот – «обвал» каждого из клиентов лишал банк пассивов, столь необходимых в кризисный момент». Автор подробно показывает предпринятые Центробанком шаги по преодолению кризиса, определяет степень согласованности его действий с правительством.

Главным выводом статьи является то, что «проведение Правительством и ЦБ согласованной политики, сбалансированной «либеральным прагматизмом», с одной стороны, а также умеренным государственным участием и регулированием, с другой, заложило основу экономической стабилизации, сыгравшую, в свою очередь, положительную роль в сохранении денежных средств в стране с целью их инвестирования».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Рябова Ю.В. Трудовой контингент в Южноуральском ИТЛ МВД СССР (1947-1953): численность, трудоиспользование, состав рабочего фонда // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69338 EDN: ANNLYG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69338

Трудовой контингент в Южноуральском ИТЛ МВД СССР (1947-1953): численность, трудоиспользование, состав рабочего фонда

Рябова Юлия Владимировна

кандидат исторических наук

доцент, кафедра «Управление в социальных и экономических системах, философия и история»,
Уральский государственный университет путей сообщения

620034, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66

[✉ YuRyabova@usurt.ru](mailto:YuRyabova@usurt.ru)

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69338

EDN:

ANNLYG

Дата направления статьи в редакцию:

15-12-2023

Дата публикации:

07-02-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию трудового контингента в Южноуральском исправительно-трудовом лагере МВД СССР в период с 1947 по 1953 гг. Целью публикации является выявление состава и численности трудящихся, задействованных в производственной сфере ИТЛ, их трудовой занятости. Хронологические рамки исследования охватывают период с момента образования лагеря и до времени начала коренной перестройки системы советского ГУЛАГа. На основе архивных материалов текущего архива ГУФСИН по Кемеровской области рассматривается динамика изменения численности, как заключенных исправительно-трудового лагеря, так и вольнонаемных рабочих, а также степень их трудоиспользования. Особое внимание уделено вопросам трудоиспользования лагерного контингента в производственной сфере ИТЛ. Выявлены

причины, в силу которых трудовые функции заключенным контингентом не всегда выполнялись, а также приведена статистика по каждой из них. Особое внимание уделяется процессам трансформации рабочего фонда в 1953 г. и переходу лагеря к использованию преимущественно вольнонаемных рабочих. При изучении данного вопроса в работе использовались общенакальные (анализ, синтез, обобщение) и специальные исторические методы (методы количественного анализа и статистической обработки материалов). Новизна работы заключается в использовании неопубликованных архивных документов и обращении к краеведческой проблематике, которая не получила широкого научного освещения, в частности, производственной деятельности одного из крупнейших лесозаготовительных лагерей Кузбасса - Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР. Автор приходит к выводу, что основу трудового фонда Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР составляли преимущественно заключенные, численность которых до 1953 г. ежегодно увеличивалась, что способствовало быстрому сокращению недостатка кадров в лесозаготовительной отрасли юга Кемеровской области. Анализ документов показал, что в период с 1947 по 1953 гг. на производстве использовались от в среднем от 65% до 73% от общего состава заключенных, труд 12%-15% содержащегося контингента применялся на хозяйственном обслуживании лагеря, а остальные 13%-25% не работали по разным причинам. Среди причин простоев можно выделить как уважительные, связанные с отсутствием условий для трудовой деятельности, так и неуважительные, основанные на саботаже и нарушениях заключенными дисциплины.

Ключевые слова:

Кемеровская область, Горная Шория, принудительный труд, исправительно-трудовой лагерь, Южкузбасслаг, лагерная экономика, лесозаготовка, заключенные, ГУЛАГ, СССР

Вопросы возникновения, становления и функционирования лагерного сектора в экономике советского государства до сих пор остаются в поле зрения современных исследователей. Несмотря на то, что пик изучения данной проблематики пришелся на вторую половину 1980-х – 1990-х, когда появился доступ к ранее засекреченным архивным материалам, сегодня интерес историков к этой неоднозначной и дискуссионной теме по-прежнему присутствует. В настоящее время особое значение имеют региональные исследования, раскрывающие сущность и характер отдельных пенитенциарных учреждений, являющихся частью гулаговской системы. Такой подход позволяет выявить специфику принудительного труда, как в разных производственных отраслях, так и в отдельных местностях.

Отметим, что идея использования труда осужденных в современном обществе продолжает существовать, но уже совершенно в других условиях — в реалиях правового государства. В последнее время все чаще появляются высказывания российских государственных деятелей (например, директора ФСИН А. Калашникова и министра юстиции К. Чуйченко), которые предлагают использовать заключенных вместо трудовых мигрантов из-за рубежа, что будет способствовать решению вопроса нехватки рабочей силы в некоторых регионах страны^[1]. Создание исправительных центров на крупных промышленных объектах или строительных площадках позволит осуществить реализацию права на отбытие наказание в виде исправительных работ, а также будет иметь важное социальное и экономическое значение. В связи с этим обращение исследователей к вопросам использования труда заключенных в недавнем прошлом приобретает особое

значение, т.к. позволяет провести анализ уже имеющегося исторического опыта и не допустить повторения негативных явлений, ущемляющих права человека.

В настоящее время отечественная и зарубежная историография располагает достаточным материалом, раскрывающим сущность советской лагерной системы и экономики принудительного труда. С 30-х гг. и до середины 80-х гг. ХХ в. советская историческая наука даже не упоминала о существовании лагерной экономики, о так называемом «спецконтингенте» и его трудовой деятельности, имеющей место во всех сферах промышленного производства. Документы, свидетельствующие о принудительном труде использования осужденных граждан, хранились в государственных архивах под грифом «секретно» и «совершенно секретно».

Произошедшая архивная революция середины 80-х гг. ХХ в. стала тем рубежом, который обозначил точку отсчета в изучении советской тоталитарной системы в целом. В печати появились сборники [6, 10, 15, 19] ранее засекреченных документов, раскрывающие сущность советского тоталитаризма, производственно-хозяйственной деятельности ГУЛАГа, советской пенитенциарной системы, политических репрессий, массовой депортации народов и других ранее не доступных для исследования вопросов. В научный оборот стало вводиться немалое количество статистических данных, характеризующих количественные характеристики лагерной системы (например, численность спецконтингента по отдельным группам, число и дислокация ИТЛ и колоний, объемы лагерного производства по отраслям и т.д.).

Особый интерес для общества и исследователей представляли свидетельства непосредственных участников событий, воспоминания репрессированных и бывших узников советской исправительно-трудовой системы. По инициативе членов всероссийской общественной организации «Мемориал» проходил сбор и распространение сведений о жертвах политических репрессий, появились первые книги памяти. Увеличивалось количество монографий, коллективных трудов, диссертаций, посвященных вопросам сталинизма. Значительный вклад в изучение различных аспектов советского тоталитаризма внесли такие отечественные исследователи как А. В. Бакунин [11], А. П. Бутенко [4], В. А. Бердинских [2], М. Г. Детков [7], В. Н. Земсков [8], Г. М. Иванова [9], А. С. Кан [11], А. С. Смыкалин [16], О. В. Хлевнюк [18], С. Эртц [20] и др. Широкое распространение получили региональные исследования, раскрывающие сущность системы принудительного труда непосредственно на местах дислокаций исправительно-трудовых учреждений (преимущественно в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке), позволяющие выявить как частные, так и общие тенденции, дополнить уже известные сведения о деятельности репрессивного аппарата советского государства, выявить специфику. Несомненный интерес представляют работы Кустышева А. Н. [12], Морозова Н. А. [13], Папкова С. А. [14], Упадышева Н. В. [17] и других авторов.

В частности, на территории Западной Сибири, в Кемеровской области, начиная с конца 1920-х – нач. 1930-х гг., размещалась целая сеть исправительно-трудовых учреждений. В нее входили отдел исправительно-трудовых колоний УНКВД по Кемеровской области, Сибирский лагерь, Горшорлаг, проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР № 0314 и 0315, Кузбассжилстрой, Кемеровожилстрой, Аралиевстрой, Томусинский ИТЛ, особый «Камышлаг», Севкузбасслаг и Южкузбасслаг. Кузбасские историки (Л. И. Гвоздкова, А. А. Мить, С. Г. Марченко и другие), основываясь на сведениях местных ведомственных архивов МВД и ФСИН России, обратились к проблеме размещения и функционирования данных исправительно-трудовых учреждений в Кузбассе, но часть вопросов, раскрывающих особенности пенитенциарной практики Кемеровской области в сталинские

годы, требует еще дополнительного изучения.

В рамках данной статьи автор считает необходимым обратиться к вопросу численности и состава рабочего фонда, трудоиспользования заключенного контингента одного из крупнейших лесозаготовительных лагерей региона — Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР. Хронологические рамки статьи определены 1947 г., временем образования ИТЛ, и 1953 г., периодом начала трансформации ГУЛАГа.

Начало деятельности Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР относится к позднему гулаговскому периоду, к 1947 г. Лагерь был организован на основании Постановления Совета Министров СССР № 409 от 1 марта 1947 г. и Приказа МВД СССР № 00241 от 4 марта 1947 г. на месте лесозаготовительного треста «Южкузбасслес» [10, Т. 2, с. 314–318]. За все время своего существования ИТЛ неоднократно подвергался структурным реорганизациям и менял ведомственное подчинение. Территориально лагерь размещался на юге Кемеровской области в труднодоступном районе Горной Шории, где основу природного ландшафта составляла непроходимая сибирская тайга, чередовавшаяся с логами, хребтами и болотами. Климатические условия этой местности также отличались суровостью.

Основу промышленного производства ИТЛ составляла лесозаготовка, от объемов которой зависело обеспечение угледобывающих шахт юга Кузбасса необходимыми лесоматериалами, в частности, крепежным лесом. Именно для выполнения этой производственной задачи лагерь и был образован. Но деятельность Южкузбасслага была значительно шире и включала функционирование таких промышленных направлений как деревообработка, представленная лесопилением и производством товаров народного потребления, и сельское хозяйство. На Абагурском, Шушталепском и Малиновском лесопильных заводах, располагавшихся на территории ИТЛ, изготавливали пиломатериалы из круглого леса, которые отправлялись предприятиям-заказчикам, а также частным лицам, заключившим с Южкузбасслагом договор. Производство товаров широкого потребления (стульев, шкафов, кроватей и др.), организованное в мастерских лагеря, приносило лагерю стабильный денежный доход, а продукция пользовалась высоким спросом у населения.

Организация сельскохозяйственного производства в ИТЛ была необходимой мерой, т. к. удаленность от основных баз снабжения, нерегулярные поставки продовольствия, порча продуктов во время длительной транспортировки приводили к нерегулярному поступлению продуктов питания. Развитие растениеводства происходило в крайне неблагоприятных природных условиях, что значительно повышало трудозатраты и препятствовало получению высоких урожаев. В более выгодных условиях находилось животноводство, поскольку природные особенности Горной Шории благоприятствовали разведению крупного рогатого скота.

Кроме перечисленных ведущих направлений в Южнокузбасском ИТЛ на регулярной основе осуществлялось строительство жилищно-бытовых и производственных объектов, способствующих формированию необходимой базы для проведения лесоэксплуатации и других видов промышленных работ. В результате чего лагерь превратился в крупный производственно-хозяйственный комплекс, который вплоть до 1953 г. ежегодно наращивал производственные мощности.

Главной рабочей силой ИТЛ были заключенные, но в связи с крайней ограниченностью источников базы определение его точного количества весьма затруднительно. Отечественные исследователи, опираясь на данные разных архивов, приводят

следующие сведения по общей численности контингента. Л. И. Гвоздкова [5, с. 513], ссылаясь на документы текущего архива УВД Кемеровской области и собственные расчеты, количество осужденных содержащихся в 1947 г. не указывает, а в 1948 г. начитывает 18970 чел., в 1949 г. — 18810 чел., в 1950 г. — 22403 чел., 1951 г. — 22830 чел., 1952 г. — 23035 чел. С. Филиппов и С. Сигачев [15] оперируют следующими цифрами: на 01.01.1948 г. — 13877 чел., на 01.01.1949 г. — 20072 чел., на 01.01.1949 — 20 072 чел., на 01.01.1950 г. — 18 364 чел., на 01.01.1951 г. — 21 211 чел., 01.01.1952 г. — 23 539 чел., на 01.01.1953 г. — 24 629 чел., на 15.07.1953 — 13 599 чел. Согласно данным текущего архива ФСИН по Кемеровской области, с которыми работал автор, среднегодовой списочный состав заключенных в 1947 г. составил 6830 чел. [21], в конце 1950, 1951 и 1952 гг. — 20935 чел., 23539 чел., 24629 чел. соответственно [3]. Сведения о среднегодовом списочном составе в 1948 г. и 1949 г. в документах ведомственного архива отсутствуют.

Для сравнения приведем данные по численности рабочего фонда предшественника Южкузбасслага – треста «Южкузбасслес», который функционировал с 1940 г. по 1946 г. Именно в связи с дефицитом рабочих кадров и систематическим невыполнением плана по лесозаготовке, он был закрыт, а на его производственной базе создан лагерь. В 1940 г. в teste насчитывалось 4498 чел., в 1941 г. — 5539 чел., в 1942 г. — 4004 чел., в 1943 г. — 5015 чел., в 1944 г. — 5443 чел., в 1945 г. — 5444 чел., в 1946 г. — 4520 чел. [4]. Как мы видим, среднее количество трудящихся за годы работы предприятия колебалось от 4 тыс. до 5,5 тыс. человек. Сравнительный анализ численности контингента ИТЛ и треста показывает резкое увеличение рабочей силы до 18–23 тыс. человек, благодаря чему был решен вопрос кадрового голода в лесозаготовительной отрасли юга Кемеровской области.

Но давая оценку приведенным выше данным о численности контингента Южкузбасслага нужно учитывать разные подходы, которые использовались при подсчетах контингента составителями статистических документов в ИТЛ. Это могла быть «списочная численность на определенную дату» или «среднесписочная численность за определенный период». К сожалению, статистическая информация, приведенная выше Л. И. Гвоздковой, С. Филипповым и С. Сигачевым, не содержит данных о принципе подсчета, что может приводить к видимым расхождениям. К тому же, сам рассматриваемый статистический критерий динамичен. Он может изменяться почти ежедневно, что связано с освобождением или смертностью контингента, или, наоборот, прибытием новых этапов. Тем не менее, приведенные статистические данные, которые удалось обнаружить историкам, позволяют сформировать представление о масштабах применения принудительного труда в Южнокузбасском ИТЛ, проследить динамику изменения численного состава основного рабочего фонда.

Интерес для исследования представляет не только общая численность контингента, но и их трудовая занятость в производственной сфере Южкузбасслага. В архиве ГУФСИН содержатся данные о количестве осужденных Южкузбасслага, занятых на производстве. Так, в 1947 г. их было 3222 чел., в 1948 г. — 10387 чел., в 1949 г. — 12229 чел., в 1950 г. — 11745 чел., 1951 г. — 12612 чел., 1952 г. — 13363 чел. [5]. Сопоставив эти данные с общей численностью, мы видим, что не все содержащиеся в лагере заключенные выполняли производственные функции, хотя существующая система требовала максимального использования их труда. Во многом это зависело от установленной категории трудоспособности. С 1935 г. устанавливались категории «А» — занятые на производстве, «Б» — занятые в хозяйственной службе, вооруженной охране,

управленческом аппарате, «В» — больные, временно освобожденные, выздоравливающие, «Г» — не работающие по внешним причинам. В 1949 г. согласно Приказу МВД СССР № 0418 от 25 июня 1949 г. «О мероприятиях по улучшению физического состояния и трудового использования заключенных, содержащихся в ИТЛ и ИТК МВД» определялись следующие категории: первая — годные к физическому труду, вторая — физически неполноценные заключенные, годные к легким работам, третья — имеющие тяжелые заболевания илиувечья, не позволяющие работать (инвалиды)^[6]. На практике не всегда заключенным присваивалась та группа трудоспособности, которой он соответствовал. С одной стороны, администрация ИТЛ была заинтересована в увеличении численности трудоспособных трудовых ресурсов, с другой — заключенные могли симулировать или оказывать давление на членов медицинской комиссии с целью уменьшения физического профиля.

В таблицах 1 и 2 на основании документов, хранящихся в текущем архиве ГУФСИН по Кемеровской области, приведены сведения о трудовом использовании заключенного контингента по категориям, которые позволяют увидеть плановое и фактическое соотношение. Основной упор по выполнению трудовых задач приходился на лиц группы «А», а с 1950 г. — первой категории, которые были заняты на основных производственных лесозаготовительных работах. Фактическое их трудоиспользование в среднем варьировалось от 65,3 % до 73,4 %. В период с 1947 г. по 1949 г. наблюдается тенденция увеличения численности заключенных, задействованных на производстве, а с 1950 г., наоборот, — уменьшение, достигнув своего минимального значения к 1953 г. Что касается плана, то он имел устойчивую динамику снижения с 83,1 % в 1947 г. до 69,9 % в 1952 г. Трудоиспользование группы «Б» или второй категории на хозяйственной обслуге находилось между 11,6 % и 14,5% от общего состава контингента ИТЛ, что превышало запланированные цифры. Трудоиспользование заключенных группы «В» или третьей категории на основных работах было затруднено по причине болезни. В 1947–1948 гг. их количество достигало наибольшего показателя за весь рассматриваемый период, что связано с большим поступлением физически ослабленного контингента. В последующие годы фактическое количество этой группы заключенных ежегодно сокращалось.

Таблица 1 – Трудовое использование в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР в 1947–1949 гг.
(%)

	1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Группа «А»	83,1	67,2	80,2	70,3	77,2	74,3
Группа «Б»	10,9	12,1	8,6	11,6	6,6	11,7
Группа «В»	4,5	15	9,6	13	13,1	10,9
Группа «Г»	1,5	5,7	1,6	5,1	3,1	3,1
Всего:	100	100	100	100	100	100

Источник: ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 27; Ф. 14. Оп. 1. Д. 12. Л. 25(94); Ф. 14. Оп. 1. Д. 14. Л. 152.

Таблица 2 – Трудовое использование в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР в 1950–1953 гг.
(%)

	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
	% к списочному	% к списочному	% к списочному	% к списочному

	составу		составу		составу		составу	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Используемые на работах	73	69,7	70,3	67,2	69,9	68,4	73,1	65,3
Используемые в хозобслуже, аппаратуре, самоохране, на других работах	11,5	14,5	12,9	13,4	13,3	12,4	11,2	12,1
Неработающие по болезни	12,7	11,6	10,9	10,5	9,6	9,1	7,3	8,8
Неработающие по разным причинам	2,8	4,2	2,4	3,8	1,9	4,2	2,8	7,4
Прочие неработающие	-	-	3,5	5,1	5,3	5,9	5,6	6,4
Всего:	100							

Источник: ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 200-201; Ф. 14. Оп. 1. Д. 21. Л. 14-15 Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 323-324; Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 263-264.

В Южкузбасслаге ежегодно имелось некоторое количество заключенных, которые не трудились на производстве по объективным причинам. К числу таких причин относились внутрилагерные переброски с одних подразделений или лагерных пунктов в другие, а также недостаток вещевого довольствия, особенно в зимний период, когда для работы в лесу требовались валенки, теплые бушлаты, рукавицы и шапки. Часто нехватка охраны для организации зон оцепления работы в тайге, отсутствие фронта работы в связи с неподготовленностью лесоучастков, болезнь или нахождение на отдыхе и в карантине приводили к вынужденным трудовым простоям. Из приведенного перечня причин мы видим, что часть невыходов на работу контингента происходила по вине администрации ИТЛ, которая не обеспечила необходимые условия для выполнения производственных заданий — охрану, одежду и обувь, фронт работ.

Но некоторая часть осужденного контингента, содержащаяся в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР, не выходила на работу без уважительной причины. В общей массе лагерного контингента присутствовали так называемые отказчики, которые индивидуально или в составе группы не выходили на работу. В большинстве случаев это явление носило протестный характер и приводило к дезорганизации лагерного уклада, негативно сказывалось на производстве. Еще одна группа заключенных, не вовлеченных в трудовой процесс, это нарушители дисциплины, находящиеся в карцерах и штрафных изоляторах за совершенные в лагере нарушения или преступления.

В таблицах 3 и 4 приведены сведения о причинах невыходов на работу заключенных Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР в 1947–1953 гг. Анализируя эти данные, мы можем сказать, что каждый год основные причины, по которым контингент не выполнял трудовую функцию, изменялись. В 1947 г. ведущей причиной можно назвать необеспечение вещевым довольствием, в 1948 г. и 1949 г. — непредставление фронта работы, в 1950 г. и 1952 г. — содержание заключенных в карцерах и штрафных изоляторах, в 1951 г. — отсутствие охраны, в 1953 г. — внутрилагерные переброски. На протяжении 1947–1953 гг. стабильно высокими оставалось трудовые потери, связанные с

содержащимися в штрафном изоляторе (ШИЗО) и отказчиками. Но самое большое количество невыполнения заключенными своих трудовых обязанностей пришлось на 1953 г., когда после смерти И. В. Сталина началась структурная реорганизации лагерей ГУЛАГа и была объявлена массовая амнистия.

Таблица 3 – Количество неработающих заключенных по прочим причинам в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР в 1947–1949 гг. (группа «Г») (тыс. человеко-дней)

	1947 г.		1948 г.		1949 г.	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Внутрилагерные переброски	0	21	92	40	93,6	28
Формирование этапов	0	4	0	7	102,2	4
Содержание в карцерах и штрафных изоляторах	0	17	0	35	0	32
Отказчики	0	10	0	31	0	25
Необеспеченность вещевым довольствием	0	67	0	55	0	16
Непредоставление работы	0	8	0	114	0	84
Прочие	0	0	51,2	2	16,4	12

Источник: ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 27; Ф. 14. Оп. 1. Д. 12. Л. 25(94); Ф. 14. Оп. 1. Д. 14. Л. 152.

Таблица 4 – Количество неработающих заключенных по разным причинам в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР в 1950–1953 гг. (среднесписочная численность) (чел.).

	1950 г.		1951 г.		1952 г.		1953 г.	
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт
Внутрилагерные переброски	345	112	410	109	175	122	-	337
Формирование этапов	0	110	0	31	0	45	-	155
Содержание в карцерах и штрафных изоляторах	0	140	0	157	0	397	-	200
Отказчики	0	93	0	91	0	104	-	165
Необеспеченность вещевым довольствием	0	97	0	14	0	34	-	12
Непредоставление работы	0	0	0	50	0	35	-	87
Отдых и карантин	200	118	100	107	0	179	-	128
Отсутствие охраны	0	120	0	192	0	40	-	103
Вызовы в следственные органы	0	0	0	52	0	58	-	76
Обучающиеся	-	-	--	--	--	--	-	-

отрывом производства	от	0	0	50	22	25	36	-	2
Всего:		545	790	560	825	200	1050	544	1265

Источник: ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 200-201; Ф. 14. Оп. 1. Д. 21. Л. 14-15 Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 323-324; Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 243.

Лагерная администрация пыталась сократить количество трудовых простоев контингента. С конца 1951 г. в Южкубасслаге началось создание постоянно действующих комиссий по изучению и ликвидации причин, приводящих к простоям рабочей силы. Убытки от нерационального трудоиспользования заключенных без уважительных причин, включая массовые простои, стали считаться нанесением материального ущерба государству и подлежали расследованию с вынесением наказания виновным лицам^[7]. Произошло усиление контроля за трудовой деятельностью осужденных, имеющих первую категорию трудоспособности. Категорически запрещалось их использование на хозяйственных и подсобных работах. Кроме того, отказникам и симулянтам, не выполняющим производственные нормы, не полгалось общее питание, а физически здоровые заключенные, помещаемые в ШИЗО, должны были выполнять трудовые функции под усиленной охраной. С целью сокращения потерь рабочего времени внутрилагерные переброски контингента следовало проводить только в выходные дни^[8].

Отметим, что в составе рабочего фонда ИТЛ присутствовала особая категория репрессированного населения — спецпереселенцы. В доступных автору источниках сохранились крайне скучные сведения об их численности и деятельности. Известно, что спецпереселенцы ранее работали в составе треста «Южкузбасслес», а осенью 1947 г. были переданы Южкузбасслагу. В ИТЛ при каждом лагерном отделении действовали спецкомендатуры, которые подчинялись отделу кадров лагеря [\[3, с. 249\]](#). В 1949 г. при лагере их насчитывалось 1144 чел.^[9] Еще одной группой, содержащейся в ИТЛ, были военнопленные, но в архивных документах присутствует только единственное упоминание об их количестве — 95 чел. в 1947 г.^[10]

Ошибочно полагать, что единственной рабочей силой ИТЛ являлись заключенные и репрессированные граждане. В составе трудящихся Южкузбасслага присутствовали и вольнонаемные кадры, но их количество ежегодно уменьшалось. В 1947 г. их численность составила — 5852 чел., в 1948 г. — 4332 чел., в 1949 г. — 3950 чел., в 1950 г. — 3835 чел., в 1951 г. — 3937 чел., а в 1952 г. сократилась до 3733 чел.^[11] Как правило, администрация лагеря использовала вольнонаемных рабочих на выполнении специализированных работ, а также требующих ответственного подхода или срочного исполнения. Они часто становились мастерами, приемщиками леса, руководителями курсовой подготовки, инженерами, начальниками участка, но в не всегда желали занимать низовые руководящие должности в связи с встречающимся враждебным отношением заключенных^[12].

В 1953 г. после объявления массовой амнистии произошло резкое сокращение численности лагерного контингента. Только во 2 квартале 1953 г. из Южкузбасслага освободились 10 тыс. заключенных^[13], а в течение 1953 г. — 16147 заключенных^[14]. Потеря количественного состава осужденных сопровождалась ухудшением дисциплины, ослаблением режима содержания, массовыми отказами от работы. Каждый день на работу не выводились до 2 тыс. чел.^[15] В результате трудовые потери по массовым отказам составили 21517 человеко-дней, по индивидуальным — 38738 человеко-дней, по

содержащимся в штрафных изоляторах — 73 тыс. человеко-дней^[16].

Кроме того, произошел отток квалифицированных кадров из числа контингента, используемого на приоритетном лесозаготовительном производстве, а также обслуживающего механизированный транспорт и производящего ремонтные работы. Для предотвращения сбоев в работе Южкузбасслага были приняты меры по сокращению численности рабочих на дополнительном производстве (сельское хозяйство, изготовление ширпотреба, хозяйственное обслуживание), организовано срочное обучение востребованным специальностям и началось форсированное проведение лесоэксплуатационных работ^[17]. Производственная деятельность лагеря не должна была прекратиться, и он должен был продолжать выполнять государственное задание.

Для решения сложившегося кадрового голода руководство Южкузбасспецлеса в соответствии с Приказом Министерства лесной и бумажной промышленности № 13-пс от 13 мая 1953 г. в кратчайшие сроки организовало набор вольнонаемных кадров, как из числа бывшего контингента, так и по оргнабору^[18]. Для приема рабочей силы лагерные отделения активно перестраивались, развернулось строительство жилых квартир для семейных рабочих, общежитий, рубленых и щитовых домов, культурно-бытовых объектов. По результатам 1953 г. план по введению жилплощади в эксплуатацию был выполнен на 169,3 %^[19], но качество жилищно-бытовых условий не соответствовало санитарно-гигиеническим требованиям (грязь, сырость, холод, скученность), а социальных объектов (больниц, детских садов, школ, ремонтных мастерских и т. д.) практически не имелось. В магазинах имелся ограниченный ассортимент товаров, возникали перебои с поставкой продовольствия, что вызывало недовольство прибывших рабочих.

В течение 1953 г. в ИТЛ трудоустроилось 7217 чел.: 949 амнистированных, 386 сезонных работников, 2869 постоянных рабочих, прибывших по оргнабору, 943 рабочих, принятых по договору, 2370 чел., нанятых на месте по заявлению^[20]. Поступившие кадры в условиях горной таежной местности крайне медленно осваивали лесозаготовительные специальности. В виду недостаточной организации производственного процесса со стороны Южкузбасспецлеса рабочие сталкивались с рядом проблем: не знали свои трудовые обязанности, не имели расчетных книжек, не распределялись по трудовым бригадам, не проходили обучение по технике безопасности и т.д.

В итоге в некоторых подразделениях (в Абагурском, Малиновском, Кондомском, Мундыбашском) начался самовольный уход вольнонаемных рабочих^[21] — ушли 333 чел., в том числе 262 чел. по оргнабору^[22]. Всего за весь 1953 г. оставили место работы 1646 чел., в том числе 580 чел. поступивших по оргнабору. Весной 1954 г. в связи с окончанием срока договора уехала большая часть трудящихся, что привело обратному процессу переоборудования жилого фонда в пункты для размещения заключенных^[23]. В результате чего, практика использования вольнонаемных кадров на лесозаготовках в качестве ведущей рабочей силы прекратилась. Люди добровольно не желали работать в отдаленной таежной местности, не имеющей необходимой социальной и бытовой инфраструктуры, и выполнять физически тяжелую работу в суровых климатических условиях.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод, что основу трудового фонда Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР составляли заключенные, количество которых ежегодно увеличивалось и к 1952 г. достигло более 24-х тыс. человек. Применение труда осужденного контингента

способствовало быстрому сокращению недостатка кадров в лесозаготовительной отрасли юга Кемеровской области. Трудовая деятельность осужденного контингента в лагере осуществлялась по четырем промышленным направлениям: лесозаготовка, лесопиление, сельское хозяйство и производство товаров народного потребления, но ведущим и приоритетным являлась заготовка древесины. В период с 1947 по 1953 гг. на производстве использовались от 65,3% до 73,4 % от общего состава заключенных, 11,6 %-14,5 % — на хозобслуже, остальные 13-25% не работали по разным причинам. Среди причин трудовых простоев можно выделить как уважительные, связанные с отсутствием условий для трудовой деятельности, так и неуважительные, основанные на саботаже и нарушениях заключенными дисциплины. Кроме того, в составе рабочего фонда ИТЛ имелись вольнонаемные кадры, количество которых ежегодно сокращалось и к 1952 г. их численность уменьшилось с 5852 чел. до 3733 чел. Но массовая амнистия заключенных, объявленная весной 1953 г., и реорганизационные изменения гулаговской системы привели к резкому сокращению общего списочного состава лагерного контингента, что поставило под удар производственную деятельность лагеря, который не только не был ликвидирован, но и продолжил выполнение поставленных задач. В 1953-1954 гг. был осуществлен переход от принудительного труда к вольнонаемному, но успеха он не имел по причине текучести кадров, связанной с неудовлетворенностью трудящихся условиями труда и быта. Произошел обратный переход к применению труда осужденного контингента, т.к. на тот момент это был самый быстрый способ ликвидации кадрового голода и выполнения производственных задач.

Примечание

[1] ФСИН захотела открыть в Сибири исправительный центр лесовосстановления для осужденных. Интерфакс. 20. 05.2021. URL: <https://www.interfax.ru/russia/767879>. (дата обращения: 10.11.2023 г.); Глава Минюста РФ одобрил идею замещения труда мигрантов заключенными. Интерфакс. 24.05.2021 г. URL: <https://www.interfax.ru/business/768416>. (дата обращения: 10.11.2023 г.).

[2] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 156.

[3] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 201; Ф. 14. Оп. 1. Д. 21. Л. 15; Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 324.

[4] Сост. по ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 3. Л. 64; Ф. 14. Оп. 1. Д. 4. Л. 87; Ф. 14. Оп. 1. Д. 5. Л. 53; Ф. 14. Оп. 1. Д. 6. Л. 60; Ф. 14. Оп. 1. Д. 7. Л. 59; Ф. 14. Оп. 1. Д. 8. Л. 99; Ф. 14. Оп. 1. Д. 9. Л. 93.

[5] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 66-67; Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 102-103; Ф. 14. Оп. 1. Д. 14. Л. Б/н; Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 140(222)-141(223). Ф. 14. Оп. 1. Д. 20. Л. 86(92)-97(93). Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 243-244.

[6] ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 19. Л. 294-295.

[7] ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 58. Л. 133.

[8] ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 58. Л. 133-134.

[9] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 14. Л. Б/н.

[10] ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 66-67.

- [\[11\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 66-67; Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 102-103; Ф. 14 Оп. 1. Д. 14. Л. Б/н; Ф. 14. Оп. 1. Д. 16. Л. 140(222)-141(223). Ф. 14. Оп. 1. Д. 20. Л. 86(92)-97(93). Ф. 14. Оп. 1. Д. 30. Л. 243-244.
- [\[12\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 81.
- [\[13\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 262.
- [\[14\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 276.
- [\[15\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 3(43).
- [\[16\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Л. 273-274.
- [\[17\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 91. Л. 84.
- [\[18\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 90.
- [\[19\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.
- [\[20\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 76.
- [\[21\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 88. Л. 144.
- [\[22\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 76.
- [\[23\]](#) ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 46. Л. 113.

Библиография

1. Бакунин А. В. История советского тоталитаризма. Екатеринбург: Банк культурной информации. – Кн. I. Генезис, 1996. – 256 с.
2. Бердинских В. А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. - 768 с.
3. Бикметов Р. С. Производственная деятельность Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР в 1947–1952 гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Материалы IV Всероссийских научных чтений. Кемерово, 2006. с. 248-253.
4. Бутенко А. П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // СОЦИС. 1998. № 6. – С. 28-37.
5. Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997. – 516 с.
6. ГУЛАГ. 1918–1960 / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк, 2000. – 888 с.
7. Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии. – М.: Вердикт, 1999. – 448 с.
8. Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР. 1930–1960 гг. М., 2003. – 304 с.
9. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политico-правовой аспекты. М., 2006. – 438 с.
10. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: В 7-ми томах. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. – 696 с.
11. Кан А. С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР.

- // Отечественная история. – 2003. – № 1. - 120-133 с.
12. Кустышев А. Н. Европейский Север России в репрессивной политике XX в. Ухта, 2003. – 127 с.
13. Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956 гг. Сыктывкар, 1997. – 190 с.
14. Папков С. А. Лагерная система и принудительный труд в Сибири и на Дальнем Востоке в 1929–1941 гг. // Возвращение памяти: историко-архивный альманах. Новосибирск, 1997. – Вып. 3.– С. 37-67.
15. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, (1923–1960). Справочник / Сост. М. Б. Смирнов. Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского М., 1998. - 600 с.
16. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. – 368 с.
17. Упадышев Н. В. ГУЛАГ на Европейском севере России: генезис, эволюция, распад. Мурманск, 2008. – 322 с.
18. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. – 479 с.
19. Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны. 1930-е годы: Сб. док. / РАН. Ин-т рос. истории; сост. М. И. Хлусов. М., 1998. – 172 с.
20. Эртц С. Лагерная система в 193–1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления. // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005. – С. 90-128.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью "Трудовой контингент в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР (1947-1953): численность, трудоиспользование, состав рабочего фонда".

Предмет исследования - трудовой контингент в Южнокузбасском ИТЛ МВД СССР (1947-1953): численность, трудоиспользование, состав рабочего фонда.

Методология исследования Методология исследования базируется на принципах научной объективности, системности и историзма. В работе использованы историко-хронологический и историко-генетический методы.

Актуальность исследования. Автор статьи отмечает, что "вопросы возникновения, становления и функционирования лагерного сектора в экономике советского государства до сих пор остаются в поле зрения современных исследователей", Пик исследования по данной теме пришелся на вторую половину 1980-х – 1990-х, когда появился доступ к ранее засекреченным архивным материалам, но и в настоящее время интерес историков к этой неоднозначной и дискуссионной теме по-прежнему присутствует, при этом особое значение имеют региональные исследования, раскрывающие сущность и характер отдельных пенитенциарных учреждений, являющихся частью гулаговской системы и такой подход позволяет выявить специфику принудительного труда, как в разных производственных отраслях, так и в отдельных местностях. Актуальность темы очевидна и автор убедительно это показывает.

Научная новизна работы определяется постановкой проблемы и задач исследования.

Стиль статьи научный, есть также элементы описательности, которые дают возможность более подробно и обстоятельно раскрыть тему.

Автор дает качественный обзор источников и историографии по теме, отмечает, какие вопросы проблемы раскрыты глубоко, какие необходимо изучить. Данная статья посвящена изучению вопроса "численности и состава рабочего фонда,

трудоиспользования заключенного контингента одного из крупнейших лесозаготовительных лагерей региона — Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР. Хронологические рамки статьи определены 1947 г., временем образования ИТЛ, и 1953 г., периодом начала трансформации ГУЛАГа.".

Структура работы направлена на достижение цели и задач исследований. Структура работы логично выстроена. В начале статье раскрыта актуальность темы исследования, цели, задачи, представлены источники по теме, а также дан качественный анализ историографии по теме. В статье на архивных и иных документах показана статистика численность в разные годы по теме, показана на каких работах были заняты заключенные. Статья снабжена таблицами, что делает текст визуально более понятным и наглядным. В конце статьи автор приходит к объективным выводам и отмечает, что "основу трудового фонда Южнокузбасского ИТЛ МВД СССР составляли заключенные, количество которых ежегодно увеличивалось и к 1952 г. достигло более 24-х тыс. человек. Применение труда осужденного контингента способствовало быстрому сокращению недостатка кадров в лесозаготовительной отрасли юга Кемеровской области. Трудовая деятельность осужденного контингента в лагере осуществлялась по четырем промышленным направлениям: лесозаготовка, лесопиление, сельское хозяйство и производство товаров народного потребления, но ведущим и приоритетным являлась заготовка древесины".

Библиография работы состоит из 20 разнообразных источников и дает возможность раскрыть тему.

Апелляция к оппонентам представлена в собранном автором материале и в библиографии.

Статья написана на актуальную тему и будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дорджиева Е.В. А. Ф. Воейков и «Описание калмыцкого народа» // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69728 EDN: GBHND URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69728

А. Ф. Воейков и «Описание калмыцкого народа»

Дорджиева Елена Валериевна

ORCID: 0009-0007-3399-9024

доктор исторических наук

профессор, кафедра социальных и гуманитарных наук, МИРЭА - Российский технологический университет

119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1 с.5, каб. Б-302

✉ evdord@yandex.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69728

EDN:

GBHND

Дата направления статьи в редакцию:

01-02-2024

Дата публикации:

10-02-2024

Аннотация: Объектом исследования является восприятие «внутренним» путешественником кочевого народа Российской империи на примере калмыков. Материалом исследования стало «Описание калмыцкого народа» поэта, переводчика и издателя А. Ф. Воейкова (1779-1839), основу которого составили дневники путешествия по югу России в 1813 году. В путевых записках литератор уделяет особое внимание осмыслинию нравов и традиций калмыков. Исследование авторского нарратива проведено с целью выявления мотивов обращения к истории калмыков, изучения их образа, созданного путешественником с помощью лингвистических средств, особенностей презентации «чужого» пространства, способов «ментального присоединения» провинции. Актуальность обращения к работе Воейкова обусловлена малой степенью использования данного произведения в калмыковедении. Содержание

образа калмыков исследуется в контексте традиции отношения к кочевникам, сложившейся в литературе путешествий первой половины XIX века. Историко-биографический метод позволил выявить, как личность А. Ф. Воейкова проявились в его произведении. В качестве теоретической базы привлечены труды исследователей его биографии и литературного творчества. С помощью историко-системного метода изучен политический и идеологический контекст обращения литератора к истории калмыков. Научная новизна состоит в обращении к малоизученному историко-этнографическому очерку, в выявлении возможности его использования в научном обороте. Анализ «Описания» позволил выявить его историко-этнографический характер. Цели литератора заключались в просвещении читателей журнала «Сын Отечества», донесении до них информации об истории, образе жизни, хозяйстве, повседневности, религии, культуре кочевников, сравнение с которыми укрепляло собственную идентичность. Вместе с тем, травелог Воейкова использует традиции колонизирующего путешествия. Описание Калмыцкой степи осмысливается как имперское пересоздание диких земель, созидание цивилизации и утверждение российской государственности. Литературный опыт позволил Воейкову интерпретировать подмеченные особенности образа жизни и ведения хозяйства калмыков, умело использовать труды своих предшественников и устные сведения компетентных лиц. Возможность использовать представленные в статье результаты как для дальнейшего изучения наследия А. Ф. Воейкова, так и для исследования истории калмыцкого народа определяют практическую значимость работы.

Ключевые слова:

Александр Воейков, калмыки, хозяйство калмыков, кочевники, повседневность, ламаистское духовенство, законы калмыков, образ калмыков, Бенджамин Бергман, Николай Страхов

Исследователям литературного процесса XIX века хорошо известна личность поэта, переводчика, издателя, журналиста Александра Федоровича Воейкова. В калмыковедении упоминание о нем не встречается. Между тем, литератор является автором «Описания калмыцкого народа», опубликованного в 1822 году в журнале «Сын Отечества» [1]. Необходимость целенаправленного исследования этого историко-этнографического произведения Воейкова определила актуальность настоящей статьи. Ее цель осветить одну из малоизвестных сторон деятельности А. Ф. Воейкова как исследователя истории калмыцкого народа. Перед нами стояли задачи составить историографический анализ произведения, выявить биографические обстоятельства «знакомства» литератора с калмыками, контекст обращения к их истории, образ калмыков, созданный в «Описании».

Историко-биографический метод позволил выявить, как личность Воейкова проявилась в его произведении. Для установления оригинальности мы сравнили «Описание» с работами других авторов, писавших о калмыках. Использование историко-системного метода позволило показать влияние политических и идеологических факторов на исследование литератора. В силу неизученности вопроса о вкладе Воейкова в калмыковедение в качестве теоретической базы привлечены лишь труды исследователей его биографии и литературного творчества [2-5]. Возможность использовать представленные в статье результаты как для дальнейшего изучения наследия А. Ф. Воейкова, так и для исследования истории калмыцкого народа определяют практическую значимость работы.

Александр Федорович Воейков (1779-1839) происходил из старинного дворянского рода, был выпускником Московского университетского благородного пансиона, в 1796-1801 годах служил в конной гвардии. После выхода в отставку в 1801 году он поселился в Москве на Девичьем поле. В его «ветхом поддевичьем доме», воспетом А. И. Тургеневым [6, с. 238], каждую субботу происходили собрания Дружеского литературного общества, в котором сочетались «три ведущие тенденции литературы допушкинского периода: направление мечтательного романтизма, связанное с именем Жуковского; представленное Мерзляковым направление, чуждое дворянской культуре и развивавшее традиции демократической литературы XVIII в., и, наконец, направление Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова ... в деятельности которых отчетливо проступают черты, подготавливающие литературную программу декабризма» [2, с. 25].

Здесь начался литературный путь Воейкова, сформировалась его позиция, о которой красноречиво свидетельствуют, по мнению Ю. М. Лотмана, его тираноборческие речи на заседаниях Общества. В одной из них, посвященной императору Петру III, он прославляет императора за уничтожение Тайной канцелярии, дарование вольности дворянской и секуляризацию церковных земель, говорит о готовности «собравшихся здесь юных Россиян, оживленных пламенною любовию к Отечеству» взойти ради родины на эшафот. В речи «О героизме» он заявляет, что главная гражданская добродетель заключается в героизме и презрении к смерти. В речи, произнесенной спустя два месяца после убийства императора Павла I, он говорит, что «предприимчивость свергает с престола тиранов, освобождает народы от рабства, обнажает хитрости обманщиков, открывает ослепленным народам в жрецах их коварных тунеядцев, в богах — истуканов» [2, с. 30-32]. Если Лотман считал, что Воейков привлекал к себе внимание умом и смелостью языка, то В. М. Истрин видел в нем лишь «хорошего собеседника, умевшего угостить своих товарищей». [7, с. 51].

В этот период литератор-вольнодумец активно сотрудничал с журналом «Вестник Европы», где в 1806 году появилось его стихотворение, посвященное реформатору М. М. Сперанскому. Он перевел «Историю царствования Людовика XIV и Людовика XV» Вольтера, «Сады, или искусство украшать сельские виды» Ж. Делиля. Наибольшей известности литератору удалось добиться благодаря сатире «Дом сумасшедших» с острой критикой современников. По словам М. А. Дмитриева, после окончания Отечественной войны его имя между молодыми литераторами «произносилось с почетом, наравне с именами Жуковского и Батюшкова, с которыми он составлял нераздельный триумвират» [8, с. 129]. В 1816 году Воейков стал членом литературного общества «Арзамас», где имел прозвище «Дымная печурка» или «Две Огромные Руки», в 1820 году – членом Вольного общества любителей российской словесности.

Вопрос о причастности литератора к движению декабристов требует дальнейшего исследования. Генерал И. Г. Бурцев, один из руководителей «Союза благоденствия», во время следствия признался, что Воейков состоял в этой организации. Однако эту информацию не подтвердили другие члены-учредители Союза, состоявшие в «Коренной думе», поэтому литератор избежал санкций.

Другую сторону Воейкова раскрывают его непростые отношения с В. А. Жуковским и брак с его племянницей Александрой Андреевной Протасовой, адресатом баллады «Светлана». Воейков не поддержал друга, влюбленного в Марию Андреевну Протасову, сестру Александры. При сватовстве он утаил растрату части отцовского наследства. В браке литератор проявил себя как домашний тиран, супруга страдала от его

неуравновешенного характера, пьянства, частных скандалов и карточных долгов [\[9, с. 53\]](#). Н. И. Греч в воспоминаниях печалился, что прекрасная, добрейшая, умная Александра Андреевна была мученицей и жертвой «этого гнусного изверга», который ей «обязан был всем существованием» [\[10\]](#).

Третья сторона натуры Воейкова раскрылась в Дерптском университете, где в 1814 году он оказался благодаря протекции Жуковского. Однако преподавательская деятельность на историко-филологическом факультете не сложилась, хотя в 1818 году он был удостоен степени доктора философии honoris causa [\[11, с. 352\]](#). Воейков перессорился с коллегами, писал доносы на них петербургскому начальству. Когда он принял решение о переезде в Петербург, дерптские кредиторы воспрепятствовали выезду из города. На выручку пришел брат Иван Федорович, выплативший долг и поручившийся за брата [\[12, с. 5\]](#).

В Петербурге в 1820 году В. Жуковский и А. Тургенев помогли Воейкову устроиться преподавателем русской словесности и соиздателем «Сына Отечества». Жуковский, чтобы поддержать свою крестницу Александру Андреевну, с 1822 года поселился в квартире Воейковых. В салоне умной, привлекательной, художественно одаренной Александры Андреевны, вызывавшей восхищение многих современников, на Невском проспекте напротив Аничкова дворца собирался литературный цвет Петербурга. В 1822 году при помощи Жуковского литератору удалось взять в аренду военную газету «Русский инвалид». По примере Грече он решил издавать приложения к газете: «Новости литературы», «Славянин» и «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“». Популярность Воейкова выросла благодаря его положению издателя «Сына Отечества» и «Русского инвалида», критике реакционера М. Л. Магницкого, «разгромившего» Казанский университет, острым обличениям А. С. Шишкова, С. Н. Глинки, яростной полемике с Н. И. Гречем и Ф. В. Булгарином. Исследователи истории отечественной журналистики первой половины XIX века называли литератора опытным полемистом, при этом отмечали отрицательные черты в его деятельности: «он был литературным дельцом и коммерческие интересы своих изданий ставил на первый план. Он зачастую бесцеремонно, безо всякого ведома авторов, перепечатывал их произведения в своих журналах. В 20-е годы вошел в обиход даже особый термин «воейковствовать», «воейковщина», имевший определенный предосудительный смысл» [\[13, с. 584\]](#). Такова была противоречивая натура А. Ф. Воейкова, которого Лотман не случайно назвал мистификатором, имеющим много «лиц» [\[2, с. 430\]](#).

В 1822 году в 5-7 номерах журнала «Сын Отечества» Воейков разместил «Описание калмыцкого народа». Отметим, что роль журналов первой половины XIX века была значительна. Они служили источниками просвещения, доносили разнообразную информацию, порождали традицию непрерывного чтения, развивали художественные вкусы. С подачи директора Императорской публичной библиотеки А. Н. Оленина и попечителя санкт-петербургского учебного округа С. С. Уварова осенью 1812 года в разгар народной войны против наполеоновского нашествия Николай Иванович Греч основал «Сын Отечества» с благородной целью – пробудить в сердцах читателей патриотические чувства. Она вызвала отклик императора Александра I, выделившего тысячу рублей на организацию журнала. Изначально в нем освещался ход военной кампании, печатались очерки о защитниках Отечества. На страницах журнала появились «Послание к русским» А. П. Куницына, фрагменты «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинки, «Вступления в историю освобождения Соединенных Нидерландов» Ф. Шиллера, патриотические басни И. А. Крылова «Ворона и курица», «Волк на пасарне», «Обоз»,

«Щука и Кот», посвященные М. И. Кутузову, антифранцузские карикатуры А. Г. Венецианова и И. И. Теребенева. В отличие от А. Шишкова и С. Глинки, в изданиях которых господствовали официальный патриотизм и правительственный народность, Греч вопросы патриотизма и народности решал в духе гражданского свободомыслия.

После завершения военных действий «Сын Отечества» постепенно превращался из общественно-политического в литературный. В 1815-1825 годах в его номерах печатались произведения лучших представителей русской литературы: А. С. Пушкина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, Д. В. Давыдова, А.А. Дельвига, Н И. Гнедича, Д. В. Веневитинова, А. С. Грибоедова, П. А. Вяземского. Сотрудничество с Гречем участников декабристских обществ Ф. Глинки, А. Одоевского, А. Бестужева, А. Корниловича, Н. Муравьева, К. Рылеева, Н. Тургенева, В. Кюхельбекера, отстаивавших принципы гражданского романтизма, придало журналу передовой характер.

Став соиздателем Грече, Воейков, отвечавший за раздел критики, задался целью разнообразить материал. Специфика журнала как периодического издания позволяла размещать увлекательные и доступные сведения о природе России и ее народах, знаменитых людях, обычаях и традициях, что соответствовало общественным запросам в условиях подъема национального самосознания, вызванного Отечественной войной 1812 года. Интерес к «внутренним» путешествиям объясняет наметившийся в конце XVIII века этнографический бум, «открытие» провинции, которому способствовали академические экспедиции. В 1820-е годы в «Сыне Отечества» Воейков опубликовал ряд обозрений российских губерний, в основу которых легли его дорожные записки, составленные во время путешествий по стране. Как признавался литератор, «с 1802 года каждое лето было мною посвящено на обозрение какой-нибудь отечественной области: то Казани и Нижнего Новгорода, то Киева и Чернигова, то Воронежа, Харькова и Екатеринославля. Я был тогда в цветущей молодости и путешествовал по воле. В 1813 году должен был ехать на Кавказ по неволе» [\[14, с. 2\]](#). По мнению О. Б. Лебедевой, путешествие по южным губерниям России он предпринял в связи с тем, что «расстроенные имения древнего дворянского рода Воейковых находились на юге Саратовской губернии недалеко от Сарепты, колонии немцев-евангелистов, основанной в 1765 году вблизи Царицына» [\[15, с. 100\]](#). Сам же литератор писал, что страдал «от сильной простуды в голове и спине чувствовал я медленную пышку и не мог ни спать, ни шагу сделать без боли» и «живучи в Сарепте, я ожидал себе товарища и сослуживца и друга И. В. С-ва, который вместе со мной желал прибегнуть к целительным водам для поправления здоровья, службою расстроенного» [\[14, с. 4\]](#). Из Сарепты в 1813 году он направился на корабле по Ахтубе к Царевскому городищу, затем далее на Кавказ.

Обратившись к истории калмыков, Воейков изучил исторические, географические и статистические труды («Географический словарь Российского государства» А. Щекатова, «Топографию Оренбургской губернии» П. Рычкова, «Описание народов, в России обитающих» И. Георги, «Нынешнее состояние калмыцкого народа» Н. Страхова, «Дневные записки» И. Лепехина, «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802-1803 годах» Б. Бергмана и др.), получил устные описания от лиц, долгое время живших среди кочевников, что придало его произведению историко-этнографический характер.

Начинается «Описание» с экскурса в историю калмыков. Воейков связывает происхождение этнонима «калмык» с татарским «Халимек, народ отделившийся» или с монгольскими словами: «гол огонь и аймак род, поколение; Голай-мак, или Холи-майк - значит огненная порода, огненный народ». Калмыков или «дербен-орет» (дэрбэн-ойратов – Е. Д) литератор называет «коленом монгольского народа», выделяя в их

составе «хороутов», «зоонгорцев», «дербетов» и «торгоутов» [\[1, с. 207-208\]](#). С одной стороны, он показывает административно-территориальный характер объединений ойратов: «зоонгорцы» кочевали по Китайской и Сибирской границе при реке Или, впадающей в озеро Балхаш-Нур, а дербеты перекочевали из Восточной Джунгарии в Западную к вершинам рек Ишими и Тобола. С другой стороны, упоминает, что торгоуты являлись «потомками телохранителей» Чингис-хана, а хороуты витязями или богатырями, названными так за свою храбрость. Его знаний, конечно не хватило, чтобы объяснить, как произошла трансформация войсковых подразделений в этнополитические.

При кратком описании ранней истории калмыков в России он называет причинами перекочевки торгоутов Хо-Урлюка в Россию ссоры с хороутскими и зюнгарскими владельцами. Называя Хо-Урлюка мудрым владельцем, Воейков перечисляет среди его достижений завоевание хатай-капчитских, малибашских, джетаканских и джембулукских татар и написание Уложения 1640 года. Он считает, что ранняя история калмыков в России была временем своеобразия. Упомянув, что при пожаре Казанского приказа сгорели шерти (присяги на верность – Е. Д.) Аюки, Воейков пишет, что хан и его наследники, «получив высокое мнение о своем могуществе, вместе с Крымцами, Кубанцами и Нагайцами грабил и жег селения в Пензенской, Симбирской, Уфимской и Астраханской губерниях». Лишь усилиями астраханских губернаторов В. Н. Татищева, В. В. Неронова и Н. А. Бекетова калмыки были введены внутрь учрежденной военной линии от Царицына до Саратова и от Царицына до Астрахани и усмирены.

Понимая, что религия — это реальная социокультурная составляющая идентичности, Воейков уделяет ей значительное внимание в своем трактате. Он делит калмыков на христиан, мусульман и идолопоклонников. Ссылаясь на сообщения И. Георги и П. Рычкова, литератор пишет, что ставропольские калмыки сохраняют свою одежду, пищу, обычай, традиционный образ хозяйствования и только зима и глубокий снег вынуждают их делать заготовки сена и устраивать стойла для скота.

Небольшая группа калмыков-мусульман, проживающих в отведенной деревне в Оренбургской губернии в Челябинской округе на восточной стороне Уральских гор, по его словам, занимается скотоводством, живет в войлочных кибитках, соблюдает мусульманские обряды, несет казацкую службу наряду с башкирами и несмотря на смешанные браки сохраняет типичный внешний облик («широкие лица, узкие глаза и длинные отвислые уши отцов своих»).

Подробно останавливается автор на изучении традиционной религии, которой придерживается основная масса калмыков. Он сообщает читателю, что их традиционные взгляды калмыков включают представления о происхождении мира из хаоса, делят мир на четыре эпохи: «в первой век жизни человеческой уменьшился от восьмидесяти тысяч лет до ста лет. Люди возносились живые на небо». Во второй эпохе в настоящее время уменьшились рост людей и продолжительность их жизни, пропала добродетель, возникло земледелие, беспрестанная вражда привела к образованию монархий. И только бурханы пытались иногда восстановить нравственность. С наступлением третьей эпохи «все будет на земле уменьшаться: слон сделается с барана, а лошадь с зайца; люди будут жениться на пятом году от роду, дряхлеть на десятом. Все кончится тем, что море крови затопит вселенную» [\[1, с. 225\]](#). Возобновление мира, а вместе с ним восстановление добродетели и увеличение продолжительности жизни произойдут в четвертую эпоху. Автор уточняет, что переселение душ – удел исключительно добродетельных людей, отмечает разнообразие бурханов, а также множественность раев

и адов. Он дословно воспроизводит десять правил калмыцкой веры и текст молитвы, позаимствованные из работы главного пристава калмыцкого народа Н. И. Страхова «Нынешнее состояние калмыцкого народа», рассказывает о богослужении на калмыцких праздниках.

Оценивая степень влияния буддийского духовенства, он пишет, что после прекращения контактов с Далай-ламой каждый лама в своем улусе в силу специфики жизни кочевников стал практически независимым. К его функциям относятся посвящение в духовенство, отпущение грехов, благословление, погребение умерших, чтение молитв. Помимо лам к духовным лицам он относит гелюнгов, гецулей, манджиков, упоминает отшельников. Литератор описывает идолослужебные кибитки: «в них стоят на возвышенном месте бурханы, а перед ним в серебряных жертвенных чашах сарацинское пшено, орехи, молоко; в подсвечниках горят свечи, в лампах масло, а в курильницах разные ароматы. Вокруг расставлены знамена, книги, бубны, трубы, гобои, кружки с погремушками, колокола, колокольчики» [\[1, с. 244\]](#).

Вопрос о численности калмыцкого духовенства, поднятый Страховым, беспокоит Воейкова. Увеличение числа духовных лиц, составляющих десятую часть населения, он связывает не только с нарушением древнего закона, согласно которому только один мальчик посвящался в монахи, но и с завещаниями суеверных калмыцких нойонов (владельцев улусов – Е. Д.), которые отдают во владение монастырям целые семейства. Автор с осуждением пишет о тунеядстве молодых священнослужителей и покровительстве со стороны лам, взимающих деньги за причисление к духовному сословию, фиксирует различия между поколениями молодых и старших священнослужителей. Последние, по его словам, «будучи просвещенное дворянства и даже владетельных князей своих, занимают места народных правителей, судей, лекарей, полицмейстеров; они заводят, решают и прекращают тяжбы» [\[1, с. 246\]](#). Критически оценивает Воейков источники обогащения буддийского духовенства.

Суеверие калмыков Воейков объясняет невежеством и предрассудками и отмечает, что важные дела предпринимаются по совету астролога. Он пишет об особенных жрецах, определяющих по старинным книгам счастливые дни, обязанности, опасности и болезни, год вступления в брак и смерти. Литератор перечисляет народные приметы калмыков: запреты убивать журавлей, сидеть на пороге, ходить по золе, держать ноги близко ко огню, закуривать трубку лоскутком бумаги, приведенные ранее в труде лютеранского пастора Б. Бергмана, который провел среди калмыков пятнадцать месяцев в 1802-1803 годах.

Самое значимым современным событием для калмыцкого народа Воейков вслед за Н. Страховым называет исход калмыков в Китай в 1771 году. Он осуждает решение наместника Убashi, отмечая, что почти все участники похода погибли в дороге от холода, лишений и «хищных» народов. Восстановление Павлом I суда Зарго, института наместничества, определение земельных прав калмыков литератор называет счастливыми и достопамятными переменами в их жизни. Он пишет, что в России осталось 100 тысяч калмыков, разделенных на три орды: дербеты (10 тыс. кибиток), торгоуты и хошоуты. Дербетовские калмыки кочуют от Царицына до Кумы, торгоуты от Черного Яра и Енотаевска до Кумы, хошоуты близ Астрахани по обеим сторонам Волги. Небольшое число джунгар разделено между оставшимися в России ордами после побега 1771 года. Социальная структура калмыцкого общества, по словам Воейкова, включает белую кость (высшее духовенство и владельцы) и черную кость (низшее духовенство и простолюдины). Словами Бергмана литератор критикует социальные различия:

«Дворянин никак не согласится пить из одного сосуда с простолюдином; также не войдет в его кибитку, разве до самой крайней необходимости. Простой калмык не может сесть на матрац, принадлежащем дворянину; самое достоинство жреца не заглаживает на нем пятна породы» [\[1, с. 254\]](#).

При описании правовых отношений у калмыков он вновь обращается к книге Н. Страхова, цитирует древние законы о наказаниях за преступления против жизни, против здоровья, половые преступления, оскорблении, кражи, бегство в поля боя и оставление владельца в опасности, укрывательство беглых людей, оставление духовного звания, фиксирует наличие калыма и правило ежегодно «из сорока кибиток женить холостых четырех человек; каждому в заплате за невесту должны вспомоществовать десять семейств, а если кто из сих четырех человек, по неполучению помощи, останется холостым; за то с 10 кибиток взыскивать 2 верблюдов, 5 лошадей и 10 овец». Литератор знакомит читателей с порядком судопроизводства: «Без истца и ответчика запрещено производить суд, и без свидетелей в жалобах положено не верить. Всякой тот должен быть обвинен, кто после трех повесток в суд не явится. Навсегда лишаются достоинства те судьи, которые три дела решили несправедливо» [\[1, с. 257\]](#). Воейков отмечает недостаток и архаичность законов калмыков, нерадение судей в силу которого введена присяга в судопроизводство, особый статус духовенства («преступления против него считаются важнее, нежели против отца и матери; легче убить рабыню, нежели обесчестить жреца словом»). Словами Б. Бергмана он объясняет, что тяжкие преступления редки среди калмыков, потому что «нравы их суровы, но не злы». Единичные убийства совершаются в «первом жару гнева, ибо они весьма пылкого склонения».

Литератор сообщает читателям, что калмыки обладают превосходными физическими данными, прежде всего, тонким обонянием, острым слухом и зрением. Он приводит замечание Бергмана, что уральские казаки, промышляющие рыболовством, «ищут Калмыцких рыболовов, и по их совету смело бросают невод, будучи твердо уверены в счастливой тоне. У Калмыцких пастухов глаз так долго помнит замеченные признаки, что, взглянув на стадо, тотчас узнают они, сколько и какой недостает скотины» [\[1, с. 259\]](#). Поразила Воейкова и чрезвычайная память кочевников, порожденная привычкой ориентироваться в степном пространстве», благодаря которой они легко удерживают в голове множество народных преданий, обширные отрывки из религиозных текстов.

Он пишет о живом плодовитом воображении, большом остроумии и проницательности калмыков. Высокого мнения Воейков о способности калмыков к обучению. Он отмечает точность и скорость, с которой они воспринимают новую информацию, легкость в изучении языков «даже тех народов, у коих случается им прожить весьма короткое время», красноречие. Литератор пишет, что в каждом улусе бакша (учитель - Е. Д.) обучает детей чтению, письму, богословию, арифметике, истории, географии, астрономии, астрологии, медицине. Однако уровень знаний оставляет желать лучшего, так как преподавание ведется «сообразно своим о них понятиям, кои весьма ложны». Среди недостатков степняков литератор называет склонность к пьянству и карточной игре, неопрятность («дети их летом ходят совсем нагие; едят калмыки все: падаль, мышей, сусликов, кишкы, траву»), тягу мужчин и женщин к курению («сарептские колонисты продают им его ежегодно более, нежели на 50000 рублей»).

В описании внешности калмыков Воейков избегает стереотипов и оценочных суждений. Он констатирует средний рост, сухощавость, статность степняков и визуальные признаки: «Лице у них так плоско, что Калмыцкий череп от всякого другого отличить можно. Глаза

узки и уголки их плосче, нежели у Европейцев; губы толсты, нос приплюснут и мал, ноздри широкие, подбородок короткий, волосы на бороде редки и показываются поздно; зубы ровные и белые, как жемчуг; цвет лица у мужчин красно-смуглый, у женщин румяно-смуглый, кожа очень нежна, уши оттопырились и весьма длинны; волосы у всех черные; ноги кривые, не от природы, а от сиденья в присядку и от всегдашней верховой езды» [\[1, с. 261\]](#).

Исследователям истории повседневности кочевников будут полезны замечания Воейкова о перекочевке калмыков, сделанные на основе путевых записок академика И. Лепехина: «На несколько верст вдоль по пустыне видно странствование целого народа! Все пожитки, посуда и кибитки богатые высят на верблюдов, а бедные на быков и коров. Женщины, девушки, малые ребята верхом гонят табуны и стада. В обозе богатого Нойона или Зайсанга верблюды украшены мохрами и кистями, лошади колокольчиками и гремушками; поклажа покрыта богатыми коврами и попонами. Господин с дворовыми людьми своими едет впереди гордо и имея шапку на бекрене; за ним управитель его или конюший с значком в руке; по обеим сторонам верблюжьих седел приделаны, как ящики, детские колыбели; их набивают пухом и сажают туда Калмычат, которые оттуда, как сурки из норы выглядывают» [\[1, с. 295\]](#).

Он описывает для читателей войлочные кибитки степняков с раскрашенными красной краской деревянными стойками, кольями и переплетами, отверстием для дыма вверху и местом для огня посреди кибитки. Отмечает, что интерьер кибиток нойонов и зайсангов (управителей аймаков – Е. Д.) богаче, они покрываются белым войлоком, «стены обитышелковыми тканями, полы устланы персидскими коврами, постели с богатыми занавесами, бахрамою и зеркалом; по сторонам развешина богатая одежда и оружие; на коробке, обитой железом и выкрашенной голубою краскою, и заключающей деньги и драгоценности, стоит домашний идол, а перед ним курильница, жертвенные чаши с сарацинским пшеном и изюмом, восковые свечи, и пр. Надобно однакож признаться, что и в великолепных княжеских кибитках не наблюдается ни малейшей опрятности, и отвратительный запах терзает обоняние» [\[1, с. 262-263\]](#).

Согласно «Описанию», хлеб является для степняков роскошью, «обыкновенное питье их состоит в кислом молоке, сыворотке, вине из кобыльего молока и простой воде. Они большие охотники до чаю; его, также как и другие товары, привозят к ним торгующие в улусах армяне, которые для калмыков тоже, что для европейцев французы», «по большой же части пытаются ржаною мукою, которой пригоршни, брошенные в кипящий котел и посоленные, достаточны на сутки для целого калмыцкого семейства». Литератор отмечает тонкости столового этикета нойонов и зайсангов: «едят не на столах, а на коврах, по земле разостленных, и руками. Есть у них фарфоровая, оловянная и серебряная посуда» [\[1, с. 263\]](#).

Он описывает одежду кочевников: «Одежда мужчин Татарская, голодный убор Китайский: полусапожки черные или сафьянные цветные, шаровары, полукафтанье из легкой ткани с узкими рукавами и Лонс, к коему привешены сабля, нож, трубка, мешок с табаком, кремнем, и огнivом; суконный кафтан с широкими рукавами. Голову бреют, оставляя на теме хохол, который заплетают в три косы. На голове желтая скуфейка с кисточкою. Бедные ходят без рубах и босиком, и в величайшие летние жары носят овчинный тулуп на голом теле. Если зной нестерпим, то спускают его с плеч по пояс и ездят верхом нагие». Женская одежда отличается от мужской тем, что «вместо кафтана имеют верхнее платье без рукавов и особенного покроя». Женщины не стригут волосы: «девушки заплетают их в тонкие косы, которые висят около затылка; женщины носят

только две косы. В ушах висят огромные серьги, а пальцы унизывают перстнями и кольцами. Девушки румянятся и белятся» [\[1, с. 264\]](#).

Калмыцкие женщины вызывают у литератора симпатию. Он полагает, что они трудятся больше мужчин: «выделывают меха, шьют одежду и обувь, валяют войлока, делают масло, сыр, и вино, прядут верблюжью и овечью шерсть, ткут тесьму, седельные подпружи и армяки». К заботам степняков он относит уход за скотом, изготовление кибиток, отмечает наличие в улусах ремесленников (серебряников, слесарей и кузнецов). Лень мужчин Воейков объясняет их убежденностью, что калмыку «не благородно заниматься работой».

Главным богатством калмыков и одновременно предметом их особой заботы Воейков называет их стада. Он отмечает сложности, с которыми приходится сталкиваться кочевникам, чей скот весь год находится на подножном корму, поэтому долгие и снежные зимы вызывают большой падеж. В 1813 году, по данным литератора, у калмыков насчитывалось 75000 верблюдов, 300000 лошадей, 200000 коров, до 1000000 коз и овец. Однако степняки из-за суеверий не дают точных данных о количестве скота, поэтому, предполагает наблюдатель, истинная численность может достигать 3000000 голов в целом.

Описывая состояние калмыцкого народа, опутанного суевериями и находящегося под властью своих владельцев и духовенства, литератор называет образ жизни калмыков первобытным. В создании образа калмыков он использует нарратив Бергмана: «между всадником и конем приметно разительное сходство в характерах, и что о многих народах можно сказать то же. Например: Турецкие лошади пылки, быстры и суровы, но скоро устают и имеют нужду в долговременном отдыхе; Русские лошади отважны, сильны, терпеливы, пробежав большое расстояние, отдыхают немного — и опять готовы в дорогу; Немецкие сильны, возят на ровной дороге большие тягости, но к скорому бегу и большим упряжкам неспособны. Калмыцкие лошади малорослы, горячи и крепки. Они скачут как вихрь по нестерпимому зною и быстро пробегают расстояние невероятное» [\[1, с. 294\]](#).

Воейков отмечает как успешность скотоводов в лечении животных, в особенности, переломов и вывихов, так и низкий уровень развития медицины в улусах, ограниченность местных лекарей, которые только щупают пульс и рекомендуют воздержание от пищи. Положительно оценивая деятельность сарептского доктора Карла Яна, прививающего оспу калмыкам, он сравнивает ее с абсурдными способами лечения у степняков: «Бергман уверяет, что видел одного калмыка, который по утру и ввечеру принимал по 11 гран купоросу, и в 4 дни совершенно вылечился»; калмыки лечат сежикте (гипохондрию – Е. Д.) возведением «на больного какой-либо напраслины, обвинение в воровстве, убийстве, и проч. В добавок же к тому нещадно бьют и секут больного, и таким чувствительным средством возвращают гипохондрика от мечтательного страха к боли телесной» [\[1, с. 266\]](#).

Кратко описывает Воейков обряды жизненного цикла. Он отмечает, что роды неизнеженных калмычек легки по причине их близости к природе и трудолюбию. За невест мужчины платят калым, бракосочетание проводится в новой кибитке и состоит в чтении жрецом молитвы, окуривании женской скуфейки (головного убора – Е. Д.) и благословлении невесты, которой заплетают волосы в две косы и приступают к пиршеству. Похоронные обряды калмыков, по его словам, просты: умерших простолюдинов «бросают в овраги, в леса или в воду, а знатных, особенно лам, сжигают

с торжественными обрядами» [\[1, с. 267\]](#).

Народными увеселениями он называет скачки на лошадях и борьбу, забавой владельцев – охоту. Литератор отмечает своеобразие калмыцких танцев: «Калмыки пляшут, можно сказать, не ногами, а руками, из коих делают разные фигуры, двигают и действуют ими согласно с тонами музыки, изворачиваются на бок до самой земли, гнут голову назад до самых ног, и почитают это за верх искусства, совершенства и приятности» [\[1, с. 296\]](#). По вечерам, отмечает он, калмыки любят слушать длинные сказки под балалайку.

Желая расширить представления читателей о культуре калмыков, Воейков размещает в «Описании» народную плясовую «Савардин», единственную веселую среди «печальных и протяжных» калмыцких песен, повесть «Водопад и камень», сказку «Левый глаз», 22 пословицы, записанные Н. Страховым. Такое лирическое отступление характерно для путеводителя начала XIX века, отличавшегося «парадоксами литературности» [\[16, с. 59\]](#).

В заключении размышляя о нынешнем состоянии калмыков в Российской империи, он отмечает перемены, связанные со снижением их военной активности: «Это уже не те Калмыки-воины, которые столь храбро сражались при Амурсанане, Аюк-Хане и Дундук-Амбо!», они ненадежны для охраны границ от набегов хищных соседей и в настоящий момент привлекаются лишь для охраны пограничной цепи на луговой стороне Волги. Кризис Калмыцкого общества, связанный с уменьшением численности калмыков после исхода 1771 года, привел к падению «духа» калмыков, превращению их в «мирных пастырей», о чем свидетельствуют, по мнению Воейкова, случаи «в войне против бунтовщика Пугачева, на Кавказской линии и в Персии». Вместе с тем литератор, принимавший участие в Отечественной войне 1812 года, пишет о том, что в борьбе с Наполеоном калмыки «сражались мужественно, и многие украшены знаками отличия». Он отмечает важность военной истории для идентичности калмыков, пишет, что они с гордостью вспоминают, к примеру, участие в Семилетней войне.

Воейков присоединяется к высказанному ранее академиками Палласом и Лепехиным, главным приставом Страховым мнению о пользе калмыцкого скотоводства для России. Рассуждая о природно-климатической обусловленностиnomadizma, он пишет, что «Если бы всем Европейским Академиям и Университетам задан был вопрос о средствах обратить бесполезно пропадающие неизмеримые пустыни, в места заселенные и большое богатство Государству доставляющие, то без сомнения не придумали бы они к тому средств лучше тех, какие употребляют Калмыки» [\[1, с. 307-308\]](#). Литератор считает, что в условиях евразийских степей и полупустынь кочевое скотоводство калмыков, которое при минимальных затратах труда позволяло получать максимальную отдачу в виде молока, мяса, шкур, оказалось наилучшим приспособлением хозяйства к скучным ресурсам среды. Он пишет, что ежегодные продажи скота и шерсти достигают 1,500,000 рублей, что «доказывает, что ни одна Европейская держава не имеет ни в Азии, ни в Америке колоний, в которых до такой степени процветало бы скотоводство» [\[1, с. 308\]](#).

Сравнительный анализ «Описания» Воейкова показал, что автор использовал при сочинении своего труда опубликованные в конце XVIII – начале XIX века работы участников академических экспедиций П. Палласа, И. Георги, путешественников Б. Бергмана и И. Лепехина, российских администраторов П. Рычкова и Н. Страхова. При детальном сравнении текста «Описания» с текстами вышеназванных авторов, обнаруживается открытое и скрытое (без указания автора) цитирование. Эти заимствования создают эффект раздвоенности путешественника и автора-повествователя. Воейкову приходится, с одной стороны, следовать определенным

шаблонам, с другой – размышлять над собственной нарративной стратегией в индивидуальном «слове о путешествии».

Информаторами Воейкова были хорошо знакомые с калмыками Христиан Гамель и Конрад Нейц. Первый прибыл в Россию после приглашения императрицы Екатерины II и стал одним из основателей немецкой колонии Сарепта близ Царицына, где выполнял обязанности полицмейстера. Основу этого поселения составляли, как известно, последователи одного из течений в протестантизме гернгутеры. Их цель заключалась в обращении в христианскую веру калмыков, киргизов и татар. Члены этого братства составили немецко-калмыцкий и калмыцко-немецкий словари, грамматику калмыцкого народа. Воейков познакомился с Гамелем и Нейцем во время путешествия 1813 года. Он восхищался предпринятым миссионерами Нейцом и Гамелем путешествием на Кавказ для проповедования Евангелия лезгинам и осетинам [\[17, с. 66-67\]](#).

Доктор Конрад Нейц, член братства гернгутеров, получил известность как организатор производства в Сарепте горчицы и масла. Он основал здесь ручной горчично-маслобойный завод, заработавший с 1810 года на конной тяге. Исследователи считают, что занимаясь миссионерской деятельностью среди калмыков, он узнал рецепт приготовления горчицы [\[18, с. 160\]](#). Известно, что Нейц привез из Петербурга семена горчицы и приступил к селекции путем скрещивания чёрной французской с жёлтой английской горчицей, к которым добавил невкусную дикую волжскую из ильменей и впадин Калмыцких степей и Заволжья. Ему удалось вырастить сизую сарептскую горчицу, известную в наше дни под названием русская горчица. Воейков пишет, что миссионер получил от государя императора «золотые часы за успешное разведение горчицы, совершенно заменяющей английскую и дающую благовонное масло, не уступающее ни вкусом, ни чистотой вкусному оливковому» [\[17, с. 65-66\]](#).

Нейц был знатоком калмыцкого языка и обучал лютеранского пастора Б. Бергмана в Сарепте в 1799 году перед поездкой в улусы. Бергман вспоминал: «В этом поселении братьев-евангелистов я познакомился калмыками, в какой-то степени сам, а частично узнал они них из сведений местных протестантских братьев. Контраст монгольского образа жизни с нашим, самобытность, которую я увидел в характере и образе мышления калмыков: все это побудило меня еще ближе познакомиться с этими интересными людьми. Усилия г-на Нейца из Сарепты, который благодаря своему глубокому знанию монгольского языка и тщательному изучению нескольких монгольских книг, смог дать наилучшую информацию о мифологии монголов, позволили мне написать несколько заметок по этому вопросу» [\[19, с. 19-20\]](#).

Воейков также ссылается на немецкого картографа и астронома Г. М. Ловица, который совместно с П. Иноходцевым совершил экспедицию в Нижнее Поволжье в 1769-1774 годах с целью наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца в Гурьеве. Ученые составили историко-географические описания, карты, планы, дневники и путевые заметки, но большая часть их была уничтожена, когда в ходе восстания Е. И. Пугачева в 1774 году Ловиц был казнен яицкими казаками. Иноходцеву, жене и сыну Ловица удалось спастись и вывести часть материалов. В настоящее время они хранятся в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук (СПФ АРАН) и в отделе рукописной книги библиотеки Академии наук (ОР БАН), ждут перевода на русский язык и дальнейшего исследования [\[20, с. 6\]](#).

На публикации «Описания» интерес Воейкова к истории калмыков не закончился. Он будет упоминать о кочевниках в «Описании Сарепты», опубликованном в 1822 году в

журнале Ф. Булгарина «Северный архив», травелогах «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарай, бывшей столицы ханов Золотой Орды», «Астрахань», размещенных в июльской и августовской книжках «Новостей литературы». Так, описывая общественные места Сарепты, он упомянет лавку для продажи товаров, нужных «для калмыка, немца, русского крестьянина, донского казака, татарина, малороссиянина, путешественника, художника, купца и ученого», напишет, что доход табачному заводу колонии обеспечивают в первую очередь калмыки, пристрастившиеся к табакокурению [17, с. 56-57]. В незаконченном травелоге «Астрахань» он вспомнит об историческом свидании Петра I в Саратове с калмыцким ханом Аюкой, которого царь «пригласил его с семейством к обеденному столу и изуважения к маститой его старости, сам встретил его на берегу и вел за руку на свой струг», торжественном богослужении у калмыков, устройстве бурха-ургю (богослужебной кибитки – Е. Д.), ламаистском духовенстве [21, с. 63,70]. Создавая поэтический образ Астрахани, среди ее жителей он назовет калмыков:

«Я видел Астрахань, сей памятник великий.

Там Росс-младенец, полуодичай,

Европе славный дал пример

Терпимости всех вер.

Там браминский пагод и подле храм армянской;

И церковь лютеран

С мечетью там магометанской;

Там церковь греко-российян

В соседстве с церковью католицкой

С гернгутерской стоят

Часовня староверцев в ряд

С кибиткой идолов Калмыцкой» [21, с. 55].

Таким образом, мы убедились, что презентация калмыков на страницах одного из самых влиятельных и популярных журналов своего времени, преследовала несколько целей. Практическая цель издателя заключалась в необходимости наполнения редакционного портфеля, просветительская – в ознакомлении русского читателей с культурой кочевников познании чужого мира, осознании себя через постижение иного, имперская – в «ментальном присоединении» региона, населенного носителями иной культурной традиции. В отличие от других травелогов Воейкова, которым как всем «литературным путешествиям» начала XIX века свойственны обильное цитирование, введение лирических отступлений, ряд постоянных сюжетных мотивов, «Описание», ставшее результатом путешествия литератора по южным губерниям России в 1813 году, имеет историко-этнографический характер. Стороннему читателю автор сообщает об истории, образе жизни, хозяйстве, повседневности, религии, культуре кочевников, осведомленному, желающему лучше понять характер и обычай народа, адресует сказки, повести, пословицы, молитву, фрагменты правовых норм калмыков и описание судопроизводства. Литературный талант и эрудиция позволили Воейкову интерпретировать подмеченные особенности образа жизни и ведения хозяйства

калмыков, умело использовать труды своих предшественников и устные достоверные сведения. В этой связи использование данного произведения калмыковедами представляется целесообразным.

Несмотря на то, что многие современники, пострадавшие от острого языка журналиста, отмечали беспринципность Воейкова как издателя, в «Описании» он старался избежать взгляда на калмыков «сверху» и пришел к выводу, что они заслуживают «все внимание правительства». Идеология издателя проявляется в интенциональной направленности его произведения, обусловленную главным образом задачами просвещения читателя. Литератор показывает ему проблемы калмыцкого общества: нестабильность кочевого хозяйства, огромное влияние владельцев и ламаистского духовенства на калмыков, низкий уровень медицины и образования, архаичное судопроизводство, которые говорят о необходимости дальнейшей интеграции калмыков и совершенствовании системы управления. Основные отрицательные характеристики связаны с суевериями и предрассудками калмыков. О его лояльности говорят отмеченные положительные качества кочевников, уважение к их военному прошлому, высокая оценка значения калмыцкого скотоводства для империи. Аскетичный стиль «Описания» совершенно не похож на обычный стиль критических статей литератора, острый и язвительный полемист уступил место внимательному наблюдателю.

Для создания образа «Другого» в тексте используется ряд лексических средств, к которым можно отнести использование оценочных слов и выражений («суеверные калмыки»), сравнений («калмыцкий образ жизни напоминает первобытные общества человеческие», умные гернгутеры/невежественные калмыки), метафор («мирные пастыри»). В восприятии Воейкова калмыки – полезные отечеству мирные скотоводы, рационально использующие степные просторы, на которых должно быть направление внимание правительства для преодоления отсталости, суеверий и предрассудков.

Таким образом, к многочисленным, не всегда приглядным, «ликам» А. Ф. Воейкова, можно добавить образ исследователя и популяризатора истории калмыков. Во второй половине 1820-х годов, когда его репутация упала, скончалась жена Александра Андреевна, прекратились связи с прежним литературным кругом, издательская деятельность Воейкова угасла. «В глазах молодого поколения, — точно заметил Балакин, — он предстает уже не другом и соратником Жуковского и Батюшкова, а вздорным журнальным педантом, способным ругаться из-за всякого брошенного на него косого критического взгляда» [\[22, с. 159\]](#). Не только «Описание» Воейкова, практически забытое калмыковедами, но и его литературное наследие имеет необычную участь. Некоторые стихи Воейкова включены в большинство курсов истории русской литературы первой половины XIX века, вместе с тем, большая часть его поэтического и публицистического наследия ни разу не собиралась в книги и не изучалась.

Библиография

1. Воейков А.Ф. Описание калмыцкого народа // Сын Отечества. 1822 б. Ч. 75. №5. С. 208-226. №6. С. 244-267. №7. С. С.293-308.
2. Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1958. Вып. 63. 193 с.
3. Альтшуллер М.Г., Лотман Ю.М. А.Ф. Воейков. Биографическая справка // Поэты 1790-1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. С. 259—261.
4. Никитина Д. М. Изучение биографии и творчества А.Ф. Воейкова: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 6. С. 17-

- 21.
5. Климентьева М.Ф. Литературно-критическая деятельность А.Ф. Воейкова: дисс... к. филол. н., Томск, 2003. 300 с.
 6. Тургенев А.И. К ветхому поддевическому дому А.Ф. Воейкова // Поэты 1790—1810-х годов. Библиотека поэта; Большая серия. Л.: Советский писатель, 1971. 912 с.
 7. Истрин В.М. Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев // Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. СПб.: типография императорской Академии наук, 1911. С. 3-134.
 8. Дмитриев М. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 752 с.
 9. Соловьев Н.В. История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана». Пг.: б.и., 1915-1916. Т. 1-2. 274 с.
 10. Греч Н.И. Воспоминания о моей жизни. М.: Захаров, 2002. 520 с.
 11. Петухов Е.Я. Воейков, Александр Федорович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802-1902). Юрьев, 1903. Том II. С. 352-354.
 12. Тимашев А.К. Воейков. М.: Молодая гвардия, 1957. 58 с.
 13. Мордовченко Н.И. Журналистика двадцатых — тридцатых годов [XIX века] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1956. Т. VI. Литература 1820—1830-х годов. 1953. С. 579—610.
 14. Воейков А.Ф. Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарайя, бывшей столицы Ханов Золотой Орды (из дорожных записок) // Новости литературы. 1824. Кн. 9 Июль. С. 1-26.
 15. Лебедева О.Б. Национальное, имперское, колониальное как фактор частной жизни: послание В. А. Жуковского «К Воейкову» // Имагология и кампаративистика. 2017. №1(7). С. 93-107.
 16. Куприянов П.С. Русское заграничное путешествие начала XIX века : парадоксы литератуности / П. С. Куприянов // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59—73.
 17. Воейков А.Ф. Описание Сарепты // Северный архив, 1822 а № 1. С. 48-69.
 18. Митруев Б.Л. Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 149—175.
 19. Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Erster Theil, Riga, 1804, 352 pp., 12 facs.; zweiter Theil, Riga, 1804, 352 pp.: dritter Theil, Riga, 1804, 302 pp.; vierter Theil, Riga, 1805, 356 pp.
 20. Клейтман А.Л. Материалы научной экспедиции Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева 1769-1774 годов как источники по истории Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 3-8.
 21. Воейков А.Ф. Астрахань (из дорожных записок одного путешественника) // Новости литературы. 1824. Август. С. 49-76
 22. Балакин А.Ю. Близко к тексту: Разыскания и предложения. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: «RUGRAM_Пальмира», 2022. 377 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «А. Ф. Воейков и «Описание калмыцкого народа»»

Предмет исследования – обозначен в названии и разъяснен в тексте.

Методология исследования базируется на принципах историзма, объективности и системности. В работе автор использовал историко-биографический и историко-системные методы. Первый метод позволил показать влияние личности А.Ф. Воейкова на его произведение «Описание калмыцкого народа». А использование историко-системного метода дало возможность показать влияние политических и идеологических факторов на исследование литератора. Автор отмечает, что «в силу неизученности вопроса о вкладе Воейкова в калмыковедение в качестве теоретической базы привлечены лишь труды исследователей его биографии и литературного творчества».

Актуальность работы определяется тем, что изучение труда А.Ф. Воейкова даст возможность специалистам более глубоко изучить данную довольно солидную историко-этнографическую работу, которая мало фигурирует в трудах исследователей. Кроме того, автор отмечает, что представленные в рецензируемой статье результаты могут быть использованы « для дальнейшего изучения наследия А. Ф. Воейкова, так и для исследования истории калмыцкого народа».

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Автор пишет, что в данной статье онставил следующие задачи: «составить историографический анализ произведения, выявить биографические обстоятельства «знакомства» литератора с калмыками, контекст обращения к их истории, образ калмыков, созданный в «Описании калмыцкого народа».

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный с элементами описательности, что делает текст статьи легким для чтения и восприятия. Структура работы направлена на достижение поставленных в статье задач. В начале статьи автор отмечает дворянское происхождение семьи А.Ф.Воейкова, что он закончил Московский университет, почти пять лет служил в конной гвардии, затем вышел в отставку и поселился в Москве и в его доме еженедельно проходили собрания «Дружеского литературного общества, в котором сочетались «три ведущие тенденции литературы допушкинского периода: направление мечтательного романтизма, связанное с именем Жуковского; представленное Мерзляковым направление, чуждое дворянской культуре и развивавшее традиции демократической литературы XVIII в., и, наконец, направление Андрея Тургенева и Андрея Кайсарова ... в деятельности которых отчетливо проступают черты, подготавливающие литературную программу декабризма». Автор исследует и показывает, как и когда начинается приобщение А.Ф. Воейкова к литературному творчеству, отмечает его сотрудничество и работу в журнале и многие другие вопросы. В статье показан и характер Воейкова, его вольнодумство, непростые отношения с непростые «отношения с В. А. Жуковским и брак с его племянницей Александрой Андреевной Протасовой, адресатом баллады «Светлана», некоторые черты его непростого характера как семьянина, а также его отношения с коллегами.

Журнал «Сын Отечества», который Н.И. Греч основал в 1812 г. к 1920-м годам из общественно-политического превратился в литературный и став соиздателем этого журнала А.Ф. Войеков задался целью разнообразить материал. А так как он много путешествовал в начале XIX в. «опубликовал ряд обозрений российских губерний, в основу которых легли его дорожные записки, составленные во время путешествий по стране». В 1922 г. он опубликовал и работу «Описание калмыцкого народа». В тексте статьи автор отмечает ценность этой работы, отмечает, что А.Ф. Войеков подошел к написанию этой работы серьезно и чувствуется симпатия к калмыцкому народу и данную работу можно признать серьезным историко-этнографическим очерком. В статье

представлено много интересных данных о калмыках, о их жизни, быте, верованиях, обряды жизненного цикла, празднествах, внешности и т.д. Автор отмечает, что Воейкову удалось показать проблемы калмыцкого общества, положительные качества кочевников, уважение, уважение к их военному прошлому, высокая оценка значения калмыцкого скотоводства для империи. Автор подчеркивает «Аскетичный стиль «Описания» совершенно не похож на обычный стиль критических статей литератора, острый и язвительный полемист уступил место внимательному наблюдателю». В завершении статьи сделаны объективные выводы о творчестве А.Ф. Воейкова и подчеркивает, что «не только «Описание» Воейкова, практически забытое калмыковедами, но и его литературное наследие имеет необычную участь. Некоторые стихи Воейкова включены в большинство курсов истории русской литературы первой половины XIX века, вместе с тем, большая часть его поэтического и публицистического наследия ни разу не собиралась в книги и не изучалась».

Библиография работы состоит из 22 источников (работы самого А.Ф. Воейкова «Описание калмыцкого народа» и «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарай, бывшей столицы Ханов Золотой Орды», работы о Воейкове А.Ф. и других литераторах того периода и т.д.). Библиография в полной мере дала возможность автору раскрыть исследуемую тему и показать значимость путевых заметок Воейкове А.Ф. и его литературного творчества).

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над статьей информации и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кондалова Н.А. Преодоление последствий неурожаев и помошь пострадавшим от голода в Пензенской губернии в 1860-1890-е гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69666 EDN: FPXGKN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69666

Преодоление последствий неурожаев и помошь пострадавшим от голода в Пензенской губернии в 1860-1890-е гг.

Кондалова Наталья Алексеевна

ORCID: 0009-0004-0026-5815

кандидат исторических наук

старший преподаватель; кафедра документоведения, истории государства и права; МИРЭА-
Российский технологический университет

119454, Россия, Москва, г. Москва, проспект Вернадского, 78

✉ natalja-kondalova@rambler.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69666

EDN:

FPXGKN

Дата направления статьи в редакцию:

25-01-2024

Дата публикации:

10-02-2024

Аннотация: Несмотря на возросший в последние годы научный интерес к проблеме голода и обеспечению продовольственной безопасности в Российской империи, тема остается малоизученной на материалах Пензенской губернии. Предметом исследования являются основные направления деятельности властей и общественности в борьбе с голodom и его последствиями в Пензенской губернии в 1860-1890-х гг. Цель работы заключается в выявлении эффективности системы местных мероприятий, ориентированных на преодоление последствий неурожаев и помощи голодающим. Автор рассматривает такие аспекты темы, как причины голодных лет, краткая хронология и характер последствий голода. Особое внимание уделяется постоянно действующей

системе продовольственной безопасности, включающей хлебные запасные магазины, продовольственные капиталы на губернском уровне и общеимперский продовольственный капитал. Определены и раскрыты частные меры (общественные работы, благотворительные проекты). В качестве методологической основы использовались принципы историзма и объективности, приемы группировки и обобщения статистической информации, системного, функционального и сравнительного анализа. Согласно положениям социоестественной теории Э. С. Кульпина-Губайдуллина, генезис кризисов общества рассмотрен во взаимосвязи и взаимозависимости с кризисами природы. Пореформенный период являет опыт развития дореформенных и создания оригинальных механизмов борьбы с неурожаями и их последствиями. Особым вкладом автора в исследование темы является то, что в научный оборот введены и проанализированы новые сведения о причинах неурожаев и голода, а также конкретных мерах властей и общества по обеспечению помощи пострадавшему населению. На основе анализа архивных и литературных источников систематизированы государственные и общественные формы помощи пострадавшим от голода, определен совместный вклад правительственные учреждений и земских органов самоуправления в преодоление последствий неурожаев. Основным выводом исследования является то, что в местную систему безопасности были заложены ограниченные возможности компенсации ущерба и она нуждалась в экстраординарной поддержке правительства. Можно утверждать, что реализация местных мероприятий совместно с общеимперскими оказалась в целом эффективной: массовых голодных смертей в Пензенской губернии ни в один из неурожайных годов не было зафиксировано.

Ключевые слова:

неурожай, голод в России, государственная продовольственная политика, земские учреждения, продовольственный капитал, хлебные запасные магазины, общественные работы, общественные столовые, Пензенская губерния, пореформенный период

Отечественная историография традиционно уделяет пристальное внимание аграрным социально-экономическим проблемам. Предметом исследования исторической науки все чаще становятся причины, масштабы, демографические последствия голода, роль общественных организаций и государства в устраниении последствий голодных лет в Российской империи, особенно бедствия 1891-1892 гг. [1, 2]. При этом фрагментарно и недостаточно глубоко изучены региональные особенности неурожаев и голода [2, с. 94]. Преимущественно те или иные вопросы, связанные с продовольственной безопасностью, затрагивались в контексте истории земских учреждений (Полосин С. Н. Социально-экономическая деятельность земских учреждений Пензенского края в 1865-1917 гг. (по материалам Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза. 1999; Синева Н. Ю. Организация и основные направления деятельности земских учреждений Пензенской губернии: 1865-1890 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2000; Исаев А. В. Государственная власть и местное самоуправление в Пензенской губернии во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2006.). Отметим небольшое количество работ, непосредственно посвященных истории голода на материалах Пензенской губернии [3, 4, 5, 6]. Характерно особое внимание исследователей к вкладу благотворительных организаций и органов местного самоуправления в преодолении последствий народного бедствия 1891-1892 гг. Таким образом, исследуемая проблема нуждается в полном и подробном анализе с точки зрения причин и последствий

голодных лет, направлений и результатов совместной деятельности правительства, земства и благотворителей, нацеленной на помочь пострадавшим.

В ежегодном совокупном ущербе от различных бедствий в Пензенской губернии наибольшая доля в неблагоприятные по погодным условиям пореформенные годы принадлежала неурожаям. Обратимся к их причинам.

Пензенская губерния относилась к так называемому земледельческому району с преобладанием плодородных почв. К началу исследуемого периода из 1,1 млн населения губернии только около 5% занимались хлебопашеством. Большая часть произведенного хлеба, более 2,5 млн. четвертей, потреблялась местными жителями. Зерно также шло на винокуренные заводы, развозилось по Нижегородской, Владимирской и Тамбовской губерниям, а также сплавлялось в крупный центр хлебной торговли Рыбинск [7, с. 44].

Рост населения, истощение почв приводили к недостатку земли. Осложняли земледельческие работы и природно-климатические условия. Губерния располагалась между 52 и 55 параллелями северной широты и 60 и 64 параллелями восточной долготы, была окружена с запада Тамбовской губернией, с юга – Саратовской, с востока – Симбирской, с севера – Нижегородской [8, с. 1]. По замечанию современников, хотя Пензенская губерния и относилась по географическому положению к умеренному климату, зимняя погода была достаточно продолжительной – «с исхода октября по апрель» [7, с. 30]. На территории губернии господствовал перенос воздуха с запада на восток, поэтому континентальность климата усиливалась в указанном направлении. Северные и восточные районы губернии отличались большей влажностью и более низкими температурами, поэтому здесь чаще случались морозы. Летом устанавливалась жаркая погода, нередко случалась засуха, причем наиболее засушливыми являлись юго-восточные территории.

Последствия неблагоприятных погодных явлений усугублялись нашествием насекомых-вредителей: гусеницы розового шелкопряда, свиноголовки, саранчи [9, л. 1]. Занятые земледелием жители губернии чаще всего оказывались перед ними беззащитными, так как не могли самостоятельно определить видовую принадлежность насекомых и выработать наиболее действенные меры борьбы с ними.

Другой частой причиной неурожаев становились градобития. Они обрушивались на Пензенскую губернию ежегодно и плохо прогнозировались. Наиболее тяжелые последствия от градобитий имели место в 1876, 1882 и 1884 гг. Особенно ухудшили сбор хлебов градобития, случившиеся в 1890 г.: град побил 22386 десятин хлеба на общую стоимость 505901 руб. [10, с. 3]. С учетом голода, случившегося в 1891 г., такие потери переживались очень трудно.

Значительный ущерб сельскому хозяйству наносили также наводнения. По территории Пензенской губернии протекали как крупные (Сура, Мокша), так и мелкие реки, сильный подъем в которых приводил к затоплению земли, занятой сельскохозяйственными культурами. Крупные наводнения в губернии, вызванные весенным снеготаянием, произошли в 1879 г. От них более всего пострадали Городищенский и Мокшанский уезды, где подобного рода разливов, по словам старожилов, не случалось более 30 лет [11, л. 406].

Во второй половине XIX в. «голодными» в Российской империи стали 1873, 1880, 1883,

1891, 1892, 1897 и 1898 гг. [\[12, с. 11\]](#). Наиболее тяжелая ситуация с продовольствием в Пензенской губернии сложилась в 1882-1883 гг. и 1891-1892 гг. Урожай в указанные периоды по сравнению с предыдущими годами оказался, действительно, очень низким. Так, урожай ржи, самой распространенной культуры, составил в 1881 г. 3848131 четвертей, в 1882 г. – 2751100 четвертей, в 1883 г. – 1992308 четвертей [\[13, л. 20; 14, с. 2; 15, с. 3\]](#). Примечательно, что данные, собираемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел об урожае хлебов, свидетельствовали о более высоких урожаях на помещичьих землях, чем на крестьянских полях. К крестьянам после реформы 1861 г. перешли земли худшего качества и меньшего плодородия: суглинок, песчаник, грунт с примесью камня. При таких условиях земледелия природные бедствия наносили удар, от которого крестьянство не могло долго оправиться. Особенно это проявилось в начале 1890-х гг., когда уже осенью 1891 г. тяжелое продовольственное положение сложилось по крайней мере у 600 тыс. крестьян, что составляло более 40% населения губернии [\[16, л. 1506\]](#). В 1890 г. вследствие малоснежной и теплой зимы весна оказалась ранней и всходы озимых повсеместно в Пензенской губернии оценивались как удовлетворительные. Вскоре после посевов яровых хлебов наступила засуха, и виды на урожай изменились к худшему. И уже в мае во всех уездах озимь вышла редкая, начала вскоре желтеть и пострадала, кроме всего прочего, на территории в 22368 десятин от летнего града [\[10, с. 3\]](#). Урожайность ржи в 1891 г. по сравнению с 1890 г. сократилась с сам-3,2 до сам-1,2. В таких условиях занятое в сельском хозяйстве население оказалось на грани голодающей смерти. Средняя цена на главные продукты поднялась вдвое: на рожь (за четверть) – с 5 руб. 49 коп. до 10 руб. 76 коп., на ржаную муку (за пуд) – с 61 коп. до 1 руб. 14 коп. [\[17, с. 7\]](#). Неурожай 1891-1892 гг. нанес удар и по животноводству: бескорница вследствие повышения цен на овес и сено и эпизоотии заставляли крестьян продавать скот по низким ценам. События 1891-1892 г. стали народным бедствием не только в Пензенской губернии, но и в Российской империи в целом [\[18, с. 8\]](#).

Конечно, голод явился естественным результатом не только природных аномалий, но и был вызван агрономическими причинами. Следует отметить крайне низкое качество обработки почвы. Расширение посевов пшеницы в качестве экспортной культуры за счет площадей для пастбищ приводило к уменьшению поголовья скота, отсутствию должного удобрения и истощению плодородных почв. Еще одна, обращающая на себя внимание причина: угроза голода возрастила в связи со спекулятивными сделками. В отчете пензенского губернатора за 1879 г. указывалось: «... вследствие большого требования хлеба заграницу цены на него дошли до небывалых в Пензенской губернии размеров: четверть ржи продавалась дороже 8 руб. Крестьянину, постоянно нуждающемуся в деньгах, конечно, трудно было воздержаться от искушения продать свой хлеб по дорогой цене, и многие продали последние свои запасы, рассчитывая пополнить их при упадке цен на хлеб. Но расчёты их не оправдались, хлеб до сего времени постепенно дорожает и крестьянам, дорого продавшим свой хлеб, приходится покупать для продовольствия еще дороже» [\[18, с. 9\]](#).

Итак, неурожаи были регулярным явлением в Пензенской губернии. Они вызывались разнообразными по своему происхождению причинами: климатическими и агрономическими. Иногда неурожаи приводили к общему упадку сельского хозяйства и голоду. Отсутствие знаний о закономерностях возникновения неурожаев делало их трудно предсказуемым явлением в жизни губернии, преодоление последствий которого становилось одной из важнейших задач различных социальных институтов.

В этой связи в практике правительенных и земских учреждений складывается два

направления деятельности: организация помощи голодающим и создание условий для скорейшего восстановления сельского хозяйства. Одним из важных мероприятий, нацеленных на предотвращение последствий неурожаев, необходимо назвать формирование местной системы продовольственной безопасности. Отметим две важные составляющие этой системы – хлебные запасные магазины и продовольственные капиталы.

Примечательно, что еще законом 1834 г. устанавливалось образование особых запасов для обеспечения населения продовольствием и семенами в критических ситуациях [\[19, с. 187\]](#). Поэтому Пензенское земство, взявшее под свой контроль хлебные запасы и продовольственные капиталы, могло воспользоваться более чем тридцатилетним опытом по организации такого вида помощи населению и совершенствовать деятельность в этом направлении. Первым шагом стала полномасштабная проверка, которая выявила много нарушений и отступлений от положенных предписаний: на ряд сельских обществ закон 1834 г. не распространил свое действие, повсеместно наблюдалось отсутствие должного контроля за получением и возвращением ссуд, запущенное состояние помещений, в которых зерно быстро портилось и становилось негодным для употребления. В качестве ответной реакции на проведенную ревизию губернское земское собрание приняло решение об общих для всех уездов правилах сбора хлеба в общественные хранилища, которое обязало сельские общества передать процесс сбора зерна, определение количества и сроков его сдачи в ведение уездных земских управ. Если крестьянин не имел возможности внести свою долю, началась действовать принцип круговой поруки (индивидуализация выдачи и уплаты ссуд произошла лишь в 1900 г.). Недоимки взыскивались уездными управами преимущественно перед всеми другими взносами, вносимыми крестьянством. В итоге целенаправленная работа земства по созданию продовольственных фондов привела за 25 лет к увеличению числа действующих в губернии хлебных магазинов с 1067 до 2105, к постройке в каждом селении минимум одного амбара, к выдаче беспроцентных ссуд размером 300 руб. на три года для их поддержания в надлежащем состоянии [\[20, с. 59\]](#).

Такое пристальное внимание к хлебозапасной организации имело свои конкретные положительные результаты: помогло спасти находившуюся на грани разрушения систему продовольственных запасов, дало возможность находящемуся в группе риска населению в случае неурожая получить хорошо сохраненное зерно. Однако постепенно все отчетливее проявлялось несовершенство системы, а старания земцев не приводили к желаемым результатам: недоимки по ссудам росли, сохранялась способность лишь частичного обеспечения нуждающихся.

Стоит обратить внимание на продовольственный капитал. Он устанавливался с каждой ревизской души законом 1834 г. и с 1842 г. составлял 48 коп. с крестьян и 1 руб. с мещан и цеховых [\[21, с. 103\]](#). Изначально формированием продовольственного капитала занимались губернские власти. Согласно реформе земского самоуправления 1864 г. полномочия по сбору денежных средств были переданы земствам. В 1865 г. в составлении продовольственного капитала в Пензенской губернии участвовало 502778 душ: 480333 крестьянина и 22445 мещан и цеховых. Продовольственный капитал составлял 725183 руб. 88 коп., почти в три раза превышая установленную для него норму. Часть суммы, а именно 469765 руб. 71 коп., поступила для образования общеимперского капитала, предназначенного для восполнения губернских капиталов в случае их недостатка и удовлетворения потребностей населения в продовольственных и семенных ссудах [\[20, с. 61; 22, с. 192\]](#). Общеимперский капитал становился последней

подушкой безопасности для провинциального общества. В сентябре 1891 г., накануне самого крупного голода, продовольственных капиталов в губернии было 416088 руб., из них налицо только 21178 руб. Долги составляли 2956755 руб., из которых 2561845 руб. являлись долгом в общеимперский продовольственный капитал [23, с. 13].

Определенные проблемы возникли с хлебными запасами. Уже в начале пореформенного периода выяснилось, что наличные резервы недостаточны по сравнению с нуждами населения, которое, однако, было сложно установить, так как крестьяне поголовно записывались в число пострадавших, скрывали свое истинное положение, рассчитывая на беспроцентную ссуду. В начале 1866 г. Министерством внутренних дел было сделано распоряжение о передаче губернской комиссией народного продовольствия и палатой государственных имуществ земским учреждениям всех дел, касающихся хлебных запасных магазинов. Налично хлебных запасов состояло 235906 четвертей, в ссудах и недоимках числилось 471749 четвертей [20, с. 61]. Хлебозапасные магазины пополнялись зерном, исходя из нормы хранения 1,5 четверти хлеба на ревизскую душу [24, с. 88]. Следовательно, с учетом численности ревизских душ хлебных запасов в общественных магазинах находилось только на треть от положенного количества. На сентябрь 1891 г. в продовольственных магазинах налицо состояло 13279 четвертей озимого и 23284 четвертей ярового хлеба, в долгах по ссудам и невнесенным окладам числилось 457768 и 242704 четвертей [23, с. 12]. Таким образом, наличные хлебные запасы губернии не могли покрыть запросы в условиях полномасштабного голода. В этом случае приходилось изыскивать дополнительные средства для решения вопроса с нехваткой продовольствия.

Состояние местной системы продовольственной безопасности свидетельствует о том, что земство было вынуждено неоднократно обращаться к правительству за помощью, которая выражалась в выдаче ссуд, тяжело и долго возвращаемых. Так, 1869 г. стал бедственным для крестьянского населения Пензенской губернии. Губернское земское собрание обратилось к правительству с ходатайством о ссуде из общего по империи продовольственного капитала: первоначально 197828 руб., а затем еще 200 тыс. руб., которые и были высланы в распоряжение губернской управы и направлены на выдачу продовольственных ссуд [20, с. 77]. Вторично земству пришлось обратиться за ссудой из общего по империи продовольственного капитала в конце 1880 г. Высочайше утвержденным положением Комитета министров было ассигновано 150 тыс. руб. [20, с. 78]. В неурожайные 1883 г. и 1891 г. было выдано в качестве ссуд 650 тыс. руб. и 340 тыс. руб. соответственно, причем первая из них погашалась губернией в течение семи лет. В 1883 г. потребовалась ссуда сначала в размере 350 тыс. руб., исключительно для обсеменения полей, а затем в 300 тыс. руб. для продовольствия населения, но из этой последней было израсходовано только 166 тыс. [20, с. 80]. При разрешении этой ссуды правительством было сделано распоряжение, чтобы ссуды населению выдавались не деньгами, а хлебом или, в случае если приобретение посевного зерна будет осуществляться крестьянами с разрешения земства, посредством удовлетворения продавцов хлеба причитающимися суммами по действительной заготовке требующегося на семена зерна. Эта мера была нацелена на пресечение злоупотреблений крестьян в реализации денежных ссуд не по назначению.

Вследствие полного и повсеместного неурожая местными властями предпринимались также и экстренные меры. Во время голода 1891-1892 гг. был приобретен хлеб из остзейских и южных губерний, который перевозился по железнодорожным путям. Однако из-за скопления хлеба на некоторых станциях приходилось переориентироваться на

другие рынки [17, с. 12]. В целом закупка хлеба представителями земств различных губерний запоздала, оказалась плохо организованной и потребовала больших затрат [25, с. 124-125].

В 1891-1892 гг. в Российской империи организуются общественные работы для крестьян с целью дополнительного заработка. Согласно последним исследованиям, общественные работы в большинстве регионов не вызвали народного энтузиазма, поскольку воспринимались как возвращение барщинных традиций [26, с. 11]. В Пензенской губернии эта мера, напротив, оказалась востребованной [27, с. 109]. В результате реализации императорского указа велась разработка леса в удельных владениях Мокшанского и Саранского уездов, а также добыча и доставка в Пензу камня для заложения улиц благоустройства соборной площади, за которые сельское население получило 86052 руб. 4 коп. [17, с. 17].

Примечательно, что земством неоднократно поднимался вопрос об агростраховании. Во второй половине XIX в. подобного рода дискуссии велись во многих губерниях и касались в первую очередь страхования полей от градобитий [28, с. 103]. В Пензенской губернии вопрос о подобного рода страховании впервые поднимается в 1873 г. Нижнеломовское уездное земское собрание вынесло на рассмотрение губернского собрания вопрос об обязательном земском страховании хлебных посевов от градобитий. Губернским собранием было поручено обсудить это предложение во всех уездных земских собраний, после чего в течение года проводился сбор мнений. Страхование признавалось полезной мерой, но слишком обременительной для большей части населения, занятой в сельском хозяйстве. Принимая во внимание, с одной стороны, немалый ущерб, а с другой, высокий размер страховых премий, предлагалось ввести добровольное страхование, осуществление которого на практике было отложено, как и в большинстве губерний Российской империи.

В новейшей историографии отмечается, что организация помощи голодающим была повсеместно связана с ростом общественного самосознания [26, с. 9]. Весомый вклад в оказание помощи нуждающимся крестьянам в Пензенской губернии вносили благотворительные организации, которые преследовали цель недопущения массовых голодных смертей. Благотворительные комитеты были открыты во всех уездах и подчинялись Губернскому благотворительному комитету [6, с. 17]. В ходе дискуссий о наиболее эффективной форме помощи благотворительные кружки в различных уездах остановили свой выбор на организации общественных столовых. 1 декабря 1891 г. Мокшанским дамским благотворительным кружком была открыта первая бесплатная столовая для нуждающихся, где по специальным билетам выдавались 1,5 фунта ржаного хлеба и порция постных щей или горохового супа [29, л. 11]. Однако голодающих оказалось намного больше, чем была способна обслужить столовая: ежедневно ее посещало дополнительно 50 нищих, получавших остатки горячей пищи. Определенный вклад в это благое дело внесли городской голова и уездный исправник, занявшиеся устройством помещения столовой, организацией приготовления пищи, снабжением водой и дровами. Всего в 1891-1892 гг. в губернии было открыто не менее 93 столовых [6, с. 17].

Благотворительность принимает всесословный характер. Следует отдать должное представителям интеллигенции и купечества. В декабре 1891 г. в с. Кучки Пензенского уезда купчиха М. А. Кузнецова и частный пристав А. Г. Покровский открыли столовую на

средства, собранные ими среди своих знакомых. В январе следующего года в с. Беликове Мокшанского уезда А. И. Зачинская средства, полученные от концерта, устроенного в Москве в пользу голодающих, (865 руб.) и лекций профессора Московского университета В. О. Ключевского (500 руб.), использовала на открытие столовой для 60 человек [29, л. 68].

Имела место и крестьянская взаимопомощь. Зажиточные крестьяне ссужали нуждавшимся соседям продукты беспроцентно, а иногда и брали на себя содержание сельских благотворительных столовых на некоторое время. Так, в январе 1892 г. один из крестьян с. Кочелаево Наровчатского уезда пожелал на собственные средства содержать местную столовую в течение полумесяца. Эта благотворительная помощь была ориентирована на малые группы голодающих и организована на небольшие средства. Крестьяне могли рассчитывать на 1,5 фунта хлеба, постный суп с картофелем или жидким горохом, часто не ежедневно, если число жителей населенного пункта превышало допустимое количество обслуживаемых в столовой, но и «этой милости не могли ожидать», так как бедняки питались «чистою лебедой без примеси муки» [29, л. 90об].

Не могла оказаться вдали от трагических событий голодных лет церковь, выделявшая некоторые суммы на учреждение столовых. Так, в с. Блиновке Нижнеломовского уезда церковно-приходское попечительство пожертвовало 50 руб., а из церковных сумм было выделено 15 руб. Миссионер Святейшего Синода протоиерей Крючков получил 500 руб. и 180 пудов сухарей для раздачи бедным жителям с. Пойм Чембарского уезда [29, л. 98].

Открытие столовых сопровождалось непременно финансовыми трудностями, решение которых требовало содействия Пензенского губернского благотворительного комитета. Однако тот располагал лишь минимальными суммами, поэтому волостные и сельские попечительства, а также частные лица могли рассчитывать лишь на небольшую поддержку в виде хлеба. Но и эта мера коснулась не всех лиц: голодающими не признавались работоспособные крестьяне мужского пола, а также взявшие ссуду из продовольственного капитала, хотя фактически они часто занимали значительную нишу среди нуждавшихся в поддержке государства и благотворительности.

Посильный вклад в благотворительное дело вносила сословная корпорация пензенского дворянства. Во время голода 1869-1870 гг. Пензенскому дворянскому депутатскому собранию удалось организовать материальную поддержку в размере 2870 руб. 73 коп. [30, л. 254]. Летом 1891 г. была осуществлена помощь мелкопоместным дворянам Краснослободского уезда, находившегося наряду с Городищенским уездом в зоне наиболее рискованного земледелия. Дворянское депутатское собрание предоставило в распоряжение Краснослободского предводителя свободные в то время от сметных назначений денежные средства из дворянских сумм в количестве 1188 руб., а также 212 руб. из капитала, собранного в 1869 г., «на предмет покупки семенной ржи для безвозвратной раздачи наиболее недостаточным дворянам» [4, с. 35].

Таким образом, для населения Пензенской губернии тяжелым испытанием становились неурожай, вызываемые разнообразными причинами, в частности погодными аномалиями, истощением почв, распашкой пастбищных угодий. В неурожайные годы, случавшиеся достаточно часто, в губернии предпринимались различные меры для недопущения голода: использовалась государственная система продовольственной безопасности, оказывалась благотворительная помощь. В исследуемый период изменениям подверглись как содержание, так и организационная форма мероприятий, направленных

на преодоление последствий неурожаев. С появлением земств возросла роль органов местного самоуправления. Вводились и успешнее, чем во многих регионах, показали себя общественные работы, предоставлявшие дополнительный заработок. Впервые широко обсуждался вопрос агрострахования. В то же время, недостаточное количество хлебных запасов в общественных сельских магазинах давало возможность обеспечивать потребности населения в продовольствии и обсеменении полей только при нечастых недородах хлеба или при случайно постигших бедствиях. В повсеместно неурожайные годы приходилось обращаться за пособиями из общего по империи продовольственного капитала. При всех трудностях и проблемах поддержки нуждающегося населения совместная деятельность властей и общественности в указанном направлении имела один важный итог: отсутствие массовых смертей среди голодающих.

Библиография

1. Просеков А. Ю. Ретроспективы голода: уроки прошлого и вызовы будущего // Техника и технология пищевых производств. 2017. Т. 47, № 4. С. 5-20. DOI: 10.21603/2074-9414-2017-4-5-20
2. Демина Ю. В. Современная отечественная историография голода 1891-1892 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 85-94. DOI: 10.25136/2409-868X-2018.4.25810
3. Тетерина Е. А., Ульянов А. Е. К вопросу о продовольственном положении в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX вв. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 4 (16). С. 26-33. https://izvuz_gn.pnzgu.ru/files/izvuz_gn.pnzgu.ru/4410.pdf (дата обращения: 24.01.2024).
4. Первушкин В. И. Деятельность Пензенского дворянского депутатского собрания по оказанию помощи мелкопоместным дворянам в неурожайные 1891-1892 гг. // Пензенское краеведение. 2015. № 4 (16). С. 31-36. <https://kraeved-pnz.ru/wp-content/uploads/2016/03/Пензенское-краеведение-4-16-2015.pdf> (дата обращения: 24.01.2024).
5. Первушкин В. И. Благотворительная помощь В. О. Ключевского голодающим крестьянам Пензенской губернии в 1892 г. // Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения выдающегося историка В. О. Ключевского, г. Пенза, 29-30 сентября 2016 г. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 155-157.
6. Первушкин В. И. Общественные столовые – одна из форм благотворительной помощи крестьянам Пензенской губернии в неурожайные 1891-1892 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. 2016. № 09. С. 16-19. <http://www.nauteh-journal.ru/files/8dc556a8-a97d-4b5f-8c4c-64076224a54e> (дата обращения: 24.01.2024).
7. Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба, 1849. Т. 13. Ч. 4.
8. Обзор Пензенской губернии за 1879 год. [Б.м.: б.и.], 1880.
9. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 5822.
10. Обзор Пензенской губернии за 1890 год. [Б.м.: б.и.], 1891.
11. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5503.
12. Акульшин П. В. Голод 1891-1892 гг. в России как актуальная проблема

- отечественной интеллектуальной истории // Актуальные проблемы интеллектуальной истории и гуманитарного знания в ХХI веке: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 8 ноября 2016 года. Рязань: РПОО ССАМ «Созвездие», 2016.
https://elibrary.ru/download/elibrary_27461112_40150277.pdf (дата обращения 25.01.2024).
13. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5778.
 14. Обзор Пензенской губернии за 1882 год. [Б.м.: б.и.], 1883.
 15. Обзор Пензенской губернии за 1883 год. [Б.м.: б.и.], 1884.
 16. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6388.
 17. Обзор Пензенской губернии за 1892 год. [Б.м.: б.и.], 1893.
 18. Книга М. Д. Деятельность правительственные и земских учреждений России в борьбе с голодом 1891-1892 гг. // Теория и практика инновационных технологий в АПК: материалы национальной научно-практической конференции. Секция «Гуманитарные и социально-политические науки» 10-27 марта 2020 г. Ч. II. Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2020. С. 7-11.
https://elibrary.ru/download/elibrary_44320640_57255990.pdf (дата обращения 25.01.2024).
 19. Суворин Р. В. Деятельность органов государственной власти по оказанию помощи голодающим Тамбовской губернии в 1800-1820-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (144). С. 184-191.
<http://journals.tsutmb.ru/a8/upload/auto/cd/5d/temp.cd5d5a1fe881fd7065a6a4e744e6bb18.pdf> (дата обращения 25.01.2024).
 20. Евграфов Н. Н. Двадцатипятилетняя деятельность земских учреждений Пензенской губернии. 1865-1889 гг. Пенза: Типолитография В. Н. Умнова, 1894.
 21. Чудов С. И. Продовольственные капиталы Архангельской губернии в 1871-1917 гг. // Историко-экономические исследования. 2020. Т. 21. № 1. С. 99-116.
https://elibrary.ru/download/elibrary_42609612_76027505.pdf (дата обращения 25.01.2024).
 22. Белокуров Е. В. Сельская хлебозапасная система в Российской империи (1891-1914 гг.) // Труды Института российской истории. Вып. 12. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 190-209.
<https://iriran.ru/sites/default/files/2022-06/TrudyIRIRAN12.pdf> (дата обращения 25.01.2024).
 23. Хлебные запасы в общественных магазинах и местные продовольственные капиталы к 1-му сентября 1891 года в Европейской России / под ред. А. Дубровского. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1892.
 24. Чудов С. И. Система продовольственной безопасности Российской империи на Европейском Севере в XVIII – начале XX в. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2020.
 25. Нарыкова Н. М. Законодательство о продовольственной помощи населению в Российской империи XIX века // Северо-Запад в аграрной истории России. 2013. № 20. С. 114-127.
 26. Акульшин П. В. Голод 1891-1892 гг. в Рязанской губернии // История, философия, педагогика, психология, право: сборник научных статей с международным участием к 100-летию Российской революции 1917 г. Рязань: «Созвездие», 2017. С. 7-12.
https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29398974_90074899.pdf (дата обращения 25.01.2024).
 27. Рогожина А. С. Организация общественных работ в Российской империи во время голода 1891-1892 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 19 (216). С.103-109.

https://bsuedu.ru/upload/iblock/ad5/N%202019_216_вып.36.pdf (дата обращения 25.01.2024).

28. Богачев А. И. Эволюция сельскохозяйственного страхования в России: от взаимного страхования к двухуровневой системе // Вестник НГИЭИ. 2021. № 6 (121). С. 101-116. DOI: 10.24412/2227-9407-2021-6-101-116
29. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6497.
30. ГАПО. Ф. 196. Д. 1443.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня в российском обществе наметился серьезный интерес к изучению истории, что обусловлено, в первую очередь, возросшим патриотизмом и переосмыслением прошлого. Одной из важных составляющих исторического процесса является аграрная история, которая показывает успехи и неудачи в обеспечении продовольственной безопасности. Известно, что для России, как, впрочем, и для многих других стран, долгое время голод был одним из элементов повседневности. К сожалению, тема голода в истории России во многом политизирована, а в целом ряде случаев используется в риторике недружественных государств. В этой связи вызывает важность подлинно научное изучение различных аспектов аграрной истории России.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются социально-экономические факторы голода в Пензенской губернии в 1860-1890-е гг. Автор ставит своими задачами проанализировать причины неурожаев в регионе, рассмотреть применяемые властями меры в неурожайные годы, а также определить результаты этих мер.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать преодоление последствий неурожаев и помочь пострадавшим от голода в Пензенской губернии в 1860-1890-е гг. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 30 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего опубликованными статистическими данными и документами из фондов Государственного архива Пензенской области. Из используемых исследований укажем на труды Ю.В. Деминой, П.В. Акульшина, С.И. Чудова и других авторов, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории борьбы с голодом в Российской империи. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей продовольственной безопасности, в целом, так и вопросами

борьбы с голодом на региональном уровне, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "неурожай были регулярным явлением в Пензенской губернии", при этом "они вызывались разнообразными по своему происхождению причинами: климатическими и агрономическими". Автор обращает внимание на то, что "в практике правительственные и земских учреждений складывается два направления деятельности: организация помощи голодающим и создание условий для скорейшего восстановления сельского хозяйства". В работе показано, что в Пензенской губернии в неурожайные годы успешно "показали себя общественные работы, предоставлявшие дополнительный заработок".

Главным выводом статьи является то, что

"при всех трудностях и проблемах поддержки нуждающегося населения совместная деятельность властей и общественности в указанном направлении имела один важный итог: отсутствие массовых смертей среди голодающих".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Орчакова Л.Г., Синин Е.Ю. Григорий Зиновьев: терзания и метания оппозиционера (1927–1934 гг.) //

Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69722 EDN: FVBBFY

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69722

Григорий Зиновьев: терзания и метания оппозиционера (1927–1934 гг.)

Орчакова Лариса Геннадьевна

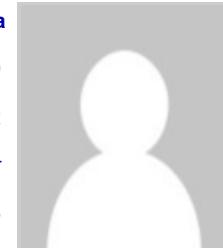
ORCID: 0000-0001-9559-9930

доктор исторических наук

профессор, департамент истории, Московский городской педагогический университет

129226, Россия, г. Москва, пр-д 2-Ой сельскохозяйственный, 4 кор 3, ауд. 3413

 luchlg@yandex.ru

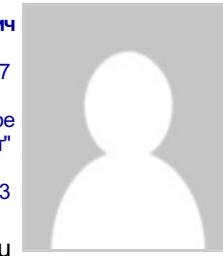
Синин Евгений Юрьевич

ORCID: 0000-0002-1444-5217

аспирант, департамент истории Института гуманитарных наук, Государственное автономное образовательное учреждение "Московский городской педагогический университет"

129226, Россия, г. Москва, пр-д 2-Ой сельскохозяйственный, 4 кор 3, ауд. 3413

 e.sinin@yandex.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69722

EDN:

FVBBFY

Дата направления статьи в редакцию:

31-01-2024

Дата публикации:

10-02-2024

Аннотация: Предметом статьи выступает политическое поведение одного из крупнейших оппонентов Сталина – Григория Евсеевича Зиновьева – в период между его первым исключением из партии в конце 1927 г. и арестом по обвинению в убийстве Кирова в

декабре 1934 г. Анализируются письма, речи и заявления Зиновьева к партруководству, посредством которых он пытался достичь главной цели – возврата в партию и к политической деятельности. Устанавливается наличие у Зиновьева внутренней борьбы между публичными выступлениями и сохранением собственных политических установок. Эти «терзания» и «метания» вызывали недоверие к Зиновьеву со стороны руководителей партии и привели героя сначала к психологическому надлому, а затем к политической смерти. В качестве инструментария используется материалистическая концепция (в частности – исторический детерминизм). Также применяется метод психоистории, для анализа внутреннего мира политика и мотивация его поступков. Анализ деятельности Зиновьева, как яркого примера политического поведения коммунистического оппозиционера позволяет сделать следующий выводы: 1) Поведение Зиновьева в рассматриваемый период определялось возвратом в партию, желательно – на руководящую работу. Основой для достижения цели было признание невозможности дальнейшей оппозиционной борьбы, могшей привести к расколу ВКП(б), а также общее согласие с начавшейся политикой коллективизации и индустриализации; 2) Содержание обращений Зиновьева в различные руководящие инстанции, включая И. В. Сталина, менялось сообразно с обстановкой внутри партруководства. 3) Расчет был не просто вернуться в партию и в руководство, а принять участие на стороне Сталина в борьбе с Бухариным. Партруководство видело это и использовало для психологического слома. 4) Некорректно считать политическое поведение Зиновьева классическим «двурушничеством». Он не вёл антипартийной работы и не отвергал основы партийной линии. Но его поведение привело в конце 1932 г. к психологическому надлому и отказу от собственного политического «Я». Окончательно зиновьевские «терзания» и «метания» прекратились в конце 1934 г. Он умер как политик. Научная новизна статьи заключается в самой постановке вопроса, введение в научный оборот неопубликованных документов Зиновьева, рассмотрение через одного из лидеров партии и оппозиционера механизма усиление личности Сталина.

Ключевые слова:

Григорий Евсеевич Зиновьев, зиновьевцы, оппозиционер, левая оппозиция, внутрипартийная борьба, двурушничество, Иосиф Виссарионович Сталин, Всесоюзная Коммунистическая партия, тоталитаризм, культ личности

Судьбы оппозиционеров в ВКП(б) 1920-1930-х гг. трагичны. При В. И. Ленине выступление против линии партии каралось относительно мягко: лидера рабочей оппозиции А. Г. Шляпникова даже не смогли исключить из ЦК с первого раза [1]. Однако, уже в середине 1920-х гг. критиков генеральной линии принуждали к «разоружению перед партией», а оппозиционность как таковая осуждалась [47, с. 327–332]. Людей стали исключать из ВКП(б) и арестовывать. Желавшие вернуться в партию должны были публично отказаться от прошлых деяний и взглядов в пользу сталинских позиций [37, с. 156]. Оппозионеры становились перед дилеммой: «своя» партия наносит удар – надо взять на себя грех (даже если его не было), или упорствовать в нём под угрозой репрессий [3, с. 161–162].

Многие выбрали первый путь, заверяя ЦК в преданности, даже если внутри имели иную точку зрения. По оценке И. В. Сталина на XVII партсъезде (1934), «большинство сторонников... антиреволюционных групп вынуждено было признать правильность линии

партии и капитулировать перед партией», экономические успехи пятилетки «окончательно деморализовали и разбили в прах все и всякие антиленинские группировки», а «партия сплочена теперь воедино, как никогда раньше» [46, с. 28]. На съезде с покаянным речами выступили многие из бывших лидеров оппозиции: Н. И. Бухарин, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, Г. Е. Зиновьев и др. [46, с. 124–128, 209–212, 492–497, 516–521]. Однако, все они, а также 1108 из 1968 делегатов, были вскоре необоснованно репрессированы по обвинениям в контрреволюционной деятельности, причём четыре вышеуказанных лица и 848 делегатов были расстреляны [20, с. 17]. Репрессии объяснялись «двурушничеством», т. е. неискренним согласием с политикой партии при злонамеренном сохранении своих взглядов и ведении антипартийной работы [14, с. 276–278, 311–312, 331–332]. Как продемонстрировали исследования начала XXI века и с чем стоит согласиться, большинство выдвинутых обвинений были мнимы, но само «двурушничество» имело свою почву [37, с. 310–312].

Явление «двурушничества» интересно для историков и политиков, как практика политического поведения оппозиционеров перед лицом сталинизма. Анализ практики внутрипартийной и политической жизни Советского государства на рубеже 1920–1930-х гг., на примере поведения одного из лидеров партии и активного участника оппозиции даёт возможность проследить непосредственный закат оппозиционеров. Кроме того, через развитие взаимоотношений партийно-советского руководства с оппозицией можно показать механизмы формирования сталинизма, как формы существования Советского государства в 1930–1950-е гг.

Григорий Евсеевич Зиновьев принадлежал к когорте создателей и вождей большевистской партии, пестовал её «монолитное единство». Еще в 1924–1925 гг. он требовал от оппозиции публичного покаяния, провозглашал единство партии высшей ценностью и заявлял, что «партия – не дискуссионный клуб» [9, с. 236; 11, с. 352–356; 43, с. 106]. Но уже в конце 1925 г. Г. Е. Зиновьев критикует сталинскую позицию о возможности окончательной победы социализма в СССР без мировой революции [4, с. 121, 131–133; 11, с. 259–348]. В разрез с его мировоззренческой позицией проводилась и политика уступок кулачеству. На XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. точка зрения Григория Евсеевича и его сторонников (зиновьевцев) подверглась осуждению [44, с. 971–973]. В 1926–1927 гг. Г. Е. Зиновьев составил вместе с Л. Д. Троцким и Л. Б. Каменевым «объединённую оппозицию». Однако, оппозиция не нашла широкой поддержки, встав осенью 1927 г. выбором: или переход к внепартийной работе, или подчинение ЦК на его условиях. Л. Д. Троцкий выступил против условий ЦК, а Г. Е. Зиновьев, боясь раскола партии, решил публично признать сталинские установки, но продолжить идейную борьбу [15, с. 240–242, 245, 248, 253; 27, л. 152; 28, л. 89–91; 29, л. 83–84; 33, л. 72.1]. В черновике статьи «Некоторые факты о совещании ленинградской оппозиции» от 28 ноября 1927 г. Г. Е. Зиновьев предлагал «подчиниться 15 съезду, ибо “иначе вторая партия неминуема” <...> идти на... это, по нашему мнению, верная гибель» [29, л. 83–84]. На съезде (декабрь 1927) И. В. Сталин в своей речи действительно потребовал полного подчинения оппозиционеров, добавив: «либо так, либо пусть уходят из партии. А не уйдут – вышибем» [45, с. 82]. Съезд объявил троцкистско-зиновьевские идеи несовместимыми с членством в партии, при этом Г. Е. Зиновьев и Л. Д. Троцкий были исключены из партии ещё до съезда [45, с. 1318].

С середины 1920-х гг. линия поведения Григория Евсеевича могла казаться непоследовательной. По отношению к партии, как отмечал А. В. Луначарский, его

отличает «романтическая преданность» [17, с. 298]. Но такое отношение к партии не исключало участия в партийных дискуссиях и оппозициях. Уже будучи в оппозиции, Григорий Евсеевич в 1926 г., анализировал в черновиках причины и следствия дискуссий, вопрошая: «возможно ли тем не менее единство» [27, л. 82]. Даже на исключившем его из ЦК октябрьском пленуме 1927 г. он, отстаивая оппозиционные тезисы, поддержал единство партии и правомочность её руководства [19, с. 121, 181]. Создание же параллельной ВКП(б) партии Г. Е. Зиновьев считал недопустимым [25, л. 39]. Исключение из ВКП(б) было для Г. Е. Зиновьева ударом. После своего исключения из партии он присоединился к заявлению о прекращении оппозиционной борьбы и попросил о восстановлении в партии, на что получил отказ с предложением обратиться через полгода [45, с. 1319, 1333–1336].

Поскольку Г. Е. Зиновьев был не рядовым партийцем, а одним из бывших вождей, то его возврат в ВКП(б) и политику решался на высшем уровне: Центральной контрольной комиссией (ЦКК), Центральным комитетом, Политбюро и лично И. В. Сталиным. Именно этот период интересен для исторического анализа. Происходит внутренняя борьба мысли, души, понимания собственных политических целей и места в системе. С конца 1927 г. и до ареста по делу об убийстве С. М. Кирова в декабре 1934 г. наш герой обращается с письмами и заявлениями, которых достаточно много сохранилось в архивных фондах, к партруководству. Их анализ и позволяет проследить эти «метания» государственного и политического лидера советского государства.

Ноябрьский объединённый пленум ЦК и ЦКК 1927 года исключил Г. Е. Зиновьева, как и ряд других оппозиционеров, из большевистской партии. Это стало для него ударом а, но он не согласился с таким положением вещей и сразу после исключения из партии занялся возвратом в неё. 23 декабря 1927 г. он обратился в ЦКК, а 27 января 1928 г. в «Правде» вышло совместное с Л. Б. Каменевым письмо с осуждением троцкизма [15, с. 257; 35, л. 15–17]. Моральное состояние Г. Е. Зиновьева, по свидетельству встретившегося с ним в начале января 1928 г. Н. И. Бухарина, было подавленным: он соглашался идти на любые уступки ради возврата в РКП(б) [8, с. 419–420]. Пока же его вместе с Л. Б. Каменевым отправили в ссылку в Калугу [8, с. 412]. В то же время разворачиваются исторические события, явившиеся для самой оппозиции предметом споров и столкновений. В конце 1927 г. случился кризис хлебозаготовок и партруководство искало пути решения проблемы. В январе 1928 г. состоялась поездка И. В. Сталина в Сибирь, в ходе которой он принял решение радикально сменить относительно мягкую к кулачеству политику [8, с. 413–415; 41, с. 148–153, 157]. В передовице «Правды» от 15 февраля намечались задачи хлебозаготовок в духе нажима на кулака и выполнения во что бы то ни стало плана сбора зерна [21].

Начавшийся «левый поворот» привёл к переходу многих оппозиционеров от борьбы с ЦК к сотрудничеству с ним [6]. Стоявший в годы оппозиционной борьбы на антикулацких позициях Г. Е. Зиновьев положительно оценил содержавшиеся в передовице выводы [27, л. 162]. А в датированной 10 марта 1928 г. статье «Долг большевика» он писал, что оппозионерам необходимо признать: «в этих коренных вопросах, определяющих ближайшие судьбы партии и государства ЦК проводит правильную, ленинскую линию» [26, л. 4]. Поскольку идеологические разногласия ликвидированы, то следовало «твердо и до конца подчиниться Партии, сделать все для восстановления единого фронта

ленинцев, встать в ряды и шеренгу, взять на себя свою долю ответственности за работу и линию партии, как полагается солдату пролетарской революции» [\[26, л. 15\]](#). Просил Г. Е. Зиновьев об этом и генсека: в зиновьевском фонде в РГАСПИ имеется текст об отправке им и Л. Б. Каменевым 1 марта 1928 г. письма И. В. Сталину и Н. И. Бухарину с заявлением об устранении всех прошлых разногласий [\[27, л. 163\]](#).

«В ряды и шеренгу» Г. Е. Зиновьева вернули 22 июня 1928 г., поскольку за прошедшие после исключения из ВКП(б) полгода против генеральной линии публично он уже не выступал [\[8, с. 423\]](#). Принятие генеральной линии к концу 1920-х гг. требовалось уже отнюдь не словесное, а в формате «идейного и организационного разоружения». Ещё 23 октября 1926 г. И. В. Сталин, полемизируя на пленуме ЦК с оппозицией, требовал от неё: «откажитесь от ваших книг, ваших брошюр, от своих речей на 14-м съезде» [\[8, с. 380–381\]](#). Г. Е. Зиновьев был одним из лидеров той оппозиции, на XIV съезде оппонировал генсеку в содокладе, а написанная им в 1925 г. книга «Ленинизм» была названа Н. И. Бухарином евангелием оппозиции [\[18, с. 217\]](#). Получается, возврат в 1928 г. в партию требовал от Григория Евсеевича отказа от «своих книг». Однако, в датированной 15 июля 1928 г. статье «Некоторые черты современного положения (к моменту нашего возвращения в партию)» Г. Е. Зиновьев недвусмысленно писал: «Само большинство ЦК повторяет теперь многое из того, что мы говорили на XIV съезде. Сталинские речи полными пригоршнями черпают из книги Зиновьева «Ленинизм», которая... выдержала испытание времени и оказалась целиком верной» [\[26, л. 41\]](#). Таким образом, Г. Е. Зиновьев при публичном согласии со сталинской линией внутри сохранял собственную точку зрения, которую считал «ленинской».

Конечно, к этому времени Г.Э. Зиновьев был опытным политиком и консолидация собственного мнения со сталинским «левым поворотом» стало точкой политических расчётов. Основанием этого могла служить начавшаяся борьба сталинцев с «правым уклоном» Н. И. Бухарина. В июне 1928 г. Г. Е. Зиновьев писал в черновиках, что оппозиционерам сейчас не стоит прямо говорить о собственной правоте по вопросу колLECTivизации, ибо «перегруппировка в партии и в её руководстве неизбежна, раз новый курс (на колLECTivизацию – прим.) взят всерьёз. Но – нужно время. Вероятно, нужен год» [\[26, л. 58\]](#). Г. Е. Зиновьев надеялся, что в ходе упорной борьбы в верхах могли привлечь как ценных игроков и его, и его сторонников. Действительно, 11 июля 1928 г. в Москве встретились Л. Б. Каменев и пока ещё член Политбюро Н. И. Бухарин, заверявший, что сталинцы будут пытаться привлечь зиновьевцев к себе и предлагавший им не нападать на «правых» [\[8, с. 422; 15, с. 259–261\]](#). К соглашению с Н. И. Бухарином не пришли, но сюжет о своём вероятном привлечении в верха продолжал обсуждаться зиновьевцами. Л. Б. Каменев писал 18 июля бывшему оппозиционеру А. Я. Гуральскому: «Только дураки могут считать, что у Ст[алина] – всё левая истина, а у Бух[арина] – всё правая скверна. И будто бы мы должны выбирать между двумя этими «политиками». Ерунда это! Мы... правы в основном <...> Б[ухарин] прибежал без всяких авансов с нашей стороны. В известный момент могут прибежать и его противники, тоже без предварительных авансов с нашей стороны, кроме того аванса, который всем известен: наших взглядов за два года» [\[22, л. 19\]](#). Мнение Льва Борисовича стоит признать релевантным и для Г. Е. Зиновьева, поскольку они были в тандеме как во власти, так и после исключения из ВКП(б) с конца 1927 г. они вместе были в ссылке в Калуге, сообща принимая важные решения. Причём Г. Е. Зиновьев был весьма информирован о состоянии дел в верхах, в т. ч. получая от работавшего в Москве бывшего оппозиционера Р. Е. Гринберга материалы [\[34, л. 47–133\]](#). От него шли копии

правительственных документов (включая даже тезисы к Политбюро), информация о состоянии дел у троцкистов и начавшихся на почве развёртывания коллективизации спорах между сталинцами и бухаринцами [34, л. 47–49, 62–63, 78–81, 91–93, 104–106]. Оставаться рядовыми партийцами Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев не были намерены, несмотря на выраженное совместно с Л. Б. Каменевым мнение: «в партийных делах мы поставлены в положение “иностранцев на родной земле”, а порученная нам советская работа не соответствует ни кругу наших интересов, ни нашему предшествующему опыту» [15, с. 269].

Вернувшись в 1928 г. в партию, Г. Е. Зиновьев рассчитывал на возврат в руководство, встав на сторону И. В. Сталина в борьбе с Н. И. Бухарином, полагая, что текущая политика подтверждает правоту его идей. Правда, пока на повестке дня у Г. Е. Зиновьева стояло не сколько участие в борьбе внутри Политбюро, столько отвод от себя всяких подозрений в оппозиционности. В отличие от отказавшихся «каяться» перед партией сторонников Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьев не только это сделал, но и в черновых статьях середины 1928 г. прямо этим гордился из-за того, что отказом от создания второй партии он устранил раскол ВКП(б) [26, л. 58]. Но искренность «покаяния», понимаемого сталинским ЦК как полный отказ оппозионера от действий и идей, можно было поставить под сомнение, о чём свидетельствует ряд документов. В фонде Г. Е. Зиновьева в РГАСПИ отложилось стихотворение неизвестного автора под названием «Покаянное». В нём встречаются такие строки: «Забыта прежняя крамола - / лишь напиши 15 строк. / <...> Так, с прошлым разорвав контракт, / Свершаю покаянья акт / <...> Пора спокойная настала, / Прошла дискуссий череда, / Я верю в то, что Коба-Сталин / Неизъяснимо прав всегда» [30, л. 153–154]. Как видно по вышеприведённой позиции Г. Е. Зиновьева, публично он «с прошлым разорвал контракт», но «веры» в то, что «Коба-Сталин неизъяснимо прав всегда» у него не возникло. Видели это и его близкие. 10 февраля 1928 г. вышеупомянутый Р. Гринберг писал секретарю Г. Е. Зиновьева Б. В. Богдану о реакции бывших оппозиционеров на размещённое 27 января в «Правде» покаянное письмо Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева: большинство одобрило это, но «во многих письмах имеются такие места: “Не может же все-таки быть, чтобы они действительно отказались от своих взглядов и т.п.”» [34, л. 49]. Документы свидетельствуют, что И. В. Сталин и члены ЦК также не верили в искренность зиновьевских покаяний. В начале 1929 г. генсек крайне негативно отреагировал на информацию о известной Г. Е. Зиновьеву встрече Н. И. Бухарина с Л. Б. Каменева, а 26 декабря 1929 г. вместе с Л. М. Кагановичем лично выразили Г. Е. Зиновьеву политическое недоверие [8, с. 440; 15, с. 261–267].

Все эти обстоятельства, а также особенности характера Г. Е. Зиновьева, сподвигли его к новым заверениям в лояльности. 17 апреля 1929 г. он попросил слова на XVI Партконференции ВКП(б), в котором «хотел бы заявить о полной моей солидарности с линией ЦК» [31, л. 152]. Но слова не дали. Зато возможность высказаться появилась на прохождении партийной чистки в Замоскворецкой районной контрольной комиссии 23 октября 1929 г., где Григорий Евсеевич заявил: «ЦК был прав, а я не прав: 1) в вопросе о строительстве социализма в нашей стране... и во всех других вопросах, по которым я вел борьбу против ЦК <...> Все решения ЦК против оппозиции... были правильными, как это доказано теперь опытом <...> Я... готов сделать абсолютно всё возможное, чтобы ликвидировать недоразумение» [24, л. 8–9]. Поверили ли ему партийные товарищи? Скорее всего, нет, поскольку 25 декабря Политбюро решило применить к Г. Е. Зиновьеву и Л. Б. Каменеву «более строгий курс», а самого Григория Евсеевича перевести на

работу вне Москвы [\[18, с. 440; 15, с. 271\]](#).

Г. Е. Зиновьев в ответ лишь усилил попытки демонстрации раскаяния. В письме к И. В. Сталину от 28 декабря 1929 г. он называл его руководителем партии и просил оказать себе доверие, а в июне 19230 г. просил у Г. К. Орджоникидзе слова на XVI партсъезде [\[32, л. 15; 36, л. 171-172\]](#). Но доверия не оказали, и слова вновь не дали. Можно видеть, что по мере ужесточения партийной риторики в адрес оппозиционеров Г. Е. Зиновьев усиливал публичное согласие с линией ЦК и генсеком лично. Однако, в руководство его также не возвращали, намеченная им «перегруппировка» сроком в год привела к установлению сталинского единовластия: ранее предлагаемое Г. Е. Зиновьевым «коллективное руководство» было уже для генсека не актуальным [\[2, с. 173\]](#). Следовательно, Григорий Евсеевич должен был скорректировать своё политическое поведение, если желал вернуться к политической работе.

Как раз на рубеже 1929–1930 гг. Г. Е. Зиновьев получил хороший шанс. Высланный из СССР Л. Д. Троцкий выпустил свои мемуары «Моя жизнь». Они почти сразу попали в СССР и распространялись с ведома ЦК [\[39, с. 236\]](#). Летом 1930 г. прочёл «Мою жизнь» и дал отрицательную рецензию крупный советский историк-марксист С. А. Пионтковский [\[7, с. 334-336\]](#). В декабре 1931 г. в речи перед историками близайший соратник генсека Л. М. Каганович назвал мемуары Л. Д. Троцкого «гнусной и хвастливой брошюрой». Направление критики задал сам И. В. Сталин: его статья «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931), критиковавшая «троцкистскую контрабанду» в советской исторической науке, была ответом на мемуары и ряд других работ Л. Д. Троцкого [\[16, с. 4, 61\]](#).

Документы свидетельствуют о возможности и, главное, желании Г. Е. Зиновьева поучаствовать в антитроцкистской кампании. Он с 1929 по 1934 гг. имел доступ к собираемой в партархиве коллекции журнала Л. Д. Троцкого «Бюллетень оппозиции» [\[12, с. 294; 23, л. 13, 25\]](#). Там же Г. Е. Зиновьев в марте 1930 г. ознакомился и с мемуарами, оставив на них разгромный отзыв, надеясь: «Сталин не оставит без ответа книгу Троцкого. Но думаю, что я, во всяком случае, обязан со своей стороны ответить Троцкому. Надежды на напечатание ответа сейчас не имею. Но всё же запишу» [\[39, с. 236\]](#). Следов публикации зиновьевского ответа найти не удалось.

Можно предположить, что саму санкцию на ознакомление с троцкистскими материалами дал Г. Е. Зиновьеву именно И. В. Сталин, дабы держать его в психологическом «тонусе»; раз за разом даваемый Г. Е. Зиновьеву отказ от его услуг мог остудить политические амбиции оппозиционера. «Тонус» и остывшие амбиции хорошо видны в строчках из черновика неотправленного письма Г. Е. Зиновьева к И. В. Сталину (10 декабря 1930 г.): «год назад я Вам без всяких выкрутасов сказал прямо, что 1) я вижу Вашу правоту в борьбе против оппозиции и, в частности, против меня, 2) полностью поняв это, я уже давно смирил в себе «гордыню» и внутренне признал справедливость причиненных мне обид, 3) хочу и буду добросовестно работать под руководством ЦК и лично Вашим на всякой работе, какую дадите» [\[32, л. 2606\]](#). Подобный сюжет виден и в его письме И. В. Сталину от 4 мая 1932, где он просил «какую угодно, хотя бы самую скромную работу в ИККИ или в одной из братских партий (на легальную или нелегальную работу)», при этом заверяя, что «ни малейшего шага в какой бы то ни было работе... не сделаю, если не буду на 100% уверен в том, что он соответствует линии ЦК» [\[32, л. 550б-56\]](#).

Уровень политических притязаний Г. Е. Зиновьева заметно снижался, да и с основами текущей политической линии он был согласен. Но сквозь соглашение, покаяние и заверения в преданности партии прорывались собственные мысли Григория Евсеевича, критика им частности проводимой политики [8, с. 450–452]. Боле того, в сентябре 1932 г. он предложил Л. Б. Каменеву прочитать ему полученную от Я. Стэна тетрадь с написанной М. Н. Рютином оппозиционной платформой «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» [15, с. 273–274]. Г. Е. Зиновьев и ранее знакомился с оппозиционной литературой, однако новые политические реалии не допускали даже этого, требуя полного идеиного подчинения ЦК. Поэтому, когда платформу «Союза марксистов-ленинцев» раскрыло ОГПУ, то проверка коснулась и знатных о ней, в т. ч. Г. Е. Зиновьева [8, с. 456]. На допросах в ЦКК 3 и 5 октября он сперва отрицал знакомство с текстом, а затем подтвердил его [8, с. 458–459]. На вопрос зачем же он тогда читал его, Г. Е. Зиновьев ответил: «у меня есть интерес как политика» [8, с. 460]. Данная фраза является характерным для Г. Е. Зиновьева примером «терзаний»: он уже не был политиком, а партия предписывала ему уйти от собственного мнения, но он им себя полагал и не переставал формулировать свои оценки происходящего.

Однако, именно дело Рютина по существу поставило крест на перспективах Г. Е. Зиновьева вернуться в верх. За недоносительство он 10 октября 1932 г. был вновь исключён из партии и, в отличии от прошлого раза, его сослали куда дальше – в казахстанский город Кустанай [15, с. 280–282]. Осознавал ли Г. Е. Зиновьев, что началось его политическое уничтожение? Скорее всего, да. Перед отправкой в ссылку, 3 декабря 1932 г. Г. Е. Зиновьев написал в Секретариат ЦК письмо, в котором утверждал: «ясно отдаю себе отчет в том, что, если после всего происшедшего я когда-либо опять нарушил дисциплину партии, это означало бы навсегда вычеркнуть себя из рядов ВКП, а кто разрывается с большевистской партией, тот погиб как коммунист» [5]. Даже больше: можно сказать, что внутри Г. Е. Зиновьева произошёл надлом. В том же письме видно существенное изменение риторики: Г. Е. Зиновьев теперь не рассчитывает на возврат в партруководство, но «понял до конца, что совершившееся сплочение Партии и всего Коминтерна вокруг тов. Сталина есть факт всемирно-исторического значения – ибо т. Stalin действительно оказался лучшим учеником и верным продолжателем дела Ленина» [5]. В письме к И. В. Сталину от 8 мая 1933 г. он писал: «если после всего произошедшего я могу ещё рассчитывать на какое-либо снисхождение со стороны старых товарищей, то уже, конечно, в последний раз» [5]. Те же мысли звучат в опубликованном в «Правде» 20 мая письме Г. Е. Зиновьева: «...зарвался и стал полагать, что правда на стороне моей... а не на стороне партии, её ЦК, тов. Сталина, истинного продолжателя дела Ленина», выражив надежду, что получит «возможность и право общаться с партией, с рабочей массой» [10]. Г. Е. Зиновьев, хотя и был политически дискредитированным и психологически сломленным, всё равно хотел вернуться в партию, но даже в этой ситуации не мог отказаться от возможности выражать свое мнение, пусть даже пределы этого были малы.

В мае 1933 г. он был возвращён из ссылки, но не в ряды ВКП(б) [5]. Ради второго Г. Е. Зиновьев прибегнул к проверенному средству – предложить И. В. Сталину публично заверить его в своей лояльности, попросив 8 декабря 1933 г. у генсека слова на предстоящем XVII партсъезде [5]. И в этот раз его просьба была удовлетворена: 14 декабря его вернули в ВКП(б), а в конце января 1934 г. разрешили выступить на съезд [8, с. 469–470]. В съездовской речи Г. Е. Зиновьев каялся в «антипартийных ошибках»,

стремлении «навязывать партии своё особое понимание ленинизма», указал, что был наказан партией «совершенно поделом», назвал И. В. Сталина подлинным преемником В. И. Ленина, а нынешний «триумф партии» охарактеризовал как «триумф руководства, триумф прежде всего того, кто возглавлял это руководство» [\[46, с. 492-497\]](#).

Съездовская речь была детально проработана Г. Е. Зиновьевым с точки зрения легитимации сталинского курса, в обмен ожидая дивиденды в виде получения политической работы [\[12, с. 287-288; 38, с. 135\]](#). Но для чего тогда Stalin, который прежде игнорировал зиновьевские раскаяния и не верил им, в этот раз дал ему слово? Надо отметить, что на XVII партсъезде предоставили возможность выступить всем крупным бывшим оппонентам генсека. Исследователи видят здесь прежде всего прагматику: И. В. Stalinу нужна была демонстрации монолитности партии перед лицом нараставших угроз извне [\[40\]](#). Следует выделить ещё один аспект. XVII съезд ещё в момент работы был назван «съездом победителей». Однако, корректнее будет сказать «победителя» - И. В. Stalin. Генсек мог видеть, что все его бывшие оппоненты уже сломлены и не представляют политической опасности, поэтому их съездовские выступления не только не ослабили бы позиций партруководства, но и усилили бы его личную власть. Признание правоты И. В. Stalin из уст того же Г. Е. Зиновьева звучали весомо. Григорий Евсеевич был уже достаточно сломлен для правильных речей. Это заметила редакция издаваемого Л. Д. Троцким «Бюллетеня оппозиции»: «Зиновьев, который ряд лет находился в открытой или полузамаскированной оппозиции к сталинской бюрократии, признал, наконец, после краткого пребывания в ссылке, что партийный режим Stalin есть лучший из режимов» [\[13\]](#).

Для Г. Е. Зиновьева не шла уже речь о сохранении собственной политической линии. Он стремился лишь остаться на плаву. В апреле 1934 г. его назначили в главный партийный теоретический журнал «Большевик» [\[8, с. 473\]](#). Однако, и там начались проблемы: Г. Е. Зиновьев стал отстаивать свои прежние взгляды по вопросу о мировой революции (её неизбежность в условиях новой империалистической войны), тогда как генсек видел корень вопроса не в мировой революции, а в выстраивании системы коллективной безопасности в Европе [\[8, с. 475\]](#). Когда же в июле в «Большевике» появилась публикация критически оценивавших внешнюю политику царской России материалов Ф. Энгельса с комментарием в духе неизбежности мировой революции в случае новой мировой войны, то ЦК посчитало ответственным именно Г. Е. Зиновьева. Из редколлегии журнала он был удалён [\[8, с. 477-480\]](#). Новые прошения к И. В. Stalinу успеха не принесли [\[8, с. 484-487\]](#). Григорий Евсеевич уже давно вышел из доверия.

Окончательной политической смертью героя стали события 1 декабря 1934 г. В организации убийства С. М. Кирова безосновательно обвинили зиновьевцев: как показывают текущие исследования, убийца действовал в одиночку и даже не принадлежал к кругу Г. Е. Зиновьева [\[42, с. 262-263\]](#). Но само обвинение зиновьевцев в этой трагедии И. В. Stalinым выглядело как логичное продолжение шедшей предыдущие годы игры: Григорий Евсеевич терзался, ему давали шансы проявить лояльность, он проявлял её при сохранении внутри собственного «Я», затем ему выражали недоверие, и он усиливал покаяния, постепенно теряя самого себя. «Потерял» себя Г. Е. Зиновьева именно на кировском деле. В январе 1935 г. Г. Е. Зиновьеву дали десять лет тюрьмы. 25 августа 1936 г. Григорий Евсеевич был расстрелян.

Заключение

Деятельность Г. Е. Зиновьева в период с конца 1927 г. по конец 1934 г. являлась ярким примером политического поведения коммунистического оппозионера, на основе чего можно сделать ряд выводов:

- 1) Поведение Г. Е. Зиновьева в рассматриваемый период определялось главной целью – возвратом в партию, желательно – на руководящую работу. Основой для достижения цели было признание Г. Е. Зиновьевым невозможности дальнейшей оппозиционной борьбы, могшей привести к расколу ВКП(б), а также общее согласие с начавшейся политикой коллективизации и индустриализации.
- 2) Для достижения цели Г. Е. Зиновьев часто обращался в различные руководящие инстанции, включая И. В. Сталина. Конкретное содержание просьб Г. Е. Зиновьева было тесно связано с обстановкой внутри партруководства и менялось сообразно ей, из чего можно заключить об осознанном характере его многочисленных «покаяний» и заявлений об отказе от всякой оппозиционной деятельности.
- 3) Г. Е. Зиновьев действительно рассчитывал не просто вернуться в партию, но в её руководство, считая проводимую политику отображением своих идей и заняв сторону И. В. Сталина в борьбе с Н. И. Бухариным. Однако, партийное руководство политически не доверяло Г. Е. Зиновьеву, что регулярно доводило до его сведения. В ответ Г. Е. Зиновьев усиливал попытки к доказать свою преданность генсеку, что вело к конфликту с его политическими амбициями. Партийное руководство видело эти амбиции и старалось их сломать, что ему и удалось сделать.
- 4) При этом политическое поведение Г. Е. Зиновьева в рассматриваемый период некорректно считать классическим «двухничеством». Г. Е. Зиновьев не вёл антипартийной работы и не отвергал основы партийной линии, однако, внутри него шла борьба между публичным «покаянием» и сохранявшимися идеальными установками. Наиболее ярко проявленная в первые годы после поражения во внутрипартийной борьбе, она привела в конце 1932 г. к психологическому надлому и отказу от собственного политического «Я», но ещё имела целью возврат к партийной деятельности. Окончательно зиновьевские «терзания» и «метания» прекратились в конце 1934 г. в связи с обвинениями в убийстве С. М. Кирова: он умер как политик.

Библиография

1. Аксютин Ю. Александр Шляпников//Научно-просветительский журнал «Скепсис» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_3428.html?ysclid=lp2m37kdvc927910506 (дата обращения: 17.11.2023).
2. Апальков Д. И. Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с.
3. Бри М. Открыть Ленина снова. Диалектика революции vs Метафизика господства. – М.: RLS (Moskau), Логос, 2017. – 192 с.
4. Войтиков С. С. Сталин против Зиновьева. – М.: Вече, 2022. – 544 с.
5. Григорий Зиновьев-Иосифу Сталину: "Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией..." // Российская газета. 24 августа 2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2023/08/24/grigorij-zinovev-iosifu-stalinu-ni-v-chem-ni-v-chem-ni-v-chem-ia-ne-vinovat-pered-partiej.html?ysclid=ls0c8xv2e5200621325> (дата обращения: 30.01.2024).
6. Гусев А. В. Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 20-х гг. // Отечественная история. – 1996. – №1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.ph/YQ4t>. (дата обращения: 30.01.2024).

7. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / редкол.: Д. Бранденбергер (США), А. М. Дубровский, А. Л. Литвин (отв. ред. и вступ. ст.). – Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. – 515 с.
8. Жуков Ю. Н. Григорий Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции. – М.: Концептуал, 2021. – 560 с.
9. За ленинизм, против троцкизма (по поводу «Уроков Октября» тов. Троцкого). – М.: Молодая гвардия, 1925. – 242 с.
10. Заявление тов. Г. Е. Зиновьева // Правда. – 1933. – 20 мая.
11. Зиновьев Г. Е. Ленинизм: введение в изучение ленинизма. – Л.: Государственное издательство, 1925. – 400 с.
12. Зиновьев Г. Е., Жуков Ю. Н., Спицын Е. Ю. Заслуженный приговор. Ошибки и преступления «зиновьевской» оппозиции. – М.: Концептуал, 2022. – 400 с.
13. Зиновьев о режиме ВКП // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). – 1934. – № 38–39 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_38-39/BO-0397.html. (дата обращения: 30.01.2024).
14. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М.: Партиздат, 1938. – 353 с.
15. Кочетова А. С. Лев Каменев: «Я не согласен». – М.: АФК Система; Политическая энциклопедия, 2022. – 463 с.
16. Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч. Ч. 1: История текста "Краткого курса истории ВКП(б)" 1931–1956 / сост.: М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. – М: РОССПЭН, 2014. – 791 с.
17. Луначарский А. В., Радек К. Б., Троцкий Л. Д. Силуэты: политические портреты / Под общ. ред. В. В. Журавлева, В. Т. Логинова, А. П. Ненарокова. – М.: Политиздат, 1991. – 462 с.
18. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы / сост., предисл. И. И. Кудрявцева. – М.: Научно-политическая книга, 2023. – 1202 с.
19. Объединённый пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г.: Документы и материалы. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 471 с.
20. Первое слово правды: Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии. 9 февраля 1956 г. / отв. ред. и авт. введения Г. М. Иванова; авт. послесловия А. К. Сорокин; сост. и авт. комментариев Т. М. Полянская, И. В. Удовенко. – М.: Музей истории ГУЛАГа, РГАСПИ, 2020. – 182 с.
21. Первые итоги хлебозаготовительной кампании и задачи партии // Правда. – 1928. – 15 февраля.
22. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 323. Оп. 2. Д. 161.
23. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 9.
24. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 512.
25. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 45.
26. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 46.
27. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 49.
28. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 50.

29. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 55.
30. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 60.
31. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 73.
32. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 74.
33. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 75.
34. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 77.
35. РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Д. 94.
36. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 734.
37. Сарабеев В. Троцкий, Сталин, коммунизм. – СПб.: Питер, 2021. – 528 с.
38. Синин Е. Ю. Риторика выступления Г. Е. Зиновьева на XVII съезде ВКП(б) как приём политической легитимации И. В. Сталина // Клио. – 2022. – № 7 (187). – С. 128–137.
39. Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Троцкий и Сталин: смертельный конфликт личностей и позиций. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2018. – 416 с.
40. Хлевнюк О. В. Был ли крамольным «съезд победителей»? // Ведомости. 7 февраля 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/02/07/793604-sezd-pobeditelei> (дата обращения: 17.11.2023).
41. Хлевнюк О. В. Сталин: Жизнь одного вождя: биография. – М.: Издательство АСТ; CORPUS, 2019. – 464 с.
42. Эгге О. Загадка Кирова: убийство, развязавшее сталинский террор. – М.: РОССПЭН, 2011. – 285 с.
43. XIII съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчёт. – М.: Госполитиздат, 1963. – 884 с.
44. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. – М.: Государственное издательство, 1926. – 1026 с.
45. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчёт. – М., Л.: ГИЗ, 1928. – 1416 с.
46. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. – М.: Партиздат, 1934. – 717 с.
47. Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007. – 416 p

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в эпоху Перестройки начался постепенный переход к демократизации и гласности, это вызвало резкий интерес к тем эпизодам советской истории, которые ранее либо замалчивались, либо рассматривались только в русле генеральной линии партии. Именно тогда начался новый процесс реабилитации жертв политических репрессий, а также восстановление целого ряда забытых или полузабытых имен, в том числе знаковых фигур для советского общества в 1920-е гг. Глубокое внимание в те годы уделялось политической оппозиции 1920-х гг., идеи которых рассматривались в формате возможных альтернатив сталинскому социализму. Вместе с тем современная наука продолжает изучать политические противоречия 1920-1930-х гг. на основе новых

подходов и на вновь открывшемся документальном материале.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является политическая позиция Г.Е. Зиновьева в период с 1927 – 1934 гг. Автор ставит своими задачами проанализировать перемены в политическом курсе Зиновьева в рассматриваемый период, определить его цели как политика, а также показать, можно ли отнести его политическое поведение к категории «двурушничества».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, в основе которого по определению академика И.Д. Ковальченко находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными сторонами выступают конкретность и описательность.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать политическое поведение Г. Е. Зиновьева в период от исключения из рядов большевистской партии в 1927 г. до убийства С.М. Кирова в 1934 г. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя до 50 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, проделанной автором. Источниковая база статьи представлена как опубликованными материалами (периодическая печать, стенографические отчеты партийных съездов) и документами из фондов Российского государственного архива социально-политической истории. Из используемых исследований укажем на труды Д.И. Апалькова, Ю.Н. Жукова, Е.Ю. Синина, О.В. Хлевнюка, в которых рассматриваются различные аспекты истории политической борьбы в СССР в 1920-1930-е гг. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как политической историей СССР, в целом, так и политической борьбой в 1920-1930-е гг., в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «анализ практики внутрипартийной и политической жизни Советского государства на рубеже 1920-1930-х гг. на примере поведения одного из лидеров партии и активного участника оппозиции даёт возможность проследить непосредственный закат оппозиционеров». В работе показано, что после исключения из рядов ВКП(б) поведение Г. Е. Зиновьева «определялось главной целью – возвратом в партию, желательно – на руководящую работу», для достижения которой он обращался в различные инстанции, в том числе к И.В. Сталину. Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «конкретное содержание просьб Г. Е. Зиновьева было тесно связано с обстановкой внутри партруководства и менялось сообразно ей, из чего можно заключить об осознанном характере его многочисленных «покаяний» и заявлений об отказе от всякой оппозиционной деятельности».

Главным выводом статьи является то, что в рассматриваемый период «Г. Е. Зиновьев не вёл антипартийной работы и не отвергал основы партийной линии, однако, внутри него шла борьба между публичным «покаянием» и сохранявшимися идеальными установками». Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Волгина Н.Д. Обзор этнографических источников для изучения сельского хозяйства средневекового Новгорода // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69761 EDN: HGAQUH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69761

Обзор этнографических источников для изучения сельского хозяйства средневекового Новгорода

Волгина Наталия Дмитриевна

аспирант, кафедра археологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ snatd@yandex.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69761

EDN:

HGAQUH

Дата направления статьи в редакцию:

05-02-2024

Дата публикации:

24-02-2024

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является комплекс этнографических источников, связанных с сельскохозяйственной деятельностью. В этот комплекс вошли предметы из экспозиций этнографических музеев, фотографии из коллекций отечественных краеведов и Сети интернет, а также народный фольклор и автобиография крестьянина И.С. Карпова. Использование этнографических источников для исследования сельскохозяйственной деятельности в эпоху средних веков представляется крайне важным ввиду того, что археологический материал не всегда доходит до наших дней в полной сохранности. Например, такие сложные устройства как пахотные орудия представлены в археологических коллекциях лишь железными наконечниками их рабочих частей, поэтому для восстановления их внешнего облика необходимо обращаться к этнографическим материалам. То же можно сказать и о

технологии возделывания земли. Для отбора необходимого материала для данного исследования было проведено изучение работ отечественных этнографов и археологов, посвященных истории сельского хозяйства и народному фольклору. Также была проведена выборка фотоматериала из коллекций отечественных краеведов и общедоступных фотографий из сети Интернет. Статья представляет собой обзор разного вида этнографических материалов и опыт их применения для реконструкции сельскохозяйственной деятельности жителей средневекового Новгорода по археологическим данным. Основным вкладом автора в исследование темы является расширение круга этнографических источников, которые чаще всего привлекаются для подобного рода исследований. В данной работе был продемонстрирован опыт использования не только вещественного материала и фотографий из коллекций этнографических музеев, но и народного фольклора для реконструкции сельскохозяйственных процессов, которые не могут быть интерпретированы по археологическим данным. Традиционные виды хозяйственной деятельности такие как земледелие, охота или различные промыслы уходят корнями в глубокое прошлое и сохраняют свои особенности на долгое время. Эта особенность позволяет исследователям в полном объеме реконструировать те или иные процессы, о которых сохранились лишь археологические свидетельства, которые не всегда доходят до наших дней в полном виде.

Ключевые слова:

сельское хозяйство, Великий Новгород, этнографические источники, фотографии, фольклор, земледельческие орудия, пахота, археологические источники, материальная культура, крестьянство

Изучение истории сельского хозяйства средневекового Новгорода представляет собой довольно обширную тему, которая требует комплексного подхода. В этой связи предполагается обращение не только к археологическим памятникам, но и к другим видам источников. Известный русский этнограф и фольклорист Д.К. Зеленин в своей монографии «Русская этнография» отмечал, что при описании современной ему русской деревни необходимо обращаться к традиционной народной культуре, уходящей далеко в прошлое, так как определенные черты крестьянской жизни не претерпели радикальных изменений [1, с.8]. Это замечание в равной степени справедливо и для попыток восстановить облик средневековой бытовой жизни и различных аспектов хозяйственной деятельности. Во многом необходимость обращения к другим видам источников обусловлена тем, что археологический материал хоть и довольно обширный, но большая часть предметов доходит до наших дней в фрагментированном состоянии, что затрудняет реконструкцию внешнего облика вещи, а также способах ее применения.

Этнографические источники можно условно разделить на 4 группы: вещественные, фотодокументы, письменные источники и фольклор. В первую группу вошли предметы из экспозиций этнографических музеев. Вторая группа содержит различные фотографии, которые были получены из Сети Интернет и коллекций отечественных краеведов. Группа письменных источников представлены мемуарами крестьянина И.С. Карпова, которые были собраны и записаны отечественными этнографами. И к последней группе относится народный фольклор, также собранный и записанный исследователями.

Земледелие составляло основу экономического быта русского крестьянина с древнейших времен. Богатый вещественный материал, накопленный в ходе длительных

археологических изысканий, продемонстрировал, что еще до возникновения Древнерусского государства у восточнославянских племен было комплексное хозяйство, ведущую роль в котором играло земледелие и связанное с ним скотоводство, а охота и другие промыслы имели меньшее значение, но оставались серьезным подспорьем к основным видам хозяйственной деятельности [3, с.48]. Для изучения истории развития земледельческой техники территорию Древней Руси принято условно разделять на географико-климатические зоны: южная Русь (Среднее Поднепровье, Побужье, Поднестровье) и северная Русь (Полесье, Верхнее Поднепровье, Поволжье, Верхнее Поволжье и Поочье). Многие исследователи не раз отмечали, что географическая среда является одним из важнейших определяющих факторов уровня развития общества, оно либо ускоряет, либо замедляет этот процесс. Земледелие является той отраслью хозяйства, которое в большей степени подвержено этому воздействию [4, с.115]. Географическая среда оказала непосредственное влияние на особенности развития земледельческой техники, которая в свою очередь предопределила господство на данной территории тех или иных земледельческих орудий. В рамках данного исследования речь пойдет о северных территориях.

Лесная зона Восточной Европы была преимущественно занята смешанными и хвойными лесами, почвенные условия севера были значительно менее благоприятны, чем на юге. Лесная зона – это область подзолистых, супесчаных и суглинистых почв, очень слабо насыщенных гумусом [4, с.51]. У населения лесной зоны не было в распоряжении больших, свободных от леса пространств, поэтому земледелие на этой территории приобрело специфический лесной характер. Подсечное земледелие, земледелие лесных областей, надолго стало основной техникой возделывания земли на данной территории. Подсека представляет собой развитое мотыжное земледелие, с применением примитивных почвообрабатывающих орудий: бороны-суковатки и однозубого рала. Подсечное земледелие, как правило, является занятием большой семьи ввиду сложности организации.

Первый этап подсечного земледелия включал в себя избавление от леса на определенной территории. Для этого лес срубали, просушивали в течение года, затем сжигали. На втором этапе горелый слой приводили в порядок и сажали прямо в золу [5, с.1-4]. Приготовленный в лесу участок (новина) служил всего лишь год или два, максимум три года, с каждым годом плодородный слой истощался и давал меньше урожая. Старый же участок мог снова поступать в эксплуатацию не раньше, чем на нем вырастал лес, т.е. через 40-60 лет [3, с.53-54]. С появлением более совершенных пахотных орудий на данной территории подсечное земледелие эволюционировало в пашенное.

Заботы об обработке земли начинались у русского крестьянина уже в начале весны и заканчивались в начале осени. Об этом можно найти свидетельство в народной поговорке: «Пришли Евдокеи—мужику заты: соху точить, борону чинить» [6, с.243]. День памяти святой Евдокии выпадал по старому календарю на 1 марта, в этот день заканчивалась зима, и было принято гадать на весну [7, с.172]. Посевной сезон продолжался вплоть до начала сентября, о чем также свидетельствуют славянские поговорки: «На Семенъ—день до объда паши, а пось объда руками маши». День памяти святого Семеона приходился на 14 сентября. Смысл данной поговорки можно понимать по-разному: либо речь идет о том, что после полудня погода часто ухудшается, что затрудняет работу в поле, либо как сигнал о том, что пора прекращать земледельческие работы.

Подготовка пашни под будущий посев производилась с помощью сохи и бороны. Известный русский этнограф Д.К. Зеленин по праву называет соху – главным русским земледельческим орудием [2, с.6]. Русская соха не была единой для всех территорий Российского государства, а была представлена разными видами, которые были обусловлены почвенно-климатическими условиями. Исходя из предложенной Д.К. Зелениным классификации пахотных орудий, соха относится к пашущим орудиям, которые снабжены отвальными приспособлениями (полицей), позволяющими не просто бороздить почву, но и увлекать пласт земли за собой [1, с.10-12]. Характерной особенностью сохи, которое сделало ее пригодной для работы в условиях лесных почв, это высокое место крепление тягловой силы, что позволяло орудию неплотно прилегать к земле и тем самым избегать пни и корни деревьев, которые оставались после обработки почвы [8, с.33-34]. Еще одной отличительной чертой сохи является двузубость ее рабочий части, на которую устанавливаются железные наконечники – сошники, которые в старину иногда назывались «омеши». В одной из былин «Вольга и Мikuла» можно встретить упоминание о работе сохой:

«Выехал Вольга во чисто поле,
Он услышал во чистом поле ратая.

А орет в поле ратай, понукивает,
А у ратая-то сошка поскрипывает,

Да по камешкам омешки прочиркивают.

Ехал Вольга он до ратая,
День с утра ехал до вечера,
Да не мог ратая в поле наехати.

А орет-то в поле ратай, понукивает,
А у ратая сошка поскрипывает,

Да по камешкам омешки прочиркивают

Ехал Вольга еще другой день,
Другой день с утра до падебья,
Со своей со дружинушкой хороброю.

Он наехал в чистом поле ратая,
А орет в поле ратай, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет – другого не видать.

То коренья-каменья вывертывает,
Да великие он каменья все в борозду валит,

У ратая кобылка соловенька,

Да у ратая сошка кленовая,

Гужики у ратая шелковые. [\[9, с.50\]](#)»

Русский этнограф В.Ф. Миллер в своей работе «Очерки русской народной словесности» описывая былину о «Вольге и Микуле» назвал ее «настоящей картиной северной пахоты» [\[10, с.168-169\]](#). Как уже описано выше, почвы в северных областях сложные для возделывания из-за большого количества валунов и корней деревьев о которые постоянно «омешики поскрипывают» и которые приходится обходить во время пахоты. Тяжелый труд крестьян-пахарей нашел широкое отражение в народных поговорках и пословицах: «Кто ореть, тот поеть, а кто служить, тот тужить», «Мужикъ умирать сбирайся, а земельку паши» [\[6, с.240-243\]](#). С большой любовью и уважением в них говорится и о сохе: «Держись за соху; она кормилица»; «У матушки сошки золотые рожки» [\[6, с.242\]](#).

Пахать начинали рано утром, в некоторых случаях ночью. В воспоминаниях И.С. Карпова, крестьянина из Красноборского района Архангельской области, встречаем небольшой рассказ о том, как проходил этот процесс: «*Пришла весна, вместе и заботы пахать и обсеять землю соседа и свою. Лошадь хотя невидная, но для работы хороша. Лето в 1905 году было жаркое, в Петров пост при вывозе на пары навоза оводы заедали до крови лошадей. Пахать приходилось ночами, а днем отдыхать. За 2 дня до Петрова дня, 26 июня (ст. ст.), около 10 часов вечера поехал я пахать ночью – не жарко*» [\[11, с.23\]](#). Далее автор вспоминает довольно опасный случай, который произошел с ним во время работы в поле: «*Мама разбудила меня, подготовила поесть, что пригодилось, и, пока не жарко и не поднялись оводы, часов около 4 – 5 поехал пахать. Приехав на пашню и проехав борозды 2 – 3, вижу: лошадь моя фыркает, сторожится и дрожит – чего-то боится, остро гладит в стороны. Доезжая до межи, она направляется идти домой, но я поворачиваю ее обратно и, наконец, несмотря на мои усилия удержать ее, бросилась бежать домой, а я, уцепившись за вожжи, хотел остановить ее, но из опасения быть изрезанным острыми лемехами отпустился от вождей. От быстрого бега образовался столб сухой пыли, а лошади в пыли не видно. Неизбежно лошадь должна отрезать себе ноги, т_{<ак>} к_{<ак>} лемехи были у самых ног лошади. Сознавая эту опасность, я с рыданием бежал вслед лошади и вижу один лемех (ральник) глубоко уткнулся в землю, отломившись со всем деревом, второй лемех, зацепившись за бревно, отломился и отлетел через изгородь в сторону. Лошадь цела, стоит у ворот сарая, вся трясется. Выпряжену лошадь, привязали к столбу, и начали с мамой бичевать лошадь иловыми прутьями, толкнули во двор и в наказание оставили без корма*» [\[11, с.23\]](#).

Обращение к народному фольклору имеет для исследователя также интерес с точки зрения уточнения терминологии. В народном обиходе не было четкого определения названия железных наконечников рабочих частей пахотных орудий. В вышеприведенном фрагменте можно заметить, что наконечники рабочей части сохи автор называет лемехами, хотя речь безусловно идет о сошниках. Закрепление названий за определенными орудиями (рало-наральники, соха-сошники, плуг-лемехи) произошло лишь советскими учеными, которые заложили основу для их классификации.

После распашки поле обрабатывалось бороной, чтобы очистить почву от оставшихся после распашки кореньев, сорняков и комьев земли, выровнять почву, а также засыпать семена землей. Борона-суковатка является одним из самых примитивных видов борон.

Она изготавливалась из молодых еловых стволов, которые разделялись пополам, а сучья обрабатывались таким образом, чтобы они были похожи на зубья. Особенности строения такого типа бороны позволяли использовать ее на почвах с большим количеством неровностей и разных препятствий [12, с.24-25]. Эти качества сделали борону-суковатку невероятно популярной в северных областях вплоть до появления механизированных борон. Подобная борона представлена на фотографии из коллекции отечественного краеведа А.А. Беликова (1883-1941 гг.)

Рис.1 Беликов А.А. Борона. Карелы. Россия, Карелия республика, Олонецкий р-он. 1927.
(Кунсткамера. Музей антропологии и этнографии. МАЭ И 1228-723)

В августе месяце у крестьянина наступала пора сенокоса и жатвы. В воспоминаниях И.С. Карпова читаем: «После моего приезда прошло 9 месяцев, наступила сенокосная пора – август месяц. По установленному издревле в волости закону никто не имел права начать сенокос ранее Ильина дня (20 июля ст. ст.). За 4 дня до Ильина дня собирались все прихожане делить сенокос. Все угодья сенокоса в лугу в списках поименованы и каждое продается с торгов. На этих торгах и нам со священником выделяли сенокос, и священник послал меня находиться среди прихожан, чтобы не забыли и нас наделить» [11, с.29].

Основным орудием для уборки сена с древнейших времен была коса-горбуша. Она имела длинное лезвие и крепилась к короткой и изогнутой рукояти. Косить такой косой приходилось, согнувшись в обе стороны. Такая особенность делала ее пригодной для покоса в труднодоступных лесных участках, которые были насыщены пнями и холмами. Такие косы продолжали использоваться в лесных областях вплоть до начала XX в.

Рис.2 Косьба горбушей, Олонецкая губерния (по: Русские: историко-этнографический атлас, 1967. С.61, рис.16 Б)

С древнейших времен серп являлся основным орудием для уборки урожая. До появления фабричных серпов, они изготавливались местными кузнецами. Формы серпов в различных областях имели некоторые отличительные черты (размер лезвия, степень изогнутости и т.д.). В общем смысле серпы представляли собой круглый изогнутый нож с тупым концом и деревянной рукоятью. Чаще всего серпы имели зазубренное лезвие. В некоторых случаях на концы серпов были сплющены. На одном из серпов из коллекции Музея-заповедника «Кижи» окончание у серпа было закручено и затем сплющено. По всей видимости подобное оформление носило не просто декоративный, а утилитарный характер. Во время жатвы тупым концом серпа отделялся пучок колосьев от другого, после чего он срезался.

Также в процессе уборки урожая и заготовки сена применялись такие орудия как вилы и грабли. Среди археологических материалов, собранных в ходе археологических изысканий на территории Новгорода, данные орудия довольно неплохо представлены. Есть несколько экземпляров дошедших до нас практически в полной сохранности, что дает представление об их внешнем облике. Сравнивая их с этнографическими параллелями можно сделать вывод о том, что их конструкция не претерпела значительных изменений вплоть до начала XX в. Из археологических материалов известно, что грабли были двух видов: цельные и составные. Цельные грабли изготавливались из среза дерева, где заточенные сучья, выполняли роль грабельных зубьев. Составные грабли представляли собой колодку с отверстиями, куда вставлялись отдельно изготовленные зубья и рукоять. Более современные грабли изготавливались подобным образом, отличаются лишь тем, что иногда имели круглую или остроконечную колодку [12, с.29-30].

Простейшие вилы имели такое же устройство, как и вилы из археологических материалов. Они изготавливались из палки на конце которой присутствовали естественные развилины. В некоторых случаях на развилины надевались железные оковки [12, с.30].

Подводя итоги данного исследования следует еще раз подчеркнуть важность использования этнографических источников для интерпретации археологического материала. Традиционные виды хозяйственной деятельности такие как земледелие, охота или различные промыслы уходят корнями в глубокое прошлое и сохраняют свои особенности на долгое время. Эта особенность позволяет исследователям в полном объеме реконструировать те или иные процессы, о которых сохранились лишь археологические свидетельства, которые не всегда доходят до наших дней в полном виде.

Библиография

1. Зеленин Д.К. Русская этнография М.: Институт русской цивилизации, 2013.
2. Зеленин Д.К. Русская соха и ее история и виды. Вятка: Губернская типография, 1907.
3. Третьяков П.Н. Сельское хозяйство и промыслы//История культуры Древней Руси. Т.1. Материальная культура. М-Л.: Изд-во Академии наука СССР, 1948. – с. 44-77.
4. Довженок В.И. К истории земледелия у Восточных славян в I тыс. н.э. и в эпоху Киевской Руси//Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. – С.115-159.
5. Третьяков П.Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе// Известия ГАИМК. XIV. Вып.1. Л. 1932.
6. Иллюстров И.И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1904.
7. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2 / Т.А. Агапкина, О.В. Белова, М.М. Валенцова и др.; Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Рос. АН, Ин-т славяноведения, 1999.
8. Найдич Д.В. Пахотные и разрыхляющие орудия// Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. М.: Из-во «Наука», 1967. – с. 35-59.
9. Криничная Н.А. Жил в Кижской волости крестьянин... (Сказитель Трофим Григорьевич Рябинин: жизнь и эпическая поэзия). Спб., 1995.
10. Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Т.1: Былины, I-XVI. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1897. Т.1.
11. Карпов И.С. По волнам житейского моря: воспоминания / И. С. Карпов: публ. и подгот. текста: Г. В. Маркелов, С. С. Гречишkin // Новый мир, 1992. №1. С. 7-76.
12. Бежкович А.С., Жегалова С.К., Лебедева А.А., Просвиркина С.К. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. М.: Изд-во: Советская Россия, 1959

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью Обзор этнографических источников для изучения сельского хозяйства средневекового Новгорода»

Предмет исследования этнографические источники для изучения сельского хозяйства средневекового Новгорода.

Методология исследования опирается на принципы , историзма, комплексности и системности. Работа носит междисциплинарный характер, автор опирается на методы

географии, археологии и этнографии. этнографические и географические методы.

Актуальность. В настоящее время особый интерес возник к изучению истории нашей страны в прошлые периоды. Как жили наши предки в средние века, чем занимались, каков был их быт и другие вопросы привлекают внимание исследователей. Автор статьи пишет, что попытки восстановить облик средневековой бытовой жизни и различных аспектов хозяйственной деятельности невозможно без обращения не только к археологическим, но и к другим, в частности, к этнографическим источникам.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. В статье сделана попытка комплексно провести обзор этнографических источников для изучения сельского хозяйства средневекового Новгорода.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный с элементами описательности, что делает текст понятным не только для специалистов, но и для широкого круга читателей. Язык статьи ясный и четкий. Структура работы логично выстроена и направлена на достижение цели и задач исследования, методы исследования, отмечает важность комплексного подхода к изучению исследуемой темы. Систематизирует этнографические источники условно подразделяя их на 4 группы: «вещественные, фотодокументы, письменные источники и фольклор». В работе использованы предметы из экспозиций этнографических. В первую группу вошли предметы из экспозиций этнографических музеев. Вторая группа содержит различные фотографии, которые были получены из Сети Интернет и коллекций отечественных краеведов. Группа письменных источников представлены мемуарами крестьянина И.С. Карпова, которые были собраны и записаны отечественными этнографами. И к последней группе относится народный фольклор, также собранный и записанный исследователями». В статье показаны географически-климатические зоны: «южная Русь (Среднее Поднепровье, Побужье, Поднестровье) и северная Русь (Полесье, Верхнее Поднепровье, Поволжье, Верхнее Поволжье и Поочье)» и отмечено влияние географической среды на особенности развития земледельческой техники и преобладание тех или иных видов земледельческих орудий на северных территориях страны, к которой относится и Новгородская земля. В статье представлены различные виды земледельческих орудий, которые использовались для вспашки земли, ее боронования, жатвы зерновых, уборки сена, дана характеристика этих орудий и т.п. Автор пишет, что археологический и этнографический материал дополняют друг друга и дают более полное представление о формах земледелия, орудиях труда и промыслах крестьянства, уровня развития сельского хозяйства. Для уточнения терминологии орудий труда автор обращается к народному фольклору, отмечая, что это важно, т.к. «в народном обиходе не было четкого определения названия железных наконечников рабочих частей пахотных орудий» и что закрепление названий за определенными орудиями (рало-наральники, соха-сошники, плуг-лемехи) произошло лишь советскими учеными, которые заложили основу для их классификации». Статья иллюстрирована рисунками (их два), что делает читаемый текст более понятным и наглядным. В заключении статьи автор приходит к объективным выводам и отмечает, «важность использования этнографических источников для интерпретации археологического материала. Традиционные виды хозяйственной деятельности такие как земледелие, охота или различные промыслы уходят корнями в глубокое прошлое и сохраняют свои особенности на долгое время. Эта особенность позволяет исследователям в полном объеме реконструировать те или иные процессы, о которых сохранились лишь археологические свидетельства, которые не всегда доходят до наших дней в полном виде».

Библиография работы состоит из разнообразных источников , в числе которых работы известного этнографа Д. К. Зеленина, работы по этнографии, земледелию и др.

Библиография грамотно оформлена

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации по теме исследования и полученных результатов. Апелляцией к оппонентам является также библиография работы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа написана на интересную тему и будет востребована специалистами и широким кругом читателей.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сотников В.Е. Встречи с высшим руководством Вооруженных Сил СССР М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина 10–11 декабря 1991 г. как переломный момент в истории Советского Союза // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.70038 EDN: KFRVKG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70038

Встречи с высшим руководством Вооруженных Сил СССР М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина 10–11 декабря 1991 г. как переломный момент в истории Советского Союза

Сотников Владислав Евгеньевич

аспирант, кафедра истории России XX-XXI вв., Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1Е

✉ ulsim96@mail.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.70038

EDN:

KFRVKG

Дата направления статьи в редакцию:

03-03-2024

Дата публикации:

20-03-2024

Аннотация: Объектом исследования являются выступления Президента СССР М.С.Горбачева и Президента РСФСР Б.Н.Ельцина перед высшим военным руководством СССР после подписания Беловежских соглашений 8 декабря 1991 г. о распуске СССР и создании СНГ. Автором анализируются статьи периодической печати декабря 1991 г., мемуары военных и политических деятелей РСФСР и СССР, а также документы делопроизводства аппарата Президента РСФСР по подготовке выступления Б.Н. Ельцина перед руководством Вооруженных Сил СССР. Особое внимание автором уделяется методам двух Президентов в обращении с высшим военным руководством, обозначаются причины поражения М.С.Горбачева в этой борьбе за поддержку военных и победы в ней Б.Н. Ельцина. Автором используется сравнительный метод при сопоставлении

выступлений М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина, а также принципы историзма и объективности. Автор приходит к выводам о том, что Президент СССР М.С. Горбачев имел гораздо больше шансов на успех в привлечении симпатии военных как конституционный глава государства и Верховный Главнокомандующий, однако из-за игнорирования интересов армии и флота, слабой подготовки выступления и ошибочной стратегии просьб о спасении был воспринят ими негативно. Президент РСФСР Б.Н. Ельцин и его аппарат провели глубокую и тщательную подготовку выступления, были подготовлены ответы на актуальные вопросы Вооруженных Сил, кроме того, Б.Н. Ельцин нашел время выслушать военных и дать конкретные ответы и обещания, что позволило ему в невыгодной стартовой ситуации заручиться поддержкой руководства Вооруженных Сил СССР, которая помогла ему при ратификации Беловежских соглашений в Верховном Совете РСФСР 12 декабря 1991 г. Новизна исследования заключается в обращении к такому малоизученному событию истории перестройки, как встречи Президентов СССР и РСФСР с военным руководством СССР после подписания Беловежского соглашения в декабре 1991 г., а также в использовании автором неопубликованных архивных материалов аппарата Президента РСФСР Б.Н. Ельцина.

Ключевые слова:

Михаил Горбачев, Президент СССР, Борис Ельцин, Президент РСФСР, Армия, Вооруженные силы СССР, Министерство обороны СССР, Беловежские соглашения, Перестройка, Распад СССР

Беловежское соглашение руководителей России, Белоруссии и Украины 8 декабря 1991 г. стало переломным в истории не только Советского Союза и республик бывшего СССР, но и в мировой истории. Лидеры трёх союзных республик объявили о создании Содружества Независимых Государств и о прекращении существования Советского Союза как геополитической реальности, но оставался нерешенным один из ключевых вопросов – какова судьба Вооруженных Сил Советского Союза? Поддержит ли высшее военное руководство СССР Беловежское соглашение? От ответов на эти вопросы зависела судьба не только политического будущего Президента СССР М.С. Горбачева, но и самого Союзного государства. Позиция руководства Вооруженных Сил СССР ярко проявилась через несколько дней после подписания Беловежских соглашений в ходе встреч с высшим военным руководством на Совещании в Министерстве обороны СССР М.С. Горбачева 10 декабря 1991 г. и Б.Н. Ельцина 11 декабря 1991 г.

В связи с этим возникает проблема реакции высшего военного руководства СССР на образование СНГ и распуск Советского Союза 8 декабря 1991 г. лидерами России, Белоруссии и Украины, которая проявилась в ходе встреч с военными М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Исходя из этого, необходимо оценить положение Вооруженных Сил СССР и их руководства накануне Беловежского соглашения, проследить и оценить уровень подготовки и выступления Президентов СССР и РСФСР на встречах с военными и сделать выводы о реакциях и причинах разных реакций на эти встречи со стороны высшего руководства Вооруженных Сил СССР.

Что касается историографии, то в научной литературе данная проблема рассматривалась нечасто, хотя существует немало работ, посвященных распаду СССР. Значительный вклад в историографию внесли труды А.С. Барсенкова [1], М.Ф. Полынова [2], Д.А. Лукашевича [3]. Кроме того, реакция высшего военного руководства СССР на

Беловежские соглашения интересовала и зарубежных исследователей [4]. Однако следует отметить отсутствие специальных работ, посвященных встречам с военным руководством СССР М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина после подписания Беловежских соглашений декабря 1991 г., в которых были бы подробно рассмотрены подходы Президентов СССР и РСФСР к этим встречам и на основе источников сделаны выводы о последствиях этих событий. Данное исследование призвано ликвидировать этот пробел. Источниками послужили документы делопроизводства из Архива Президентского Центра Б.Н. Ельцина, опубликованные документы «Горбачев-фонда», материалы периодической печати, в которых осуществлялось освещение встреч с высшим военным руководством М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, а также документы личного происхождения, прежде всего, мемуары политических и военных руководителей СССР.

К декабрю 1991 г. СССР находился в критическом состоянии. В сентябре 1991 г. Госсоветом СССР были признаны независимыми прибалтийские республики Эстония, Латвия и Литва. Все союзные республики объявили о своем суверенитете в течение 1990–1991 гг., и практически все республики, за исключением России и Казахстана, объявили о своей независимости. В этих условиях Президент СССР М.С. Горбачев пытался убедить глав союзных республик подписать новый Союзный договор с расширенными правами местных властей и уменьшением роли центра, ссылаясь на результаты референдума 17 марта 1991 г., согласно которому более 76% голосов было отдано за сохранение Союза. Однако главы союзных республик, прежде всего Президент России Б.Н. Ельцин [2, с. 173], выступали за конфедеративную форму государственно-территориального устройства, а в конце ноября 1991 г. склонились к точке зрения в пользу Союза независимых республик. Кроме того, от переговорного процесса уклонялась Украина. Верховный Совет Украины 24 августа 1991 г. объявил о независимости, а 1 декабря 1991 г. на референдуме 90% голосов независимость была одобрена, и таким образом Украина отказывалась идти на соглашение о конфедеративном Союзе.

Вооруженные Силы СССР так же находились в крайне тяжелом положении. Втянутые в конфликты в союзных республиках, дискредитированные после выступления ГКЧП в августе 1991 г., унижаемые в СМИ, в бедственном экономическом состоянии, но тем не менее Вооруженные Силы СССР продолжали оставаться грозной силой, скреплявшей распадающееся государство. В августе 1991 г. после ареста члена ГКЧП министра обороны СССР Д.Т. Язова новым министром был назначен Е.И. Шапошников, который ориентировался в большей степени не на своего непосредственного начальника, Верховного Главнокомандующего Президента СССР М.С. Горбачева, а на Президента РСФСР Б.Н. Ельцина, и тому были объективные причины. Прежде всего, именно Б.Н. Ельцину он был обязан назначением на пост министра обороны СССР, кроме того, именно РСФСР в большей степени как самая крупная союзная республика несла основное бремя военных расходов [5, с. 3] при обстоятельствах снижения возможностей бюджета Союзного центра. Однако субординация и формальное подчинение Верховному Главнокомандующему М.С. Горбачеву до декабря 1991 г. перевешивали перечисленные выше факторы. В течение осени 1991 г. министр обороны Е.И. Шапошников неоднократно подавал на имя Президента СССР и в Госсовет СССР записки о состоянии Вооруженных Сил СССР и необходимости скорейшего подписания Союзного договора [6, с. 90], однако изменений в лучшую сторону практически не наблюдалось.

Кроме того, высшее военное руководство СССР осенью 1991 г. было поглощено внутренним конфликтом между министром обороны Е.И. Шапошниковым и его первым заместителем, начальником Генерального штаба ВС СССР В.Н. Лобовым. Фактически и у

М.С. Горбачева, и у Б.Н. Ельцина были возможности сыграть на этих противоречиях и склонить на свою сторону руководство Министерства обороны СССР. Однако за помощью в поддержке Е.И. Шапошников обращался в первую очередь к Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину [7, л. 110], тем самым подчеркивая, что именно он воспринимался как человек, принимающий решения, а не Президент СССР. Начальник информационно-аналитического отдела Министерства обороны В.Н. Баранец не исключал, что Б.Н. Ельцину перед отъездом в Белоруссию было сообщено, что с В.Н. Лобовым подписать договор о «трайственном союзе» не получится, поскольку он сможет «поднять армию на дыбы», и за ним пойдет «большинство командующих войсками военных округов и флотов» [8, с. 149].

Неожиданная отставка Начальника Генерального штаба СССР 7 декабря 1991 г., накануне подписания Беловежских соглашений показалась странной даже для ближайших соратников М.С. Горбачева. В частности, помощник президента СССР А.С. Черняев, несмотря на негативное отношение лично к В.Н. Лобову, высказал удивление самой перемене «в такой момент» [9, с. 288]. Тем не менее, с отставкой Начальника Генерального штаба В.Н. Лобова лояльность Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину первых лиц Министерства обороны СССР была обеспечена, однако это ещё не означало полного перевеса симпатий армии в сторону российского Президента, поскольку военные подчинялись Верховному Главнокомандующему, а им, согласно действующей Конституции СССР, оставался Президент СССР М.С. Горбачев.

Подписывая Беловежские соглашения 8 декабря 1991 г., Б.Н. Ельцин связался в первую очередь с Е.И. Шапошниковым. В ходе 20-минутной беседы министр обороны СССР одобрил документ, поскольку получил заверения в сохранении единых Вооруженных Сил [6, с. 126]. М.С. Горбачев вспоминал, что подчиненный ему министр обороны СССР не проинформировал его о разговорах с Б.Н. Ельциным, и позвонил ему сам. Не сразу, но Е.И. Шапошников признался в звонке Президента РСФСР, но заявил, что «больше ничего не знает» [10, с. 598–599].

По словам пресс-секретаря Президента СССР А.П. Грачева, после подписания Беловежского соглашения М.С. Горбачев не мог опереться ни на партию, ни на КГБ, ни на министра обороны, а оставались лояльными лишь военные и отряды специальных сил, чьи представители были готовы выполнить «любое указание для сохранения единого государства» [11, с. 226]. Однако к тому моменту специальные силы не были под единоличным контролем М.С. Горбачева, поскольку, со слов Б.Н. Ельцина, после событий ГКЧП августа 1991 г. группой «Альфа» могли пользоваться только совместно по обоюдной подписи с М.С. Горбачевым [7, л. 97].

Оставались лояльными М.С. Горбачеву лишь Вооруженные Силы СССР, которые, однако, заняли выжидательную позицию после обнародования Беловежских соглашений, а руководство Министерства обороны не выразило открыто своего отношения к этим событиям, хотя в узком кругу и обсуждало сложившуюся ситуацию, но решило не делать резких движений и не выступать с заявлениями [5, с. 3].

По стечению обстоятельств, именно 10 декабря 1991 г. в Министерстве обороны СССР должно было проводиться совещание руководящего состава Вооруженных Сил. Совещание было традиционным, оно проводилось в конце каждого года, когда подводились итоги выполнения планов боевой подготовки. В нем принимали участие заместители министра обороны, главкомы видов Вооруженных Сил, командующие родов

войск, групп, округов, флотов, объединений, командиры соединений, а проводил лично министр обороны СССР [12, с. 1]. Не совсем остается ясным вопрос, по чьей инициативе состоялось посещение этого совещания Верховным Главнокомандующим М.С. Горбачевым. Имеются сведения, что Президента СССР ждали на коллегии в Министерстве обороны еще 9 декабря, но он не приехал [5, с. 3], по другим источникам, инициатива исходила от самого Верховного Главнокомандующего [13, с. 1]. Между тем, 9 декабря 1991 г. М.С. Горбачев проводил встречу с Президентами России и Казахстана Б.Н. Ельциным и Н.А. Назарбаевым, а затем обсуждал ее на совещании политического консультативного совета при Президенте СССР, однако вопрос Вооруженных Сил и предстоящего участия М.С. Горбачева в Совещании Министерства обороны СССР не поднимался [14, с. 756–757]. Таким образом, детальной подготовки выступления Верховного Главнокомандующего перед военным руководством СССР не проводилось.

10 декабря 1991 г. традиционное совещание руководящего состава Вооруженных Сил СССР открыл министр обороны Е.И. Шапошников, что уже стало отличительной особенностью, поскольку ранее министры обороны не присутствовали на таком Совещании. Кроме того, впервые участвовали председатели комитетов обороны, парламентарии суверенных республик и Верховный Главнокомандующий Президент СССР М.С. Горбачев. Впервые он присутствовал на подобном мероприятии летом 1985 г., после больших тактических учений в Белоруссии [12, с. 1] фактически в самом начале своего правления. Как отмечал П. Фельгенгауэр, расширенный состав участников был беспрецедентен и нарушал принципы армейской субординации, так как подчиненные не должны были присутствовать при «распекании» начальников, и всего присутствовало около 500 человек [13, с. 1].

М.С. Горбачев попытался использовать свой последний шанс привлечь военных на свою сторону. В своем выступлении, длившемся около 50 минут, Президент СССР обрисовал ситуацию в стране, охарактеризовал экономическое положение в стране катастрофическим вследствие затяжки с решением вопроса о государственности. [15, с. 1]. Однако М.С. Горбачев настаивал, что коренные реформы в Союзном государстве – объективная необходимость, как и решительное преобразование Вооруженных Сил, но признавал, что реализация реформ идет неровно, встречает сопротивление тех, кто, спекулируя на переживаемых трудностях, пытается вести сепаратистский, дестабилизирующий курс. [12, с. 1]. По словам Президента СССР, дезинтеграция набрала особенно опасный характер, однако «новоогаревский процесс дает хороший шанс для выхода из кризиса». М.С. Горбачев выступил за сохранение Союза, поскольку этого требует «ответственность перед тысячелетним прошлым и будущим» [16, с. 2]. Кроме того, Верховный Главнокомандующий покаялся, что до этого мало уделял внимание проблемам военным [17, с. 19], признал свою вину, что в свое время решительно не остановил «нападки на армию», высказался за единые Вооруженные Силы и назвал отсутствие политического решения назревших проблем причиной того, что пакет армейских законов так и не принят [15, с. 1].

Однако, в целом, М.С. Горбачев признал право на жизнь Соглашения в Беловежье и призвал «взять всё положительное» из проекта Договора о ССГ и заявлении трех руководителей 8 декабря, обсудить их в Верховных Советах республики и парламентским путем прийти к правовому решению [12, с. 1]. Негативно было воспринято военным руководством то, что монолог М.С. Горбачева не перерос в диалог с военными, хотя у присутствующих вопросов к Верховному Главнокомандующему было много [16, с. 2].

Начав выступление в 16:45, Президент СССР завершил его в 17:35 и покинул Совещание, не выслушав офицеров и генералов [12, с. 1]. После Совещания М.С. Горбачев прибыл на заседание политического консультативного совета при Президенте СССР. Присутствовавший помощник Президента СССР Г.Х. Шахназаров отмечал, что М.С. Горбачев на встрече с военным руководством был встречен враждебно, а министр обороны СССР Е.И. Шапошников дал согласие на переход объединенного командования трем руководителям. [18, с. 758].

В свете анализа сведений о выступлении М.С. Горбачева реакция военных неудивительна. По мнению участвовавших во встрече генералов, Верховный Главнокомандующий не сказал им ничего нового [17, с. 19], никаких предложений он не привнес, и фактическое бегство от насущных вопросов от военного руководства также не добавляло аргументов в поддержку Президента СССР. Кроме того, многое зависело и от министра обороны СССР Е.И. Шапошникова, который мог влиять на настроение участников встречи.

Одновременно готовилась встреча с военным руководством Президента РСФСР Б.Н. Ельцина с изложением своей версии событий 8 декабря 1991 г. и аргументов в его поддержку. Администрация Президента РСФСР провела большую работу к подготовке встречи Б.Н. Ельцина с высшим военным руководством, в противоположность М.С. Горбачеву. 10 декабря руководитель Секретариата Президента РСФСР В.В. Илюшин отправил своему заместителю В.П. Семенченко обращение офицерской общественности Краснознаменного Прибалтийского пограничного округа к Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину с указанием использовать его при подготовке встречи [19, л. 105].

Советник Президента РСФСР генерал-полковник Д.А. Волкогонов отправил свои тезисы Б.Н. Ельцину, которые настоятельно просил использовать в докладе на Совещании. [19, л. 99]. В частности, в тезисах упоминалась возможность Военно-политического союза суверенных государств, членов Содружества, подчеркивалось, что местонахождение конкретного соединения не может считаться основанием на собственность, а вопросы прав на военные структуры должны решаться только государственными соглашениями всех республик [19, л. 101].

Кроме того, аппаратом Президента РСФСР были подготовлены тезисы выступления Б.Н. Ельцина на встрече с руководящим составом Вооруженных Сил СССР. В них сообщалось, что Вооруженные Силы должны иметь двухуровневую структуру. Первый уровень отводился стратегическим силам под объединенным командованием, включающие стратегические ядерные силы, стратегические ВВС, ВМС, системы ПВО и ПРО, мобильные силы ВДВ и пехота, а на втором уровне – Вооруженные силы государств Содружества [19, л. 90]. В выступлении Б.Н. Ельцина прямо указывалось на бедственное положение военнослужащих, и предлагались конкретные меры по решению этой проблемы. В частности, как одна из таких мер указывалось предоставление офицерам возможности в первоочередном порядке получить землю и кредит для создания фермерских хозяйств [19, л. 93].

Помимо перечисленного, были составлен список интересуемых вопросов участников встречи, на которые предполагалось ответить Президенту РСФСР. Прежде всего, они касались контроля над ядерным оружием, подчинения Черноморского флота, судьбы Сухопутных войск, находящихся за пределами вошедших в Содружество республик, задолженности России по жилью, формирования бюджета Вооруженных Сил нового

союза, отвода земель для выводимых войск, оказания помощи войскам местными властями, осуществления откомандирования офицеров в Армии суверенных государств и поставок вещественного имущества, техники и продовольствия в условиях нарушения хозяйственных связей [\[19, л. 83\]](#). Можно отметить, что все эти проблемы были крайне актуальны для Вооруженных Сил, особенно касающиеся хозяйственных вопросов, на которые армейское руководство уже давно не получало ответов от Верховного Главнокомандующего.

Таким образом, проведя большую подготовительную работу, учитя ошибки проведенной накануне вечером 10 декабря встречи М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцин в 8 часов утра 11 декабря 1991 г. встретился с военным руководством СССР. При этом, исходя из документов канцелярии аппарата Президента РСФСР, встреча была перенесена из Дома Советов РСФСР, как планировалось изначально, в Министерство обороны СССР [\[19, л. 82\]](#), тем самым демонстрируя шаг навстречу военным. Со стороны Министерства обороны СССР встречу готовил сам министр обороны Е.И. Шапошников, тем самым обозначив равный уровень Верховного Главнокомандующего М.С. Горбачева и Президента РСФСР Б.Н. Ельцина. Однако, состав участников был значительно меньше, поскольку подведение итогов боевой учебы закончилось за один день 10 декабря, и многие командиры соединений и объединений уже разъехались по своим частям [\[20, с. 11\]](#), и включал лишь высшее звено руководства Вооруженных Сил из 51 человека [\[19, л. 84-88\]](#).

Отмечалось, что выступление Б.Н. Ельцина, занявшее около часа, проходило менее академично, чем речь М.С. Горбачева в предыдущий день. Начав с объяснения создания СНГ, Президент РСФСР заявил, что Союз независимых государств не направлен против кого-то или чего-то, это просто содружество, к которому все желающие могут присоединиться, признавая возможность упущений в договоре, объяснив это нехваткой времени [\[15, с. 1\]](#). Слова Б.Н. Ельцина о том, что ни о каком разделе Вооруженных Сил речи быть не может, международная общественность может не беспокоиться, а командование Вооруженными силами, равно как и контроль за отдельными их компонентами, в том числе стратегическими, были и остаются едиными, выделялись ключевыми начальником управления информации министерства обороны СССР генерал-лейтенантом В. Маниловым [\[21, с. 1\]](#).

В своей речи Б.Н. Ельцин говорил о конкретных проблемах, в частности, поднимался вопрос о выводе войск. Президент РСФСР осудил неподготовленный вывод советских войск из Западной Европы, заявил, что вывод войск из Прибалтийских республик будет, но не бегом, а постепенно, сначала нужно решить первостепенные проблемы, например, с жильем. Б.Н. Ельцин назвал примерный срок окончания вывода в 5–7 лет, добавив, что это будет цивилизованный уход, и выразил недоумение, зачем странам Балтии ломать единую систему ПВО, противоракетной обороны, ВВС, если через год–два придется их вновь создавать. Президент РСФСР допустил, что независимые республики могут создавать собственные группировки сухопутных войск, но Россия об этом и не думает. Б.Н. Ельцин обещал «порешать» вопрос с жильем и объявил о повышении России с 1 января 1992 г. на 90% денежного содержания офицеров, не только тех, кто служит на территории республики, а всех, независимо от географии. Тем самым Президент РСФСР на первое время взял на себя все расходы на содержание армии и флота Вооруженных сил СССР, оставив комментарий о дальнейшей судьбе: «а дальше посмотрим» [\[15, с. 1\]](#).

Кроме этого, Б.Н. Ельцин, явно чувствуя превосходство над Президентом

распадающегося СССР, публично униzel его перед военными словами о том, что «человек, поставивший вас на колени, вряд ли сможет вам помочь» [\[17, с. 19\]](#), и окончательно «нокаутировал» М.С. Горбачева заявлением о том, что во время встречи в Мадриде с Президентом США все расходы оплатили американцы, «дескать, клянчит, уже ходит по миру» [\[22, с. 94\]](#), и это заявление впоследствии подтвердил советник Госсекретаря США по вопросам новых независимых государств на постсоветском пространстве С. Тэлботт [\[23, с. 332\]](#). После завершения часовой речи еще полчаса Президент РСФСР отвечал на вопросы офицеров и генералов. По оценке начальника штаба Московского военного округа Л. Золотова, у генералов с Б.Н. Ельциным состоялся по-настоящему прямой и конструктивный разговор» [\[17, с. 19\]](#), тем самым Президенту РСФСР удалось склонить чашу весов в свою пользу. Военное руководство СССР услышало то, что хотело услышать, а генералы, подпираемые снизу офицерскими собраниями, получили ответы на волнующие армию вопросы о ее будущем [\[15, с. 1\]](#).

Проведя утром 11 декабря 1991 г. встречу с руководством Вооруженных Сил СССР, в тот же день Б.Н. Ельцин встретился с представителями депутатских групп РСФСР, на которой поделился своими впечатлениями. Прежде всего, он высказал удивление тому факту, что встреча прошла хорошо, судя по всему, рассчитывал он изначально на довольно прохладный прием. Также Президент РСФСР отметил, что военное руководство отнеслось с пониманием и в целом одобрило линию на реформирование Вооруженных Сил [\[7, л. 94\]](#). Кроме того, одним из важных достижений посещения Совещания Министерства обороны СССР Б.Н. Ельцин отметил тот факт, что были развеяны слухи о готовящемся военном перевороте. По его словам, опасаться путча нет никаких оснований, армия и генералитет не в таком состоянии [\[7, л. 105\]](#).

Все перечисленные выше наблюдения Б.Н. Ельцин использовал в своей речи для аргументации в поддержку ратификации Беловежских соглашений в Верховном Совете РСФСР 12 декабря 1991 г. По его словам, руководство Вооруженных Сил выразило активную поддержку позиции по вопросам СНГ, и армия на стороне тех, кто «строит межгосударственные отношения на новой, демократической основе» [\[24, с. 4\]](#). Ратификация Верховным Советом РСФСР Беловежских соглашений и отзыв российских депутатов из союзного парламента означали точку невозврата в ликвидации Советского Союза.

Фактически победителем в борьбе за поддержку армии стал Президент РСФСР Б.Н. Ельцин, и это было связано с несколькими факторами. Несмотря на то, что изначальные «козыри» были на руках у М.С. Горбачева – конституционный Президент Советского Союза, Верховный Главнокомандующий, кому непосредственно подчиняется руководство Вооруженных Сил СССР – однако его политическая недееспособность к декабрю 1991 г. была очевидна. Запоздалые признания и раскаяния не были подкреплены конкретными предложениями решений проблем, которых уже давно ждали в армии и на флоте, особенно в условиях очевидного распада государства. Кроме того, одной из причин неудачи в борьбе за симпатии военного руководства М.С. Горбачева отмечалось отсутствие у него опыта предвыборной борьбы и непонимания способов завоевания аудитории, а метод обещания помочи и содействия более действенен, чем просьба о спасении [\[13, с. 1\]](#). Президент РСФСР Б.Н. Ельцин перед встречей с военными имел гораздо менее выгодные стартовые позиции, чем М.С. Горбачев, однако сумел извлечь уроки из выступления Президента СССР. Кроме того, аппаратом Б.Н. Ельцина была проведена большая подготовительная работа к встрече, были выявлены ключевые проблемы Вооруженных Сил, на предполагаемые вопросы были найдены ответы, которые

могли удовлетворить военных. Более того, сам факт беседы и ответов на вопросы показали военному руководству, что Президент РСФСР готов идти на сотрудничество и решать проблемы, в отличие от Верховного Главнокомандующего М.С. Горбачева.

Важно подчеркнуть, что военные в выступлениях двух Президентов увидели сходство в главном: единство Вооруженных сил, их стабильность и политическая не ангажированность являются важнейшим гарантом национальной безопасности всех государств, входящих в состав СССР, каким бы содержанием не наполнялись те соглашения и союзы, которые они намереваются подписать [\[21, с. 1\]](#), а, следовательно, большой разницы между уже созданным Содружеством независимых государств Б.Н. Ельцина, и планируемым на протяжении года Союзом Суверенных Республик М.С. Горбачева военными не прослеживалось. А.С. Барсенков отмечал как один из факторов спокойного восприятия Беловежских соглашений всем населением, а не только высшим военным руководством, преподнесение в них ликвидации СССР как трансформации в новое содружество в духе новоогаревских переговоров М.С. Горбачева [\[1, с. 349\]](#).

Но важным фактором был и тот, что проект Союзного договора М.С. Горбачева в течение 1991 г. по различным обстоятельствам так и не был воплощен в реальности, а Беловежские соглашения были подписаны и получили поддержку глав почти всех союзных республик. По верному замечанию Р. Глебова, 11 декабря 1991 г. после встречи Б.Н. Ельцина с генералами М.С. Горбачев перестал существовать как Верховный Главнокомандующий [\[17, с. 19\]](#), что ускорило его отставку с поста Президента СССР и знаменовало завершение процесса распада Советского Союза.

Библиография

1. Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991. М.: Изд-во МГУ, 2001. 364 с.
2. Полынов М.Ф. Взаимоотношения союзного Центра и российского руководства на завершающем этапе перестройки. 1990–1991 гг. / Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, 2013. С. 164–174.
3. Лукашевич Д.А. Юридический механизм разрушения СССР. М.: Алгоритм, 2016. 520 с.
4. Odom William E. The Collapse of the Soviet Military Yale University Press, 1998. 412 р.
5. Андреев Н. За кем пойдет армия? // Известия. 1991. № 293. 11 декабря. С. 3.
6. Шапошников Е.И. Выбор. Записки главнокомандующего. Изд-е второе. М.: ПИК, 1996. 384 с.
7. Архив Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина Ф. 6. Оп. 1. Д. 104.
8. Баранец В.Н. Ельцин и его генералы: записки полковника Генштаба. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1998. 544 с.
9. Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М.: ТЕПРА: Республика. 1997. 336 с.
10. Горбачев М.С. Декабрь–91. Моя позиция. М.: Изд-во «Новости», 1992. 224 с.
11. Грачев А.С. Гибель советского «Титаника»: Судовой журнал. М., 2015. 351 с.
12. Литовкин В. Верховный Главнокомандующий встретился с руководством Вооруженных Сил // Известия. 1991. № 294. 11 декабря. С. 1.
13. Фельгенгауэр П. В борьбе за армию, похоже, побеждает Борис Ельцин // Независимая газета. 1991. № 160. 12 декабря. С. 1.

14. Совещание у Горбачева, 9 декабря 1991 года // В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) // Сост. А. Черняев. Изд-е 2-е, исправленное и дополненное. М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 756–757.
15. Крайний А. Кто армии платит, тот ею и командует // Комсомольская правда. 1991. № 286. 12 декабря. С. 1.
16. Черняк А. Генерал Лобов недоумевает // Правда. 1991. № 291. 13 декабря. С. 2.
17. Глебов Р. Советская Армия: одна на всех, мы за ценой не постоим? // Коммерсант. 1991. № 48. С. 19.
18. Совещание у Горбачева, 10 декабря 1991 года // В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) // Сост. А. Черняев. Изд-е 2-е, исправленное и дополненное. М.: Горбачев-Фонд, 2008. С. 758–759.
19. Архив Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина Ф. 6. Оп. 1. Д. 92.
20. Юзбашев В. Президент России гарантирует армии социальную защиту // Известия. 1991. № 294. 11 декабря. С. 1.
21. О встречах М. Горбачева и Б.Н. Ельцина с военачальниками // Красная Звезда. 1991. № 284. 12 декабря. С. 1.
22. Язов Д.Т. Август 1991. Где была армия? М.: Экспо: Алгоритм, 2011. 240 с.
23. Бешлосс М. Измены в Кремле: протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами / М. Бешлосс, С. Тэлботт. М.: Алгоритм, 2010. 352 с.
24. Бюллетень №21 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей, IV сессия Верховного Совета РСФСР, 12 декабря 1991 г. М.: Издание Верховного Совета РСФСР, 1991. 48 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Эпоха Перестройки привела не просто к переменам в общественно-политической жизни страны (как отметил один из иностранных наблюдателей, "все пришло в движение") и смене экономической модели, в конечном итоге, все эти перемены привели к распаду Советского Союза, что стало по словам Президента РФ В.В. Путина крупнейшей geopolитической катастрофой XX в. Уже в течение 1990-х гг. показательным стал рост центробежных сил на пространстве 1/6 части суши, а катализатором распада некогда могучей страны стал провал августовского путча. Однако даже в этих условиях серьезной силой оставались вооруженные силы, от мнения которых могло зависеть и будущее государства.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является позиция руководства Вооруженных Сил СССР в первой половине декабря 1991 г. Автор ставит своими задачами рассмотреть библиографию вопроса, проанализировать политическую борьбу вокруг руководства ВС СССР, а также определить позицию ВС СССР к Беловежским соглашениям.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится

охарактеризовать встречи с высшим руководством Вооруженных Сил СССР М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина 10–11 декабря 1991 г. как переломный момент в истории Советского Союза. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена материалами из фондов Архива Президентского Центра Б.Н. Ельцина, опубликованными документами «Горбачев-фонда», периодической печатью. Из используемых исследований отметим труды С. Барсенкова, М.Ф. Полянова, Д.А. Лукашевича, в которых рассматривается позиция Вооруженных Сил СССР в условиях роста центробежных сил. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем кто интересуется как периодом распада СССР, так и отношением к нему различных общественно-политических сил. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "позиция руководства Вооруженных Сил СССР ярко проявилась через несколько дней после подписания Беловежских соглашений в ходе встреч с высшим военным руководством на Совещании в Министерстве обороны СССР М.С. Горбачева 10 декабря 1991 г. и Б.Н. Ельцина 11 декабря 1991 г.". В работе показано, что Горбачев не просто "С. Горбачев признал право на жизнь Соглашения в Беловежье и призвал «взять всё положительное» из проекта Договора о ССГ и заявлении трех руководителей 8 декабря", но и фактически уклонился от дискуссии с руководящим составом Вооруженных Сил СССР. Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, "президент РСФСР Б.Н. Ельцин перед встречей с военными имел гораздо менее выгодные стартовые позиции, чем М.С. Горбачев, однако сумел извлечь уроки из выступления Президента СССР", больше того, не боялся дискуссии с военными. Главным выводом статьи является то, что "военные в выступлениях двух Президентов увидели сходство в главном: единство Вооруженных сил, их стабильность и политическая не ангажированность являются важнейшим гарантом национальной безопасности всех государств, входящих в состав СССР, каким бы содержанием не наполнялись те соглашения и союзы, которые они намереваются подписать, а, следовательно, большой разницы между уже созданным Содружеством независимых государств Б.Н. Ельцина, и планируемым на протяжении года Союзом Суверенных Республик М.С. Горбачева военными не прослеживалось".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Волгин Е.И. Проблема деполитизации российской армии в условиях кризиса 1990-х гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69413 EDN: JKCIY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69413

Проблема деполитизации российской армии в условиях кризиса 1990-х гг.

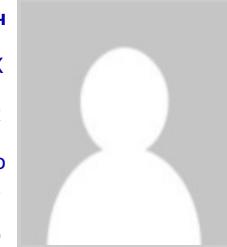
Волгин Евгений Игоревич

ORCID: 0000-0002-9690-448X

кандидат политических наук

доцент кафедры истории общественных движений и политических партий Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский пр-т, 27/4, оф. 415

plytony@yandex.ru

[Статья из рубрики "Эволюции, реформы, революции"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69413

EDN:

JKCZIY

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2023

Аннотация: Объектом исследования выступает политика российских властей, направленная на нивелирование протестной активности в Вооруженных Силах в условиях затянувшегося кризиса 1990-х. После падения однопартийного диктата, подчинявшего силовые структуры, российское законодательство предусматривало жесткую модель департизации и деполитизации Вооруженных Сил. Однако в постсоветские годы эта стратегия утратила актуальность как ввиду слабости самих партий, так и аполитичности офицерского корпуса, уставшего от многолетнего давления политорганов (КПСС). Проблема заключалась в другом: огромная «советско-российская» армия, будучиrudиментом прежней системы, не вписывалась в парадигму новой государственности, а потому подлежала радикальному и болезненному реформированию, которое грозило поставить Вооруженные Силы на грань катастрофы. Для тысяч кадровых военных и членов их семей наиболее острой стала элементарная проблема выживания. В качестве основных методов исследования используются

исторический, социологический, формально-юридический, институциональный и системный подходы. Во второй половине 1990-х гг. на фоне хронического недофинансирования в армии участились случаи стихийного протesta. Эти акции носили ненасильственный, спонтанный и разрозненный характер, а потому не представляли серьезной угрозы для власти. В числе основных факторов, сдерживавших открытый мятеж, можно назвать отсутствие всеармейского протестного координационного центра, недостаток самостоятельного политического мышления у старшего офицерского состава, отсутствие конструктивной программы. Сюда же можно отнести армейскую дисциплину, а также наличие у режима достаточных средств для упреждения и подавления отдельных очагов протesta. При этом власть, понимая, что, обрекая своих военных на нищенское существование, сама действует за рамками правового поля, старалась разрешать возникавшие конфликты осторожно, стараясь не прибегать к жестким мерам. Вопрос о том, как долго мог сохраняться этот хрупкий баланс, остается открытым. На исходе 1990-х гг. наметились слабые признаки возрождения армии. Одними из первых эти тенденции уловили военные: измученные «пятилетками» либеральных реформ, после всех соблазнов, которые предлагали им оппозиционные партии, они вновь обретали веру в государство. Научная новизна работы заключается в применении междисциплинарного подхода к изучению комплексной проблемы, связанной с перестройкой российской армии в годы нестабильной внутриполитической нестабильности.

Ключевые слова:

Вооруженные силы, деполитизация, закон, политические партии, военнослужащие, офицерское собрание, Ельцин, Грачев, Рохлин, Путин

Введение

Становление российской государственности в 1990-е гг. сопровождалось глубоким трансформационным кризисом, связанным с ликвидацией прежней сверхмилитаризованной системы. Россия унаследовала около 80 % военного потенциала СССР и только 60 % экономики прежнего государства. Чтобы отвечать современным требованиям и вписаться в новую экономическую парадигму, российским Вооруженным силам (далее – ВС) требовалась оптимизация и модернизация (в период с 1992 по 1999 гг. армия сократилась с 2,8 млн до 1,2 млн чел.). Однако к трудностям переходного периода добавились проблемы, связанные с плачевным состоянием российской экономики, что вылилось в катастрофическое недофинансирование армии, которая превратилась в одну из острейших социальных проблем [1, с. 9, 45, 61, 67]. Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основании комплексного использования различных источников рассмотреть проблему деполитизации Вооруженных сил, пребывавших в крайне тяжелом положении, что в условиях перманентного кризиса 1990-х гг. грозило серьезными вызовами российской государственности. В качестве методов исследования используются исторический, социологический, формально-юридический, институциональный и системный подходы.

Деполитизация российской армии: политico-правые аспекты

Основные нормативно-правовые акты РФ, ограничивавшие политические права военнослужащих и запрещавшие политическим объединениям вести работу в армии, были приняты в годы «августовской Республики» (1991–1993). 22 августа 1991 г., на следующий день после провала путча, Б. Н. Ельцин, ранее возложивший на себя

полномочия командующего Вооруженными силами СССР на территории России, подписал указ «О прекращении деятельности военно-политических органов и организационных структур политических партий в Вооруженных Силах СССР на территории РСФСР»[\[2, с. 112\]](#) (Указ Президента РСФСР от 22 августа 1991 г. «О прекращении деятельности военно-политических органов и организационных структур политических партий в Вооруженных Силах СССР на территории РСФСР» //Президент России [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/131>, дата обращения: 15.08.2022). 24 августа, М. С. Горбачев, вернувшись к исполнению президентских обязанностей, подписал аналогичный указ (Указ Президента СССР от 24 августа 1991 г. УП-2462 «О прекращении деятельности политических партий и политических движений в Вооруженных Силах СССР и правоохранительных органах и государственном аппарате» // Ведомости СССР. 1991. № 35. Ст. 1026. Позже Президент СССР подтвердил решение Президента России об упразднении военно-политических органов в армии, МВД и КГБ СССР (Указ Президента СССР от 29 августа 1991 «Об упразднении военно-политических органов в Вооруженных силах СССР, войсках Комитета государственной безопасности СССР, внутренних войсках Министерства внутренних дел СССР и железнодорожных войсках» // Ведомости СССР. 1991. № 36. Ст. 1061). Однако указы союзного Президента отныне лишь оформляли политическую волю российского лидера, при этом сам Горбачев стремительно терял остатки своего авторитета среди военных, которые после подписания Беловежских соглашений так и не вняли просьбам Верховного главнокомандующего оказать содействие в деле сохранения Союза ССР[\[3, с. 415-416\]](#). 7 мая 1992 г. Б. Н. Ельцин подписал Указ «О создании Вооруженных Сил РФ», где провозгласил себя Верховным Главнокомандующим, а также декларировалась подконтрольность военных структур высшим органам государственной власти, а не партийным инстанциям (Указ Президента РФ от 7 мая 1992 г. «О создании Вооруженных Сил РФ» //Президент России [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1279>, дата обращения: 16.08.2022). 18 мая 1992 г. Президент, до того исполнявший обязанности министра обороны, назначил на эту должность генерал-лейтенанта П.С. Грачева (Указ Президента РФ от 18 мая 1992 г. «О министре обороны РФ» // Гарант [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/6314847/>, дата обращения: 16.08.2022). Новый министр заявил о готовности неукоснительно проводить курс на дальнейшую деполитизацию армии[\[4, с. 12-19\]](#). Одновременно российский законодатель, понимая, что страна вступает в зону политической турбулентности, старался максимально оградить военнослужащих от влияния партийно-политических институций.

Так, Закон РФ от 24 сентября 1992 г. «Об обороне» запрещал создание и деятельность общественных объединений, преследующих политических цели, в Вооруженных силах. Не допускалось ведение любой политической (в т. ч. предвыборной) агитации на территории воинских частей (Закон РФ от 24 сентября 1992 г. «Об обороне». В ред. указа Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2288 // Контур Норматив [Электронный ресурс] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=5538>, дата обращения: 16.08.2022). 22 января 1993 г. был принят Закон РФ «О статусе военнослужащих», разрешавший военным состоять в общественных объединениях, не преследующих политических целей и участвовать в их деятельности только во внеслужебное время (Закон РФ № 4338-I от 22 января 1993 г. «О статусе военнослужащих» // Ведомости РФ. 1993. № 6. Ст. 188). Особо оговаривалось отсутствие у военных права на забастовку. Таким образом, для Вооруженных Сил РФ предусматривалась наиболее жесткая модель институциональной и кадровой департизации. Такой подход не противоречил нормам международного права и был характерен для армий ряда государств, в том числе бывших соцстран. Однако, если

право военнослужащих на объединение было существенно урезано, то свои избирательные права (как и в советские годы) «люди в погонах» могли осуществлять в полном объеме и без каких-либо ограничений.

«Люди в погонах»: ресурс оппозиции или армия аполитичных?

Упразднение военно-политических органов в ВС привело к возникновению определенного идеологического вакуума, который в условиях политической нестабильности стремились заполнить новоявленные партии и движения. В наибольшей степени это было характерно для структур «непримиримой оппозиции», а также националистических объединений. Однако данные, показывающие глубину проникновения тех или иных политических институтций в армейскую среду, практически отсутствуют (по крайней мере — в открытых источниках). С другой стороны, сами партийцы были склонны гиперболизировать степень влияния своих объединений в армейской среде. После разгрома «непримиримой оппозиции» в октябре 1993 г. деятельность некоторых партий и движений, в наибольшей степени пытавшихся заигрывать с военными (РКПР, ФНС, РНЕ), была приостановлена, а их лидеры — арестованы. Оппозиционные партии, возникшие или укрепившиеся после 1993 г. (КПРФ, ЛДПР и др.) так или иначе взаимодействовали с армейскими структурами, особенно во время избирательных кампаний. Однако, являясь представителями «системной оппозиции», эти объединения старались действовать в рамках закона.

Данные социологических исследований свидетельствовали об известном недоверии военных к разного рода партийно-политическим деятелям и их программам. Опрос 1992 г. показал — около 50 % солдат и офицеров не доверяли партийным лидерам [\[5, с. 65\]](#). Согласно соцопросу, проведенному в 1994 г. Фондом им. Ф. Эберта (ФРГ) среди более 600 генералов и старших офицеров, лидеры оппозиции (Г. А. Зюганов и В. В. Жириновский) не вызывали у военных особого воодушевления (Эггерт К. Армия за сильную власть // Известия. 1994. 22 октября). Другой опрос, проводившийся с декабря 1992 по март 1993 г. среди генералов, офицеров, прапорщиков, военнослужащих срочной и контрактной службы, а также слушателей высших военно-учебных заведений, продемонстрировал, что даже среди курсантов как наиболее политизированной части военного избирательного округа лишь 12 % выражали приверженность партиям и движениям (Скоробогатько Т. Если завтра война... // Московские новости. 1994. 9–16 января).

В первом полугодии 1994 г. военные социологи вновь опросили личный состав подразделений армии и флота и убедились, что практически все категории военнослужащих являются политически индифферентными. Программы конкретных партий разделяли не более 7-8 % респондентов (Армия глазами армии // Московские новости. 1994. 4–11 сентября). С другой стороны, не стоит думать, будто партийные лидеры вовсе не котировались среди военнослужащих, иначе после 1993 г. высшее командование не устраивало бы в частях и соединениях аврал перед очередными выборами [\[6, с. 705-720\]](#). Но протестное голосование «людей в погонах» в первые постсоветские годы было вызвано не столько идеологическими соображениями, сколько попыткой обратить внимание высшего руководства страны на катастрофическое состояние ВС.

Всеармейское офицерское собрание: армия выходит из-под контроля?

После падения коммунизма на волне сплошной демократизации в частях и соединениях стали стихийно возникать офицерские собрания. Известный демократизм этих структур подчеркивало то обстоятельство, что председателем собрания мог стать любой офицер, а

не обязательно командир. Но по мере ухудшения положения военнослужащих офицерские собрания стали превращаться в политизированные клубы (*Цыгичко В. Какая армия нам нужна? // Независимая газета. 1994. 13 апреля*). Апофеозом стихийной демократизации ВС стало проведение 17 января 1992 г. в Кремлевском Дворце Съездов Всеармейского офицерского собрания, на котором присутствовали 5 тыс. делегатов, избранных от офицерских собраний всех видов и родов войск. Офицеры, «топотом и свистом» встретив выступление Б. Н. Ельцина, заклеймили «сговор трех президентов», требуя восстановить Советский Союз с едиными вооруженными силами [\[1, с. 20-21\]](#). Казалось, будто на политической авансцене появляется мощная сила, способная изменить ход истории. Однако Ельцин сумел переломить ситуацию. Призвав офицеров сохранять гражданское спокойствие, Президент заявил, что Россия «будет стоять насмерть за единые вооруженные силы» (тогда еще была сильна иллюзия, что СНГ сможет сохранить единую армию под объединенным командованием). Верховный главнокомандующий также пообещал решить социальные проблемы офицеров и членов их семей.

В итоге участники Собрания приняли достаточно умеренное заявление с призывом к военнослужащим, оказавшимся в рядах своих национальных армий, «не поддаваться на провокации», а также «сохранять верность военной присяге до решения всех вопросов законным путем». Одновременно военные подчеркнули, что не стремятся вмешиваться в политику и решать вопрос о власти в независимых государствах (*Россия сегодня. Политический портрет в документах: Вып. 2. 1991-1992. Ответ. ред. Коваль Б.И. М., 1993. С. 87-88*). Таким образом, удовлетворившись обещаниями российского лидера, офицерский корпус отказался участвовать в «большой политике» на постсоветском пространстве. Тем не менее, для руководства РФ столь массовое мероприятие военных стало сигналом о необходимости обеспечить жесткий контроль Москвы над огромной частью Советской Армии, доставшейся России [\[1, с. 20-21\]](#). Неудивительно, что впоследствии роль офицерских собраний была нивелирована и подчинена командованию.

Проблема сохранения лояльности Вооруженных сил в условиях политического кризиса 1993 г.

Настоящим «моментом истины» для Российской армии стали события 3–4 октября 1993 г. Именно вмешательство военных сумело переломить ситуацию в пользу Президента. В то же время, победа Б. Н. Ельцина отнюдь не была гарантирована, ибо чаша весов в любой момент могла качнуться в другую сторону. Так, коллегия Минобороны, собравшаяся в ночь с 3 на 4 октября 1993 г., колебалась относительно возможности использования армии в известном «конституционном споре». Колоны бронетехники, крайне неспешно выдвинувшиеся из мест постоянной дислокации в столицу, «притормозили» у МКАД [\[2, с. 212\]](#). Военные, помня август 1991 г., пытались выиграть время в надежде, что политики как-то договорятся. И только личное появление Ельцина на том ночном заседании Коллегии МО на Знаменке стало для генералов последним аргументом [\[7, с. 203\]](#). Впоследствии Президент признавал, что армейское командование проявило в те дни медлительность и у него до последнего момента не было уверенности в высшем генералитете (*Жириновский – верховный главнокомандующий? // Новая ежедневная газета 1994. 12 января*).

И хотя Борису Ельцину удалось сохранить контроль над Вооруженными силами, президентская сторона хорошо усвоила «уроки октября-93». Дабы избежать любых колебаний в войсках случае очередного обострения ситуации, президентским

окружением были предприняты соответствующие меры. Так, в ближнем Подмосковье были созданы кольца из элитных подразделений, командование которыми осуществлялось генералами, прошедшими личное собеседование у главы Службы безопасности Президента РФ А. В. Коржакова на предмет лояльности Главковерху (Коротченко И. Доверяет ли армия президенту? // Независимая газета. 1995. 21 июня). Одновременно перед ФСБ была поставлена задача по изучению политических настроений офицеров центрального аппарата Минобороны и приобретения там надежных источников информации (Коротченко И. Надежный контроль // Независимая газета. 1995. 18 апреля; Коротченко И. Силовые ведомства и политика // Независимая газета. 1995. 22 декабря). Ситуацию в войсках специально отслеживало Управление военной контрразведки ФСБ, с которой, по некоторым данным, на негласной основе сотрудничали свыше 50 тыс. военных всех должностных категорий (хотя сама численность этой службы не превышала 6 тыс. чел.). Таким образом, агентура УВКР ФСБ насквозь пронизывала Вооруженные силы (Коротченко И. Отставка Ельцина – стратегическая цель движения Рохлина // Независимая газета. 1997. 23 сентября). Все эти шаги свидетельствовали о том, что Президент больше не желал вверять свою судьбу генералам.

ГЛАВПУР умер... Да здравствует ГУВР!

После провала августовского путча первостепенной задачей высшего армейского командования стала скорейшая реализация указов «двух президентов» о департизации ВС. В Минобороне СССР была создана специальная комиссия по упразднению военно-политических органов во главе бывшим замначальника Главного политуправления Советской армии, генерал-полковником Д. А. Волкогоновым [8, с. 127; 10, с. 283-286]. Помимо структур КПСС, упразднению подлежало Главное военно-политическое управление Вооруженных Сил СССР [9, с. 93], вместо которого учреждался Комитет Минобороны СССР по работе с личным составом [10, с. 54]. В связи с департизацией около 300 генералов-политработников подлежали досрочному увольнению из армии [5, с. 67]. В соответствии с приказом министра обороны СССР в частях и соединениях с 1 ноября 1991 г. вводились должность помощника командира по работе с личным составом. Тогда все вышеназванные мероприятия, связанные с деполитизацией и департизацией ВС, нашли полную поддержку и понимание в армии (Приказ Министра обороны СССР от 22 октября 1991 г. «О новых структурах по работе с личным со-ставом в звене рота – батальон – полк – бригада» // Система ГАРАНТ [электронный ресурс] URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70749710/paragraph/7:0>, дата обращения: 22.08.2022, ограниченный доступ).

В то же время, с ликвидацией политработников морально-политическая обстановка в армии резко ухудшилась, а неуставные отношения приобрели наиболее безобразный характер [11, с. 155]. Система подготовки кадров для воспитательных армейских структур оказалась дезорганизованной [12]. В 1994 г. появилось Главное управление воспитательной работы (ГУВР), которое возглавил генерал-лейтенант С. М. Здориков [10, с. 54], (Черкасов А. Синдром политорганов // Независимая газета. 1996. 28 ноября) Новая структура радикально отличалась от предыдущего политуправления как численно (состав ГУВР не превышал двух сотен сотрудников, тогда как ГЛАВПУР насчитывал 564 чел.), так и функционально. «Мы занимается не промыванием мозгов, а... формируем у людей в военной форме уверенность в том, что дело, которому они служат, необходимо России», — заявил Здориков (Блоцкий О. Генерал-лейтенант Сергей Здориков: «Я буду голосовать за Ельцина»... // Независимая газета. 1996. 25 апреля). Его заместитель, генерал-майор А. Черкасов, в свою очередь, с сожалением отмечал, что та неприязнь и

подозрительность, которые имели место в советской армии по отношению к политорганам, «по умолчанию» распространились и на новые структуры. Даже на бытовом уровне заместителей командиров по воспитательной работе именовали не иначе, как замполитами. Сильно раздражало руководство ГУВР то, что новому подразделению командование продолжало ставить старые задачи и при этом спрашивало, «как с политорганов, за все», а офицеры-воспитатели имели самые низкие тарифные ставки. Нередко командиры просто не знали, что делать с воспитательными органами, не умели использовать их возможности в современных условиях, а то и просто боялись их (Черкасов А. Синдром политорганов // Независимая газета. 1996. 28 ноября).

С другой стороны, нельзя сказать, будто ГУВР был абсолютно аполитичной структурой в армии. Главное управление воспитательной работы, помимо прочих обязанностей, занималось военно-политической социологией, которая в 1990-е гг. едва ли могла радовать высшее командование. Так, накануне парламентских выборов 1995 г. соцопросы показали, что наибольшей поддержкой среди военных пользуются оппозиционные объединения, а «партия власти» может претендовать лишь на пятое место (Армейские мотивы // Московские новости. 1995. 12–19 ноября). После таких прогнозов С. М. Здориков, по сообщениям СМИ, впадал в ярость, а его речь состояла исключительно из «непереводимых идиоматических выражений» (Морозов В. Результаты выборов в армии, судя по всему, фальсифицированы // Новая ежедневная газета. 1995. 26 декабря).

Армия на грани социального взрыва

После переизбрания Б. Н. Ельцина, президентская кампания которого потребовала немалых затрат, ситуация с финансированием Вооруженных сил резко ухудшилась. К октябрю 1996 г. сумма задолженности по выплате денежного довольствия офицерам и зарплатам рабочим ВПК составила 25 трлн руб. В связи с финансовой катастрофой аналитики Минобороны отмечали небывалый всплеск протестной активности доведенных до отчаяния военнослужащих и членов их семей. Нередко накопившееся негодование выражалось в неисполнении офицерами своих должностных обязанностей, продаже оружия и военного имущества, перекрытии женами военных аэродромов и стратегических трасс, самовольном захвате квартир, голодовках, распространении анонимных угроз и даже в самоубийствах (в 1990-е в год «стрелялись» до 500 офицеров — почти целый батальон) (Васильцов С., Обухов С. Если за шахтерами последуют военные? // Советская Россия. 1998. 16 июля; Жилин А. Взгляд из России: войска на грани бунта // Московские новости. 1996. 8–15 сентября; Баранец Д. Армия голодающих // Московские новости. 1996. 15–22 сентября). На этом фоне СМИ зачастую ретранслировали довольно тревожные перспективы: «Достаточно найтись лишь одному решительному командиру, который подымет по боевой тревоге свой полк и выдвинется в Москву для проведения акции протesta против нищенского существования — и дальнейшие события приобретут непредсказуемый для нынешнего режима характер» (Коротченко И., Соловьев В. Родионов о кризисе в армии // Независимая газета. 1996. 26 октября).

Подобные предостережения на фоне крайне напряженной обстановки в войсках выглядели отнюдь не фигурой речи. Если в 1992 г. возможность применения силы военными при невыполнении властями выдвигаемых ими требований допускали лишь 10 % офицеров, то в 1995 г. эта цифра увеличилась до 18 % (Мухин В., Соловьев С. Протест служащих вооруженных сил РФ и деятелей культуры // Независимая газета. 1996. 1 октября). Осенью 1996 г. (по данным ГУВР) 25-30 % офицеров были

психологически готовы к применению силы для того, чтобы добиться получения от государства долгов по денежному содержанию [13, с. 32-33; 16, с. 24]. С другой стороны, не следует переоценивать эти данные, ибо большинство офицеров, несмотря на все трудности и невзгоды, все-таки намеревались придерживаться законных форм для выражения недовольства. Так, основная масса кадровых военных в случае нарушения их прав в первую очередь намеревалась обращаться с жалобами к вышестоящему руководству в соответствии с действующими уставами (в 1992 — 56 %, в 1995 — 41 %). Досрочное увольнение из армии рассматривали 23-24 %. Участие в деятельности организаций, осуществляющих защиту прав военнослужащих допускали от 21 % (в 1992) до 19 % (в 1995). Протестные выступления в СМИ планировали 22-23 % (Мухин В., Соловьев С. *Протест служащих вооруженных сил РФ и деятелей культуры // Независимая газета. 1996. 1 октября.*)

На 1 сентября 1997 г. общая задолженность Минобороны личному составу составила 37,4 трлн руб. В воинских частях, расположенных ближе к столице, к концу июня 1997 г. деньги были выплачены в лучшем случае за апрель — май. В отдаленных гарнизонах долги по зарплате начали выплачивать только за март 1997 г. (Корбут А. *Рохлин обратился в Президенту и военнослужащим // Независимая газета. 1997. 25 июня.*). Пресса с тревогой сообщала об участившихся случаях незаконных протестных акций офицеров и членов их семей, имевших место не только в отдаленных гарнизонах, но и в столице. Так, весной 1997 г. военнослужащие полка военно-транспортной авиации в пос. Кречевицы Новгородской области, не получавшие денежного довольствия с февраля 1997 г., объявили голодовку. На некоторых военных аэродромах, в том числе там, где базировалась стратегическая авиация (в Хурбе — Дальний Восток, в Шайковке — Кировская обл., в Сольцах — Новгородская обл.) имели место попытки блокирования взлетных полос женами военных летчиков. Вышеназванные инциденты были улажены только после того, как командование (полностью или частично) удовлетворило требования протестующих (Корбут А. *Напряженность в войсках нарастает // Независимая газета. 1997. 4 июня;* Корбут А. *Рохлин обратился в Президенту и военнослужащим // Независимая газета. 1997. 25 июня.*)

Крайне неприятный случай произошел в марте 1997 г. в 21-й бригаде ВДВ, дислоцированной на Ставрополье. Несколько офицеров этой воевавшей в Чечне части ввиду бедственного положения их семей отказались отбыть на учения в другой регион и выдвинули ультиматум командованию, в котором требовали в кратчайшие сроки погасить задолженность по денежным выплатам. Лишь после мощного прессинга из Москвы, а также усилий сотрудников военной контрразведки и местного управления ФСБ конфликт был погашен. «Это только начало», — заявили офицеры другой, Тульской дивизии ВДВ. Появилась информация о том, что для нейтрализации возможных выступлений воздушно-десантных войск в преддверии Всероссийской акции протesta власть планировала задействовать внутренние войска (около 250 тыс.) (Суриков А. *ВДВ в ожидании полковника Пестеля // Правда Пять. 1997. 9 апреля;* Коротченко И. *Демарш воздушных десантников // Независимая газета. 1997. 25 марта.*) Был ужесточен Закон «О статусе военнослужащих», где особо оговаривалось, что участие военных в забастовках, равно как иное прекращение исполнения обязанностей военной службы как средство урегулирования спорных вопросов, не допускается (Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331).

Одновременно, по информации начальника Управления военной контрразведки ФСБ генерал-полковника А. Молякова, активизировались различные политические организации с целью проникновения в воинские коллективы для того, чтобы в

дальнейшем попытаться использовать армию в своих целях. Речь, в первую очередь, шла о генерале Л. Я. Рохлине. В июне 1997 г. Лев Рохлин, герой чеченской войны, командующий 8-м Гвардейским армейским корпусом, выступил с резонансным обращением к Президенту, в котором обвинил Верховного главнокомандующего в «сдаче» своей армии [15]. Генерал предложил провести в каждой части офицерские собрания, чтобы выработать законные требования и направить их Президенту и правительству. Вскоре Рохлин организовал «Движение в поддержку армии», целью которого стало отстранение от власти Ельцина посредством организации массовых акций протеста, в том числе с участием военнослужащих. Однако, по словам А. Молякова, подчиненные которого плотно «сопровождали» все мероприятия мятежного генерала, военная контрразведка в целом владеет обстановкой в армии, а также в других силовых структурах (*Коротченко И. Военная контрразведка не допустит вооруженного мятежа // Независимая газета. 1997. 19 июля*).

«Политический феномен» танкиста И. Беляева

Предпринятые правительством меры, направленные на оптимизацию оборонных расходов, не дали ожидаемых результатов. К августу 1998 г. задолженность правительства перед силовыми структурами составляла 50 млрд (деноминированных) руб. Причем львиная доля этих средств (около 40 млрд руб.) приходилась на Минобороны РФ (Соловьев В., Шабуркин А. *Вооруженные Силы России вновь сидят без денег // Независимая газета. 1998. 18 августа; Карпенко В. Агитаторы рвутся в казармы // Московские новости. 1998. 27 сентября–4 октября; Корбут А. Осенняя активность войск // Независимая газета. 1998. 2 сентября; Хохлов А. Пойдут ли танки штурмовать банки? // Новые известия. 1998. 10 сентября*). На фоне столь безрадостной картины произошел инцидент, который был воспринят едва ли не как пролог вооруженного выступления военных. 21 июля 1998 г. офицер Мулинского гарнизона (Нижегородская обл.), майор Игорь Беляев, прошедший Чечню и имевший боевые награды, самовольно вывел за пределы воинской части танк (Т-80Б) и совершил на нем марш-бросок в ближайший поселок, где символически припарковал свою боевую машину рядом с постаментом Великой Победы в виде танка Т-34. Офицер потребовал немедленно погасить задолженность по денежному содержанию за три месяца.

Примечательно, но похожий инцидент случился летом 1995 г. на Уралвагонзаводе, где водитель-испытатель с 20-летним стажем В. Тронин, доведенный до отчаяния хроническим безденежьем, проломив заводские ворота, угнал с завода новый танк и прокатился на нем по центральному проспекту Нижнего Тагила. И хотя в случае с майором Беляевым обошлось без порчи казенного имущества, а его танк давно использовался как тягач, а потому не имел боекомплекта, сам офицер, будучи дежурным по парку военной техники, имел при себе оружие. «Танковый пикет» майора Беляева быстро перерос в стихийный митинг, на котором присутствовало не менее 500 чел. Граждане, также месяцами не получавшие зарплату, соорудили импровизированные плакаты: «Народ и армия едины!», «Выдайте наши деньги!» Толпа обступила мятежный танк, не позволив командованию отбуксировать «беглеца» обратно в часть. Позже местное телевидение провело телефонный опрос, который показал: более 80 % из тысячи дозвонившихся поддержали акцию танкиста Беляева (*Коновалов А. Шахрай, Черномырдин и танкист Беляев // Независимая газета. 1998. 8 августа; Коротченко И. ФСБ в ожидании кадровых потрясений // Независимая газета. 1998. 1 августа; Добринина С. Пора испытателю Тронину снова танк выгонять // НГ-региона. 1998. № 13; Усманов И. Митингующий танк // Советская Россия. 1998. 28 июля; // Мухин В. Танк вышел на митинг // Независимая газета. 1998. 24 июля*).

Отчаянный поступок майора И. Беляева означал, что ситуация подошла к той опасной черте, когда армия может без приказа покинуть казармы. И хотя известная акция (как и прочие, но менее радикальные выступления) являлась грубым нарушением закона, власть не решилась наказать нарушителя, а предпочла действовать методом уговоров, т. к. сама, месяцами задерживая законные выплаты, давно действовала вне правового поля. Это прекрасно понимала левая оппозиция, когда осенью 1998 г., перед очередной Всероссийской акцией протеста, обратилась к министру обороны И. Д. Сергееву с грозным предостережением: «Не вздумайте не только стрелять, но даже выводить танки и вооруженных солдат против своего народа! Сегодня не 1993 год... И если будет хоть один выстрел..., народ сметет всех, и вас тоже» (*Предупреждение // Советская Россия. 1998. 24 сентября*).

Военный переворот в России 1990-х: proetcontra

В связи с вышеописанными событиями возникал вопрос: сможет ли Кремль вновь рассчитывать на поддержку армии, если протестные акции приобретут массовый радикальный характер? Некоторые обозреватели были настроены весьма скептически. «В 1993 году в России удалось отыскать четыре танка..., чтобы расстрелять Белый Дом. Сейчас армия, которую кормят собачьими консервами, не даст президенту и трехлинейной винтовки для предотвращения "путча"», — писала пресса в те дни (*Кошкарева Т., Нарзикулов Р. Борис Ельцин признал существование в России планов захвата власти // Независимая газета. 1998. 11 июля*). В июле 1998 г., за полтора месяца до дефолта, когда казалось, что положение в стране скоро достигнет «точки кипения», а бастующие шахтеры, объявившие у себя в регионах «рельсовую войну», добрались до Москвы и «осадили» Дом Правительства (где их «обхаживал» генерал Лев Рохлин, обещая поддержку военных), в СМИ появились слухи о якобы готовящемся антипрезидентском перевороте (*Аграновский Д. Лев Рохлин с шахтерами на Горбатом мосту: «Ваша роль крайне важна» // Советская Россия. 1998. 11 июля; Кремль спокоен? // Независимая газета. 1998. 8 июля*). Однако Ельцин дезавуировал подобные инсинуации. «У нас достаточно сил, чтобы пресечь любые планы захвата власти...», — заявил Президент 10 июля 1998 г. во время встречи с руководителями силовых структур (эта фраза была сказана уже после загадочного убийства Льва Рохлина) (*Кошкарева Т., Нарзикулов Р. Борис Ельцин признал существование в России планов захвата власти // Независимая газета. 1998. 11 июля*).

Действительно, несмотря на крайне непростую ситуацию, сложившуюся в частях и соединениях, в Генштабе едва допускали возможность масштабного военного мятежа (*Суриков А. Армия не пойдет за КПРФ // Правда Пять. 1997. 27 февраль*). Этому препятствовал целый ряд факторов. Во-первых, у главы государства действительно доставало сил и решимости, чтобы предотвратить, а в случае необходимости — подавить бунт в отдельных гарнизонах. Во-вторых, стихийные и разрозненные протесты, которые имели место в армии во второй половине 1990-х гг., едва ли могли перерасти в масштабный и скординированный вооруженный мятеж, т.к. среди военных отсутствовала консолидирующая сила, охватывавшая всю военную организацию [[16, с. 103](#)]. В-третьих, со времен восстания декабристов политические заговоры офицеров не являлись частью российских воинских традиций (даже августовский путч 1991 г. или июньское выступление 2023 г. едва ли можно назвать сугубо военным, т. е. армейским мятежом). В советские годы Вооруженные силы были всецело подчинены партийно-политическому руководству, а менталитет военных не сильно отличался от менталитета обычных госслужащих, в задачи которых не входила организация путчей [[17, с. 48](#)].

Кроме того, у российских военных отсутствовали собственные политические цели. Захватив власть, но не имея опыта государственного управления и не располагая конструктивной антикризисной программой, генералам неминуемо пришлось бы обращаться к «гражданским», столь презирами армейской корпорацией (тот же Лев Рохлин собирался делать ставку на Юрия Лужкова как на потенциального кандидата в Президенты). Наконец, нельзя забывать о том, что накопившееся в армии недовольство сдерживалось жесткой армейской дисциплиной, а также ответственностью «людей в погонах», понимавших, что армия, будучи последним оплотом спокойствия и безопасности, не вправе развязывать гражданскую войну [14, с. 19].

Любопытно, но данные соцопросов, обнародованные, правда, в прокоммунистических СМИ, свидетельствовали о том, что народ был настроен по отношению к гипотетическому выступлению военной оппозиции в целом весьма благосклонно. Так, 18 % заявили, что солдаты и офицеры, вставшие с оружием в руках против тогдашней власти, заслуживают уважения. Еще 12 % были готовы оказать мятежникам посильную моральную, материальную и политическую поддержку, а 11 % даже изъявили желание присоединиться к восставшим. Не одобряли военный мятеж 27 % опрошенных, которые в то же время не стали бы осуждать солдат и офицеров, доведенных руководством страны до крайней стадии. И только 7 % были готовы оказать властям помочь внейтрализации подобного инцидента, причем лишь 1 % «ультрапоялистов» выразил желание добровольно встать в ряды правительственный войск. (*Васильцов С., Обухов С. Если за шахтерами последуют военные? // Советская Россия. 1998. 16 июля.*) Таким образом, более 40 % опрошенных были готовы в той или иной степени поддержать военных, выступивших с оружием в руках против законной власти, которая, имея под собой такой объем горючего материала, должна была действовать крайне осмотрительно.

Операция «преемник»: военно-политический фактор

Безусловно, кризис российских Вооруженных сил во многом повлиял на решение Ельцина при выборе преемника. Как писала пресса в те дни: «Предотвратить гражданскую войну в стране сможет только политик, которому поверит армия. Армия сегодня ждет не только денег. В первую очередь она ждет вождя» (*Хохлов А. Пойдут ли танки штурмовать банки? // Новые известия. 1998. 10 сентября.*) Именно 25 июля 1998 г., в условиях крайне неспокойной внутриполитической обстановки, Ельцин поставил во главе ФСБ В. В. Путина. Разумеется, это кадровое решение могло быть простым совпадением, однако ровно через год, 9 августа 1999 г., когда боевики Басаева и Хаттаба вторглись в Дагестан, Президент назвал Путина своим преемником, со временем передав ему бразды военно-политического руководства контртеррористической операцией в Чечне. За этими решениями скрывался немалый риск, т. к. было непонятно, как армия, измученная бесконечными проблемами и военной реформой, воспримет ельцинского выдвиженца. Однако эти опасения оказались напрасными.

Так, в разгар военной кампании, когда боевые действия из освобожденного Дагестана уже были перенесены вглубь Чечни, некоторые влиятельные круги, выражая обеспокоенность внезапными успехами российской армии, говорили о необходимости «притормозить» наступление федеральных сил. Однако в начале ноября 1999 г. во время встречи премьер-министра с командованием объединенной группировки, В. А. Шаманов, один из наиболее решительных генералов на «северокавказском направлении», заявил, что готов идти с Путиным до конца и даже пообещал «сорвать с себя погоны» в случае, если Кремль отдаст приказ приостановить боевые действия (*Бовт Г. Как сплести заговор против премьера // Сегодня. 1999. 10 ноября; Одноколенко О.*

Генералы премьера не сдадут // Сегодня. 1999. 13 ноября).

Эта фраза, сказанная в присутствии главы Администрации Президента А. С. Волошина, означала: все попытки остановить операцию в Чечне (а заодно — поменять преемника) едва ли найдет понимание у 100-тысячной армейской группировки, сражающейся в Чечне. Подтверждением тому стали результаты голосования на выборах 1999 г., когда путинское «Единство» получило среди солдат и офицеров вдвое больше голосов, нежели КПРФ (этот факт с сожалением были вынуждены признать даже коммунисты) [18, с. 186], (*Кутузов В. Армию атакует власть // Советская Россия. 2000. 13 января*). Конечно, в том, что армия наконец-таки поверила власти, была заслуга не только одного Путина, но и его предшественников. Так, антикризисный кабинет Е. М. Примакова сумел не только развязаться с порочной практикой неплатежей, но и увеличить оборонный бюджет почти на 12 млрд руб. (Федеральный закон РФ от 22 февраля 1999 г. № 36-ФЗ «О Федеральном бюджете на 1999 г.» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1093). Когда в 1999 г. обозначились первые признаки экономического роста, курс на стабилизацию продолжило правительство С. В. Степашина. Таким образом, на исходе 1990-х каждый премьер-министр решал свои специфические задачи, постепенно вытаскивая страну и армию из пучины затянувшегося кризиса

Заключение

После падения однопартийного коммунистического режима российский законодатель, чтобы оградить военнослужащих от влияния конкурирующих партий и, одновременно, не допустить доминирования в армии какой-либо альтернативной политической силы предусмотрел проведение в ВС институциональной и кадровой департизации. Однако в новых условиях эта стратегия во многом утратила актуальность, т. к. новоявленные партии не обладали и сотой долей той власти и влияния, которая была у КПСС. Кроме того, после 1991 г. социологические опросы фиксировали аполитичность военных, уставших от многолетнего давления полигорганов. Политизация офицерских собраний, стихийно возникавших в армии в первые постсоветские годы на волне общей демократизации общественной жизни, со временем была нивелирована командованием. Что касается парламентских партий, то их лидеры, хотя и претендовали на голоса военного избирателя, не предпринимали активных попыток незаконного проникновения в армейскую среду.

«Советско-российская» армия в 1990-е гг., как и прочие рудименты прежней системы (сверхмонополизированная экономика, советская власть), нуждалась в серьезном реформировании. Однако в условиях тяжелого трансформационного кризиса, правительству недоставало средств даже на элементарное содержание значительного воинского контингента и гипертрофированного ВПК, не говоря уже о том, чтобы осуществить военную реформу, суть которой во многом свелась к сокращению Вооруженных сил. В этой ситуации сотни тысяч солдат и офицеров, а также членов их семей были заняты проблемой выживания. Во второй половине 1990-х гг. на фоне хронического недофинансирования в армии имели место случаи стихийного протеста кадровых офицеров. Однако эти акции носили спонтанный и разрозненный характер, а потому не представляли серьезной угрозы с точки зрения перерастания в масштабный военный мятеж. Высшее командование, понимая, что ситуация находится «на грани», старалось действовать максимально корректно, точно удовлетворяя законные требования доведенных до отчаяния военнослужащих. В числе прочих факторов, сдерживавших бунт в частях и соединениях, можно назвать отсутствие у военных самостоятельного политического мышления и конструктивной программы, жесткую

армейскую дисциплину, а также наличие у режима достаточных средств для упреждения масштабного протesta.

Тем не менее, в случае длительного отсутствия позитивной динамики в области военного строительства или же дальнейшего ухудшения и без того тяжелой ситуации, от военных (впрочем, как и от представителей других социальных категорий) можно было ожидать любых действий. В конце 1990-х гг., после длительного упадка, наметились первые признаки укрепления российской государственности и возрождения Вооруженных сил. Эти тенденции чутко уловил «человек с ружьем», измученный «пятилетками» либеральных реформ, но теперь, после всех соблазнов, которые сулили коммунисты и жириновцы, вновь обретал веру в государство, олицетворявшее «партию власти».

Библиография

1. Гольц А. Военная реформа и российский милитаризм. СПб.: Время, 2019.
2. Шахрай С.М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. Синдбад, 2021.
3. Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза. М.: Corpus, АСТ, 2016.
4. Родачин В.М. Армия и политическая власть // Военная мысль. 1993. № 5. С. 12-19.
5. Серебрянников В. Армия и политика // Свободная мысль. 1992. № 2. С. 64-73.
6. Волгин Е.И. 2023 Российская армия в выборальных баталиях 1993-1999 гг. // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 3. С. 705-720.
7. Баранец В.Н. Ельцин и его генералы: Записки полковника Генштаба. М., 1998.
8. Волгин Е.И. Проблема деполитизации Вооруженных Сил и правоохранительных органов СССР и РСФСР – РФ в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2018. № 2. С. 113-134.
9. Ипполитов Г.М. Строительство политических органов Вооруженных сил Советского государства: генезис и эволюция (опыт краткого исторического обзора) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2019. Исторические науки. Т. 1. № 1. С. 92-98.
10. Зорин О.Л., Корякин В.М. Краткий историко-правовой анализ становления и развития военно-политических органов Вооруженных Сил // Военное право. 2020. № 4. С. 44-56.
11. Балашов А.И. Российская армия: смена модели // Мир России. 2014. № 4. С. 148-177.
12. Чертополох А.А., Дудин П.В. Эволюция системы подготовки военно-политических кадров в Вооруженных Силах России // Вестник адъюнкта. 2019. № 4. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42637873_69457681.pdf.
13. Соловьев С.С. Российские офицеры: опора государства или источник нестабильности // Социс. 1997. № 5. С. 26-34.
14. Серебрянников В. Армия: социальные аспекты // Свободная мысль. 1997. № 5. С. 13-25.
15. Волгин Е.И. Генерал Л. Рохлин и феномен «военной оппозиции» 1990-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2023. № 1. С. 36-52 // URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1234/1173>. doi: 10.18384/2224-0209-2023-1-1234.
16. Мирский Г. Армия в российской политике // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 3. С. 101-105. doi: 10.20542/0131-2227-1997-3-101-105.
17. Травин Д.Я. Просуществует ли путинская система до 2042 года? СПб.: Норма, 2016.

18. Волгин Е.И. «Партия Кремля» в ходе парламентских выборов 1999 г. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 4. С. 167-193.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – проблема деполитизации российской армии в период кризиса 1990-х годов.

Методология исследования базируется на принципах научности, системности, историзма. При работе над статьей автор применил исторический, социологический, формально-юридический, институциональный и системный подходы.

Актуальность темы. Обороноспособность страны зависит от финансового обеспечения армии и ее боевого духа. В 1990-е годы армия стукнулась с серьёзными проблемами, обусловленными кризисов в экономике страны и социальными проблемами, что затронула и военных. Кроме того, трансформационные процессы в стране отразились на армии, которая проходила период модернизации. Изучение состояния армии в 1990-е годы представляет значительный интерес и в современный период, обусловленный новыми вызовами в геополитическом плане.

Научная новизна работы обусловлена постановкой проблемы и задач исследования. Новизна также определяется тем, что работа подготовлена на широком круге разнообразных источников.

Стиль, структура, содержание работы в целом научный, с элементами описательности. Структура работы направлена на достижение цели статьи и задач. Во введении работы показана актуальность статьи и обозначена цель, а также раскрыты методы исследования. Автор отмечает, что цель работы заключается в изучении проблемы «деполитизации Вооруженных сил, пребывавших в крайне тяжелом положении, что в условиях перманентного кризиса 1990-х гг.». Основная часть работы состоит из следующих разделов: Деполитизация российской армии: политico-правые аспекты; «Люди в погонах»: ресурс оппозиции или армия аполитичных?; Всеармейское офицерское собрание: армия выходит из-под контроля?; Проблема сохранения лояльности Вооруженных сил в условиях политического кризиса 1993 г.; ГЛАВПУР умер... Да здравствует ГУВР!; Армия на грани социального взрыва; «Политический феномен» танкиста И. Беляева; Военный переворот в России 1990-х: proetcontra; Операция «преемник»: военно-политический фактор. Название разделов соответствуют их содержанию и показывают какие интересные и важные вопросы получили освещение в статье. Автору удалось показать какие ошибки были допущены в 1990-е годы и позитивный разворот в отношении армии после того как возглавил Кабинет Министров Е.М. Примаков и раскрыть другие факторы, способствовавшие позитивным переменам в стране. В заключении автор делает обоснованные выводы. В статье отмечается, что экономический кризис в стране вызвал одиночные выступления в армии, а в числе факторов, сдерживавших бунт в частях и соединениях, была аполитичность большинства военных, отсутствие у них самостоятельного политического мышления и конструктивной программы, сохранение жесткой армейской дисциплины, а также наличие у режима достаточных средств для упреждения масштабного протesta. Вместе с тем, резюмирует автор, «в случае длительного отсутствия позитивной динамики в области военного строительства или же дальнейшего ухудшения и без того тяжелой ситуации, от военных (впрочем, как и от представителей других социальных категорий) можно было ожидать любых действий». Наметившиеся в конце 1990-х годов первые признаки укрепления

российской государственности и возрождения Вооруженных сил способствовали тому, что военные «обретали веру в государство, олицетворявшее «партию власти».

Библиография работы состоит из широкого круга источников и литературы по теме исследования и смежным темам. Библиография в основном состоит из статей и фундаментальных работ, подготовленных в последние годы, две работы датируются 1997 г. и одна 1992 г. Библиография представлена на достойном уровне и тема статьи полностью раскрыта.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне полученной в ходе работы над статей информации и библиографии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа подготовлена на актуальную тему, имеет признаки научной новизны и будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кирchanov M.B. Концепция «короткого XX века» как интерпретационная модель для изучения социально-политической истории Индонезии // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69580 EDN: JEZHWA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69580

Концепция «короткого XX века» как интерпретационная модель для изучения социально-политической истории Индонезии

Кирchanов Максим Валерьевич

ORCID: 0000-0003-3819-3103

доктор исторических наук

доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет, Воронежский государственный университет; ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 16, каб. 236

✉ maksymkyrchanoff@gmail.com

[Статья из рубрики "Историческое время и пространство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69580

EDN:

JEZHWA

Дата направления статьи в редакцию:

14-01-2024

Аннотация: Статья посвящена возможностям и перспективам использования концепций западной академической исторической науки для изучения социальной и политической истории Индонезии. Цель этого исследования – анализ концепции «короткого XX века» как интерпретационной модели современной исторической науки, претендующей на универсальность. Автор анализирует концепцию «короткого XX века», в использование и популяризацию которой внес вклад Эрик Хобсбаум. Предметом статьи является концепция «короткого XX века», объектом – возможности ее применения и трансплантации в индонезийские исторические исследования. Новизна исследования состоит в анализе концепции «короткого XX века» как интерпретационной модели, которая позволяет анализировать особенности исторического, социального и культурного развития Индонезии в контекстах тех трансформационных процессов,

которые были запущены развитием национализма, модернизацией и секуляризацией. С точки зрения методологии представленная статья основана на достижениях междисциплинарной историографии, что позволяет воспринимать исторические процессы анализируемого периода через более широкие контексты социальной истории, теории модернизации и истории национализма. Предполагается, что интерпретационные модели, предложенные западными историками, претендуют на универсальность, хотя эффект от их трансплантации в незападные исторические контексты может оказаться ограниченным. В статье проанализированы 1) особенности социальной и экономической компонент в трансформации Индонезии в период «короткого XX века», 2) раскрыта роль факторов национализма и ислама в политических изменениях в рамках конкуренции и конфронтационной модели взаимоотношений между уммой и правящими элитами, 3) изучены последствия «короткого XX века» для последующей истории региона. В статье показан потенциал концепции «короткого XX века» для анализа истории социальных и политических трансформаций в Индонезии. Результаты исследования позволяют предположить, что эффект использования концепции «короткого XX века» является ограниченным. Автор полагает, что эта интерпретационная модель может быть относительно эффективна и полезна для анализа социальной и политической динамики через призму противостояния светских и религиозных институций как источников и стимулов перемен.

Ключевые слова:

короткий XX век, Индонезия, история, социально-экономическая история, социальная трансформация, модернизация, ислам, национализм, умма, историография

Введение. В XX веке западная историческая наука достигла определенного прогресса в генезисе концептов, претендующих на ограниченную эпистемологическую универсальность. Интерпретационные модели, как правило, предлагались западными историками. Если рассматривать историю западной исторической науки в теоретическом плане, то мы можем предположить, что несколько концепций не просто сменяли друг друга, а сосуществовали одновременно, будучи достаточно влиятельными и значимыми, что предопределяло их использование несколькими поколениями профессиональных историков. В XX столетии западными интеллектуалами было предложено несколько концепций подобного плана, претендующих на статус универсальных. Большая часть подобных идей была связано с междисциплинарными исследованиями национализма. В подобной ситуации история современных государств писалось через призму истории того или иного национализма. Поэтому исторический опыт интерпретировался, оценивался, переосмысливался в контекстах таких концепций как «воображение сообществ» и «изобретение традиций». Эти теории, предложенные в первой половине 1980-х годов, претендовали на определенную универсальность и вполне успешно использовались для анализа исторического, политического, культурного и интеллектуального опыта не только западного мира, но и восточных, африканских, азиатских и латиноамериканских государств. Не стала исключением из подобной динамики развития исторической науки и Индонезия.

Индонезийская интеллектуальная ситуация. Индонезийские интеллектуалы на протяжении второй половины XX века активно использовали различные западные концептуальные подходы для написания и переосмысливания собственной истории, которая воспринималась ими как национальная. Если до середины 1960-х гг. на статус

подобной историографической парадигмы в определенной степени мог претендовать марксизм, то политические события 1965 г. привели к маргинализации левых тенденций в интеллектуальной и политической жизни Индонезии. Поэтому индонезийские интеллектуалы были вынуждены подвергнуть определенной ревизии тот методологический инструментарий, который использовался ими для написания и осмысливания собственной национальной истории.

Начиная с 1990-х гг. индонезийская историческая наука более активно начинает использовать западные концепции, которые, как было отмечено выше, претендовали на универсальность. Индонезия на протяжении второй половины XX века отличалась устойчивыми и стабильными связями с Западом, которые имели место не только в политике и экономике, но и в историографии. Если значительная часть участников националистического движения, усилиями которых Индонезия в 1945 г. стала независимым государством, получили образование в Европе, то подобная динамика наблюдалась и во второй половине XX века не только в рамках политического класса, но и в интеллектуальном сообществе. Часть индонезийских историков получила образование и защитила магистерские и докторские диссертации в американских, австралийских и европейских университетах, что было связано с усвоением ими тех подходов, которые практиковались в западной историографии.

«Короткий 20 век» как универсалия исторического воображения. Эрик Хобсбаум, известный специалист по истории национализма и британский историк-марксист, известен в современной историографии и благодаря популяризированному им термину «короткий XX век». Изначально подобная интерпретационная модель использовалась преимущественно для исследований, сфокусированных на изучении истории Запада и тех регионов, политические и исторические особенности которых представлялось возможным интегрировать в западные исторические, социальные и политические контексты. С точки зрения хронологии, понятие «короткий XX век» имеет границы, ограниченные соответственно 1918 и 1991 годами. Вместе с тем, такая периодизация ограниченно эффективна только для теоретического осмысливания и концептуального переосмысливания истории Европы в целом и некоторых европейских стран в частности. Глобализация, которая активно началась в XX веке, тенденция интеграции незападных обществ в западные политические модели развития поставили вопрос о возможности применения или неправомерности применения подобных концепций и интерпретационных моделей для изучения и написания истории незападного мира, включая Индонезию.

Методология. С точки зрения методологии, данная статья основана опирается на достижения нескольких поколений историков в рамках междисциплинарной историографии, которая динамично развивалась на протяжении второй половины XX века. Поэтому предполагается, что, анализируя перспективы и особенности трансплантиации западных историографических концепций в индонезийские исторические контексты, во внимание следует принимать то, что последние могут быть описаны при помощи понятия «короткий XX век». Само явление «короткого XX века» в индонезийском контексте, с одной стороны, необходимо анализировать с применением того инструментария, который был предложен в рамках интеллектуальной истории, культуральной истории, истории идеи и археологии идей. С другой стороны, следует использовать концепции, которые ранее были предложены исследователями модернизации и национализма. Подобные подходы эффективны, так как обеспечивают историков возможностью анализировать противоречия между социальными темпами и культурными скоростями как исторического развития Индонезии, так и интеграции гуманитарного знания этой страны в западные контексты, что достигается при помощи

трансплантации достижений западной историографии в практики и стратегии историонаписания, используемые индонезийскими историками.

Географические и хронологические рамки. История Индонезии в XX столетии, вероятно, может рассматриваться через призму «короткого ХХ века» так как триумф идей национализма и политической модернизации самым существенным образом повлиял на векторы и траектории политического и социально-экономического развития страны, что позволяет нам определять период с 1928 («Клятва молодежи») по 1998 г. (завершение периода «нового порядка») как индонезийский «короткий ХХ век».

Цель и задачи. В данной статье автор анализирует концепцию «короткого ХХ века» как как одну из моделей теоретического переосмысливания исторического опыта Индонезии, история которой на протяжении XX столетия интерпретировалась через призму теорий национализма и модернизации, что позволяет, принимая во внимание достижения предшествующей историографии, трансплантировать упомянутые выше концепции в культурные, политические, интеллектуальные и историографические контексты Индонезии.

Целью автора в представленной статье является анализ возможности использования концепта «короткий ХХ век» в качестве интерпретационной модели для изучения исторического опыта Индонезии через призму развития национализма и процессов политической и социально-экономической модернизации. В число задач автора входит 1) анализ истории Индонезии через призму ее интеграции в теоретические подходы, предложенные в рамках концепции «короткого ХХ века», 2) выявление сильных и слабых сторон этого понятия для изучения исторического опыта Индонезии, 3) изучение ограничений, которые объективно возникают в силу того, что данная модель объяснения была предложена для описания и написания истории Запада, 4) выявление перспектив использования концепции «короткого ХХ века» как одного из «больших нарративов» для изучения истории Индонезии.

«Короткий ХХ век»: западные реалии и индонезийские контексты. Трансплантируя концепцию «которого ХХ века» в исторические контексты Индонезии, во внимание следует принимать конкретное «наполнение» этого понятия, когда оно применяется для изучения западной и американской истории. Эрик Хобсбаум и его сторонники в качестве системных особенностей и характеристик «короткого ХХ века» выделяли 1) тотальную конфронтацию в том числе и в военной форме; 2) революцию в России, которая привела к установлению коммунистического режима; 3) общий кризис либеральной идеологии в контекстах усиления авторитарных тенденций, что вело к появлению и сохранению (до 1970-х гг.) недемократических режимов на территории, например, Южной Европы; 4) экономический спад в рамках «Великой депрессии»; 5) деколонизацию, распад империй и появление новых национальных или национализирующихся государств, формирующих «третий мир»; 6) послевоенный экономический подъем и последовавшие за ним кризисы; 7) возникновение, прогресс, кризис и падение левой альтернативной модели развития.

Из этих семи характеристик большая часть может быть обнаружена в социальной, экономической, политической, культурной и интеллектуальной истории Индонезии с 1928 по 1998 г. Двумя моделями реализации таких трансформаций стали политические режимы Сукарно (1945 – 1967) и Сухарто (1967 – 1998), а идеологической концепцией, призванной легитимировать и мотивировать такие перемены, стал индонезийский национализм. Последний актуализировал большую часть идей, история которых в той или иной степени связана именно с «коротким ХХ веком», включая саму идею освобождения раннее угнетенной группы, создание и развитие национального государства и

государства-нации, примат национализма в политической и идеологической сфере, жесткая оппозиция левым идеям, проведение политики модернизации при активном участии государства в рамках авторитарной модели. В рамках подобного восприятия содержательное наполнение «короткого XX века» в Индонезии может быть редуцировано до националистической социально-политической модернизации, реализованной в рамках фактически двух недемократических режимов в условиях активного применения как националистической риторики, так и конфронтации между светскими националистическими элитами и исламской альтернативы.

Социальная история «короткого XX века». Рассматривая эти системные особенности «короткого XX века» в Индонезии, во внимание следует принимать ряд факторов, которые самым существенным образом влияли на векторы и траектории развития. Эти процессы относительно детально описаны в историографии, но большинству работ [1], сфокусированных на конкретных направлениях социальной, политической и экономической истории, сводимой к модернизации, явно не хватает теоретических оснований. Для Индонезии раннего «короткого XX века», если мы признаем уместность этого термина, была характерна особая социальная структура. Если значительная часть других колониальных обществ представляла собой социумы с неполными социальными структурами, частично недоразвитыми или полностью отсутствующими институтами, то в Индонезии к 1920-м гг. сложилась другая ситуация.

Стартовые условия для исторической и политической динамики «короткого XX века», которые совпали с началом активного развития националистического движения и деятельности националистов-активистов, выступавших за политическое освобождение и национальный суверенитет Индонезии, соотносятся как хронологически, так и процессуально с важными социальными трансформациями на уровне общественных структур, институтов и отношений колониального общества. Что касается социальной структуры индонезийского населения, то в этом контексте во внимание следует принимать два фактора. С одной стороны, значительную роль в жизни индонезийцев играл ислам [2]. С другой, в Индонезии начинались трансформационные процессы, которые привели к эрозии традиционных социальных полусословных групп, которые существовали в различных регионах Индонезии ранее. Таким образом, к началу «короткого XX века», социальная структура индонезийского общества успела в значительной степени измениться. Эта трансформация, механизмы которой были запущены колониализмом, сделала возможным последующую модернизацию в рамках националистической модели.

В этом контексте особую актуальность обретает вопрос, что из себя представляло индонезийское общество во второй половине 1920-х гг., то есть в годы, которыми мы датируем нижнюю хронологическую границу «короткого XX века» на территории Индонезии. В индонезийском обществе существовало несколько социальных групп, но выделение этих групп как социальных носит в значительной степени условный характер, потому что такое деление основывается не на особенностях социального статуса, не на различных имущественные правах и характеристиках, не на разном и неравномерном доступе к экономическим и политическим ресурсам. Вместе с тем, во внимание все же следует принимать и социальный фактор, так как различный доступ как к реальным экономическим, так и символическим политическим ресурсам фактически институционализировал в обществе систему множественного и гетерогенного неравенства [3]. Основным критерием, который позволяет нам выделять в рамках индонезийского общества [4], три группы – сантри, абанган и прияи – является отношение представителей этих групп к исламу. Сантри представляли собой верующих и

практикующих мусульман, которые следовали нормам ислама и старались выполнять предписания шариата. Абанган представляли формальных мусульман, в повседневной жизни которых ислам играл, конечно, важную, но все-таки второстепенную роль в сравнении с местными региональными доисламскими верованиями и традициями. Что касается приая [\[5\]](#), то они развивались как группа, представленная сословными элементами [\[6\]](#), связанными с политическими элитами. Таким образом к началу «короткого XX века» индонезийское общество было не просто в значительной степени фрагментированным и гетерогенным с социальной точки зрения, хотя социальность пересекалась с религиозностью.

«Короткий XX век» как историческое время новых социальных групп. В рамках этого социума начинаются процессы формирования новых групп. В 1920-е гг. динамично формируются две новые социальные группы группы, которые ранее отсутствовали или были маргинальны в силу своей малой численности. Первой такой группой стал формирующийся и активно увеличивающийся индонезийский рабочий класс, что было связано, конечно же, с фактором голландского колониализма [\[7\]](#), который был основным стимулом для социально-экономических трансформаций [\[8\]](#) региональной экономики, призванной обслуживать интересы метрополии.

Несмотря на неравноправный характер отношений между Нидерландами и их колониями, включая Индонезию, влияние Голландии на местное население в определенной степени носило прогрессивный характер, так как содействовало размыванию и разрушению традиционных социальных групп и эрозии традиционной модели социальных отношений, основанной в большей степени на уровнях и глубине проявления мусульманской религиозности, а не на классовых статусах и особенностях. Поэтому на смену сословным группам или социальным категориям сословного типа постепенно приходили новые слои населения, которые в западном понимании могут быть определены как новые классы. Первым из них стал рабочий класс. Второй возник несколько позднее и был представлен молодыми политически активными и агрессивными представителями национального движения. Если генезис пролетариата мы можем локализовать в социальной истории городского населения, то националисты как отдельная политическая группа раннее никогда не существовали.

Возникновение национализма и его последующее развитие национализма [\[9\]](#) стали теми факторами, которые на протяжении «короткого XX века» определяли основные векторы и траектории развития общества. Именно националисты как новая социальная категория индонезийского общества, оказалась связанный как с сантри, так и с приая. Представители этого нового, динамичного развивающегося социального слоя, получили образование в Европе, как правило, в Нидерландах, привезя в Индонезию европейские идеи, в первую очередь – ценности политического и гражданского национализма. Таким образом, эти две новые формирующиеся группы, представленные рабочим классом и новым активным слоем динамично растущих националистов, стали теми слоями, которые фактически запустили механизмы социальных, политических и экономических трансформаций на территории Индонезии. В подобной ситуации, начиная с конца 1920-х гг. основной тенденцией в истории «короткого XX века» на территории Индонезии, становится развитие индонезийского политического национализма.

«Короткий XX век» как время националистической модернизации Индонезия имеет развитые традиции национализма [\[10\]](#), но в центре авторской рефлексии в представленной статье не событийное измерение истории индонезийского национализма

[\[11\]](#), но в большей степени теоретические вопросы его функционирования на протяжении «короткого XX века». Национализм оказался настолько успешен и эффективен, что был в состоянии запустить механизмы националистической мобилизации и, связанной с ней, модернизации индонезийского социума, автоматически стимулируя и легитимируя широкие изменения социального, культурного и политического плана. Таким образом, националисты как носители идеологии национализма, автоматически содействовали созданию как индонезийской политической и этнической нации, так и определяли ее социальные структуры на уровне деления общества на различные группы.

Анализируя эти социальные компоненты истории «короткого XX века», во внимание, конечно же, следует принимать и определенную генетическую преемственность между старыми группами, представленными сантри и абанган и теми новыми классами, которые возникали и динамично развивались в рамках индонезийского общества. Вместе с тем, традиционные группы, которые модернизирующиеся Индонезия унаследовала от своей колониальной предшественница, конечно же, формально продолжали существовать и в последующие годы. Однако именно модернизация стала тем стимулом, который содействовал постепенному размыванию и разрушению границ между этими группами, которые были не просто социально-экономическими, но и сословно-политическими. В этом отношении история «короткого XX века» в Индонезии, если мы ее редуцируем до истории национализма, может быть описана в категориях модернизации.

Поэтому, как национализм, так его предлагаемый националистами модернизацыйный проект сыграли ведущую роль став, теми факторами, которые стимулировали прогрессивные изменения. Анализируя историю «короткого XX века» в Индонезии через призму теории модернизации и развития национализма, следует принимать во внимание и то, что национализм, который запустил модернизацыйный механизмы, став стимулом для социальных, экономических, политических и культурных изменений, не был единственным фактором прогрессивного развития на территории Индонезии. Другим, не менее важным, а пожалуй, даже более важным фактором, который оказывал самое существенное влияние как на социальные, так и политические процессы в Индонезии был ислам.

Несмотря на то, что национализм и исламизм фактически развивались параллельно и одновременно, «глубина, с которой эти дискурсы обсуждались и с которыми соглашалась интеллектуальная элита, была асимметричной. Сильные националистические дискурсы способствовали созданию ключевого политического инструмента, с помощью которого можно было объединить людей разных этнических, расовых и религиозных групп... в дебатах о дискурсе исламской идентичности... не было консенсуса как среди мусульманских ученых, так и между исламистами и светскими националистами» [\[12\]](#). Несмотря на эти объективные противоречия, к 1920-м гг. индонезийский ислам успел получить не только опыт развития в качестве религиозного учения, но и актуализировал потенциал собственного политического участия. К тому времени существовали первые формально общественные, но фактически политические организации, основной состав участников которых составляли верующие мусульмане. Ислам воспринимался значительными слоями индонезийского общества, в первую очередь, верующими практикующими мусульманами, сантри, как важный фактор как социального развития, так и политического национального освобождения.

«Короткий XX век»: ценности уммы и принципы нации Для ситуации индонезийского «короткого XX века» характерна уникальная ситуация, в основе которой лежала не только конкуренция между двумя диаметрально противоположными идеологиями. Первой

идеологией в этой дилемме политического развития стал привнесенный с Запада национализм. Второй идеологией являлся политический ислам, но когда мы анализируем социальную и религиозную динамику взаимоотношений между этими системами в индонезийском обществе на протяжении «короткого XX века», во внимание следует принимать то, что в ряде случаев политический национализм и политический ислам фактически играли очень близкие или даже идентичные роли в политических процессах.

Принимая во внимание то, что сама концепция «короткого XX века» генетически восходит к интерпретационным моделям, призванным описывать историю Запада, то следует помнить, что на протяжении этого исторического времени религия существенно ослабила свои позиции в сравнении со светскими идеологиями и научным мировоззрением. «Короткий XX век» в Индонезии демонстрирует иные векторы развития ислама, так как «в странах, где он является основной религией, его власть над людьми за последние сто лет не уменьшилась, а в некоторых случаях окрепла» [\[13, р. 23\]](#). Если националисты боролись за национальное и социальное освобождение, за создание независимой Индонезии как государства-нации, то в значительной степени схожие задачи перед собой ставили и сторонники политического ислама с той лишь разницей, что они не только стремились к созданию независимой Индонезии, но и воспринимали население этой будущей страны не просто в качестве индонезийских граждан, но как мусульман, то есть членов уммы. Ислам в такой ситуации позиционировался как системный элемент будущей независимой индонезийской государственности [\[14\]](#).

Таким образом, опыт исторического развития индонезийского ислама на протяжении «короткого XX века» демонстрирует адаптивный политический потенциал, так как идеология исламизма фактически была призвана артикулировать интересы верующих на уровне политических и социальных институтов и отношений в рамках индонезийского общества, которое развивалось, с политической точки зрения, как светское. В этом контексте истории Индонезии «короткого XX века» представляется не только историей конкуренции между исламизмом и политическим национализмом, но и развитием противостояния между двумя успешными проектами – проектом политической гражданской индонезийской нации и проектом уммы, которая оказалась не менее успешной на фоне активизация националистов.

Ранняя независимая Индонезия «короткого XX века»: поиски модели развития. Эта конфронтация националистов и верующих привела к тому, что, начиная с середины 1940-х гг., отношения между этими ранее союзовыми социальными группами, оказываются в значительной степени нарушенными. Поэтому история «короткого XX века» может быть редуцирована до интеллектуальной истории национализма или истории идей политического ислама [\[15\]](#). Этому содействовало создание независимой Индонезии в 1945 г., что, однако не привело к ее превращению в Исламское государство, а ислам не был упомянут в качестве основы политической и государственной системы, на что рассчитывали исламисты. Утверждение светской модели привело и к игнорированию законов шариата, которые воспринимались сторонниками политического ислама как основа будущей индонезийской государственности на правовом уровне.

Поэтому история индонезийской модернизации на протяжении «короткого XX века» фактически может быть описана в категориях конкуренции, противостояния двух модернизационных по своей природе проектов – светского националистического и религиозного исламского. Если Индонезия, в которой к власти в 1945 г. приходят светские националисты, оказалась склонной к реализации технократической модели управления и решения конкретных задач, связанных с развитием индонезийской

экономики, то на противоположном идеологическом полюсе находились индонезийские исламисты, которые также предприняли попытку создания параллельных государственных структур. Последнее привело к провозглашению Исламского государства Индонезия, но к середине 1960-х гг. этот проект был ликвидирован.

Авторитаризм «короткого XX века». Вместе с пресечением угрозы со стороны радикального политического ислама, в условиях глубокого политического кризиса, в Индонезии был отстранен от власти первый лидер – президент Сукарно [\[16\]](#), на смену которому пришел Сухарто [\[17\]](#). Последний выстраивал свой политический режим как авторитарный и в значительной степени антиисламистский. В этой ситуации в основу развития режима в качестве его системной парадигмы был положен в первую очередь индонезийский политический гражданский национализм с характерным для него технократическим подходом к управлению [\[18\]](#). Вместе с тем, особенно на раннем этапе, Сухарто активно использовал насилие [\[19\]](#). Именно последнее активно практиковалось в качестве универсальной формы коммуникации между режимом и той частью общества, которая его не принимала или отказывалась это делать. Наряду с борьбой, направленной против радикального ислама, Сухарто, опиравшийся в проведении такой политики на вооруженные силы [\[20\]](#), ликвидировал и левую угрозу.

Поэтому, если первая половина «долгого XX века» прошла под знаком усиления и развития индонезийского коммунизма [\[21\]](#), то его вторая половина – фактически в условиях отсутствия левой альтернативы. В такой ситуации политический проект модернизации обезопасил себя от угроз слева, но был вынужден реагировать на вызовы со стороны политического ислама. Склонность к авторитарным моделям управления привела к консервации политического режима, в первую очередь – элит [\[22\]](#), установленного в середине 1960-х гг. именно с помощью насилия [\[23\]](#). Режим «корба» или «нового порядка» [\[24\]](#), тем не менее, оказался относительно эффективным, несмотря на характерную для него коррупцию, экономические и социальные проблемы [\[25\]](#). Именно начиная с 1970-х гг. Индонезия стала активно практиковать привлечение иностранных инвестиций, что вело к вынужденной перестройке как инфраструктуры, так и всей системы социальных экономических отношений и институтов, стимулируя миграцию в города, что существенно меняло структуру социума.

Важнейшим фактором таких изменения стала индустриализация, запущенная в Индонезии в 1980-е гг. [\[26\]](#). Комментируя особенности режима «нового порядка», Э. Рэйд полагает, что «Индонезия Сухарто занимала последнее место в рейтинге политических и гражданских свобод, и ее правительство не включило их в список национальных приоритетов. Права человека действительно стали проблемой в эпоху реформ после Сухарто, начиная с 1998 года, но именно консерваторы чаще ссылались на индонезийские традиции, в то время как правозащитники искали личные свободы как неотъемлемый аспект той универсальной современности, к которой они стремились. Другими словами, свобода как ключевая концепция, скорее всего, воспринималась как западная или современная и редко как индонезийская по своей сути» [\[27, р. 105\]](#). Такая ситуация, которая сложилась в Индонезии на протяжении второй половины «короткого XX века», стала фактически отражением исторически возникшей дихотомии, основанной как на одновременном софункционировании, так и на параллельном противостоянии ценностей национализма и политического ислама.

«Короткий XX век»: цикличность вызовов и угроз. Следствием развития

авторитарного этапа в истории «короткого XX века» в Индонезии стало усиление ее экономики, начиная с 1980-х гг., что, правда, может быть объяснено не успехами авторитарных элит, но общей благоприятной экономической конъюнктурой. Тем не менее, в условиях подобного экономического роста Индонезия к концу «короткого XX века», условно датируемому 1998 г. [28], сталкивается уже с новыми угрозами и вызовами. В данном случае перед политическими элитами «нового порядка», постепенно подверженного упадку и стагнации, становится задача решения этих проблем, которые исходили из условно «новых» вызовов. Правда, эти угрозы только формально мы можем определить как «новые», потому что фактически они были представлены тем же политическим исламом, который отличался от более раннего предшественника только тем, что пришло другое поколение исламистов, а лозунги исламизации практически не изменились.

В этой ситуации авторитарный режим Сухарто, который на раннем этапе функционировал как антиисламистский, начиная с 1990-х гг., постепенно подвергался умеренный исламизации и, таким образом, к концу «короткого XX века», то есть к 1998 г., Индонезия оказывалась в ситуации, которая напоминала стартовые условия, в которых индонезийское общество вступило в «короткий XX век». Комментируя «короткий XX век» в целом, Э. Хобсбаум подчеркивал отсутствие «серьезных сомнений в том, что в... начале 1990-х годов закончилась одна эпоха в мировой истории и началась другая» [29, р. 12]. Это допущение представляется вполне уместным для исторического процесса в Индонезии, так как уход Сухарто и начало демократического транзита существенно изменили основные векторы и траектории развития страны. Индонезийское общество, таким образом, оказывается уже в значительной степени другим и отличным от общества второй половины 1920-х гг., но оно продолжало оставаться фрагментированным в контекстах сохранения формального разделения на сантри и абанган.

Вместе с тем, эти группы утрачивают свои социальные статусные статусы, так как большую роль начинают играть политические и идеологические противоречия, связанные, в первую очередь, с конкуренцией между двумя доминирующими идеологическими дискурсами, представленными политическим национализмом и политическим исламом. Таким образом, социально-экономическая, политическая и интеллектуальная история «короткого XX века» в Индонезии прошла в условиях доминирования целей и задач модернизации, осуществление которой было отягощено конкуренцией между двумя ее альтернативными версиями, ограниченными светским национализмом и политическим исламом.

Выводы. Концепция «короткого XX века» может применяться для изучения новейшей истории Индонезии, но при этом во внимание необходимо принимать ее многоуровневый характер, что проявляется в наличии у данного историографического подхода как сильных, так и слабых сторон.

Несколько факторов актуализируют сильные стороны концепции «короткого XX века» для ее ее трансплантации в индонезийские исторические контексты.

Анализируя историю Индонезии через призму «короткого XX века», мы вынуждены принимать во внимание параллельное действие ряда факторов. Национализм в XX веке стал одной из универсальных политических идеологий, а социально-экономическая и политическая логика развития исторического процесса обеспечивает историков многочисленными примерами, когда именно национализм играл ведущую роль в определении основных векторов и траекторий развития общества. Использование подобной интерпретационной модели способствует расширению наших представлений о

социальной, экономической и политической новейшей истории Индонезии. Таким образом, мы можем рассматривать ее не просто через призму событийной, исключительно политической, истории, но сама концепция «короткого XX века» позволяет рассматривать историю Индонезии более конкретно и более сжато. Это дает возможность иначе расставлять исследовательские акценты, концентрируя внимание именно на социальной составляющей или религиозной компоненте процессов политической модернизации. В этом контексте, если мы используем потенциал исторического ревизионизма, политический режим Сукарно, представленный «направляемой демократией» и «новый порядок» Сухарто выглядят более сложно, чем представлялось в предшествующей историографии. Таким образом, концепция «короткого XX века» позволяет нам в одинаковой степени учитывать как достижения ранней историографии, которая накопила значительный опыт в интерпретации событийной компоненты истории 20 века, так и актуализирует возможность применить достижения в большей степени теоретических работ, представленных исследованиями, посвященными процессам модернизации и развития национализма.

Наряду с интерпретационным потенциалом изучаемой концепции во внимание следует принимать и ее слабые стороны.

Историческая концепция возникла на Западе и, вероятно, именно поэтому она активно используется для изучения именно западной истории. Поэтому попытки ее трансплантации в незападные, в данном случае – индонезийские, контексты может носить искусственный характер. В такой ситуации потенциал компаративного подхода актуализирует свой ситуативный характер, что создает опасность сближения и сравнения индонезийского и западного исторического опыта, неподкрепленного достаточным материалом, представленным социальной и экономической историей.

В целом, в сложившейся историографической ситуации не представляется возможно исключать того, что их потенциал концепции «короткого 20 века» окажется востребованным последующими поколениями историков, которые будут рассматривать историю Индонезии комплексно и междисциплинарно через призму одновременного и параллельного соразвития светских и религиозных институтов и стоящих за ними форм идентичностей.

Библиография

1. Vickers A. A History of Modern Indonesia. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 306 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511801020>
2. Woodward M. Java, Indonesia and Islam. Heidelberg: Springer, 2010. 275 p.
3. Zwart P. de, Inequality in late colonial Indonesia: new evidence on regional differences // Cliometrica. 2022. Vol. 16. P. 175-211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11698-020-00220-3>
4. Ali M. Categorizing Muslims in Postcolonial Indonesia // Moussons. 2007. No 11. P. 33-62. DOI: <https://doi.org/10.4000/moussons.1746>
5. Brenner S. Competing Hierarchies: Merchants and the Priyayi Elite in Solo, Central Java // Indonesia. 1991. No 52. P. 55-83. DOI: <https://doi.org/10.2307/3351155>
6. Sutherland H. The Priyayi // Indonesia. 1975. No 19. P. 57-77. DOI: <https://doi.org/10.2307/3350702>
7. Indonesian Economic History in the Dutch Colonial Era / Ed. A. Booth, W.J. O'Malley, A. Weidemann. New Haven: Yale University Press, 1990. 369 p.
8. Dick H. The Emergence of a National Economy: An Economic History of Indonesia,

- 1800–2000. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. 304 p.
9. *Kartodjirdjo S.* Some Problems on the Genesis of Nationalism in Indonesia // Journal of Southeast Asian History. 1962. Vol. 3. No 1. P. 67-94.
10. *De Silva M., Lai Yew Meng,* The Roots and Evolution of Nationalism in Indonesia // Akademika. 2021. Vol. 91. No 3. P. 93-104. DOI: <https://doi.org/10.17576/akad-2021-9103-08>
11. *Кирчанов М.В.* Национализм и модернизация в Индонезии в XX веке. Воронеж: Научная книга, 2009. 250 с.
12. *Yuliantri R.D.A., Suwignyo A.* Revisiting the ideological negotiation of Indonesian identity, 1900–1942 // Politics, Religion & Ideology. 2024. January 5. URL.: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21567689.2023.2301560?src=DOI>: <https://www.doi.org/10.1080/21567689.2023.230156>
13. *Gellner E.* Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals. L. – NY.: Penguin Group, 1996. P. 23. 240 p.
14. *Кирчанов М.В.* Исламское Государство Индонезия (1949–1962 гг.) как параллельная и альтернативная форма развития индонезийской государственности // Исламоведение. 2022. № 4. С. 30-42.
15. *Federspiel H.* Indonesian Muslim Intellectuals of the Twentieth Century. Singapore: National University of Singapore Press, 2006. 96 p.
16. *Setiadi A.* Soekarno Bapak Bangsa. Yogyakarta: Palapa, 2013. 180 hlm.
17. *Elson R.* Suharto: A Political Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 389 p.
18. *Lane M.* Unfinished Nation. Indonesia Before and After Suharto. L. – NY.: Verso Books, 2008. 312 p.
19. Violence and the State in Suharto's Indonesia / ed. *B. Anderson*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 247 p.
20. *Federspiel H.* The Military and Islam in Sukarno's Indonesia // Pacific Affairs. 1973. Vol. 46. No 3. P. 407-420.
21. *Mortimer R.* Indonesian Communism Under Sukarno: Ideology and Politics, 1959–1965. Jakarta: Equinox Publishing, 2006. 464 p.
22. *Jenkins D.* Suharto and His Generals. Indonesian Military Politics, 1975–1983. NY.: Equinox Publisher, 2010. 330 p.
23. *Robinson G.* The Killing Season: A History of the Indonesian Massacres, 1965–1966. Princeton: Princeton University Press, 2018. 456 p.
24. *Legge J.D.* Suharto's New Order // International Affairs. 1968. Vol. 44. No 1. P. 40–47.
25. *Vatikiotis M.* Indonesian Politics Under Suharto: Order, Development, and Pressure for Change. L. – NY.: Routledge, 1993. 220 p.
26. *Puspitawati E.* South-South Integration and the SDGs: Enhancing Structural Transformation in Key Partner Countries of the Belt and Road Initiative // United Nations Conference on trade and development. NY.: UNO, 2021. URL.: https://unctad.org/system/files/official-document/BRI-Project_RP07_en.pdf
27. *Reid A.* To Nation by Revolution: Indonesia in the 20th Century. Singapore: National University of Singapore Press, 2011. 360 p.
28. *Eklöf S.* Indonesian Politics in Crisis: The Long Fall of Suharto, 1996–1998. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies Press, 1999. 272 p.
29. *Hobsbawm E.* The Age of Extremes. A History of the World, 1914–1991. L. – NY.: Knopf Doubleday Publishing Group, 1996. 627 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня многочисленные эксперты – философы, социологи, политологи – говорят о завершении периода европоцентризма, или, вернее сказать, атлантикоцентризма. Ближайшие годы покажут справедливо ли это мнение, ведь еще сто лет назад О. Шпенглер рассуждал о «закате Европы». В то же время даже современный школьный учебник всеобщей истории, да и в общем-то вузовские учебники истории на профильных специальностях прежде всего насыщены информацией по истории Европы и Америки, уделяя гораздо меньше внимания Азии и Африке. Более того, во многом наши исторические подходы (в том числе, и концепция К. Маркса) наполнены именно европоцентрическим смыслом, в связи с чем представляется важным обратиться к изучению различных западных концептов применимо к азиатско-африканскому региону. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является концепция «короткого XX века» как одна из моделей теоретического переосмысление исторического опыта Индонезии. Автор ставит своими задачами проанализировать историю Индонезии через призму ее интеграции в теоретические подходы, предложенные в рамках концепции «короткого XX века», показать сильные и слабые стороны этого понятия для изучения исторического опыта Индонезии, рассмотреть ограничения, которые объективно возникают в силу того, что данная модель объяснения была предложена для описания и написания истории Запада, выявить «перспективы использования концепции «короткого XX века» как одного из «больших нарративов» для изучения истории Индонезии».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать возможность применения концепта «короткого XX века» применимо к индонезийской истории.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 30 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы. Из используемых автором трудов укажем на работы М.В. Кирчанова, А. Виккерса, М. Вудварда, Д. Дженкинса, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения индонезийской истории. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Индонезии, в целом, так и западными подходами к истории Индонезии, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет

актуальность темы, показывает, что «содержательное наполнение «короткого ХХ века» в Индонезии может быть редуцировано до националистической социально-политической модернизации, реализованной в рамках фактически двух недемократических режимов в условиях активного применения как националистической риторики, так и конфронтации между светскими националистическими элитами и исламской альтернативы». Автор обращает внимание на то, что «триумф идей национализма и политической модернизации самым существенным образом повлиял на векторы и траектории политического и социально-экономического развития страны, что позволяет нам определять период с 1928 («Клятва молодежи») по 1998 г. (завершение периода «нового порядка») как индонезийский «короткий ХХ век». В работе показаны, как интерпретационный потенциал рассматриваемой концепции, так и ее слабые стороны.

Главным выводом статьи является то, что «потенциал концепции «короткого 20 века» окажется востребованным последующими поколениями историков, которые будут рассматривать историю Индонезии комплексно и междисциплинарно через призму одновременного и параллельного соразвития светских и религиозных институтов и стоящих за ними форм идентичностей».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В тоже время к статье есть отдельные замечания:

1. В тексте имеются опечатки (например, «автор анализирует концепцию «короткого ХХ века» как как одну из моделей теоретического переосмысление исторического опыта Индонезии», «Второй возник несколько позднее и был представлен молодые политически активными и агрессивными представителями национального движения» и т.д.).

2. В тексте имеются разнотечения в написании дат («XX век», «20 век»).

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью «Концепция «короткого ХХ века» как интерпретационная модель для изучения социально-политической истории Индонезии».

Предмет исследования обозначен в названии и раскрыт в тексте статьи.

Методология исследования основывается на принципах объективности, научности и системности. Данная статья опирается на достижения исторической в рамках междисциплинарной историографии второй половины ХХ века. Автор рецензируемой статьи пишет, что «анализируя перспективы и особенности трансплантации западных историографических концепций в индонезийские исторические контексты, во внимание следует принимать то, что последние могут быть описаны при помощи понятия «короткий ХХ век»». А «Само явление «короткого ХХ века» в индонезийском контексте, с одной стороны, необходимо анализировать с применением того инструментария, который был предложен в рамках интеллектуальной истории, истории идеи и археологии идей и т.д.. С другой стороны, следует использовать концепции, которые ранее были предложены исследователями модернизации и национализма». Автор статьи подчеркивает, что такой

подход эффективен, т.к. «обеспечивают историков возможностью анализировать противоречия между социальными темпами и культурными скоростями как исторического развития Индонезии, так и интеграции гуманитарного знания этой страны в западные контексты, что достигается при помощи трансплантации достижений западной историографии в практики и стратегии историонаписания, используемые индонезийскими историками».

Актуальность темы определяется тем, что история Индонезии рассматривалась через призму западных теоретических конструкций,» большая часть которых была связана с междисциплинарными исследованиями национализма, а исторический опыт интерпретировался в контекстах таких концепций как «воображение сообществ» и «изобретение традиций». Эти теории в определенной мере претендовали на универсальность и использовались для анализа не только истории западных стран, но и восточных, в их числе и Индонезии. В статье анализируется «концепция «короткого века», охватывающая период 1918-1991 гг., которая активно применялась британским исследователем национализма, историком-марксистом Э. Хобсбаумом применительно к истории Индонезии. Цель автора рецензируемой статьи анализ «концепции «короткого века» как одну из моделей теоретического переосмысливания исторического опыта Индонезии новейшего времени.

Научная новизна статьи определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна определяется тем, что в статье фактически впервые исследуется всесторонне и глубоко исследуется применимость данной концепции в качестве интерпретационной модели для изучения исторического опыта Индонезии через призму развития национализма и процессов политической и социально-экономической модернизации.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, язык точный, ясный и эта ясность, и четкость помогает читателю воспринимать текст статьи достаточно легко. Структура работы логично построена и направлена на достижение цели и задач исследования. Структура работы состоит из следующих разделов: Введение; Индонезийская интеллектуальная ситуация; «Короткий 20 век» как универсалия исторического воображения; Методология; Географически и хронологические рамки; Цель и задачи; «Короткий XX век»: западные реалии и индонезийские контексты; Социальная история «короткого XX века»; «Короткий XX век» как историческое время новых социальных групп; «Короткий XX век» как время националистической модернизации; «Короткий XX век»: ценности уммы и принципы нации; Ранняя независимая Индонезия «короткого XX века»: поиски модели развития; Авторитаризм «короткого XX века»; «Короткий XX век»: цикличность вызовов и угроз; Выводы. Название разделом соответствуют их содержанию. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. Выводы объективны и вытекают из проделанной работы. Автор показывает сильные и слабые стороны концепции «короткого века» для изучения истории Индонезии новейшего времени.

Библиография работы показывает очень хорошее знание автором темы исследования и подготовлена на широком комплексе в основном англоязычных источников (числом 29) по теме и смежным темам, написанных в основном в последние годы (несколько работ написаны в 1990-ые годы) Библиография грамотно оформлена.

Апелляция к оппонентам представлена на Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации по теме исследования и полученных результатов. Апелляцией к оппонентам является также библиография работы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и вызовет интерес у специалистов.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Каледа Г.К. «Распутин - предатель»: формирование образа в 1914-1916 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69949 EDN: MGRHGK URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69949

«Распутин - предатель»: формирование образа в 1914-1916 гг.

Каледа Георгий Кириллович

ORCID: 0009-0005-5510-5971

аспирант, кафедра Истории России XIX века - начала XX века, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, пр. Ломоносовский, 27, корп. 4

✉ kaledageorge97@gmail.com

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69949

EDN:

MGRHGK

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2024

Аннотация: Автор статьи изучает процесс формирования образа «Распутин - предатель» в период Первой мировой войны. Негативный образ Григория Ефимовича стал формироваться задолго до 1914 г. Он был многогранным: сначала недоброжелатели Распутина считали его религиозным аферистом, который выдает себя за «божьего человека», затем его обвинили во вмешательстве в управление Церковью, а также во влиянии на кадровую политику верховной власти. С момента первых неудач на фронте в отношении Распутина стал формироваться образ предателя, который действует в интересах Германии. Механизмом популяризации данного имиджа стали слухи, газетные публикации и публичные выступления депутатов Государственной думы. Виновником формирования образа предателя в отношении Распутина во многом был он сам. «Старец» Григорий накануне Великой войны несколько раз в общении с прессой высказывался против участия России в Балканских войнах и ведения боевых действий как таковых. Данное исследование основано на принципе историзма, изучении письменных исторических источников: делопроизводственной документации, материалов

печати, источников личного происхождения. Весной 1915 года «Священное единение», провозглашенное думской оппозицией в самом начале войны, сменилось «патриотической тревогой», общественность стала искать внутренних врагов, началась шпиономания. В это же время Распутин привлек к себе внимание, устроив пьяный дебош в московском ресторане. Это послужило поводом для нападок на Григория Ефимовича и обвинении его в потворстве немцам. Важно отметить, что обвинения Распутина в предательстве были голословными, никаких доказательств представлено не было. Образ «Распутин - предатель» стал использоваться думской оппозицией, которая боролась за министерство общественного доверия. Все знали, что Распутин являлся другом царской семьи, поэтому объектом критики опосредованно становились царь и царица. Целью использования образа «Распутин - предатель» была попытка оказать влияние на принятие государственных решений императором и правительством.

Ключевые слова:

Григорий Распутин, образ, Первая мировая война, Государственная дума, шпиономания, предатель, темные силы, прессы, слухи, внешняя политика

Образ Григория Ефимовича Распутина стал формироваться в 1910 г., когда в прессе впервые появились публикации с однозначно негативной оценкой его личности. В течение следующих лет образ Распутина развивался, у него появлялись все новые черты. Этапы раскрутки образа «старца» Григория связаны с различными общественно-политическими событиями и скандалами, к которым он имел прямое или косвенное отношение. Формированию негативной репутации Распутина способствовали слухи, газетные публикации и публичные выступления депутатов Государственной думы.

Изначально у Распутина сложился образ сектанта, хлыста, который выдает себя за старца, «божьего человека», а на самом деле ведет греховный образ жизни. Затем у образа Григория Ефимовича появилась новая черта: его обвинили во вмешательстве в дела Церкви, что он якобы оказывает влияние на назначение архиереев. Во время Первой мировой войны неугодных оппозиции министров стали компрометировать связями с Распутиным. Их обвиняли в том, что своим назначением на должность они обязаны «старцу» Григорию.

Однако недоброжелатели Распутина пошли дальше. В ходе Великой войны он был заподозрен в предательстве. В данной работе будут проанализированы причины формирования образа «Распутин - предатель», механизм его раскрутки и то, как этот образ использовался для борьбы с верховной властью.

Предпосылки к формированию образа «Распутин - предатель» появились несколько раньше 1914 г. Первая Балканская война, начавшаяся в 1912 г., вызвала в России большой общественный резонанс. Сторонники панславистских идей полагали, что русское правительство должно помочь братским православным народам. Однако существовал и другой взгляд на эту проблему: России не следует принимать участие в военном конфликте.

Распутин тоже высказал свое мнение о боевых действиях на Балканах. 7 декабря 1912 г. в «Петербургской газете» было опубликовано с ним интервью. На вопрос журналиста, придется ли России втянуться в войну, Григорий Ефимович отвечал: «Господи сохрани и помилуй нас от этого. Дай Боже, чтобы Русь избежала этой напасти. Всякая война, даже

удачная, гибельна для дела любви и мира, для благодати Божией» [\[1, с. 192\]](#). Таким образом, Распутин впервые публично выразил свое мнение о внешней политике России.

Конфликт на Балканах был темой газетных публикаций на протяжении всего 1913 г. Григорий Ефимович еще в нескольких беседах с журналистами выступил как принципиальный противник войны [\[2, с. 2, 3, с. 377\]](#).

Таким образом, можно сказать, что у Распутина была четко сформулированная позиция, что Россия не должна принимать участия в войне на Балканском полуострове. Более того, он в принципе высказывался против ведения боевых действий как таковых. Можно утверждать, что Распутин самостоятельно начал формировать свой имидж противника войны.

Неоднократные выступления Распутина на тему внешней политики вызвали бурную реакцию в консервативных кругах общества. В начале 1914 г. в журнале «Отклики на жизнь», издававшемся московским проповедником священником Востоковым, противником «старца», появилась статья П. Н. Дурново – члена Государственного совета, лидера правых. Он писал, что Распутин «во время освободительной войны балканских христиан в 1912 г. с Турцией выступил не за Христа, а за лже-пророка Магомеда». Автор характеризовал «старца» как революционера, который хочет умалить престиж Российского государства, призывая его руководство «к предательству родных по духу братьев туркам и швабам» [\[3, с. 378\]](#). Мы видим, что своими публичными высказываниями Григорий Ефимович создал очередную конфликтную ситуацию вокруг своей персоны.

В обществе распространялись слухи о том, что Россия так и не вступила в войну на Балканах благодаря влиянию Распутина на царя. Русский представитель во Франции А. П. Извольский в своих воспоминаниях писал, что бывший премьер С. Ю. Витте, говорил ему, что главным идеологом политики невмешательства в военный конфликт был именно «старец» [\[5, с. 95\]](#).

Буквально за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, в конце мая 1914 г. Распутин вновь публично высказался о внешней политике России. На вопрос журналиста газеты «Новое время» о появившихся в прессе словах С. Ю. Витте об антивоенной позиции Распутина, которую разделял и сам бывший премьер, «старец» отвечал: «Достоинство национальное соблюдать надо, но оружием бряцать не пристало» [\[6, с. 284\]](#).

Можно сделать вывод, что у Распутина еще до начала Первой мировой войны сформировалась репутация человека с пацифистскими взглядами. Общественность априори воспринимала подобную позицию «старца» критически, потому что к Распутину уже было сформировано негативное отношение. Григория Ефимовича обвиняли в том, что он касался вопросов, к которым не имеет никакого отношения. Более того, было известно, что он общается с людьми из высших эшелонов власти, а значит он может оказывать влияние на формирование внешней политики страны.

Начало Первой мировой войны сопровождалось подъемом патриотических настроений. Общественность полностью поддержала царя и правительство в стремлении добиться безоговорочной победы над врагом. Атмосфера «Священного единения» была отмечена также и такими негативными явлениями как рост ксенофобии и шовинизма, проявлением ненависти по отношению к немцам. Помимо этого, предполагалось, что война продлится непродолжительное время. Однако общественные ожидания не оправдались. Гибель армии Самсонова в Восточной Пруссии, а также прекращения наступления в Галиции из-

за потерю и нехватки боеприпасов стали признаками затяжного военного конфликта.

После первых неудач на фронте в обществе появилось желание найти виноватых. В этот момент начинают распространяться слухи о предательстве. С изменой связывают самых ненавистных людей, одним из которых являлся Распутин. Жандармский генерал А. И. Спиридович писал, что уже в октябре 1914 г. по Петрограду стали распространяться слухи о том, что Распутин играет на руку немцам [\[7, с. 31\]](#).

Весной 1915 г. проблемы со снабжением русской армии усугубилась. Патриотическая эйфория от начала войны закончилась. На этом фоне постепенно в общественном сознании возникает миф о немецкой партии – группе людей, которая действует в интересах Германии, мешая России добиться победы в войне. Возникшую патриотическую тревогу представителей либеральной общественности отразил в своём дневнике французский посол в России М. Палеолог [\[10, с. 76\]](#). Неудачи русской армии на фронте заставили оппозиционную общественность также сомневаться в том, что правительство способно выиграть войну. Таким образом, можно говорить о возникновении двух факторов, которые по мнению общественности мешали России добиться победы в войне – это деятельность предателей, немецких агентов в русском обществе, а также профессиональная некомпетентность правительства.

На фоне негативных новостей с фронта и тревожной атмосферы в обществе 26 марта 1915 г. в Москве произошел скандал с участием Распутина. В ресторане «Яр» Григорий Ефимович устроил пьяный дебош. По мнению командующего Отдельным корпусом жандармов генерала В. Ф. Джунковского подобное поведение Распутина рассматривалось обществом как «открытое, демонстративное выступление немецкой партии, чувствующей за собой властную поддержку» [\[4, с. 563\]](#).

Выходка Распутина вызвала возмущение у многих людей. Московский священник И. И. Восторгов написал своему правящему архиерею – митрополиту Макарию, письмо. Священнослужитель полагал, что Распутин своим поведением дискредитирует власть, а значит играет на руку немцам, и является «злым предателем Отечества» [\[4, с. 631\]](#).

Вызывающее поведение «старца» стало дополнительным фактором, который способствовал росту ненависти к немцам. В конце мая 1915 г. в Москве случился немецкий погром. Одной из причин этого трагического события было бездействие властей, которым не удавалось обуздить общественные настроения. Стоит отметить, что правительство в некоторой степени само их подогревало, например, поддерживая переименование топонимов, которые имели немецкое происхождение.

В связи с московским немецким погромом ген. Джунковский в начале лета выступил с докладом на аудиенции у государя. Он рассказывал Николаю II о похождениях Распутина в Москве, выражая предположение о том, что Григорий Ефимович может являться «объектом, которым пользуются враги государства для гибели России и династии» [\[4, с. 570\]](#). С этого момента император знал: мнение о том, что Распутин является агентом немцев и его нахождение при дворе опасно во время войны, разделяет не только оппозиционная общественность, но и представитель высшей бюрократии.

Созыв Государственной думы летом 1915 г. вывел дискуссию о немцах-предателях в русском обществе на официальный уровень. Депутат А. Н. Хвостов от лица фракции правых выступил с трибуны Государственной думы с речью о необходимости борьбы с немецким засильем на государственном уровне [\[11, стб. 360\]](#). Хвостов говорил, что власть

должна реагировать на эту проблему, потому что народ начинает устраивать самосуды над немцами, что по мнению депутата является абсолютно недопустимым явлением. Помимо этого, Хвостов сетовал на то, что правительство равнодушно относится к проблеме немецкого засилья в России, поэтому этим вопросом должна заняться Дума [\[11, стб. 374\]](#). Депутат также констатировал тот факт, что в народе ходят слухи о предательстве, и о том, что власть коррумпирована немецкими деньгами. В данном случае речь шла о немецком капитале, который работал в том числе в оборонной промышленности.

17 августа 1915 г. в газете «Вечернее время» была опубликована статья, из которой читатель узнавал, что Распутин не только пользуется покровительством немецкой партии, но и пропагандирует в высших кругах общества необходимость заключения мира с немцами. Исходя из этого, автор статьи писал, что с влиянием «старца» необходимо покончить [\[12, с. 3\]](#). Таким образом, Распутин впервые был публично обвинен в измене национальным интересам России.

Разговоры в Думе о немецком засилье, публикации в прессе способствовали распространению слухов о предательстве Распутина. Тихомиров в конце августа фиксировал в своём дневнике, что в обществе говорят о помощи «старца» немецкому императору [\[13, с. 111\]](#).

После неожиданного распуска Думы в начале сентября общественное недовольство усиливалось из-за перебоев в снабжении городов продовольствием и роста цен. Атмосфера наполнялась всевозможными слухами, в том числе об измене [\[10, с. 156\]](#). В это время был назначен министром внутренних дел правый депутат Хвостов, который успел заработать репутацию германофоба. Говоря о своей программе в интервью газетам, новый министр выделял два главных пункта: борьба с дорогоизной и немецким засильем.

Впоследствии на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Хвостов рассказывал о мероприятиях, проведенных им в рамках борьбы с немецким засильем. По поручению министра была арестована фрейлина Васильчикова, которая привезла письма императрице Александре Федоровне от ее немецких родственников [\[14, с. 60\]](#). Помимо этого, Хвостов пытался бороться с Распутиным, который по его словам являлся орудием для шпионства, т. к. он был осведомлен обо всем, что происходило в Царском селе, и у него было очень легко узнать эту информацию.

Важнейшую роль Хвостова в создании образа «Распутин – предатель» отмечал генерал Спиридович. Он писал, что Хвостов был первым, кто начал распространять информацию о том, что «старец» – немецкий шпион. Между ними состоялся разговор, в котором министр убеждал начальника императорской дворцовой охраны в том, что в его распоряжении есть доказательства предательства Распутина. Как выяснилось впоследствии никаких фактических доказательств вины Распутина не было, министр опирался исключительно на слухи [\[7, с. 48\]](#).

Информация о мероприятиях Хвостова против «старца» быстро распространялась. Монархист Б. В. Никольский фиксировал в середине февраля 1916 г. слухи о том, что Хвостов борется с влиянием Распутина, пытаясь доказать царю, что Григорий Ефимович агент Германии [\[15, с. 245\]](#).

Стоит отметить, что большую роль в формировании устойчивого представления о том, что

Распутин является шпионом, сыграло окружение «старца». Неприятности для Григория Ефимовича начались с дела полковника С. Н. Мясоедова, которого подозревали в шпионаже. Этот человек попал под подозрения еще задолго до начала Первой мировой войны. Мясоедов был в близких дружеских отношениях с генералом В. А. Сухомлиновым, который оказывал протекцию полковнику. В 1912 г. после публикации в прессе ряда обвинительных материалов, в отношении Мясоедова началось расследование. Однако выяснилось, что фактические доказательства вины полковника отсутствуют. Эта история хронологически совпала с давлением власти на прессу в связи с кампанией против Распутина. Благодаря этому, в восприятии общественности эти личности оказались связаны [16, с. 420].

В апреле 1915 г. Мясоедов был казнен по обвинению в шпионаже. В сущности, достаточных доказательств его вины вновь не было обнаружено. Однако репутация полковника сыграла свою роль в условиях всеобщей шпиономании во время войны [17, с. 115]. Дело Мясоедова отразилось на имидже не только военного министра Сухомлина, но и Распутина, которых также подозревали в причастности к измене.

Дело Мясоедова сыграло большую роль в развитии шпиономании и дискредитации верховной власти. М. Палеолог писал в дневнике о том, что армия настороженно встречала императора весной 1915 г. Причиной этому стали слухи о том, что ближайшее окружение царя имеет отношение к измене [2, с. 292]. Прежде всего это касалось военного министра.

Несмотря на заслуги и профессионализм, к Сухомлинову существовало устойчивое отрицательное отношение в обществе. Дело в том, что еще до 1914 г. он был замешан в нескольких скандальных историях. В 1912 г. его критиковал А. И. Гучков. Хронологически это совпало с атаками лидера октябристов на Распутина [18, с. 281]. После начала войны именно Сухомлина стали считать одним из главных виновников катастрофической нехватки снарядов в русской армии. Власть пошла навстречу общественному мнению, и в начале лета 1915 г. крайне непопулярный Сухомлинин был уволен с поста военного министра. Менее года спустя, в апреле 1916 г. бывший министр был арестован по подозрению в коррупции, преступном бездействии и шпионаже. Несмотря на обвинения в таких тяжких преступлениях в октябре 1916 г. перед самым открытием Думы он был переведён из тюрьмы под домашний арест [19, с. 246]. Это решение власти было воспринято как снисхождение к предателю. Для общественности это стало еще одним доказательством того, что в окружении царя есть люди, которые лоббируют заключение мира с немцами [20, с. 543].

В 1916 г. было начато расследование в отношении близкого к Распутины банкира Д. Л. Рубинштейна, которого подозревали в шпионаже. Этот человек был миллионером, имел репутацию афериста, который коррумпирует чиновников, оказывает влияние на прессу. Во время войны он проводил финансовые спекуляции с капиталами немецкого происхождения. Для расследования преступлений банкира была создана специальная комиссия генерала Н. С. Батюшина, который занимался контрразведкой [16, с. 304]. Дело Рубинштейна привлекло большое общественное внимание. Протопресвитер Георгий Шавельский писал в воспоминаниях, что в марте 1916 г. он ездил на фронт, где только и говорили о деле Рубинштейна. Все понимали, что расследование неизбежно приведет к Распутины [21, с. 23]. Доказательства вины банкира были собраны, однако он был отпущен из под стражи. Это вызвало всеобщее возмущение. Освобождение Рубинштейна стало предметом обсуждения в Государственной думе.

Рубинштейн был не единственным представителем финансовых кругов в окружении Распутина. И. П. Манус также являлся крупным бизнесменом, который использовал знакомство с Распутным в своих корыстных интересах. Эти состоятельные люди часто посещали квартиру «старца» на Гороховой улице, дарили ему дорогие подарки, жертвовали крупные суммы денег [\[22, с. 346\]](#).

Близость с Распутиным была в глазах общественности, с одной стороны, дополнительным доказательством того, что капитал этих людей заработан нечестным путем. Всех раздражало такое неконкурентное преимущество. С другой стороны, Распутин тоже нес репутационный ущерб от знакомства с людьми, которых все считали мошенниками и аферистами. Это давало основания общественности думать, что «старец» замешан в преступном бизнесе этих предпринимателей, что он за деньги лоббирует их интересы в высших эшелонах власти. Генерал Д. Н. Дубенский зафиксировал с своим дневнике разговор с предпринимателем из финансовых кругов, который рассказывал генералу о близости банкира Мануса с немцами, от которых он получал деньги. Именно на эти средства якобы содержался Распутин [\[23, с. 391\]](#).

Стоит также упомянуть И. Ф. Манасевич-Мануйлова, который был секретным агентом департамента полиции. Пользуясь своей информированностью, этот человек занимался шантажом, вымогательством [\[16, с. 267\]](#). С 1906 г. он стал работать журналистом. Когда же Штурмер был назначен премьер-министром, Мануйлов официально занял должность его помощника. Он был ответственным за охрану Распутина [\[14, с. 281\]](#). В августе 1916 г. Мануйлов был арестован за вымогательство крупной суммы денег у банка. Однако вскоре его отпустили. Такое решению было принято благодаря влиянию Распутина [\[24, с. 89\]](#).

Слухи о том, что Распутин является шпионом, затронули и армию. В своих мемуарах о. Георгий Шавельский зафиксировал эпизод, как в начале мая 1916 г. генерал А. А. Гернгресс в присутствии командующего армией, множества офицеров и солдат высмеял Распутина. Его шутка была поддержана всеми присутствовавшими [\[21\]](#). Это свидетельствовало об отсутствии уважения к императору, т. к. всем было известно, что «старец» – это близкий к царской семье человек.

Мнение о негативном влиянии распространения слухов о Распутине на боевой дух русской армии разделял и генерал А. А. Брусилов. Он писал, что в офицерской среде постоянно обсуждали императрицу, Распутина, его влияние на смену министров. Однако по оценке генерала солдат эти вопросы мало волновали [\[25, с. 258\]](#).

Генерал А. И. Деникин иначе оценивал распространение слухов об предательстве в русской армии. В мемуарах он писал, что влияние Распутин не сказалось на состоянии армии благодаря усилиям вел. кн. Николая Николаевича и ген. М. В. Алексеева, которые оба были принципиальными противниками приезда «старца» в Ставку. Слухи об измене были, но они относились к Александре Федоровне. Рассказывали, что царица настаивала на сепаратном мире с Германией [\[26, с. 17\]](#).

На официальном уровне обвинения Распутина в предательстве прозвучали 1 ноября 1916 г. Октярист С. И. Шидловский с трибуны Государственной думы обвинил правительство в игнорировании солидарного требования всех депутатов о суде над бывшим военным министром Сухомлиновым. Некоторые депутаты с места поддержали слова Шидловского. Кадет В. А. Степанов добавил: «Изменники покрывают изменников».

Его поддержал депутат из фракции трудовиков А. С. Суханов: «Не позволяет Распутин» [\[27, стб. 10\]](#). Эти слова вызвали отрицательную реакцию председателя Думы, который призвал Суханова к порядку. Мы видим еще одно подтверждение того, что фигура Распутина в глазах общественности была связана с влиянием на ход дела Сухомлина.

Лидер фракции трудовиков А. Ф. Керенский поддержал критику правительства. Он заявил, что министры должны уйти в отставку, потому что «они являются предателями интересов страны» [\[27, стб. 33\]](#). После этих слов председательствующий лишил Керенского слова. Это уже было открытое обвинение в адрес правительства, нарушающее государственное законодательство.

Наиболее скандальные заявления были сделаны П. Н. Милюковым. Он называл бывшего военного министра Сухомлина изменником. Кроме того, Милюков говорил о заявлении 28 председателей губернских управ, которое было сделано 29 октября в Москве. В этот документе говорилось о «страшном подозрении, зловещих слухах о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся путем разрушения народного единства и сеяния розни подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел» [\[27, стб. 38\]](#). Далее Милюков начал говорить о статье из одной немецкой газеты под названием «Мануйлов, Распутин, Штюрмер». Милюков говорил о связях Манасевич-Мануйлова с немецким послом. Таким образом, ранее арестованный и обвиненный в вымогательстве помощник действующего премьер-министра был заподозрен еще и в измене.

Милюков упомянул также имена кн. Андронникова и митр. Питирима, о которых писалось в немецкой статье. Лидер кадетов обращал внимание депутатов на реакцию немецкой прессы, которая приветствовала назначение Штюрмера вместо Сазонова на пост министра иностранных дел [\[27, стб. 40\]](#).

Выступающий коснулся еще личности А. Д. Протопопова. Милюков выражал подозрения, что министр может быть связан с врагом из-за контрактов с немецким советником в Стокгольме. Лидер кадетов говорил, что его обвинения в адрес этой группы лиц также разделяет британский посол [\[26, стб. 45\]](#). Милюков обвинял правительство в нежелании продолжать войну. В этом он видел причину, по которой правительство не желает идти навстречу общественности. Власть, по словам Милюкова, препятствовала организации страны силами общественности, считая, что это может привести к революции. Поэтому власть предпочла хаос и дезорганизацию. После этого прозвучала знаменитая фраза: «Что это: глупость или измена?» [\[27, стб. 47\]](#). Завершая свою речь, Милюков заявил, что оппозиция будет бороться с правительством до конца, т. к. это единственный способ избежать заключения сепаратного мира и международного позора для России.

Необходимо отметить, что Милюков не скрывал своих намерений обвинить в причастности к предательству не только Распутина и близких к нему людей из высших эшелонов власти, но и Александру Федоровну. Он процитировал германскую газету, в которой были слова о связи царицы с камарильей изменников, на немецком языке, чтобы избежать санкций со стороны председателя и правоохранительных органов [\[28, с. 445\]](#).

Сканальная речь не была напечатана в газетах. Поэтому эти в сущности голословные обвинения воспринимались общественностью как правда, потому что запрет на их публикацию показывал желание власти скрыть истинную информацию. Данные действия

способствовали распространению самых невероятных слухов о содержании речи Милюкова и других депутатов.

Необходимо отметить, что решение Милюкова обвинить представителей власти в предательстве не было спонтанным. Лидер кадетов за несколько месяцев до открытия сессии Государственной думы совершил поездку за границу, основной целью которой был сбор информации о контактах немцев с русскими по поводу заключения сепаратного мира [\[28, с. 439\]](#). Кроме того, Милюков согласовал свое выступление с представителями союзных государств в России [\[27, с. 231\]](#). Анализируя дневник французского посла М. Палеолога, мы можем с уверенностью сказать, что в России он не только поддерживал либеральную оппозицию, но и полностью разделял ее взгляд на роль Распутина при дворе. Такого же мнения придерживался британский посол Дж. Бьюкенен. Он полагал, что Распутин не имел прямых связей с немцами, однако его информированностью о государственных и военных делах пользовалось окружение «старца», которое передавало эти сведения противнику [\[29, с. 151\]](#).

4 ноября военный министр генерал Д. С. Шуваев посетил Государственную думу и выступил с речью, в которой заверил депутатов, что враг сломлен, и русская армия обязательно добьется победы. Оппозиция восприняла этот визит министра как выражение солидарности вооружённых сил с депутатами, а также поддержку антиправительственной риторики. Газеты стали тиражировать слух о том, что военный министр во время посещения Думы подходил к Милюкову и якобы выразил благодарность за речь, сказанную им 1 ноября [\[9, с. 3\]](#).

Выступление Милюкова стало триггером очередного витка распространения слухов об измене. На протяжении ноября Тихомиров несколько раз фиксировал в дневнике факт распространения слухов о предательстве. 12 числа он записал, что царица якобы ведет тайную переписку с немецким императором Вильгельмом, сообщая ему о военных делах. Что касается фигуры Распутина, то разговоров о нем было еще больше [\[13, с. 304\]](#).

19 ноября депутат Пуришкевич выступил с думской трибуны. Он долго говорил о насущных проблемах страны, о просчетах власти, о спекулянтах, которые используют военное время для извлечения прибыли нечестным путем. По мнению депутата неудачи на фронте и в тылу связаны с влиянием «темных сил», представители которых – это «люди, выписываемые на немецкие деньги, предающие Россию» [\[27, стб. 287\]](#). В отличии от скандальной речи Милюкова большая часть выступления Пуришкевича была уже напечатана в газетах.

21 ноября Тихомиров писал, что слухи продолжают распространяться. По его оценке главной причиной их возникновения были речи депутатов Государственной думы. Стоит обратить внимание, что слухи касались не государя, а Александры Федоровны, которая якобы настаивала на заключении сепаратного мира с Германией. Ей оказывали поддержку Распутин и митр. Питирим. Тихомиров заключал, что фигурантами этих слухов становились все непопулярные личности [\[11, с. 307\]](#).

Тема поиска внутренних врагов стала главной и постепенно обрастала новыми подробностями. Французский посол М. Палеолог 10 декабря 1916 г. писал в своем дневнике, что банкир Манус является агентом Германии, который обеспечивает связь Распутина с немцами, а также инициирует различные интриги в обществе. Кроме того, именно он является главным распределителем германских субсидий [\[2, с. 648\]](#). Мы видим, что окружение Распутина способствовало тому, что его связывали с нечистыми деньгами

недобросовестного бизнесмена.

16 декабря 1916 г. депутат Государственной думы кадет М. С. Аджемов во время выступления сказал, что, находясь в составе правительства, невозможно быть патриотом. Министр внутренних дел Протопопов, по словам депутата, придерживался русской ориентации, когда был в оппозиции, но как только стал членом правительства, вынужден был изменить свои взгляды на германскую ориентацию [27, стб. 1217]. Далее Аджемов затронул еще одну ненавистную оппозиции фигуру – Сухомлинова. Он говорил, что газетам запрещено писать об этом человеке, который подозревался в предательстве. Более того, распространяются слухи о прекращении расследования дела Сухомлинова. Аджемов заявил, что это не единственный случай подобного решения властей. Депутат указал на случай с банкиром Рубинштейном, который был арестован из-за обвинения в шпионаже, однако вскоре был отпущен по особому повелению [27, стб. 1218]. Депутат связывал освобождение из под стражи Рубинштейна с влиянием Распутина, который получил от банкира взятку. Рассказывая о случаях измены, Аджемов также сказал, что недавно уволенного председателя Совета министров Б. В. Штурмера царь собирается назначить на работу в министерстве иностранных дел. Это заявление вызвало возмущение депутатов [27, стб. 1219]. Таким образом, депутат Аджемов обвинял власть в пособничестве предателям. Он показывал, что Распутин покровительствует предателям, которых правоохранительные органы пытаются привлечь к суду за шпионаж.

Необходимо отметить, что председатель Думы Родзянко также разделял мнение о том, что Распутин является шпионом. В общении со следователями ЧСК Родзянко выражал убеждение, что Распутин действовал в интересах Берлина. Сила «старца» заключалась в возможности оказывать влияние на императрицу [30, с. 128]. Родзянко признавал, что не располагал достоверными фактами о том, Распутин является шпионом. Его убежденность в изменнической деятельности «старца» основывалась исключительно на слухах. Он говорил, что до него доходила информация о том, что Распутин получает деньги из заграницы [23, с. 129]. Помимо этого, его окружали люди, которые имели связь с иностранными государствами.

Проанализировав источники, можно сделать вывод о том, что в 1916 г. окончательно был создан образ «Распутин – предатель». Это было связано с несколькими причинами. Григорий Ефимович еще до Первой мировой войны выступал против войны как способа решения международных конфликтов. В беседах с журналистами он осуждал балканские государства, которые начали войну против Османской империи. Результаты боевых действий в ходе Великой войны не оправдали ожидания общества. Людям пришлось столкнуться со всеми тяготами затяжной войны, к которым Россия была не готова. Правительство не брало на себя ответственность за неудачи армии на фронте, поэтому начался поиск внутреннего врага. Это проявилось в росте ненависти к немцам и шпиономании. К изменникам общественность относила многих непопулярных людей, одним из них стал Распутин. Образ предателя изначально начал формироваться стихийно, однако затем он стал использоваться определенными людьми как инструмент достижения своих политических целей. Решающее значение сыграл министр внутренних дел Хвостов. Дополнительным фактором стало окружение Распутина, которое имело плохую репутацию.

Оппозиция умело использовала образ «Распутин – предатель» в политической борьбе. Обвинение в предательстве стало самым страшным для членов правительства. Власть не находила способа как реагировать на эти обвинения. Единственным решением был запрет на публикацию депутатских речей в газетах. Однако это наоборот только

способствовало распространению еще более недостоверной информации. Образ «Распутин - предатель» использовался оппозицией как последний инструмент воздействия на власть с целью добиться ответственного министерства, т. е. расширения своих властных полномочий.

Библиография

1. Фирсов С. Л. Григорий Распутин: *pro et contra*, антология. СПб., 2020. 1088 с.
2. Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. 839 с.
3. Варламов А. Н. Григорий Распутин-Новый. М., 2012. 864 с.
4. Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1997. 688 с.
5. Извольский А. П. Воспоминания. Пг.-М., 1924. 192 с.
6. Радзинский Э. С. Распутин: Жизнь и смерть. М., 2000. 574 с.
7. Петербургская газета. 1913. 13 (26) октября. № 281. С. 2.
8. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти: (1914 - весна 1917 г.). М., 2003. 423 с.
9. Государственная дума. Созыв IV. Сессия IV. Стенографические отчеты: В 3 ч. Ч. 1: Заседания 1-16 (с 19 июля по 3 сентября 1915 г.). Пг., 1915. 1399 стб.
10. Вечернее время. 1915. 17 (30) августа. № 1211. С. 3.
11. Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008. 438 с.
12. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7 / Под ред. П. Е. Щеголева. М.-Л., 1924–1927. Т. 1: Допросы: А. Н. Хвостова, Е. К. Климовича, А. Д. Протопопова, С. С. Хабалова, А. Т. Васильева, Б. В. Штюрмера, В. Л. Бурцева, А. Н. Наумова, кн. М. М. Андроникова. 1926. 462 с.
13. Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк. 1960. С. 31–48.
14. Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. В 2 т. Т. 2. СПб., 2015. 652 с.
15. Терещук А. В. Григорий Распутин: Последний "старец" Империи. СПб., 2006. 528 с.
16. Шацилло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 103–116. URL: <http://www.august-1914.ru/shacillo2.html> (дата обращения: 14.04.2021).
17. Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 281.
18. Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 246.
19. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2014. 657 с.
20. Шавельский Г. И., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954. В 2 т. Т. 1. 414 с. Т. 2. 412 с. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html (дата обращения: 15.04.2021).
21. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7 / Под ред. П. Е. Щеголева. М.-Л., 1924–1927. Т. 6: Допросы и показания: гр. П. Н. Игнатьева, гр. С. И. Велепольского, Н. В. Плеве, А. Н. Хвостова, А. А. Рейнбота (Резвого), кн. В. М. Волконского, И. Н. Ладыженского, Н. Е. Маркова, А. А. Нератова, А. Н. Веревкина, А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова, Д. Н.

- Дубенского. 1926. 415 с.
22. Боханов А. Н. Григорий Ефимович Распутин-Новый. Мифы и реальность. М., 2015. С. 346.
23. Брусилов А. А. Воспоминания. М., 1963. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/brusilov/14.html> (дата обращения: 25.04.2021). С. 258.
24. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. С. 17.
25. Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчеты: Заседания 1–19 [в одном пер.]. Пг., 1916. Стб. 10-1219.
26. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). В 2 т. Т. 2. М., 1990. 445 с.
27. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1-7 / Под ред. П. Е. Щеголева. М.-Л., 1924–1927. Т. 2 : Допросы: А. Д. Протопопова, кн. М. М. Андроникова, А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. Макарова, К. Д. Кафафова, М. А. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г. Щегловитова. 1925. 439 с.
28. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. // Григорий Распутин: Сборник исторических материалов. В 4 т. Т. 2. М., 1997. С. 151.
29. Русские ведомости. 1916. 8 (21) ноября. № 258. С. 3.
30. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7. Под ред. П. Е. Щеголева. М.-Л., 1924–1927. Т. 7: Допросы и показания: А. И. Шингарева, Н. Н. Чаплина, Ф. А. Головина, ген. А. А. Поливанова, гр. В. Н. Коковцова, М. В. Родзянко, Н. Б. Щербатова, А. Р. Ледницкого, А. В. Лядова, ген. Д. С. Шуваева. 1927.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Первая мировая война кардинальным образом изменила не только политическую карту Европу, но и характер социально-экономических отношений. Неслучайно некоторые исследователи ведут отсчет новейшей истории именно с начала Великой войны. Применимо к России эта война закончилась не только революцией, но и распадом Российской империи. А ведь летом 1914 года в условиях массового патриотического подъема мало кто мог предвидеть, что через четыре года все закончится "похабным" Брестом. Все это заставляет обратиться как к политическим фигурам того времени, так и к изучению сформировавшимся образом этих фигур.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является образ Г.Е. Распутина как предателя. Автор ставит своими задачами проанализировать различные этапы формирования образа Распутина, а также определить причины появления образа "Распутин - предатель".

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологический базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать процесс формирования негативной

репутации Г. Е. Распутина в 1914-1916 гг.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 30 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, проделанной ее автором. Источниковая база статьи представлена воспоминаниями и дневниками (А.П. Извольский, В.В. Шульгин, М. Палеолог), материалами периодической печати, опубликованными документами. Из используемых исследований укажем на труды А.В. Терещука, С.Л. Фирсова и других авторов, в центре внимания которых различные аспекты биографии Г.Е. Распутина. Заметим, что библиография обладает важностью, как с научной, так и просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей политической борьбы в России в годы Первой мировой войны, в целом, так и фигурой Г.Е. Распутина, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что на фоне поражений весной 1915 г. в общественном сознании формируется

"миф о немецкой партии – группе людей, которая действует в интересах Германии, мешая России добиться победы в войне". В работе показана важная роль депутата А.Н. Хвостова в костюрировании образа Распутина-предателя, а также участие других политических сил. Автор обращает внимание на то, что "образ предателя изначально начал формироваться стихийно, однако затем он стал использоваться определёнными людьми как инструмент достижения своих политических целей".

Главным выводом статьи является то, что

"образ «Распутин - предатель» использовался оппозицией как последний инструмент воздействия на власть с целью добиться ответственного министерства, т. е. расширения своих властных полномочий". Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гонта С.Н., Иванов Н.А. Вооруженные силы и полиция независимой Родезии (1965-1979). Часть 2: Вооруженные силы // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69940 EDN: MVHIZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69940

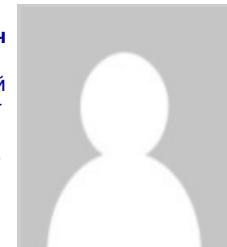
Вооруженные силы и полиция независимой Родезии (1965-1979). Часть 2: Вооруженные силы

Гонта Семен Николаевич

студент; кафедра теории права и государства, истории и философии; Сочинский государственный университет

354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

✉rudolf.diesel.bmw@gmail.com

Иванов Николай Александрович

преподаватель, кафедра Физической культуры и спорта, Сочинский государственный университет

354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

✉ivanovnik45@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69940

EDN:

MVHIZ

Дата направления статьи в редакцию:

23-02-2024

Аннотация: Данное исследование посвящено изучению функционирования Сил Безопасности Родезии (общее название полиции и армейских сил Родезии) в годы ее фактической независимости с 1965 г. по 1979 г. Объектом исследования являются Силы Безопасности Родезии. Предметом исследования в данной (второй) части работы выступает деятельность вооруженных сил Родезии после объявления ею независимости. Авторами изучена история развития вооруженных сил Родезии с момента ее участия во второй мировой войне и до окончания войны с повстанцами в 1979-1980 гг. Также, авторами в работе представлены данные о численности, расовом составе, техническом

оснащении, основных подразделениях и их структуре и др. информация о вооруженных силах Родезии. Отдельно приводится стратегия противостояния повстанцам и ее трансформация в ходе конфликта. Методология исследования базируется на общенаучных методах исследования (абстрактно-логический метод, метод классификации), а также на специальных исторических методах исследования (историко-генетический и нарративный методы исследования). Научная новизна работы заключается в подробном описании процесса функционирования и развития вооруженных сил независимой Родезии во время вооруженного противостояния с повстанцами (1965-1979). После провозглашения независимости вооруженные силы Родезии, как и полиция, столкнулись со значительными трудностями в обеспечении боеспособности, однако, даже в таких условиях им удалось сохранить феноменально высокую боеспособность и продолжать совершенствоваться. На основании данной статьи можно сделать выводы о решающей роли, которую сыграли вооруженные силы Родезии в существовании страны, охваченной контртеррористической борьбой на протяжении всего своего существования. Отдельно отметим, что армия Родезии не была расистской, поскольку в ее рядах служило значительное количество чернокожих солдат, особенно в годы вооруженного конфликта с повстанцами (1965-1979).

Ключевые слова:

Африка, Южная Родезия, Родезия, Силы безопасности Родезии, полиция Родезии, армия Родезии, война в Родезии, терроризм, ЗАПУ, ЗАНУ

Введение

Актуальность исследования заключается в отсутствии в современной отечественной историографии фундаментальных работ, которые бы объективно и подробно освещали события, которые происходили в Родезии (ныне Зимбабве) после объявления независимости в одностороннем порядке (1965-1979). Также это относится и к вооруженному конфликту между белым правительством страны и чернокожими повстанцами, который имел место на протяжении всего времени существования непризнанной Родезии.

Данная работа представляет собой логическое продолжение исследования, которое посвящено изучению функционирования полиции Родезии (British South Africa Police) и армейских сил Родезии (Rhodesian Security Forces) в годы фактической независимости, с 1965 года по 1979 год.

В предыдущей, первой части исследования была рассмотрена общая для родезийских полицейских и армейских формирований история, которая восходит еще ко времени основания страны Сесилом Родсом, а также функционирование формирований полиции Родезии в годы фактической независимости [\[1\]](#). Настоящая, вторая часть исследования освещает функционирование армейских сил Родезии (ВВС и сухопутных войск) в годы фактической независимости.

Цель исследования – рассмотреть и проанализировать деятельность вооруженных сил Родезии в период ее фактической независимости с 1965 года по 1979 год.

Данная работа представляет собой попытку авторов изучить вопрос обеспечения общественной безопасности и противостояния повстанческим формированиям Силами

безопасности Родезии (общее название всех правоохранительных органов страны, включая вооруженные силы).

Материалы и методы исследования

Методология определяется непосредственно темой исследования и включает в себя общенаучные методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, метод классификации. Также в работе используются специальные исторические методы исследования: историко-генетический и нарративный методы.

Используемые в статье иллюстрации и фотографии взяты с интернет-ресурсов (www.bsapolice.org, www.rhodesianforces.org, www.therli.com), которые посвящены событиям в Родезии и поддерживаются бывшими жителями Родезии и ветеранами описываемых событий. Все иллюстрации, использованные в данной работе являются фото-цитатами и взяты из открытых источников в сети «Интернет». Также, под каждой иллюстрацией приведены ссылки на первоисточник (в случае, если было возможным достоверно установить таковую).

Библиографическая база статьи состоит из актуальных работ отечественных и, по большей части, зарубежных авторов по теме исследования, а также статей и других материалов из сети «Интернет» (например, рассекреченные документы ЦРУ США [\[2, 3, 4\]](#), официальные документы ООН [\[5, 6, 7, 8\]](#) и др.), большинство из которых вводятся в научный оборот впервые.

Обсуждение

В данной статье библиографический список логически продолжает первую часть исследования темы и в большей степени посвящен армейским формирований Родезии. Как было отмечено в первой части исследования, в современной российской научной среде тема войны в Родезии представлена крайне ограничено [\[9, 10\]](#), поскольку советские и российские историки-африканцы (В. Г. Шубин [\[11, 12, 13, 14\]](#), А. Ю. Урнов [\[15, 16\]](#)) освещали процесс деколонизации Африки и сопровождающие его военные события с точки зрения чернокожих повстанцев-коммунистов и их народно-освободительной борьбы, подробно не рассматривая противоположную сторону.

Однако в западной научной и военной среде, которые традиционно уделяют особое внимание изучению событий в странах третьего мира [\[17, 18\]](#) начиная еще со времен Британской войны в Малайе против коммунистических повстанцев [\[19\]](#), войне в Родезии (1965-1979) и ее различным аспектам посвящен целый ряд исследований. Прежде всего здесь стоит отметить работы американских военных: Чарльза Ломана и Роберта Макферсона [\[20\]](#), Тимоти Бэйрстоу [\[21\]](#), Майкла Стюарта [\[22\]](#) и Макса Кохметчера [\[23\]](#) (подробный анализ исследований, посвященных войне в Родезии, американских и канадских военных представлен в отдельной работе автора С. Н. Гонта [\[24\]](#)). Также, стоит особо выделить масштабные по своему объему и содержанию работы (которые, по мнению авторов, внесли наибольший вклад в изучение и популяризацию данной темы): Джекки Силлиерса [\[25\]](#), Кена Флауэра [\[26\]](#), Пола Муркрафта и Питера Маклафлина [\[27\]](#), Джонатана Питуэя и Крейга Фьюри [\[28\]](#).

Результаты исследования

В первой части исследования была рассмотрена деятельность полицейских

формирований Родезии, которая в основном была задействована во внутренней борьбе с повстанцами, а также в оперативной поддержке армии, при проведении совместных операций. Специфика работы полиции и армии Родезии во многом была приближена друг к другу, особенно на позднем этапе войны с повстанцами, когда весь силовой блок страны фактически превратился в одну общую структуру, построенную по типу спецподразделения.

В данной, второй части исследования приводятся основные данные, которые касаются армии Родезии, а именно: состав, численность, структура, средства вооружения и др.

Вооруженные силы Родезии (Rhodesian Security Forces) 1965-1980 гг.

В разделе про армейские силы Родезии, стоит начать с роли, которую они сыграли во Второй Мировой Войне (ВМВ). Во время начала ВМВ, Родезия еще была под властью Великобритании, поэтому, как и в случае с Первой Мировой Войной, родезийский контингент участвовал в боевых действиях на стороне метрополии.

По разным оценкам, в составе Британской армии воевали около 10.000 белых родезийцев, которые проходили службу в различных подразделениях, таких как «группа пустынной разведки», особая воздушная служба (SAS), королевские BBC и др. Здесь стоит отметить, что даже сам Ян Смит, премьер-министр независимой Родезии, проходил службу пилотом истребителя, а после ранения – инструктором в 237-й «Родезийской эскадрилье» Британских BBC. Также, отметим еще и тот факт, что Родезия сделала наибольший вклад людских ресурсов в помощь метрополии (если считать соотношение к общему белому населению).

В дальнейшем, военные из Родезии принимали участие в еще одном вооруженном конфликте – Малайской войне стран Британского содружества против коммунистических повстанческих формирований. В составе Британской группировки в Малайе, с 1951 по 1953 год воевала родезийская эскадрилья «С» 22-го полка специальной воздушной службы (SAS), ее численность не превышала 1000 человек, впоследствии сократившись до приблизительно 100 человек [\[29, с. 53\]](#), а с 1956 по 1958 год там принимали участие «Родезийские африканские стрелки» (RAR), которые комплектовались белыми офицерами и чернокожими солдатами.

Рисунок 1. Родезийцы из отряда «С» 22-го полка SAS в Малайе, 1953 год.

Таким образом, подойдя к важному событию в истории Родезии – объявлению независимости в 1965 году, армейские силы страны состояли преимущественно из мотивированных и хорошо подготовленных белых родезийцев, которые к тому же были ветеранами британских колониальных войн. Также, здесь стоит отметить, что именно благодаря офицерам-ветеранам малайской войны, которые составляли костяк

руководства родезийской армии (даже командующий армией Питер Уоллс сам принимал участие в этой кампании), в дальнейшем удалось выстроить эффективную тактику и стратегию борьбы с чернокожими повстанцами уже в самой Родезии.

Свой законченный облик родезийская армия обрела 1 января 1964 года, когда было официально изменено название на «Армию Родезии» (Rhodesian Army), определились дальнейшие направления развития, а все соединения и части армии перешли под командование новой структуры. В тот момент уже было понятно, что страна близится к своей независимости и ее провозглашение лишь вопрос времени.

Армия Родезии после одностороннего объявления независимости (1965-1979).

После того, как Родезия в одностороннем порядке объявила о своей независимости 11 ноября 1965 года [\[30\]](#), родезийская армия, а вместе с ней и остальной силовой блок остались верны своему правительству, даже несмотря на отказ стран ООН и Великобритании признать данный шаг.

Ключевым этапом в становлении Сил Безопасности Родезии можно считать т.н. «битву при Синойе», когда 28 апреля 1966 года силами BSAP и резервистов была уничтожена группа из 7 повстанцев. Хотя операция и была проведена успешно (уничтожены все повстанцы, против отсутствующих потерь у полиции), но после этого инцидента правительством Родезии было принято решение сместить акцент именно на военные силы, для борьбы с повстанцами, поскольку полицейские силы были не приспособлены для объявленной партизанской борьбы.

В периоде с 1966 года по 1969 год небольшие партизанские отряды предпринимали небольшие попытки проникновения и диверсий, одна существенного успеха не добивались. Здесь стоит отметить, что такой «спокойный» период для Сил Безопасности Родезии был возможен благодаря низкой военной подготовке повстанцев в первое время, а также помощи, которую оказывала ЮАР, отправив «в Родезию свои полицейские силы и отряды тюремной охраны для оказания помощи в «контртеррористической» войне. Такие совместные силы установили эффективную охрану границы с Замбией и обеспечили мир до 1969 года» [\[20, с. 22\]](#).

Также, именно в это время повстанческие силы проводили усиленное военное обучение в социалистических стран (СССР, КНР). Поэтому, такая временная слабость повстанцев объяснялась накоплением военного опыта от инструкторов вышеуказанных стран и принятием окончательных решений об открытии линии постоянной помощи для повстанцев. Так, российский и советский историк В. Г. Шубин (являвшийся непосредственным участником событий на дипломатическом уровне, прим. авторов) указывает еще раннюю дату начала военной подготовки повстанцев в Советском Союзе: «кадры ЗАПУ и ее военного крыла Народнореволюционной армии Зимбабве (ЗИПРА) начали прибывать на учебу в СССР еще в середине 1964 года» [\[14, с. 16\]](#). В КНР также были открыты курсы военной подготовки повстанцев (из группировки ЗАНУ), отметим, что один из членов повстанческой группы, которая участвовала в битве при Синойе проходил обучение в Нанкинском военном колледже, о чем свидетельствовали обнаруженные при нем документы [\[31\]](#).

Но с начала 1970-х контекст противостояния стал значительно меняться. Прошедшие военное обучение в странах социалистического лагеря повстанцы не только значительно повысили свою боевую эффективность, но и теперь были обеспечены всем необходимым стрелковым и специальным вооружением, поскольку Советский Союз оказывал щедрую

помощь вооружением всем социалистическим (пусть даже формально) «народно-освободительным движением» для борьбы с западным «колониализмом и империализмом». А самым массовым видом оружия, поставленного СССР в страны Африки стал знаменитый автомат калашникова [32, с. 73].

Из специального вооружения повстанцев здесь стоит выделить мины. Появившиеся у повстанцев советские мины стали серьезной проблемой для Сил Безопасности Родезии и простых родезийцев. По мнению Ю. Г. Веремеева, родезийская война является одним из характерных примеров «минной войны», среди локальных конфликтов XX века. Также, в своей работе Ю. Г. Веремеев приводит следующие данные: «только с 1972 по 1980 год было отмечено 2405 случаев подрывов автотранспорта на минах, в результате чего погибли 632 белых родезийца, а еще 4410 было ранено» [33, с. 284].

С середины 1970-х годов положение Родезии стало ухудшаться. «В 1975 г. произошло важное событие, которое в дальнейшем повлияло на ход всей войны Родезийского правительства с повстанцами. Год спустя после «революции гвоздик» в метрополии, в 1975 г. португальский Мозамбик получил независимость.

После этого власть в стране была захвачена «прокоммунистической» партией Фрелимо, которая была ориентирована на Советский союз и пользовалась его финансовой и материальной поддержкой. Родезия была ожидаемо объявлена врагом Фрелимо, а повстанческие группировки ЗАПУ и ЗАНУ соответственно союзниками в борьбе с расистами» [34].

Так Родезия получила еще одного врага, который сразу же открыл свою территорию для повстанцев из ЗАНУ. Страна оказалась, практически в полном окружении враждебных ей сил, которые постоянно предпринимали успешные попытки проникновения вглубь и нападения на гражданские и военные объекты. Как отмечает, в своем исследовании, коллектив авторов командования сил специальных операций армии США под руководством Пола Томпкинса: «в то время как ЗИПРА (военное крыло ЗАПУ) действовала с баз в Замбии, Анголе и Ботсване, ЗАНЛА (военное крыло ЗАНУ) расширила структуру своих тренировочных баз на юг вдоль границы Родезии и Мозамбика» (см. рисунок 2) [35].

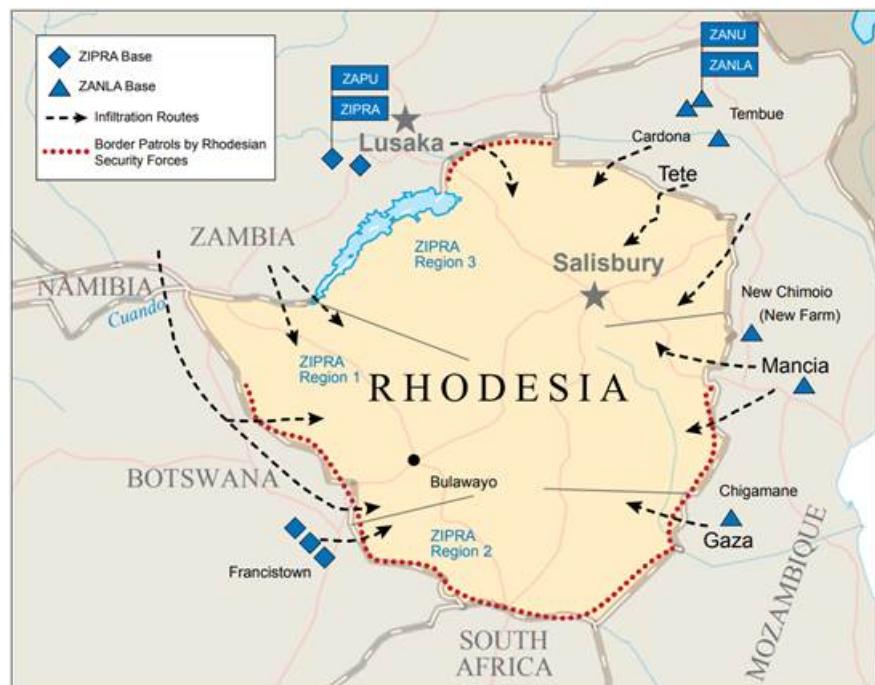
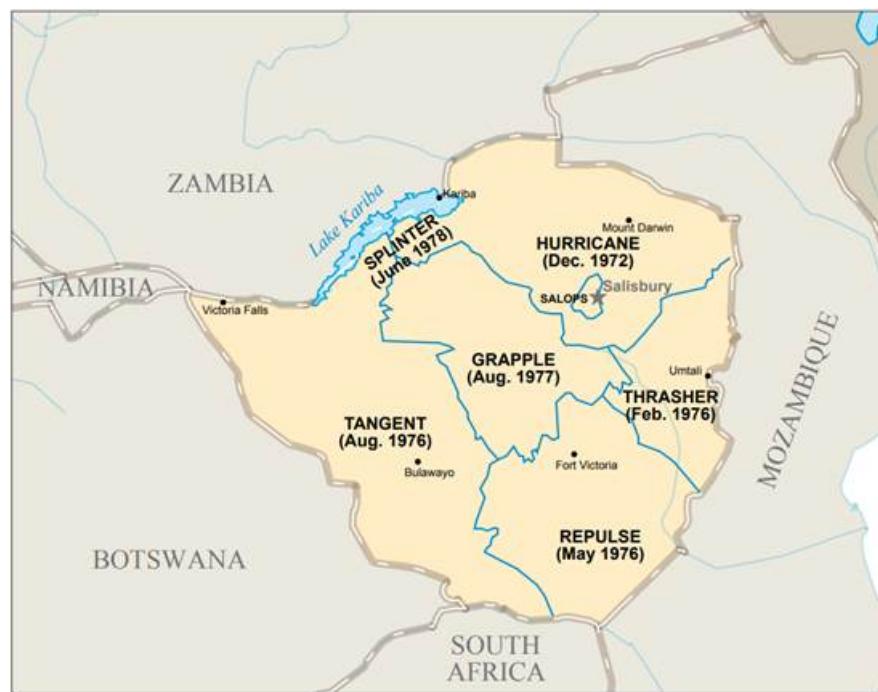

Рисунок 2. Карта деятельности и базирования повстанцев ЗАПУ и ЗАНУ в 1974-1979 гг.

[\[35\]](#).

В этой ситуации правительство Родезии приняло решение о создании специальных зон оперативной ответственности, в соответствии с которыми подразделения Сил Безопасности Родезии были максимально распределены по всей территории страны (см. рисунок 3). Территория Родезии была поделена на 5 условных участков – «Харрикейн» на севере (включая зону со столицей Солсбери), «Трешер» (восточное нагорье на границе с Мозамбиком), «Рипалс» (район города Форт-Виктория), «Грэппл» (центральная часть страны), а также район «Танджент» (западная часть страны, граничащая с Ботсваной).

Рисунок 3. Зоны оперативной ответственности Сил Безопасности Родезии на территории страны [\[35\]](#).

Но даже такие меры не смогли сдержать увеличение числа повстанцев на территории страны и все более возрастающую интенсивность их деятельности. Так, если в 1976 году количество повстанцев на территории Родезии составляло около 1700 человек, то на момент 1979 года их количество было уже около 30000 человек [\[35, с. 99\]](#). По мере ухудшения ситуации, военное руководство страны, в лице командующего армией генерала Питера Уоллса признало свою неспособность контролировать всю территорию страны и безопасность ее границ. Фактически, произошло сжатие территории страны, которую могли контролировать родезийские вооруженные силы. Теперь правительство Родезии контролировало лишь города и прилегающую к ним территорию, а также важные логистические и транспортные маршруты и узлы страны. А для передвижения между контролируемыми белым правительством населенными пунктами все чаще стали собирать специальные охраняемые конвои из гражданских машин (см. рисунок 4).

Рисунок 4. Головной пикап охраны конвоя, надпись на машине: «Обгон конвоя вперед запрещен», район города Кариба, 1978 год.

Источник: www.bsapolice.org.

Анализируя действия правительства и армии Родезии по борьбе с повстанцами здесь также стоит отметить и пограничные фортификационные сооружения, которые были построены еще до признания провала полного контроля территории страны. Среди таковых отметим т.н. «санитарный пограничный кордон» (см. рисунок 5), который был построен в 1974 году (а его строительство было начато еще в 1972 году, прим. авторов).

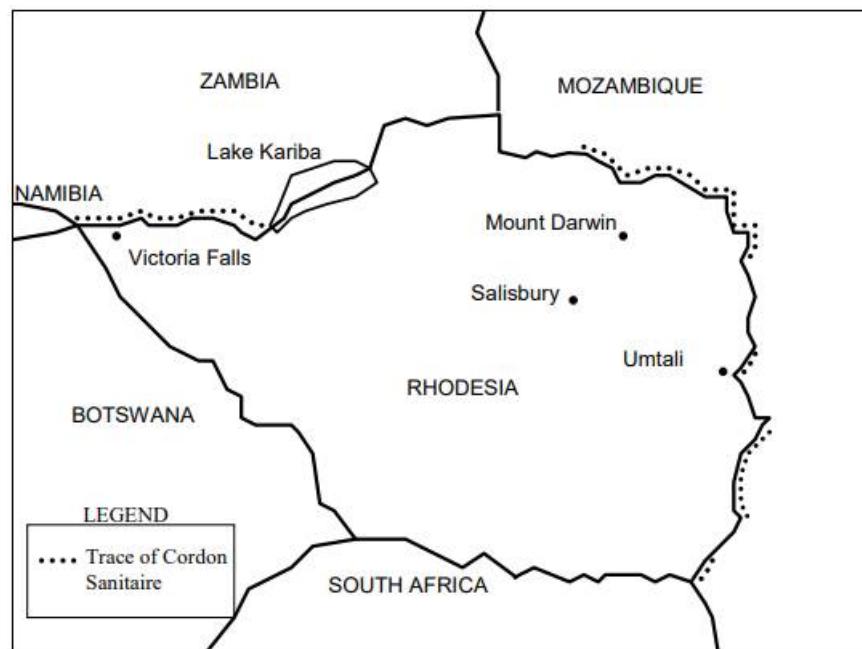

Рисунок 5. Карта санитарного пограничного кордона в Родезии [\[21\]](#).

Вышеприведенный санитарный кордон представлял собой линию длиной около 179 километров. Состоял кордон из «небольших двух охотничих ограждений на расстоянии двадцати пяти метров друг от друга с разбросанными между ними минами» [\[21, с. 46\]](#). Но, как отмечает в своей диссертации, посвященной анализу пограничного контроля, майор армии США Тимоти Бэйрстоу – эффективность этого сооружения оказалась довольно

низкой и повстанческие группы спокойно могли его преодолеть, даже, «несмотря на плотность до 5500 взрывных мин на километр кордона» [21, с. 47]. Исходя из этого, позднее, санитарный кордон рассматривался лишь как инструмент для задержки проникновения повстанцев вглубь страны, а не его предотвращения.

Одной из возможных причин низкой эффективности санитарного кордона Тимоти Бэйрстоу называет дефицит личного состава в армии Родезии, который не позволил наладить эффективный контроль и обслуживание минных полей и заграждений. И здесь мы переходим к одному из самых важных и отличительных показателей родезийской армии – ее численности.

В заключении данного раздела, для большего понимания ситуации, стоит упомянуть некоторые данные о численности родезийской армии в период фактической независимости страны (1965-1979). По данным рассекреченного документа ЦРУ США, на момент начала противостояния и в последующем первом этапе конфликта (1965-1972) численность родезийских армейских сил составляла около 3000 человек, военно-воздушных сил численностью около 1080 человек и сил территориального резерва численность около 7400 человек (весь резерв комплектовался только белыми родезийцами). Также, около 1000 чернокожих родезийцев проходили службу в полку африканских стрелков армии Родезии [2, с. 28]. В дальнейшем, по мере эскалации конфликта, численность армии Родезии увеличивалась, на пике располагая личным составом численностью около 15000 человек (около 3400 были кадровые военные, остальные были белыми резервистами) [23, с. 8].

И здесь стоит упомянуть полк родезийских африканских стрелков, где служило большинство чернокожих солдат. На протяжении, практически, всего конфликта данное подразделение оставалось незначительным в численном плане, по сравнению с белыми армейскими подразделениями. Правительство Родезии стремилось решить военные проблемы, в основном, за счет основных белых подразделений армии, что в конечном итоге стало ошибкой, поскольку большая часть чернокожих родезийцев была готова защищать свою страну с оружием в руках на стороне белого правительства. Массовое принятие чернокожих новобранцев на раннем этапе могло существенно изменить расклад сил в пользу родезийской армии, однако такая попытка была предпринята лишь в самом конце войны, когда стратегическое время для формирования чернокожего резерва было уже упущено.

К такому же выводу, в своей диссертации (посвященной исследованию становления и развития африканского полка в годы родезийской войны), приходит и майор армии США Майкл Стюарт, в заключении констатируя: «трагическая правда по отношению к Африканскому полку заключалась в том, что на протяжении всей войны не хватало численности его личного состава, а осознание того, что нужно больше черных солдат и офицеров пришло родезийскому правительству слишком поздно, несмотря на ранние рекомендации по этому поводу изнутри подразделения» [22, с. 138].

Далее, кратко рассмотрим основные подразделения армии Родезии в период фактической независимости и вооруженной борьбы с повстанцами (1965-1979).

Родезийская легкая пехота (Rhodesian Light Infantry).

Начать рассмотрение подразделений армии Родезии стоит именно с Родезийской легкой пехоты (RLI), поскольку оно было одно из самых боеспособных и эффективных подразделений, а также одним из двух подразделений армии, состоящим исключительно

из белых родезийцев.

Это подразделение было основано в 1961 году в виде батальона пехоты, но уже в 1964 году оно начало выполнять функции коммандос (иначе выражаясь – спецназа). После провозглашения независимости Родезии, полк состоял из 5 отделений:

1. Трех основных боевых отделений.
2. Одного отделений обеспечения.
3. Одной тыловой группы.

Численность подразделения составляла около 1000 человек (при этом, в каждом отделении коммандос было приблизительно по 100-150 человек). Также, здесь стоит отметить, что это подразделение было не только белым (см. рисунок 6), но и включала в себя достаточно большую часть наемников (по разным оценкам от 20% до 30%).

Рисунок 6. Бойцы подразделения RLI.

Источник: <https://therli.com/history/fire-force>.

Использование сил наемников было одной из причин феноменальной боеспособности армии Родезии на протяжении практически всей войны, поскольку собственный людской ресурс был ограничен демографической расстановкой сил (не в пользу белых), которая ухудшалась с каждым годом периода независимости страны [36].

Участие наемников в родезийской войне на стороне белого правительства было широко обсуждаемой темой в то время, а исследования посвященные этому вопросу публикуются до сих пор [37]. Отметим, что в качестве наемников, в Родезии воевали граждане различных государств. В основном из Великобритании (большинство сочувствующих Родезии и считавших их преданными братьями), ЮАР (мотивация которых заключалась в поддержании боевого потенциала соседа, для сохранения буферного государства, принимающего основной удар «народно-освободительной борьбы»), а также из США [38], Австралии, Новой Зеландии и ряда стран Европы (которые, в основном, ехали в качестве солдат удачи, прежде всего за денежным вознаграждением, хотя также не были лишены и пан британской солидарности).

Процесс вербовки в Западных странах происходил в основном через живущих там ветеранов различных войн, которые поддерживали связи с Родезией. Из-за санкций

ООН, прямая деятельность по вербовке и реклама такой работы была запрещена, поэтому информация передавалась, в основном, в устной форме. Всем претендентам оплачивали транспортные расходы и проживание, пока проходил процесс отбора (при положительном решении которого бойца сразу же отправляли на курсы подготовки, длившиеся от 1 месяца до 4,5 месяцев, в зависимости от подразделения). Промежуточным узлом для прибытия наемников в Родезию, естественно, была Южная Африка, в которую потенциальные наемники попадали через третьи страны из пункта своего отбытия. Более подробно, процесс вербовки наемников в Родезию описан Робертом Брауном в статье для журнала «Солдат удачи» (*«Soldier of Fortune»*), который посещал Родезию весной 1974 года и лично общался с воевавшими там иностранными наемниками [\[39\]](#).

В заключении данного раздела, здесь стоит отметить еще одну особенность подразделения – его смешанный состав, который включал в себя белых солдат и офицеров, белых наемников из других стран, а также, с 1973 года, наиболее способных белых призывников [\[40\]](#).

Родезийский бронетанковый корпус (Rhodesian Armoured Corps).

Данное подразделение было сформировано в 1972 году для поддержания сухопутных сил в наземных операциях (таких как: патрулирование местности и разведка, сопровождение колонн, транспортировка и т.д.). Потребность в таком подразделении заключалась в специфике войны, которая в основном представляла собой засады и нападение на личный состав в пересеченной местности, а также использование большого количества противотанковых мин, которые, обычно, наносили значительный урон живой силе и гражданским транспортным средствам, которые не были защищены.

Основными транспортными средствами подразделения были старые колесные бронированные машины британского (*«Ferret Mk.2»*) и южноафриканского производства (*«Eland»*, см. рисунок 7).

Рисунок 7. Бронеавтомобили «Eland» армии Родезии.

Источник: John Wynn Hopkins / Wikimedia Commons.

Также, ввиду недостатка легкой бронированной техники для транспортировки личного состава, вооруженные силы Родезии использовали различные самодельные транспортные средства, построенные по типу MRAP. «Бронеавтомобили MRAP (mine resistance ambush protected; дословно – машина, защищающая от мин и атак из засад) в

последние десятилетия стали популярны в спецподразделениях и вооруженных силах многих государств» [\[42\]](#). Однако, именно войну в Родезии можно считать отправной точкой развития таких специальных бронированных автомобилей. И если первые модели таких автомобилей (см. рисунок 8) были кустарного производства и имели достаточно примитивный вид и слабые характеристики, то примерно, во второй половине 1970-х годов такие машины стали значительно прогрессировать в техническом плане (см. рисунок 9), представляя собой бронемашины уже более высокого уровня.

Рисунок 8. Минно-защищенный автомобиль «Нуепа» производства ЮАР [\[41\]](#).

Рисунок 9. Минно-защищенный автомобиль «Crocodile» производства ЮАР [\[41\]](#).

Основное производство таких машины было сконцентрировано в ЮАР, поскольку Родезия не располагала широкими возможностями для собственного производства. Таким образом, военное производство ЮАР получило импульс к развитию, имея рядом, фактически, полигон для испытания своих образцов военной техники. А Родезийская армия, в свою очередь, могла рассчитывать на неафишируемую помощь от более развитой военной промышленности соседа.

Помимо вышеупомянутых машин кустарного производства, к концу войны подразделение располагало и собственными танками, которые, однако, так и не были применены в бою, оставшись оружием психологического устрашения. 8 из 10 танков Т-55 были переданы ЮАР для Родезийской армии (см. рисунок 10), после того как были конфискованы в 1979

году с французского сухогруза в порту Дурбана.

Рисунок 10. Танк Т-55 L в армии Родезии [43].

После передачи танков в Родезию, ЮАР также направила туда своих инструкторов для обучения экипажей, после которого родезийцами был создан эскадрон «Е» в составе бронеавтомобильного подразделения.

Военно-воздушные силы Родезии (Rhodesian Air Force) и специальная авиадесантная служба (Rhodesian Special Air Service).

Свою историю ВВС Родезии ведут еще задолго до начавшейся в 1965 году войны с повстанцами, однако именно в этой войне воздушные силы страны сыграли значимую роль в противостоянии повстанцам и обеспечении эффективной работы других подразделений Сил Безопасности Родезии. Общая численность подразделения воздушных сил, по разным оценкам, составляла от 1100 до 1300 человек. Здесь стоит отметить, что воздушные силы Родезии являются уникальным примером того, как в условиях международной изоляции и экономической блокады можно сохранять феноменальную боеспособность, пожалуй, наиболее сложного (в техническом плане) и чувствительного к ограничениям рода войск.

На вооружении у воздушных сил Родезии были, в основном, достаточно старая техника, которую в силу санкций было очень тяжело поддерживать в исправном состоянии, особенно во время вооруженного конфликта. Авиапарк ВВС Родезии был представлен различными типами самолетов: истребителями-штурмовиками (Британские «Hunter» и «Vampire»), легкими разведчиками (Американские «Cessna Skymaster» и «Aermacchi AL-60»), учебно-тренировочными (Британский «Percival Provost», рисунок 11), «военно-транспортными» самолетами (Американскими «Beechcraft Baron B-55» и «Douglas C-47 Skytrain», Британским «Britten-Norman BN-2 Islander»), а также вертолетами (Французским «SA316B Alouette» (Рисунок 12) и Американским «Bell 205»).

Рисунок 11. Учебно-тренировочный самолет «Percival Provost» [\[44\]](#).

Рисунок 12. Французский вертолет «Alouette».

Также использовались и другие модели легкомоторных самолетов (Рисунок 13), особенно в летном подразделении полиции (PRAW), которое работало под руководством армейских ВВС и позволяла пилотам использовать личные воздушные средства [\[1, с. 174\]](#).

Beech Bonanza Doc Watson

Рисунок 13. Самолет общего назначения «Beechcraft Bonanza» пилота летного подразделения полиции (PRAW).

Источник: www.rhodesianforces.org.

Отдельно здесь стоит упомянуть специальную авиа десантную службу (SAS), которая по своей структуре и организации полностью повторяла свой Британский аналог. SAS было еще одним подразделением, состоящим полностью из белых бойцов. В его задачи входила, в основном, разведка, а также осуществление точечных операций и ударов по силам повстанцев (Рисунок 14).

Рисунок 14. Бойцы родезийской SAS на подготовке к боевому вылету.

Программа подготовки бойца SAS была наиболее сложной и включала в себя весь спектр военного обучения – от прыжков с парашютом до изучения местных африканских языков. Исходя из этого, SAS было одним из самых элитных подразделений армии, а его численность не превышала 200-300 человек.

Скауты Селуса (Selous Scouts).

Данное подразделение было создано в 1973 году и просуществовало вплоть до раз渲а Родезии в 1980 году. Как отметили Чарльз Ломан и Роберт Макферсон: «каждая война рождает свои элитные войска, и Родезия не стала исключением» [\[20, с. 28\]](#). Это утверждение можно с уверенностью отнести к Скаутам Селуса, поскольку, несмотря на короткий срок существования, они продемонстрировали феноменальную боевую эффективность при ограниченных ресурсах и тяжелейших условиях. По разным оценкам, за все время своего существования подразделение насчитывало от 1200 до 1800 человек. Главной задачей подразделения было ведение т.н. «псевдо-террористических» операций против противника, фактически ведение партизанской борьбы против самих же повстанцев. В ходе таких операций бойцы подразделения были полностью самодостаточны и могли производить диверсии и саботажи на территории сопредельных государств, где были сконцентрированы основные силы повстанцев. Подразделение Скаутов Селуса было настолько секретным, что вплоть до конца 1970-х годов о нем мало кто знал даже в самой Родезии. Личный состав был расово смешанным, а в ряды подразделения активно вербовали бывших чернокожих повстанцев, обещая им закрытие всех «грехов» перед страной. После прихода к власти Роберта Мугабе в 1980 году, подразделение Скаутов Селуса было расформировано, поскольку представляло значительную опасность. Основная часть бойцов переехала в Южную Африку, где они влились в силовые подразделения страны. Также отметим, что некоторые из чернокожих бойцов подразделения были убиты в качестве мести за то, что воевали на стороне

белого правительства.

Скауты Грея (Grey's Scouts).

Данное подразделение представляло собой конно-пехотное формирование батальонного уровня, которое на своем пике насчитывало около 800 человек личного состава (один эскадрон около 160 человек [\[20, с. 28\]](#)). Основной задачей подразделения было ведение разведывательной деятельности в труднодоступной местности верхом на лошади (см. рисунок 15).

Рисунок 15. Знак отличия подразделения Скаутов Грея.

Также, подразделение участвовало в совместных операциях с более элитными соединениями армии Родезии, в качестве силы поддержки. Основной костяк формирования представляли собой именно белые родезийцы, поскольку у африканцев, в силу бедности, была слабая культура обращения с лошадьми. Исключением здесь были некоторые африканцы, которые ранее работали на ранчо и имели опыт взаимодействия с лошадьми. В основном, они занимались обслуживанием и оказанием содействия в поиске следов повстанцев [\[45, с. 309-310\]](#). Также, подразделением использовались поисковые собаки, при проведении разведывательных действий в буше.

Родезийский африканские стрелки (Rhodesian African Rifles).

Подразделение Родезийских африканских стрелков самим своим существованием опровергало ту антиродезийскую позицию и откровенные пропагандистские штампы, которые активно культивировались в либеральных средствах массовой информации (СМИ) западных стран, а также в печатных изданиях стран социалистического лагеря (особо здесь стоит отметить Советский Союз [\[46\]](#)). История данного формирования началась еще во время первой мировой войны, когда Родезией был сформирован специальный туземный полк, в котором служили африканские солдаты и белые офицеры [\[47\]](#). Позднее африканских полк был пересоздан в 1940 году, для участия во Второй Мировой Войне. Приняв участие в еще нескольких конфликтах (Суэцком кризисе и Войне в Британской Малайе), родезийский африканский полк подошел к моменту одностороннего объявления независимости Родезии.

После начала вооруженного конфликта Родезии с повстанцами ЗАПУ и ЗАНУ подразделение было расширено за счет вновь созданных соединений. Личный состав данного подразделения был смешанным и состоял, преимущественно, из белых и черных

офицеров, а также чернокожих солдат добровольцев (см. рисунок 16).

Рисунок 16. Бойцы полка африканских стрелков на патрульном катере, озеро Кариба, 1976 год.

Источник: Ggwallace1954 / Wikimedia Commons.

К 1977 году численность полка Родезийских африканских стрелков составляла около 2800 человек (4 батальона, каждый численностью около 700 человек) [20, с. 27]. Как отмечают майоры армии США Чарльз Ломан и Роберт Макферсон, чернокожие солдаты были природно приспособлены к жизни в буше и поэтому полк действовал достаточно эффективно и имел хорошую репутацию среди других подразделений. Примерно в таком же ключе, данное подразделение описывает и другой офицер США, Майкл Стюарт, в своей работе, посвященной изучению становления и развития данного подразделения. В частности, Стюарт отмечает, что «для солдат полк был источником дохода, стабильности и семейной гордости, поскольку во многих случаях солдат был потомственным военным. Солдат этого полка был уважаемым членом богатого традициями и гордящегося своей историей коллектива. Он не был гражданином второго сорта и его не считали неполноценным из-за расы» [22, с. 17].

Основная мотивация, которая сподвигала чернокожих добровольцев вступать в ряды подразделения заключалась в том антипримере, который показывали повстанцы из группировок ЗАПУ и ЗАНУ. Волны грабежей, насилия и убийств (из-за отказа помогать в войне против государства), которым подвергалось чернокожее население, со стороны, фактически бандформирований, резко отвернули от себя значительную часть чернокожего населения страны. Именно «в знак протеста против зверств ЗАПУ и ЗАНУ, защиты своего имущества и существующей племенной системы многие чернокожие африканцы добровольно сражались за белую Родезию – в Родезийском Африканском полку и других подразделения Родезийских Сил Безопасности» [22, с. 22] (см. рисунок 17).

Рисунок 17. Чернокожие бойцы вспомогательных сил родезийской полиции (Support Unit).

Источник: www.bsapolice.org.

Таким образом, пропагандистские штампы, о, якобы, «колонизаторском режиме», который с помощью «белых штыков» держал чернокожее население в страхе, не имели ничего общего с реальностью.

Заключение

Таким образом, в конце данного исследования можно заключить, что вооруженные силы Родезии являлись ключевым фактором сохранения белого правительства страны на протяжении почти 15 лет, после объявления независимости в одностороннем порядке в 1965 году. Столкнувшись с санкционными трудностями во время, фактически, непрерывной партизанской войны, армия Родезии смогла адаптироваться и очень эффективно противостоять внешней военной угрозе. Особо отметим, что родезийская армия не была расистской, поскольку в различных подразделения Сил Безопасности Родезии воевала значительная часть чернокожего населения страны, а сами чернокожие бойцы не подвергались какой-либо дискриминации. Отметим также, что даже несмотря на некоторые ошибки армейского и политического руководства (например, позднее осознание важности африканских солдат в войне с повстанцами), армия Родезии все равно оставалась феноменально эффективной.

Фактически не проигравшая ни одной битвы, родезийская армия все равно не смогла обеспечить дальнейшее существование страны, поскольку вся родезийская война была «битвой со временем», конъюнктура которого не оставляла шансов на существование независимой Родезии.

Библиография

- Гонта С. Н. Вооруженные силы и полиция независимой Родезии (1965-1979). Часть 1: Полиция // Genesis: исторические исследования. – 2024. – № 1. – С. 167-179. – DOI: 10.25136/2409-868X.2024.1.68820. – EDN: DAYQPK.

2. Rhodesia Handbook. – Virginia: Central Intelligence Agency, 1 december 1970. – 44 p.
– Approved For Release 2001/05/17: CIA-RDP79-00891A000700060001-0. – URL:
<https://archive.org/details/CIA-RDP79-00891A000700060001-0> (дата обращения: 30.10.2023).
3. Rhodesia: Growing Troubles for the Smith Government. – Virginia: Central Intelligence Agency, 1 June 1973. – 16 p. – Approved For Release 2004/06/29: CIA-RDP85T00875R002000120041-8. – URL: <https://archive.org/details/CIA-RDP85T00875R002000120041-8> (дата обращения: 30.10.2023).
4. Zimbabwe-Rhodesia: economic, military, and demographic situations in Mid-1979. – Virginia: Central Intelligence Agency, August 1979. – 25 p. – Approved For Release 2007/09/04: CIA-RDP83R00184R002600410001-8. – URL:
<https://archive.org/details/1979ZimbabweAfricaCia> (дата обращения: 30.10.2023).
5. Резолюция Совета Безопасности ООН № 221 от 09.04.1966 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL:
<https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1966> (дата обращения: 30.10.2023).
6. Резолюция Совета Безопасности ООН № 232 от 16.12.1966 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL:
<https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1966> (дата обращения: 30.10.2023).
7. Резолюция Совета Безопасности ООН № 253 от 29.05.1968 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL:
<https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1966> (дата обращения: 30.10.2023).
8. Двадцать третья сессия ГА ООН: Вопрос о Южной Родезии № 2383 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций [сайт]. – URL:
<https://www.un.org/ru/ga/23/docs/23res.shtml> (дата обращения: 31.10.2023).
9. Карамаев С. Г. Белый и черный национализм в Родезии // Вопросы национализма. – 2011. – № 4(8). – С. 90-111. – EDN: RXHJIF.
10. Бобринев К. С. Война в Южной Родезии (1965-1979 гг.). Анализ боевых действий // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3(276). – С. 113-118. – EDN: ZITEEJ.
11. Шубин В. Г. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы: дис. ... док. истор. наук: 07.00.03. Москва, 1999. – 468 с.
12. Шубин В. Г. Горячая "холодная война": Юг Африки (1960-1990 гг.). – М.: Языки славянских культур, 2013. – 364 с. – ISBN 978-5-9551-0655-7. – EDN: UGNRTT.
13. Туряница Д. А., Шубин В. Г. Воспоминания участников борьбы против апартеида об учебе в СССР (1960-1980-е гг.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 5. – С. 191-202. – DOI: 10.31857/S086919080016946-7. – EDN: LMFOAF.
14. Шубин В. Г. Невоспетые герои // Азия и Африка сегодня. – 2010. – № 5(634). – С. 13-20. – EDN: OFZWYT.
15. Урнов А. Ю. Советский Союз и борьба против колониализма и расизма на юге Африки // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 3(620). – С. 55-61. – EDN: ULPJXL.
16. Урнов А. Ю. Советский Союз и борьба против колониализма и расизма на юге Африки (окончание) // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 4(621). – С. 53-59. – EDN: ULWCUT.
17. Малкин С. Г. Аналитические центры и политика США в странах "третьего мира" в

- начале 1960-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 363-367. – DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-363-367. – EDN: YNDQTB.
18. Нестеров Д. А. Колониальный опыт и теория контрпартизанской борьбы в США: источниковедческий анализ материалов корпорации "РЭНД" первой половины 1960-х годов // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7, № 2(23). – С. 203-208. – EDN: XQHMXB.
 19. Лезин А. И., Нестеров Д. А. "Британский путь" контрпартизанской борьбы: РЭНД, деколонизация и политика чрезвычайного положения в Малайе (1948-1960 годы) // Самарский научный вестник. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – С. 217-220. – EDN: TEURYZ.
 20. Charles M. Lohman, Robert I. MacPherson Rhodesia: Tactical Victory, Strategic Defeat // War since 1945: seminar and symposium, Marine Corps Command and Staff College, 7 June 1983. Virginia: Marine Corps Development and Education Command Quantico, USA. 49 р.
 21. Bairstow M. Timothy Border Interdiction in Counterinsurgency: A Look at Algeria, Rhodesia, and Iraq: masters degree dissertation of military art and science. – Kansas: United States Army Command and General Staff College, 2006. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Border-Interdiction-in-Counterinsurgency%3A-A-Look-at-Bairstow/0146034ddc8af3f09930ce16917f93b013c4e2b#citing-paper> (дата обращения: 07.11.2023).
 22. Stewart P. Michael The Rhodesian African Rifles: The Growth and Adaptation of a Multicultural Regiment through the Rhodesian Bush War, 1965-1980: masters degree dissertation of military art and science. – Kansas: United States Army Command and General Staff College, 2011. – URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=77127cab0ded478811d871f80d5885694021ba38> (07.11.2023).
 23. Kohmetscher M. Challenging the Narrative: Rhodesian Political Strategy Supporting Military Success During the Bush War (1965-1979) // Report: West Point Undergraduate Historical Review. – 2023. – № 13(1). – URL: <https://digitalcommons.usmalaibrary.org/report/vol13/iss1/10> (дата обращения: 07.11.2023).
 24. Гонта С. Н. Родезийская «война в буше» (1965-1979) в исследованиях западных военных // Военный сборник. – 2023. – № 11(2). – С. 87-98. – DOI: 10.13187/vs.2023.2.87. – EDN: ZPIXVK.
 25. Cilliers J. K. Counter-Insurgency in Rhodesia. London; Sydney; Dover, New Hampshire: Croom Helm, 1985. – 278 р. DOI: 10.4324/9781315713854.
 26. Flower K. Serving secretly: an intelligence chief on record: Rhodesia into Zimbabwe, 1964 to 1981. London: John Murray (Publishers) Ltd, 1987. – 330 р. – ISBN: 0-7195-4438-6.
 27. Moorcraft P., McLaughlin P. The Rhodesian War: A Military History. United Kingdom: Pen & Sword Military, 2008. – 274 р. – ISBN: 9781844156948.
 28. Pittaway J., Fourie C. SAS Rhodesia: Rhodesians and the Special Air Service. Durban: Dandy Agencies (Pty) Ltd, 2003. – 320 р. – ISBN: 0-620-29347-0.
 29. Stack M. "Strategy without tactics is the slowest route to victory. Tactics without strategy is the noise before defeat". A comparative study of the Malayan Emergency 1948 to 1960 and the Rhodesian Civil War 1964 to 1979: masters degree dissertation of arts in history. – Stellenbosch: Stellenbosch University, 2016. – URL: <https://scholar.sun.ac.za/items/8acf0e27-502f-4209-8b4e-d4123b8cb1d0> (дата обращения: 07.11.2023).

обращения: 08.11.2023).

30. Декларация независимости Родезии [Электронный ресурс] // Wikilivres [сайт]. URL: https://wikilivres.ru/%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9D%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 08.11.2023).
31. Anthony R. Wilkinson Insurgency in Rhodesia, 1957-1973: An Account and Assessment (Adelphi Papers number 100). London: The International Institute for Strategic Studies, 1973. 47 р., maps.
32. Африка: неоплаченный долг колонизаторов / И. О. Абрамова, С. Н. Волков, В. В. Грибанова [и др.]. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки Российской академии наук, 2023. – 122 с. – ISBN 978-5-91298-296-5. – EDN: OORAQY.
33. Веремеев Ю. Г. Мины вчера, сегодня, завтра. – Минск: Современная школа, 2008. – 352 с. – ISBN 978-985-513-138-1.
34. Гонта С. Н. Война в Родезии (1965-1979): борьба с террористами или гражданский конфликт? // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 7. – С. 45-57. – DOI: 10.25136/2409-868X.2023.7.43415. – EDN: TBNIFI.
35. Tompkins J. P., Grdovic M., Gutierrez B., Pilkulsky T., Pinczuk G., Riggs B. Unconventional Warfare Case Study: The Rhodesian Insurgency and the Role of External Support: 1961-1979. – Fort Bragg, North Carolina: The United States Army Special Operations Command. – 252 р.
36. Brownell J. The Hole in Rhodesia's Bucket: White Emigration and the End of Settler Rule* // Journal of Southern African Studies. – 2008. – Vol. 34(3). – pp. 591-610. – DOI: 10.1080/03057070802259837.
37. Pattenden H. Britain and the Rhodesian Mercenary Issue, c.1970–1980 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. – 2021. – Vol. 49(4). – pp. 777-804. – DOI: 10.1080/03086534.2021.1896647.
38. Lobban R. American Mercenaries in Rhodesia // Journal of Southern Africa Affairs. – 1978. – Vol. 3(3). – pp. 319-325.
39. Brown R. American Mercenaries in Africa // Soldier of fortune. – Summer 1975. – pp. 22-31.
40. Cocks C. Fireforce – One Man War in the Rhodesian Light Infantry // Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies. – 1998. – Vol 28(1). – pp. 179-182.
41. Рябов К. ЮАР и Родезия против мин. Часть I [Электронный ресурс] // Военное обозрение [сайт]. 2013. – URL: <https://topwar.ru/31663-yuar-i-rodeziya-protiv-min-chast-i.html> (дата обращения: 25.01.2024).
42. Костин А. А. Что такое MRAP? История их развития // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 42-46.
43. Потемкин А. Танковая контрабанда и танковый блеф в Родезии [Электронный ресурс] // Warspot [сайт]. – 2015. – URL: <https://warspot.ru/3688-tankovaya-kontrabanda-i-tankovyy-blef-v-rodezii> (дата обращения: 25.01.2024).
44. Карамаев С., Потемкин А. Военно-воздушные силы Родезии: на честном слове, аренде и контрабанде [Электронный ресурс] // Warspot [сайт]. – 2015. – URL: <https://warspot.ru/3497-voenno-vozdushnye-sily-rodezii-na-chestnom-slove-arende-i-kontrabande> (дата обращения: 20.02.2024).
45. Stapleton T. 'Tracking, tracking and more tracking was their motto': bush tracking and warfare in late twentieth-century Southern Africa // War & Society. – 2015. – Vol.

- 34(4). – pp. 301-323. – DOI: 10.1080/07292473.2015.1128658.
46. Червяков Р. Ю. «Белые руки и грязные трюки»: советская карикатура о политике апартеида в ЮАР и Родезии (1977–1985 гг.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых, Москва, 11–14 октября 2021 года / Институт российской истории РАН. – М.: Институт Российской истории РАН, 2021. – С. 531-540. – EDN: NWGUEL.
47. Бобринев К. С. Южная Родезия в Первой мировой войне // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – 2021. – № 3(28). – С. 7-18. – EDN: LTUIZP.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня не только публицисты, но и политические деятели много говорят о необходимости борьбы с неоколониализмом, охватившем целые регионы в Азии, Африке и Латинской Америке. При этом история второй половины ХХв. имеет не только примеры успешной антиколониальной борьбы, но и существование ряда режимов, имевших во многом расистский характер. Одним из подобных случаев является Южная Родезия, которая в период с 1965 по 1979 гг. была фактически независимой.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является функционирование армейских сил Родезии (BBC и сухопутных войск) в годы фактической независимости. Автор ставит своими задачами проанализировать литературу по теме статьи, определить основные черты родезийских вооруженных сил, рассмотреть основные подразделения армии Родезии в период фактической независимости и вооруженной борьбы с повстанцами.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать армейские вооруженные подразделения Родезии в 1965-1979 гг.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 50 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников отметим резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, декларацию независимости Южной Родезии и др. Из используемых исследований укажем на труды С.Н. Гонты, К.С. Бобринева, В.Г. Шубина, Чарльза Ломана и Роберта Макферсона, Тимоти Бэйрстоу, Майкла Стюарта и Макса Кохметчера, в центре внимания которых находятся различные аспекты истории Южной Родезии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для

понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей колониализма и неоколониализма, в целом, так и Южной Родезией, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "в 1965 году, армейские силы страны состояли преимущественно из мотивированных и хорошо подготовленных белых родезийцев, которые к тому же были ветеранами британских колониальных войн". Автор обращает внимание на то, что "власти Родезии стремились решить военные проблемы, в основном, за счет основных белых подразделений армии, что в конечном итоге стало ошибкой, поскольку большая часть чернокожих родезийцев была готова защищать свою страну с оружием в руках на стороне белого правительства". В работе показано, что "воздушные силы Родезии являются уникальным примером того, как в условиях международной изоляции и экономической блокады можно сохранять феноменальную боеспособность, пожалуй, наиболее сложного (в техническом плане) и чувствительного к ограничениям рода войск". Особый интерес вызывает приводимая автором информация о таком спецподразделении как Скауты Селуса.

Главным выводом статьи является то, что

"вооруженные силы Родезии являлись ключевым фактором сохранения белого правительства страны на протяжении почти 15 лет, после объявления независимости в одностороннем порядке в 1965 году".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 17 рисунками, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории Азии и Африки, так и в различных спецкурсах.

К статье есть отдельные замечания: так, автор пишет, что "армия Родезии смогла адаптироваться и очень эффективно противостоять внешней военной угрозе", хотя основным ее противником были именно внутренние повстанцы. Равным образом несколько натянутым выглядит авторское утверждение о том, что родезийская армия не проиграла ни одной битвы: в реальности эта армия воевала с повстанческими силами, что вряд ли позволяет говорить о привычных "сражениях".

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Маркова Е.В. Духовная жизнь общества сквозь призму деятельности библиотек Европы на пересечении Средневековья и Нового времени // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.70040 EDN: NAMUNQ URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=70040

Духовная жизнь общества сквозь призму деятельности библиотек Европы на пересечении Средневековья и Нового времени

Маркова Елизавета Владимировна

ORCID: 0009-0009-6682-2000

аспирант, кафедра социально-политических коммуникаций, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

603022, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

✉ markovaev11@yandex.ru

[Статья из рубрики "Интеллектуальная история"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.70040

EDN:

NAMUNQ

Дата направления статьи в редакцию:

04-03-2024

Аннотация: Статья посвящена историческому влиянию библиотек Европы на духовную жизнь общества, в частности, на примере феномена охоты на ведьм. В соответствии с основными принципами исторической науки, на основе анализа ряда исторических источников и современных исследований выясняется вопрос о влиянии библиотек на феномен охоты на ведьм в Европе. Методы исследования включают как общенаучные, так и конкретно-исторические методы. Применяется сравнительно-исторический и описательный подход к цитируемым историческим источникам. Влияние библиотек на феномен охоты на ведьм в Европе показано на основе обзора исторических источников о библиотеках на феномен охоты на ведьм в Европе. На основе обзора исторических источников о библиотеках, посвященных феномену охоты на ведьм в Европе, предпринята первая попытка изучить непосредственное влияние библиотек на феномен охоты на ведьм в Европе. В данном исследовании применялись сравнительно-исторический и описательный подходы приведенных исторических источников. С

помощью указанных методов обработки архивных документов, на основе доступных источников выявляется информация о влиянии европейских библиотек на феномен охоты на ведьм. Предлагается обзор некоторых исторических источников с целью выяснения влияния европейских библиотек на феномен охоты на ведьм в контексте определенных хронологических рамок и социально-политических условий. Объектом исследования являются литература и библиотеки Европы переходного периода. Для исследования влияния библиотек на феномен охоты на ведьм использовался проблемно-хронологический метод. Основа исследования состоит из главнейших принципов исторической науки. Историзм и научность исследования дают возможность предполагать основное влияние европейских библиотек на феномен охоты на ведьм по хронологии событий на фоне указанного исторического отрезка времени. При этом строго учитывается массив найденных и опубликованных в настоящее время исторических материалов. Общенаучные и специальные исторические методы составляют методологию представленного исследования.

Ключевые слова:

библиотека, духовная жизнь, охота на ведьм, Европа, Средневековье, Новое время, Ренессанс, барокко, эпоха Просвещения, инквизиция

Введение

Одним из самых изучаемых периодов в истории считается период так называемой «охоты на ведьм», приобретшей необыкновенный размах в странах Европы XVI – XVII вв. Парадокс заключается в том, что исследователи до сих пор не дают чёткого ответа, с чем связано появление данного феномена именно в этот отрезок времени. Повышенный интерес к демонологии отмечается в периоды позднего Ренессанса, барокко и даже раннего Просвещения. Факт того, что последние казни «колдунов и ведьм» произошли в Англии в 1684 году, в Шотландии в 1722 году, во Франции в 1745 году, и, наконец, в Германии в 1775 году вызывают определённый интерес современных исследователей.

О проблематике «охоты на ведьм» писали многие историки [Столяров, 2019; Мартынова, 2022; Володарский, Кожевников, 2023], религиоведы и философы [Денисова, 2022; Черных, 2022; Бадзев, Иванов, Мовсисян, 2023; Глухов, 2023], филологи и лингвисты [Карпов, 2022; Лебедева, 2022; Шульц, 2022], правоведы и журналисты [Отставнова, 2022; Пономарев, 2022], искусствоведы [Пигулевский, Мирская, 2022].

Темпорология «охоты на ведьм» интересна ещё и с точки зрения возникновения именно в указанный период так называемого «цивилизованного мира», что может вызвать те или иные размышления о его природе. Против «охоты» выступали ведущие богословы обоих западных вероисповеданий – отец Шпее, П. Рейман, Хр. Томазиус и А. Таннер. В то же время поддерживали её известные «гуманисты» и новоевропейские мыслители – М. Фичино, Ж. Боден, Т. Гоббс и Дж. Вико. Столкнувшись с этим парадоксом, современные исследователи предпочитают говорить о «тайственности» и «неопределенности» наших знаний и доступных данных в этом запутанном вопросе [Monter, 1969; Midelfort, 1972].

Исследователь А.Я. Кожурин связывает данный феномен с возникающей новоевропейской наукой [Кожурин, 2024]. Задачей нашего исследования является расширить исследование А.Я. Кожурина и выяснить взаимное влияние библиотек Европы на феномен «гонения на ведьм». Эта тема представляется актуальной, поскольку на

данный момент подробных исследований по данной тематике в научном сегменте обнаружено не было.

Библиотеки были центрами знаний и образования. Они содержали рукописи, книги и другие письменные материалы, которые были доступны только ограниченному числу людей. Библиотеки находились в монастырях, университетах и дворцах, и их целью было сохранение и распространение знаний. Монахи и ученые использовали библиотеки для изучения и исследования различных тем, включая философию, религию, науку и историю.

Однако, в то время в Европе также происходила борьба с ведьмами. Ведьмы считались врагами церкви и общества, и их преследовали и сжигали на кострах. Ведьмы обвинялись в колдовстве, связях с дьяволом и причинении вреда другим людям. Ведьмы были часто женщинами, которые не соответствовали стандартам того времени, и их преследовали как «отклоняющихся» от общественных норм.

Библиотеки и борьба с ведьмами имели некоторое взаимодействие. Церковь использовала свою власть и влияние, чтобы контролировать доступ к знаниям, хранящимся в библиотеках. Они опасались, что некоторые книги и рукописи могут содержать «заблуждения» или «колдовство», которые могли бы угрожать их власти. Это привело к тому, что некоторые книги были запрещены или уничтожены, а некоторые ученые и монахи были обвинены в колдовстве и преследовались.

Борьба с ведьмами также повлияла на общественное мнение о женщинах и их роли в обществе. Женщины, которые проявляли независимость или не соответствовали стандартам того времени, могли быть обвинены в колдовстве и преследоваться. Это создало атмосферу страха и подавления, которая ограничивала свободу женщин и их возможности.

Рассматриваемый нами период – переходный, можно сказать, переломный, «раскольничий». Средневековые представления об устройстве мира, систематизированные тогдашними выдающимися учеными, рухнули, и новая «картина мира» только начала формироваться. Из «трещин», образовавшихся в результате кризиса средневекового мировоззрения, в мир хлынули представления о нечистой силе во всех доступных фантазии человека проявлениях. Человек мог коммуницировать с «нечистой силой», стремиться вступить в контакт с демонами, в том числе и легальным путем, заключать «контракты с демонами». Общим понятием была вера в сверхъестественные способности некоторых представителей человечества, и эта вера стала своего рода «общим местом» для того времени.

Библиотеки служили центрами знаний и образования, в то время как борьба с ведьмами отражала социальные и религиозные нормы того времени. Эти две сферы взаимодействовали друг с другом, влияя на общество и его восприятие знаний и женщин.

Объект и методы исследования

В статье предлагается обзор некоторых исторических источников с целью выяснения влияния европейских библиотек на феномен охоты на ведьм в контексте определенных хронологических рамок и социально-политических условий. Объектом исследования являются литература и библиотеки Европы переходного периода. Для исследования влияния библиотек на феномен охоты на ведьм использовался проблемно-хронологический метод. Основа исследования состоит из главнейших принципов

исторической науки. Историзм и научность исследования дают возможность предполагать основное влияние европейских библиотек на феномен охоты на ведьм по хронологии событий на фоне указанного исторического отрезка времени. При этом строго учитывается массив найденных и опубликованных в настоящее время исторических материалов. Общенаучные и специальные исторические методы составляют методологию представленного исследования. В данном исследовании применялись сравнительно-исторический и описательный подходы приведенных исторических источников. С помощью указанных методов обработка архивных документов, на основе доступных источников выявляется информация о влиянии европейских библиотек на феномен охоты на ведьм.

Результаты и их обсуждение

1. «Охота на ведьм» в Европе

В своей обширной монографии, посвященной истории книжной культуры, знаменитый исследователь Ю.Н. Столяров обнаружил один из важнейших источников, придавших книжной культуре не только форму, но и смысл. Он уверен, что религия, с ее эзотерическими и мистическими корнями, а также ее антиподы, такие как "отреченные книги", магия и оккультизм, сыграли важную роль в формировании и развитии книжной культуры. Эти области знаний и практик, связанных с загадочными и скрытыми аспектами бытия, пронизывали литературные творения и способствовали формированию особого типа чтения и мысли. Магическая и эзотерическая литература стали важными элементами истории книжной культуры, удивительно влияя на формирование читательских вкусов и представлений о мире. Весьма интересно, что письменные источники, связанные с религиозными и мистическими учениями, играли роль посредников между небесами и землей, между божественным и мирским. Эти книги, искренне захватывающие умы и воображение, расширили границы человеческой мысли и внесли важный вклад в книжную культуру, оставаясь вечными свидетелями эпохи [Столяров, 2017, 318-357]. Говоря о деятельности средневековых библиотек в отношении «охоты на ведьм» необходимо упомянуть и о некоем цензурном влиянии феномена «охоты на ведьм» на деятельность европейских библиотек. Тогда христианство начало притязать на экономическое, политическое и, конечно, духовное господство в обществе.

Таким образом, церковь начала активно вмешиваться в жизнь людей и пыталась искоренить все проявления «дьявольского» влияния. Она проводила инквизиции, пытки и казни, чтобы избавиться от колдунов, еретиков и других «врагов веры». В то время вера считалась неотъемлемой частью государственной власти, и церковь имела большую силу.

Одной из самых известных и кровавых инквизиций была Испанская инквизиция, которая длилась более трех столетий и привела к множеству смертей невинных людей. Только из-за подозрения в колдовстве, ереси или иным «дьявольским» делам, многие люди были подвергнуты жестокому наказанию.

Такие преследования исходили из идеи о том, что дьявол и его приспешники влияли на каждый аспект жизни и светское общество. Церковь видела врагами во всем, что отклонялось от ее учений и призывов. Она стремилась защитить веру и верных прихожан от «опасности», которую представляли все, что могло быть связано с дьяволом.

Церковный суд исполнял роль судей в этих гонениях на еретиков, колдунов и ведьм. По верованиям того времени, колдуны считались виновниками различных негативных

явлений, например, болезней, неурожая или бедствий. Их арестовывали, а после проводили публичные процессы и казни, часто сжигая их на кострах.

Кризисная ситуация усугублялась постоянным состоянием войны, повсеместным мором, падежом скота и стихийными бедствиями. Естественно, многие задумывались об оккультном заговоре земных пособников Сатаны. Причем проводниками этого заговора считались непросто отдельные люди, а целые «сообщества преступников», которые, естественно, были виновны в преступлениях своих участников. Эти сообщества состояли из людей, которые могли творить только зло – это были «ведьмы» и «колдуны». Действуя в одиночку, «колдуны», что парадоксально, по представлениям людей тех времён, были наделены и положительными способностями. Они могли не только насылать болезни, но и лечить их. Вот какую классификацию дает «Наставление к допросу ведьм» (1588 г.): «Ведуны и ведьмы, в отличие от обычных колдунов и колдуний, действуют не порознь, а скопом: они образуют преступное сообщество... Тогда как другие чародеи по собственной воле могут направлять свою таинственную силу во вред или на благо людям – могут, например, напускать, но могут и излечивать болезни, ведьмы и ведуны творят лишь исключительно зловредные деяния. Они обязаны к нему своим договором с нечистым» [Сперанский, 1906, 15].

С самого начала своего существования католическая церковь придавала большое значение теме дьявола. Она считала, что дьявол активно вмешивается в повседневную жизнь людей, вредит им и пытается отдалить их от Бога. Поэтому христианские богословы создали огромное количество литературы, посвященной этому вопросу [Грегоровиус, 2008]. С середины XIII века Католическая церковь стала активно обсуждать феномен добровольного союза человека с дьяволом. Своей позицией отметил папа Иоанн XXII (1244?1249?-1334), которого самого подозревали в связи с силами тьмы [Православная энциклопедия, 2010, 551, 561-567].

Ученые мужи черпали знания для борьбы с ересью и колдовством из фонда библиотек. Некоторые библиотекари напрямую работали над этим вопросом в библиотечных стенах. В своей книге Габриэль Ноде (1578-1641), автор «*Advis pour dresser une bibliothèque* (Указания по созданию библиотеки)» (1627), составил библиографию имён известных людей, замешанных в делах, связанных с колдовством [Naudé, 1627]. Обладая глубокими познаниями в области классической литературы, философии и медицины, Габриэль Ноде начал работать библиотекарем в Риме при кардиналах Джованни Франческо Банини (1578-1641) и Франческо Барберини (1597-1679). Ноде, много путешествовавший по Европе, уделял особое внимание сбору уникальных произведений для создания первой библиотеки, которая легла в основу парижского дворца кардинала и министра Жюля Мазарини (1602-1662). По просьбе Мазарини Ноде собрал тысячи редких книг и манускриптов. Вся коллекция хранится в Национальной библиотеке Франции. Ноде издавал произведения итальянских писателей эпохи Возрождения, таких как Лео Арахиус, Джероламо Кордано, Джироламо Лорарио и Агостино Нифо. Его роль в распространении идей этих писателей во Франции была значительной. Коллекция книг Мазарини, собранная Ноде, превышала 40 000 томов. Однако в 1651 году, после начала войны и бегства Мазарини из Парижа, они были проданы по приказу Парижского парламента. Распродажа была постепенной, что затруднило Мазарини возобновление его коллекции. Оставшиеся книги и рукописи вместе со Второй библиотекой кардинала составили основу современной библиотеки Мазарини в Университете Форнасьон в Париже. В своих политических трудах Габриэль Ноде придерживался макиавелизма и считал, что интересы государства оправдывают нарушение некоторых моральных принципов. В своем самом известном трактате «Размышления о политическом

перевороте» (1639) он отстаивал законность резни гугенотов в канун дня святого Варфоломея и приводил аргументы в пользу этой точки зрения.

Ноде также много писал об эзотерике и колдовстве. Он классифицировал колдовство на белое (лечебное, защитное), черное (вредное), «божественное» и «естественное». Последняя категория включала в себя такие науки, как астрономия, химия и физика. Другой важной темой, затронутой в трудах Габриэля Ноде, было учение росикрусианцев: в 1652 году Ноде переехал в Стокгольм, чтобы стать придворным библиотекарем королевы Кристины, но вскоре вернулся во Францию, где и умер.

Булла *Summis desiderantes affectibus* (лат. «Всеми силами души») была выпущена папой Иннокентием VIII в 1484 году. В ней он оправдывал самые масштабные и жестокие меры по поиску и наказанию дьявола и виновных. Булла также предоставляла магистратам-инквизиторам полную свободу действий. Эта булла играла ключевую роль в постановлении охоты на ведьм и проведении инквизиции в Европе. Она дала инквизиторам полномочия арестовывать, судить и наказывать тех, кто обвинялся в отношениях с демонами и ведьмами без необходимости получения особых разрешений. Булла *Summis desiderantes affectibus* стала одним из основных правовых оснований для их действий [Papal Bull *Summis desiderantes affectibus*, 1484].

Со временем по поручению папы была разработана система этих мер, увековеченная в книге *Malleus Maleficārum* («Молот ведьм») [Institoris, 1487] со ссылками Святое Писание. Одним из важных аспектов этого периода стал феномен книги *Malleus Maleficārum*, или «Молот ведьм» [Крамер, Шпренгер, 1932]. Этот текст посвящен исследованию данного явления, его возникновению, развитию и последствиям. Знаменитый исследователь С.Г. Лозинский в своем труде называет этот труд роковым [Лозинский, 1932].

Malleus Maleficārum был написан в 1486 году двумя немецкими доминиканскими инквизиторами Генрихом Инстанторисом (ок. 1430-1505) и Якобом Шпренгером (ок. 1436-1505). Они создали эту «Справочную книгу о ведьмах» с целью борьбы с колдовством и с целью утверждения права Церкви на борьбу с ним. Инстанторис и Шпренгер попытались в этой книге описать, как выявлять, обвинять и осуждать таких женщин, которые, по их мнению, были ведьмами.

Malleus Maleficārum можно назвать вехой в истории охоты на ведьм. Этот текст подробно описывает «симптомы» ведьмы и способы их выявления, включая испытания через воду, огонь и пытки, а также способы признания ведьмы. Книга стала практическим руководством для инквизиторов и представителей церкви, что в значительной мере способствовало массовым охотам на ведьм.

Этот феномен существовал во многих европейских странах, и охота на ведьм была особенно активной в Германии, Франции и Швеции. Несчастные женщины, попавшие под подозрение, подвергались пыткам, а иногда и казни, даже если они не совершали никаких колдовских деяний. *Malleus Maleficārum* стал мощным инструментом для подавления женской сексуальности, как символа зла и греха.

Однако, несмотря на свою популярность, *Malleus Maleficārum* вызывал некоторую критику. Были ученые и духовные лидеры, которые сомневались в истинности описанного в книге. Они отмечали, что многие признания под пытками были ложными и что множество невинных женщин погибло из-за этой работы. Тем не менее, труд обладал весомым авторитетом, так как высшими цензорами выступили учёные мужи теологического факультета Кёльнского университета, многие из которых имели прямое

отношение к университетской библиотеке, как, в частности, и один из авторов «Молота ведьм» Якоб Шпренгер, являвшийся профессором теологии и деканом Кёльнского университета.

Со временем интерес к *Malleus Maleficārum* постепенно ослабел, и охота на ведьм утратила силу. Многие современные исследователи пытаются пролить свет на этот период и разобраться в причинах хорошо организованной и массовой охоты на ведьм.

Таким образом, *Malleus Maleficārum* является чрезвычайно важным текстом для изучения феномена охоты на ведьм. Онказал большое влияние не только на историю и культуру того времени, но и на понимание роли женщины в обществе.

2. Европейские библиотеки

Библиотеки Европы представляли собой ценные хранилища знаний и культуры. В течение этого периода, великие библиотеки и монастыри расцветали во всей Европе, собирая и сохраняя уникальные рукописи, древние тексты и ценные книги.

Одной из самых известных библиотек того времени была великая библиотека Клуни, основанная в 910 году во Франции. Это был центр интеллектуальной и духовной жизни, где собирались ученые и монахи для изучения и обмена книгами и идеями. Библиотека Клуни славилась своей коллекцией рукописей, включающей тексты античных философов, священные писания и редкие астрономические календари.

В других частях Европы также существовали великие библиотеки. Например, в Италии была знаменитая библиотека Ватикана, которая стала центром ренессансного гуманизма. Здесь собирались великие гуманисты и ученые, чтобы изучить древние тексты и древнегреческие философские трактаты. Библиотека Ватикана была не только местом хранения книг, но и местом исследований и наставничества для многих ученых.

Для того, чтобы удовлетворить спрос на знания, библиотеки использовали различные методы сохранения и распространения книг. Одним из них была копировальная технология, при помощи которой книги с качественно сохраненным текстом могли быть воспроизведены в большом количестве. Монахи и книжные мастера в монастырских скрипториях тщательно копировали тексты на пергамент и оформляли их с использованием иллюстраций и миниатюр.

Возникновение новых техник печатания, таких как печать с подвижными типами и литография, в конце XV века, в значительной степени изменило пейзаж библиотек. Теперь книги могли быть скопированы и распространены в гораздо большем количестве, что привело к большему доступу к знаниям.

Библиотеки были кузницей идей и знаний, которые способствовали прогрессу и развитию культуры. Их значимость невозможно переоценить, поскольку они служили мостом между прошлым и будущим, сохраняя и накапливая знания для грядущих поколений. Благодаря этим библиотекам, ученые и философы смогли продолжить свои исследования, углубляясь в новые идеи и делать открытия. Они остаются великим источником вдохновения и важным аспектом европейской истории.

Первые университеты появились в XII веке в быстро развивающихся городах. Эти университеты выросли из школ при епископствах и частных ассоциаций преподавателей философии, права и медицины. При этих университетах были организованы библиотеки. В Италии уже в XI веке существовала библиотека Болонской юридической школы, которая со временем превратилась в университет. Одновременно с этой библиотекой в

Болонье существовала библиотека медицинской школы в Солерно.

В период с XII по начало XVI века университетские библиотеки были созданы в Париже, Монпелье (Франция), Оксфорде и Кембридже (Англия), Саламанке (Испания) и Лиссабоне (Португалия); в XIV веке - в центральных городах. К началу XVI века в Европе насчитывалось уже более 60 университетских библиотек.

Библиотеки становились хранилищами фактов. Например, в Национальной библиотеке Франции хранится информация о факсимиле рукописного письма демонов Асмодею и аббату Грандье. Письмо связано с эпидемией одержимости, поразившей урсулинскую общину аббатства Лауден в 1635 году. Во время этой эпидемии демоны вербовали дворян южной и западной Франции.

В рамках нашего исследования нельзя обойти вниманием вопрос устройства образовательной системы Средневековья, в которую входили и библиотеки. Новый мощный стимул к обучению появился в конце XII и начале XIII веков в виде поступления новых текстов, с которыми приходилось иметь дело переписчикам и ученым. Латинские переводы медицинских трудов арабских врачей, научных и философских трудов арабских и греческих мыслителей, и особенно Аристотеля, проникли в латинский мир. Эти переводы были сделаны латинскими и греческими христианами, а также евреями и мусульманами, работавшими в Испании, Сицилии и Северной Африке. В то время как западный мир уже обладал некоторыми знаниями об Аристотеле труды по логике, благодаря ранним переводам Бозия, на Западе теперь появились дополнительные работы по логике, а также его физика, метафизика, Душа, Никомахова этика, Зарождение и разложение, Метеориты, Небеса, политика и поэтика. В то же время труды греческих физиков (Гиппократ, Гален) и мусульманских и еврейских мыслителей (Авиценна, Аверроэс, Маймонид) поглощались Западом. Схоластический метод, уже применяемый в университетах, использующий разум для интерпретации и согласования противоречивых текстов — философских, теологических, юридических, медицинских — оказался замечательным инструментом для интеграции всех этих новых материалов в западную интеллектуальную традицию. Одним из результатов этой подачи нового материала в значительной степени стала реорганизация некоторых гуманитарных дисциплин в три новые категории: натурфилософия (наука), моральная философия (этика) и метафизическая философия. Эти предметы, наряду с логикой, изучались на факультете искусств, но были очень важными на выпускающих факультетах, особенно теологии и медицины, поскольку эти преподаватели и студенты впервые получили образование на факультете искусств. Средневековые научные трактаты обычно писались профессорами теологии, которые продолжали научные интересы, развившиеся у них при изучении натурфилософии. Продолжающееся влияние этих трех философских категорий все еще можно обнаружить сегодня в названии Доктор философии — степени, обычно присуждаемой людям практически по любому предмету. Как ни странно, для эпохи, известной своей архитектурой, этот предмет никогда не заслуживал места в учебной программе, как и «технические искусства»: хирургия, земледелие и другие виды «практических» знаний. С другой стороны, астрология не была официальной частью несвязанных искусств, но время от времени и в разных местах ей уделялось значительное внимание. Это было тесно связано с астрономией, которая была одним из свободных искусств, и обычно считалось, что она важна для студентов-медиков, поскольку предполагалось, что движение планет оказывает некоторое влияние на физиологию и психологию человека.

Новый материал также изменил общую философскую и риторическую ориентацию европейских ученых. До XII века латинский христианский мир формировался под

влиянием идей и методов Платона и Цицерона. Оба, особенно Платон, подчеркивали приоритет духовного над материальным. Оба писали в манере, которая должна была быть привлекательной и убедительной, а не просто логической демонстрацией. Ст. Августин и Бозий оба подчеркивали реальность духовного мира, а не материального, как это делали Платон и Бозий, как Цицерон до него, который сохранил манеру ведения философского спора с помощью непринужденных диалогов между друзьями в стиле Платона. Святой Ансельм следовал этой философской и риторической традиции. Абеляр и Питер Ломбард отошли от диалога в пользу логической аргументации, и это движение ускорилось благодаря появлению работ Аристотеля, работ, которые читаются, скорее, как учебники геометрии, написанные формальным техническим языком, а не как обычные беседы друзей. Более того, аристотелевская философия подчеркивала реальность материального мира и, следовательно, важность науки в большей степени, чем это делали более ранние мыслители – платоники и неоплатоники. Поскольку папы считали Париж главным центром богословских исследований, они предприняли несколько попыток ограничить изучение естественной философии (науки) в Париже, запретив использование научных книг Аристотеля, но они сделали это напрасно. К середине XIII века все известные научные труды Аристотеля стали частью учебной программы. В других городах папы не предпринимали подобных попыток ограничить науку. Когда папа Григорий IX основал Тулузский университет (в 1229 году), он не накладывал никаких ограничений на научное обучение, и с самого начала Оксфорд имел право делать упор на естественные науки и математику. Роберт Гроссетест (умер в 1253 году, будучи епископом в Линкольне) был там профессором теологии, но его трактаты по естественным наукам и математике свидетельствуют о раннем акценте Оксфорда на этих предметах. Работы Гроссетеста по оптике и работы тех, кто последовал за ним в Оксфорде (Роджер Бэкон (ум. ок. 1292), Джон Печам [ум. 1292]) сохраняли своё влияние на протяжении последующих столетий [Moore, 22-24].

В средневековых университетах книги были неотъемлемой частью образования. В то время не существовало таких понятий, как «преподавание» или «посещение лекций»; говорили, что преподаватели «читают» определенные книги, а студенты «слушают» определенные книги. Студенты должны былиносить книги на лекции. Университеты имели собственные печатные станки и, в отличие от монастырей и частных типографий, имели более отлаженный процесс производства. Более того, университеты также организовывали книжную торговлю.

В XIII веке колледжи стали появляться как составная часть университетской жизни. Они представляли собой жилые помещения для студентов, часто со спальными и обеденными комнатами и, как правило, с часовней. К тому времени уже существовали устоявшиеся модели общинного проживания. Это были мужские и женские монастыри, в которых обычно имелись общежития или отдельные кельи, общий зал для приема пищи и часовня. Существовали также благотворительные учреждения, называемые общежитиями, которые создавались для обеспечения питанием и жильем путешественников, обездоленных или больных и часто имитировали (воссоздавали) структуру монастырей. Существовали канонические главы, то есть священнослужители, живущие общинной жизнью, как монахи, но работающие среди верующих, а не остающиеся в монастыре, чтобы «молиться и работать». Некоторые из этих капитулов, например, Сен-Виктор и Сен-Женевьев в Париже, были самостоятельными учебными центрами. Все эти учреждения послужили образцом для развития колледжей, связанных с университетами.

В начале XIII века в университетах Европы появился еще один новый элемент: монахи,

в частности, доминиканцы и францисканцы. Монахи были похожи на монахов тем, что вели общинный образ жизни, а каноники - тем, что работали среди людей. Но эти ордена работали вне обычной епархиальной структуры, обращаясь за руководством к папе и к своему собственному духу, а не к местным епископам. Деятельность этих монахов не обязательно должна была привести к получению образования, но доминиканцы (течение, основанное св. Домиником, ум. в 1221 г.), начало которым было положено борьбой с ересью через проповеди, вскоре появились в университетах, жили в собственных общинных домах и в некоторых случаях обучали своих студентов. Св. Франциск Ассизский (ум. 1226), основатель францисканцев, выступал против обучения для своих последователей, но вскоре его предпочтения были отброшены, и в университетских городах стали появляться дома францисканцев.

Общинные дома монахов послужили еще одной моделью для университетских колледжей. К 1200 г. в Париже уже существовало по крайней мере одно общежитие для бедных студентов, и пример монахов способствовал созданию подобных домов для других студентов. Вскоре некоторые колледжи стали проводить обучение в них и для жителей города. Так возникла еще одна общая черта университетской жизни - университетский колледж, который приобрел такие же разнообразные формы, как и университеты. Особую известность приобрел один колледж - Сорбонна в Париже, основанная в 1257 году.

В университетах южной Европы колледжи играли менее важную роль, но в Оксфорде колледжи стали играть главную роль, при этом их деятельность практически не регламентировалась ведущим университетом. Хорошо обеспеченные колледжи могли освободить принимаемых в них студентов от всех финансовых забот.

Каждый из колледжей Оксфорда имел свой характер, начиная с Мертона в 1264 г., затем Университет, Эксетер, Ориел и Квинс.

Кембридж придерживался аналогичной схемы. Колледжи обычно предоставляли «стипендии» для продвинутых студентов с ограниченным достатком; получатели стипендий назывались «стипендиатами» колледжа, что ставило их на ступень выше обычных студентов.

При приеме в колледжи часто учитывалась семейная или региональная принадлежность, так, например, в испанском колледже при Болонском университете предпочтение отдавалось абитуриентам с Пиренейского полуострова. И везде студенты с хорошими связями всегда имели преимущество, которое использовалось к выгоде поступающих в колледж. Для самых бедных студентов лучшим вариантом было поступить в колледж в качестве слуги состоятельных мастеров и студентов, как это было с Исааком Ньютоном в XVII веке [Moore, 2019, 24-25].

Библиотеки парижского и оxfordского университетов располагали изобилием ценных ресурсов. Здесь было представлено больше секулярной и научной литературы, по сравнению с церковной. В этих библиотеках даже имелись книги, которые вызывали опасения в феодальном обществе. Правила библиотек предусматривали строгие ограничения на выдачу таких произведений: «Книги с осужденными учениями и тексты, представляющие опасность для чтения, должны быть доступны только профессорам богословия. Однако, они должны использовать эти материалы только в случае необходимости аргументации или спора. Сам профессор не должен читать их из чистого любопытства или из опасения быть подверженным их влиянию.»

Стандартный метод обучения во всех европейских университетах состоял из

прослушивания лекций по предписанным текстам, а также прослушивания диспутов и участия в них. Лекции охватывали основные тексты, которые должны быть поняты, а диспуты учили студентов анализировать, оспаривать и защищать идеи, которые были усвоены на лекциях. В своей работе, написанной в середине XIII века, профессор права в Болонье описал манеру, в которой он будет читать свои лекции по римскому праву:

«Во-первых, я дам вам краткое изложение каждого названия, прежде чем перейду к тексту. Во-вторых, я изложу хорошо, внятно и в наилучших выражениях, на какие только способен, смысл каждого закона. В-третьих, я прочитаю текст, чтобы исправить его. В-четвертых, я кратко повторю смысл. В-пятых, я буду разрешать конфликты, добавляя общие вопросы... и тонкие и полезные различия и вопросы с решениями, насколько мне поможет божественное Провидение. И если какой-либо закон заслуживает пересмотра по причине своей известности или сложности, я приберегу его для дневного рассмотрения» (Торндайк, 1962).

Сначала студенты переписывали тексты в том виде, в каком их читали преподаватели. Но быстрое расширение университетов создало коммерческие возможности, которыми быстро воспользовались торговцы. Существовали книжные магазины, где копировались рукописи и продавались копии, но еще более полезными для бедных студентов в Париже XIII века были *reciae* - части книг, которые студенты могли брать напрокат, копировать, а затем возвращать в магазин. Тем не менее, лучшим выбором для самых бедных студентов было переписывать текст по мере того, как его читал лектор.

Студенты, которые получили копии текстов и изучили их, были бы лучше всего подготовлены к диспутам. Но даже без письменных текстов средневековые ученые и мастера не были лишены ресурсов. При изучении риторики студенты, обучающиеся по программе гуманитарных наук, обычно проходят тренировку памяти. Ученые имели доступ к древним трактатам на эту тему, трактатам Цицерона и других, а в XII и более поздних веках мастера писали свои собственные трактаты о памяти в интересах студентов. В Древней Греции и Риме ожидалось, что образованный гражданин сможет обратиться к своим согражданам с последовательной и убедительной публичной речью, и это умение зависело от хорошо натренированной памяти. В Средние века тренированная память также приносила большую пользу ученым — как начинающим, так и профессорам. Занятые диспутами или написанием собственных трактатов, ученые, которые с готовностью могли привести подходящие цитаты из Библии, из высказываний Петра Ломбардского, из «Свода Гражданского права» Юстиниана, или из трудов Аристотеля, или греческого врача Галена (ум. ок. 200) пользовались большим преимуществом перед менее находчивыми учеными.

Фундаментальный метод запоминания состоял в размещении элементов, подлежащих запоминанию, в некой воображаемой сетке — возможно, числовой, возможно, архитектурной, возможно, хронологической. Можно представить себе десять заповедей, каждая из которых находится в каждом из десяти разных рыночных киосков, и в каждом киоске происходит какое-то действие, напоминающее заповедь — чем более диковинный образ, тем больше вероятность того, что он запомнится. После запоминания расположение и особенности киоска должны позволять читать заповеди в любом порядке.

Вспомогательные средства для запоминания обычно включались в письменные материалы. Разделение каждого Евангелия на пронумерованные главы, как это было принято в XIII веке, помогало запоминать. То же самое касалось набросков и иллюстрированных рукописей. Примечания на полях и художественные оформления

облегчали читателю запоминание содержания страницы, ассоциируя содержание с маргиналиями. Это было своего рода преимущество, которым пользуются современные читатели, ассоциируя автора и содержание книги с ее размером и искусственным оформлением обложки — преимущество, исчезающее сегодня, поскольку сильно изменяемые тексты обычно появляются в электронном, а не печатном виде [Moore, 2019, 20-22].

Выдача книг из университетских библиотек была очень важна. Библиотечные правила были разработаны для того, чтобы вести упорядоченный учет книг, выдаваемых для чтения вне библиотеки. Это было необходимо для того, чтобы предотвратить возможность замены ценных рукописей менее ценными, которые могли выглядеть так же. Как правило, некоторые библиотеки делили свои фонды на две отдельные коллекции, чтобы рукописи можно было выдавать читателям для чтения дома. Примером может служить библиотека Кембриджского университета. Книги, которые читали в библиотеке, надежно приковывались к пюпитру, и в каталогах университетских библиотек, начиная с XIII и XIV веков, часто встречается пометка «Приковано», означающая, что данная книга не может быть выдана за пределами библиотеки.

Предисловие к каталогу часто содержало объяснение его назначения. Например, автор первого каталога библиотеки Сорбонны (1289 г.) отмечал, что в обширном собрании содержится множество рукописей с поврежденными свитками и титульными листами, и без такого каталога библиотека не сможет раскрыть свои богатства. Только благодаря каталогу все студенты, изучающие науки, могли узнать, какие предметы хранятся в библиотеке, кто их написал и как они называются.

В университетах Средневековья сосредотачивалась вся наука того времени. Пановавшая схоластика, ограничивавшая и замедлявшая развитие науки, также препятствовала росту престижа университетских библиотек.

Но позднее средневековье (1300-1500) было травмирующим периодом для всей Европы. Изменения климата привели к нехватке продовольствия и даже голоду. В 1348 году бубонная чума распространилась из Италии по всей Европе, сократив население примерно на треть и повторяясь с меньшей интенсивностью примерно каждые десять лет в течение следующего столетия или около того. Нехватка продовольствия и рабочей силы привела к росту цен, и те рабочие, которые пережили чуму, потребовали повышения заработной платы, вызвав социальные волнения, такие как Жакерия во Франции (1358), крестьянское восстание в Англии (1381) и другие городские восстания в Нидерландах и на севере Италии. В то же время европейцы страдали от "Столетней войны" между Францией и Англией и гуситских войн в Богемии в начале XV века. Даже перерывы в этих войнах мало помогали, поскольку безработные наемники тогда жили бы за пределами страны, усугубляя страдания местного населения.

В то время, когда европейцы, возможно, больше всего нуждались в религиозном утешении, произошли фундаментальные изменения в структуре церкви. В 1309 году папа римский поселился «временно» в Авиньоне на юге Франции. Это временное пребывание продолжилось до 1376 года, когда дела вскоре стали еще хуже. После возвращения в Рим папа умер в 1378 году. Две соперничающие группы кардиналов избрали двух пап, один из которых поселился в Риме, а другой вернулся в Авиньон. Что еще хуже, в 1409 году был избран третий папа римский. Возникший в результате "Великий западный раскол" продолжался с 1378 по 1415 год. Тем временем различные регионы Европы выбирали ту или иную сторону, и обычные христиане могли только надеяться, что их регион был на правильной стороне. Были ли их епископы действительно епископами, их священники

действительно священниками, и правда ли действительны таинства, от которых могло зависеть их спасение?

Раскол оказал немедленное финансовое воздействие на университеты, поскольку многие студенты и профессора зависели от доходов от церковных должностей, называемых пребендами, присуждаемых папой римским или местными церковными властями. Если бы должности были присуждены «антипапой», исчезли бы их доходы, пока не прекратился бы раскол? Если бы открылась должность, и папы-соперники присудили ее кандидатам-соперницам, что произошло бы дальше? Более того, поскольку многие университеты были организованы в соответствии с «нациями», они часто распадались, следуя альянсам своих родных регионов. Большая часть профессорско-преподавательского состава в Париже поддерживала авиньонских пап, но немецкие профессора уехали из Парижа в университеты, которые поддерживали римских пап. Это развитие событий было особенно разрушительным для Пражского университета, который к середине XIV века стал крупным центром обучения. Чешские студенты и преподаватели в Праге последовали примеру своего короля, признав папу римского, избранного в Пизе в 1409 году, в то время как немецкие студенты и преподаватели поддержали папу Римского в Риме. В том году немецкие преподаватели и студенты полностью покинули Прагу и основали новый университет в Лейпциге. В результате Пражский университет превратился в региональное учебное заведение гораздо меньшего значения. Другие европейские университеты пострадали от аналогичных, хотя и менее разрушительных последствий.

В этот период также наблюдались сильные проявления недовольства доктриной, спровоцированные университетскими профессорами. Джон Уиклиф (ум. в 1384) был священником и оксфордским богословом, который был шокирован богатством и властью духовенства и монахов, начиная с папы римского и далее. Он отверг авторитет и сакраментальные полномочия традиционного священства и обратился к Библии как к истинному авторитету, предвосхищая аргументы более поздних лидеров протестантской реформации. Аналогичные идеи пропагандировались в Чехии двумя профессорами теологии Пражского университета, Иоанном Гусом (ум. 1415) и Иеронимом Пражским (ум. 1416), оба из которых были сожжены как еретики после энергичных и ожесточенных дебатов по всему университетскому миру. Университетские богословы, особенно в Париже, сыграли ключевую роль в определении ортодоксии и в предложении решений для прекращения раскола [Moore, 2019, 31-33].

Итоги исследования

На основании вышеизложенного представляется возможность утверждать прямое влияние европейских библиотек на духовную жизнь населения, в частности, «охоту на ведьм». Исследование А.Я. Кожурина не может считаться полным без включения в него информации об этом взаимовлиянии. Наука и библиотека существуют в едином темпорологическом хаосе и не могут разделяться в каком-либо исследовании, как это произошло, в частности, у А.Я. Кожурина в его научном труде.

Подытоживая вышесказанное, можно утверждать следующее:

1. Библиотека неразрывна по своей функциональности с научной жизнью любой страны, какое время мы не брали бы за основу;
2. Библиотеки напрямую влияли на «охоту на ведьм»:
 - а) научные мужи черпали знания для борьбы с еретиками и ведьмами из фондов

библиотек

- б) научные мужи создавали научные труды об «охоте на ведьм» на базе фондов библиотек и пользуясь авторитетом университетских библиотек
- в) некоторые лица, занимающиеся «охотой на ведьм», сами были библиотекарями
- г) библиотеки становились хранилищами письменных «доказательств» в пособничестве дьявольским силам
- д) библиотеки являлись неотъемлемой частью образовательной системы того времени, становясь инструментом обучения и будущих борцов с ересями и ведьмами
- е) церковные расколы влияли на образовательный процесс и организацию, и на библиотеки в финансовом и моральном плане.

Заключение

В период временного перехода эпох слухи в Европе о чёрной магии были неминуемо связаны с подрывом доходов и влияния духовенства, которое безусловно принимало на себя роль главного охотника на ведьм. Внутренние расколы Церкви питали слухи и легенды о неутомимой деятельности черных колдунов, а эти распри, искусно сопровождаемые религиозными войнами, отличались непревзойденной жестокостью. Ведь идеологические битвы, сочетаемые с военными действиями, являлись идеальным способом контроля над массами, а также прекрасным способом дезавуирования любых альтернативных взглядов.

Мистические ритуалы и демонические культуры стремились прочно закрепиться в коллективном сознании, поскольку их участники видели демонов в качестве одаренных божественной силой существ, гораздо могущественнее самого Всевышнего, обладающих более широким спектром возможностей для исполнения их скрытых желаний.

Отчеканивание знаков, использование запечатывающих печатей, надписей и подделанных письменных документов стали неопровергимыми свидетельствами присутствия ведьм на земле. Книги, которые хранили в себе древние рецепты и волшебные формулы, служили важным доказательством, полным тайн и знаний, связанных с тёмными силами.

Представители духовенства использовали такие факты, чтобы узурпировать контроль над хаотическими и опасными силами чёрной магии. Они желали использовать эту могущественную инструментацию для достижения своих эгоистичных целей, и либо поработить черных колдунов, либо предать их вечному забвению. Не последнюю роль здесь сыграли средневековые библиотеки, фондами которых умело и успешно пользовались борцы с колдовством.

Благодарности

Автор выражает огромную благодарность научному руководителю, доктору философских наук, профессору Обидиной Ю.С.

Библиография

1. Institoris H. 1494. Malleus maleficarum.-Nürnberg : Anton Koberger, 17.III. 4° (Генрих Инститорис, Якоб Шпренгер. Молот ведьм. Нюрнберг: Антон Кобергер, 17.III. 454 л. ; 4°).

2. Naudé N. 1627. *Advis pour dresser une bibliothèque* (Указания по созданию библиотеки).
3. Papal Bull Summis desiderantes affectibus. 1484. December. 5.
4. Крамер Г, Шпренгер Я. 1932. Молот ведьм. Пер. с лат. Н. Цветкова; предисл. С. Г. Лозинского и М. П. Баскина. Борисов : ОГИЗ ГАИЗ Атеист. 297 с.
5. Сперанский Н. 1906. Ведьмы и ведовство. Москва, 214 с. Список литературы.
6. Monter E.W. (ed.). 1969. *European Witchcraft*. New York, 191 p.
7. Midelfort H.C.E. 1972. *Witch Hunting in South Western Germany, 1562-1684*. Stanford. 306 p.
8. Moore John C. 2019 *A Brief History of Universities*. Springer International Publishing, 126 p.
9. Бадзев К.Д., Иванов С.Г., Мовсисян Л.А. 2023. Философские предпосылки медицины эпохи Возрождения // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. №2 (6). С. 5-14.
10. Володарский М.С, Кожевников С.Б 2023. Ведовство и образ ведьмы в культуре средневековой европы и руси // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. №1 (45). С. 89-100.
11. Глухов С.В. 2023. Рец. на кн.: Шнирельман В.А. Удерживающий. От апокалипсиса к конспирологии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. №1. С. 196-199.
12. Грегоровиус Ф. 2008. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). Москва: Альфп-книга. 1278 с.
13. Денисова К. 2022. Духовное есть политическое: зачем феминизму сверхреальная и мультитемпоральная утопия // Философско-литературный журнал «Логос». №1 (146). С. 87-102.
14. Иоанн XII. 2010 // Православная энциклопедия. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». Т. XXIII.
15. Карпов В.И. 2022. Заговорные тексты в немецких судебных актах XVI-XVII вв.: pragmaticus аспект языкового варьирования // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. №18-2. С. 39-60.
16. Кожурин А.Я. 2024. «Охота на ведьм» и генезис новоевропейской науки (некоторые аспекты проблемы). URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kozhurin-aya/ohota-na-vedm-i-genezis-novoevropeyskoy-nauki-nekotorye-aspekyt-problemy>. Дата обращения: 09.01.2024.
17. Лебедева И.В. 2022. Рецензия на монографию Элизабет В. Нивре «Женщины и семейная жизнь в немецкой литературе раннего нового времени» // *Corpus Mundi*. №2 (10). С. 120-125.
18. Лозинский С.Г. 1932. Роковая книга Средневековья // Молот ведьм / Я. Шпренгер и Г. Инститорис. Пер. с лат. Н. Цветкова, предисл. проф. С. Г. Лозинского и проф. М. П. Баскина. Борисов: ОГИЗ ГАИЗ Атеист, 1932. 297 с.
19. Мартынова О.А. 2022. С. Федериччи о роли охоты на ведьм в становлении капиталистического общества // Наука. Общество. Государство. №4 (40). С. 110-119.
20. Отставнова Е.А. 2022. Нетрадиционная и народная медицина в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Вестник СГЮА. №4 (147). С. 47-54.
21. Пигулевский В.О., Мирская Л.А. 2022. Чудесное как проблема иконографии //

- Южно-Российский музыкальный альманах. №3 (48). С. 44-53.
22. Пономарев Н.Ф. Эпидемическая психология и пандемический нарратив // E-Scio. №1 (64). С. 527-532.
23. Столяров Ю.Н. 2019. Использование книжной тематики в борьбе средневековой католической церкви с катаризмом // Вестник ЧГАКИ. №1 (57). С. 14-24.
24. Столяров Ю.Н. 2017. Истоки книжной культуры. Челябинск: ЧГИК. 500 с.
25. Столяров Ю.Н. 2018. Отражение книжной тематики в катаризме как своеобразной субкультуре: древний этап // Вестник ЧГАКИ. №4 (56). С. 7-15.
26. Торндайк 1962. Психология и наука образования. URL: https://archive.org/details/trent_0116301896639. (дата обращения: 31.01.2024).
27. Черных В.В. 2022. Волхвы – жрецы Древней Руси? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 39. С. 110-116.
28. Шульц С.А. 2022. Гоголь – Шекспир – Сервантес (О «средневековом» и «ренессансном» подтексте повести «Вий») // Литературоведческий журнал. №58. С. 81-112.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История человечества насыщена различными тайнами и загадками, ответить на которые не могут подчас и профессиональные историки. К сожалению, в погоне за сенсационностью и коммерческим успехом многочисленные авторы рисуют яркие, но неправдоподобные картины истории египетских пирамид или Великой китайской стены. Не менее значительными являются манипуляции с темой "охоты на ведьм". В этой связи вызывает важность изучение различных аспектов истории периода "охоты на ведьм".

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является духовная жизнь общества сквозь призму деятельности библиотек Европы на пересечении Средневековья и Нового времени. Автор ставит своими задачами показать процесс охоты на ведьм в Европе, а также проанализировать роль библиотек в переходный период позднего Средневековья - раннего Нового времени.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать влияние европейских библиотек на духовную жизнь населения, в частности, «охоту на ведьм».

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 30 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском языке. Источниковая база статьи представлена прежде всего справочными материалами из энциклопедий, одной из самых мрачных книг эпохи Средневековья "Молот ведьм" и др. Из используемых исследований укажем на труды В.И. Карпова, А.Я. Кожурина, Ю.Н. Столярова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения духовных составляющих "охоты на ведьм". Заметим, что библиография

обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории: всем, кто интересуется как европейской "охотой на ведьм", в целом, так и влиянием библиотек на этот процесс, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в рассматриваемый период "из «трещин», образовавшихся в результате кризиса средневекового мировоззрения, в мир хлынули представления о нечистой силе во всех доступных фантазии человека проявлениях". Автор обращает внимание на то, что "библиотеки являлись неотъемлемой частью образовательной системы того времени, становясь инструментом обучения и будущих борцов с ересями и ведьмами". В работе показано, что "книги, которые хранили в себе древние рецепты и волшебные формулы, служили важным доказательством, полным тайн и знаний, связанных с тёмными силами". Автор справедливо указывает на то, что "идеологические битвы, сочетаемые с военными действиями, являлись идеальным способом контроля над массами, а также прекрасным способом дезавуирования любых альтернативных взглядов".

Главным выводом статьи является, что в период позднего Средневековья - раннего Нового времени библиотечные фонды использовались борцами с ведьмами.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сухова О.А., Иноземцев И.Н., Колпакова О.В. Русская Православная Церковь в системе социально-политического взаимодействия в годы Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.68869 EDN: NHCHAG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68869

Русская Православная Церковь в системе социально-политического взаимодействия в годы Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области)

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук

декан историко-филологического факультета, Пензенский государственный университет

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40

✉ savtemp@yandex.ru

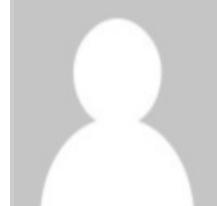
Иноземцев Иван Николаевич

ORCID: 0000-0003-3883-2526

ассистент, кафедра «История России и методика преподавания истории», Пензенский государственный университет

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40

✉ Kerskij@mail.ru

Колпакова Ольга Васильевна

кандидат исторических наук

старший преподаватель, кафедра «История России и методика преподавания истории», Пензенский государственный университет

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40

✉ al.olga3443@yandex.ru

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.68869

EDN:

NHCHAG

Дата направления статьи в редакцию:

02-11-2023

Аннотация: На основе анализа делопроизводственной документации Совета по делам РПЦ при Совнаркome СССР рассматривается трансформация практик государственно-конфессионального взаимодействия в период Великой Отечественной войны. Методология исследования основана на концепции социального конструкционизма или теории конструирования социальной реальности, а также новой локальной истории, что позволяет изучить факторы и механизмы адаптации ВКП (б) к новой геополитической ситуации и задачам социально-политической интеграции в масштабах конкретного региона – Пензенской области. Раскрывается содержание и региональная специфика деятельности уполномоченного по делам РПЦ. Ключевыми направлениями деятельности определены: рассмотрение ходатайств верующих по открытию церквей и участие священства в мобилизационных мероприятиях власти. Несмотря на долгие годы богоборческой политики, гонений и репрессий в отношении духовенства, население Пензенской области продемонстрировало прочность религиозного основания региональной идентичности, гораздо более значимого, по сравнению с навязываемыми извне идеологическими конструктами. В годы Великой Отечественной войны отношения верующих и власти выстраивались в направлении от подавления религиозной жизни до весьма эффективного включения приходских общин в решение общегосударственных задач. Обращения верующих по открытию церквей приобретали все более массовый и настойчивый характер. Под воздействием роста религиозности и санкционированных выше перемен в правовом статусе РПЦ местная власть принимала новые правила игры. Исподволь меняются и практики управления, выстраивается конструктивный диалог в триаде: уполномоченный как представитель государства – епархиальная администрация – приходские общины.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Пензенская область, Русская Православная Церковь, верующие, священнослужители, религиозное возрождение, региональная идентичность, открытие церквей, церковно-патриотическая деятельность, мобилизационные мероприятия

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, [https://rscf.ru/project/22-18-20015/»](https://rscf.ru/project/22-18-20015/)

Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015/>

Период 1943-1953 гг. определяется современными исследователями как время «религиозного возрождения» в СССР, когда Русская Православная Церковь смогла отчасти восстановить свои позиции [1, с. 357.]. Отечественная историография рассматриваемой проблематики еще не преодолела стадию становления, и пока можно говорить лишь о формировании предметного поля с выделением ключевых его направлений, как то: факторы смягчения антирелигиозной политики; периодизация государственно-церковных отношений; организация и деятельность аппарата уполномоченных Совета по делам РПЦ при СНК СССР и облисполкомах; особенности организации церковного управления; открытие церквей и организация духовной жизни верующих; пастырское служение Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы; репрессивная практика в отношении

священнослужителей [2]. Можно вести разговор и о начале «взросления» исследовательских концепций, о постепенном переходе от абсолютизации «тоталитарной» оценки к прагматическому подходу. В частности, более конструктивно трактуется деятельность уполномоченных на местах, представленная в контексте повседневности как важный канал социально-политической коммуникации, в рамках которого верующие получили возможность обращаться к конкретному должностному лицу для решения жизненно значимых вопросов, связанных с религиозной политикой [2, с. 70-71]. Актуальность разработки темы социально-политического взаимодействия Русской Православной Церкви и государства доказывает реализуемый в настоящее время проект издания 6-томной истории конфессиональной политики Советского государства в 1917-1991 гг. [3-6].

Определяющее значение для построения исследовательских концепций имеет рассмотрение стимулов идеологического поворота, причин фактического отказа от богоchorческой политики, «примирения» с Церковью. Действительно, гонимое и преследуемое ранее российское священство получило возможность личной аудиенции у И. В. Сталина: историческая встреча состоялась 4 сентября 1943 г. Митрополит Сергий (в бытность обучения Сталина в духовной семинарии – епископ, ректор Петербургской духовной академии) обозначил необходимые условия нормализации государственно-конфессиональных отношений (Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви // Электронный ресурс. URL:https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyipin/istorija-russkoj-tserkvi-1917-1997/7, дата обращения: 01.10.2023.). Главной и острейшей проблемой, в оценках митрополита, выступала необходимость создания центрального руководства Церкви и избрания Патриарха Всея Руси, а также открытия приходов и возобновления приходской жизни, а, следовательно, отказа от богоchorческих практик. Помимо прочего, обсуждались вопросы подготовки кадров священнослужителей и открытия духовных семинарий, возобновления церковных периодических изданий, и, наконец, самый болезненный – об освобождении репрессированных архиереев из мест заключения и ссылки. По многим позициям предложения советского руководства опережали самые смелые просьбы митрополита. Проявив поистине «большевистские темпы» и выделив специальный воздушный транспорт, государство обеспечило созыв архиерейского Собора в Москве уже 8 сентября 1943 г. (Цыпин В., протоиерей. История Русской Церкви // Электронный ресурс. URL:https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyipin/istorija-russkoj-tserkvi-1917-1997/7, дата обращения: 01.10.2023.). Для координации государственно-конфессионального взаимодействия в 1943 г. был создан Совет по делам РПЦ при Совнаркоме СССР, а годом позже – Совет по делам религиозных культов [1, с. 357].

Разительная перемена во взглядах советского руководства объясняется стремлением продемонстрировать открытость СССР к восприятию либеральных ценностей в преддверии Тегеранской конференции, т.е. внешнеполитическими и пропагандистскими задачами. Кроме того, освобождение оккупированных территорий требовало более гибкой политики по отношению к чувствам верующих: во время оккупации немецкое руководство санкционировало деятельность приходов и разрешило открыть церкви. Переживание трагедии утраты свободы и Родины, потери близких послужило стимулом беспрецедентного подъема религиозного сознания. Так, Д. Поспеловский приводит данные о крещении в Крыму 200 тыс. человек только за декабрь 1942 г. В Ростове за первый год войны число действующих церквей выросло с одной до восьми [7, с. 184, 216].

Нельзя не учитывать и последовательную патриотическую позицию митрополита Сергея: его обращение к верующим прозвучало 22 июня 1941 г., в день праздника Всех святых

земли русской. Пастырское послание с благословлением всенародного подвига было разослано по приходам вопреки запретам на вмешательство Церкви в дела государства. 5 января 1943 г. он направляет телеграмму на имя Сталина с просьбой о разрешении открытия банковского счета для внесения благотворительных пожертвований, собранных в храмах страны. К октябрю 1944 г. вклад Русской Православной Церкви в фонд обороны составил 150 млн. руб. [\[7, с. 182-183, 186\]](#).

Помимо прочего, стремительное возрождение приходской жизни свидетельствовало о сохранении высокого уровня религиозности населения, несмотря на массированный натиск государства в годы «безбожных» пятилеток. Так, по данным М. И. Одинцова, перед началом Великой Отечественной войны в СССР действовало 8 тыс. приходов, а к 1947 г. их число выросло до 14 тыс. [\[8, с. 14, 100, 220-477\]](#). В Пензенской области в 1941 г. действовавшими оставались лишь две церкви: Митрофановская – в Пензе и Казанская – в Кузнецке. На 1 октября 1944 г. в общей сложности в регионе было учтено 2 действующих и 504 закрытых храма, из которых под хозяйственные и культурно-просветительские нужды было занято 476 зданий (Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об.). На 1 июля 1945 г. число действовавших церквей и молитвенных домов в области возросло до 9, в том числе: в Пензе – 2, в Иссинском районе (с. Николо-Пестровка) – 1, в Колышлейском (с. Сущевка) – 1, в Кузнецком районе (г. Кузнецк и с. Нижнее Аблязово) – 2, в Поимском районе (с. Поим и Ершово) – 2, в Чаадаевском (с. Лопатино) – 1. Все новые храмы были открыты в 1945 г. (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 25-26). В третьем квартале 1945 г. было разрешено к открытию еще 7 храмов (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 36). По данным А. И. Дворжанского, к 1947 г. общее число возрожденных центров религиозной жизни достигло уровня в 30 церквей и молитвенных домов. И все же в 16 из 41 районов области действующих храмов не было вовсе [\[9, с. 344, 352\]](#). Наибольшей интенсивностью по числу обращений верующих по открытию церквей отмечены 1945 и 1946 гг. Так, по данным И. Н. Гарькина, в 1944 г. поступило 55 ходатайств, в 1945 г. – 168, в 1946 – 192, 1947 – 67, 1948 г. – 35. В общей сложности с 1944 по 1949 гг. православные верующие из 177 населенных пунктов направили в различные инстанции около 600 заявлений с просьбой об открытии церкви. Власти поддержали лишь 89 обращений граждан, из числа поданных в 1944-1947 гг. [\[10, с. 104\]](#).

Права и обязанности уполномоченного регионального уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР были определены постановлением СНК СССР № 1095 от 20 октября 1943 г. и решением исполнкома Пензенского областного Совета депутатов трудящихся, и утверждены Советом по делам РПЦ в форме специальной инструкции 5 февраля 1944 г. (Путеводитель по фондам Государственного архива Пензенской области советского и постсоветского периодов / сост. Л. Н. Кушкова, С. В. Беляева, О. В. Вовкотруб, О. А. Угаркина. Пенза: б/и, 2023. С. 42.). Практика делопроизводственной документации сложилась лишь к середине 1944 г. (поквартальные отчеты, деловая переписка), тем не менее, комплекс материалов, представленный в фондах Государственного архива Пензенской области, отражает практически все направления современных исследований [\[10, с. 103-112\]](#).

О значении канала взаимодействия государства и церкви в системе местного управления позволяет судить характеристика условий работы уполномоченного. Как следует из отчета Н. И. Лысманкина, уполномоченного по делам РПЦ по Пензенской области, за третий квартал 1944 г., он приступил к своим обязанностям 12 июля 1944 г., получив должность как дополнение к работе председателем обкома союза работников

политпросвет учреждений. Лысманкин сетовал, что «условия для работы уполномоченного до сих пор облисполкомом не созданы, несмотря на неоднократные напоминания об этом председателю облисполкома и секретарю. Отдельной комнаты для приема верующих и епископа до сего времени не выделено. На назойливые требования об этом с моей стороны и со стороны уполномоченного совета по делам религиозных культов облисполкома, в конце концов, предложено искать для себя помещения самим, т.к. в облисполкоме свободных комнат не имеется». Более того, двум уполномоченным приходилось ютиться за одним столом в общем отделе. Даже принять на работу секретаря-машинистку, предусмотренную штатом уполномоченного, Лысманкин не мог «за отсутствием рабочего места» (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 10-10 об.).

В общей сложности за 1944 г. в адрес уполномоченного поступило 56 заявлений об открытии церквей, но все они затерялись при проверке в коридорах советской власти. Следует отметить, что прагматичный подход к организации взаимодействия структур управления, священства и верующих уполномоченного отражает временный тактический характер стратегии «примирения». Так, Лысманкин пишет о незаконной деятельности бывшего священника Духовникова, проводившего требы на домах верующих и аресте последнего «по линии НКВД». Рассмотрение жалобы от уполномоченной верующих с. Ломовки Больше-Вьясского района на незаконное переоборудование церкви под мастерскую МТС, хотя и было остановлено, но облисполком в этом вопросе апеллировал к постановлению ЦК, санкционировавшему размещение МТС на базе комплекса храмовых строений (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 10 об. – 11 об.).

Как нарушение инструкции для уполномоченных рассматривает Лысманкин проведение общего собрания верующих по вопросу открытия церкви в с. Колударове Салтыковского района (с разрешения и с участием представителей сельсовета). В то время, как по «указаниям Совета» для подачи ходатайства требовались подписи 20-ти верующих с указанием возраста, рода занятий и места жительства (ГАПО. Ф.р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 13). Вместе с тем, описанная уполномоченным ситуация выступает неопровергимым свидетельством в пользу прочности религиозной основы самосознания советского крестьянства: упомянутое собрание в составе 280 человек прошло с участием бывшего священника П. Клюшнева, о котором и было решено ходатайствовать «перед патриархией» (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 13). В ожидании рассмотрения ходатайств в ряде сел «самочинно» открывались молитвенные дома и службы, обычной практикой было совершение треб на дому. И то, и другое было противозаконным и требовало немедленного вмешательства уполномоченного (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 20).

Отчитываясь перед Советом о движении ходатайств в 1944 г., Лысманкин фактически признал существование негласной установки на сдерживание процесса «религиозного возрождения». Так, из 56 заявлений верующих поступивших в 1943-1944 гг., было рассмотрено облисполкомом – 13, отклонено – 12 и удовлетворено лишь 1 ходатайство. И это в условиях, когда в 34 из 39 районов области не было действовавших церквей. В 1944 г. только по вопросам открытия церквей и молитвенных домов уполномоченным в общей сложности было принято 83 посетителя (ГАПО. Ф.р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 18-18 об.).

Основными причинами отказа в открытии церкви выступали: признание ветхости строений, в которых планировалось проводить службы, а также использование храмовых комплексов под мастерскую МТС, общественную столовую, районный дом культуры и т.д., при том что все переоборудованные церкви были закрыты ранее по решению общих собраний граждан (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 20).

Тем не менее, движение верующих год от года увеличивалось, что официально признавалось уполномоченным в отчетной документации. Так, только за третий квартал 1945 г. число районов, откуда не поступало заявлений верующих, сократилось с 12 до 8. Положительное решение вопроса становилось дополнительным стимулом для населения, что способствовало увеличению числа ходатайств из тех районов, где церкви уже были открыты (ГАПО. Ф.р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 28). Всего за этот отчетный период Лысманкиным были подготовлены и отправлены в Совет по делам РПЦ заключения по храмам: в с. Соловцовке Кондольского района – об открытии Троице-Сергиевской церкви, в с. Калиновка Пачелмского района – Дмитриевской церкви, в с. Хованщина Бековского района – Введенской церкви, в с. Малая Ижмора Земетчинского района – Троицкой церкви и с. Салтыково, того же района – Архангельской церкви. Данные села полностью удовлетворяли условиям организации приходской жизни по-советски: все обращения исходили от значительных групп верующих (до 500 человек), отсутствовало документальное подтверждение закрытия церквей (следовательно, в 1930-е гг. данные храмы были закрыты в административном порядке), до подачи ходатайства действовавших церквей в районах не имелось, и, наконец, было получено согласие верующих произвести ремонт в церковных помещениях за свой счет и на свои средства (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 29-30).

Отдельным направлением деятельности уполномоченного выступал контроль за благотворительными сборами прихожан в фонд обороны и на военные нужды в целом. Так, за 1943/44 годы Митрофановская община г. Пензы собрала и перечислила на разные патриотические цели в сумме 930 тыс. руб. и натурой (сбор теплых вещей) на сумму 52 тыс. руб. Из общей суммы 930 тыс. руб. – 735 тыс. руб. собрано за 1943 г., а остальные 195 тыс. руб. собраны в течение первого полугодия 1944 г. (ГАПО. Ф.р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 7). Уполномоченному приходилось детально рассматривать причины сокращения поступлений, учитывая каждую мелочь: сокращение численности богомольцев в связи с летними полевыми работами; ухудшением рыночной конъюнктуры на рынке и снижения доходов церкви от продаж просфор и свечей; заготовка дров для отопления церковного здания в зимний период; и, наконец, стремление епископа к личной наживе, а не к увеличению сбора «средств в фонд обороны Родины» (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 7).

Епископ Кирилл (Поспелов), в свою очередь, должен был изыскать возможности для увеличения доходов на патриотические цели: «кроме сбора пожертвования верующими на оборону путем тарелочного сбора во время каждого воскресного богослужения, он решил проводить по две религиозно-патриотических службы ежедекадно», все доходы от которых поступят в фонд обороны страны. Выходом из сложившегося положения местному духовенству виделось открытие церквей в районах области и в самом городе Пензе – Мироносецкой церкви, что позволило бы значительно увеличить доходы «на патриотические цели» (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 7).

Результаты «церковно-патриотической работы» в Пензенской области в 1944 г. позволяет представить следующая таблица:

Таблица 1

Состояние церковно-патриотической работы

в Пензенской области за 1944 г.

Наименование поступлений	По г. Пензе и Митрофановской	По г. Кузнецку и Казанской
--------------------------	---------------------------------	-------------------------------

	церкви (в руб.)	церкви (в руб.)
В фонд обороны	100 000	-
Фонд помощи семьям военнослужащих	290 000	315 000
Фонд инвалидов Отечественной войны	75 000	80 000
На 3-й военный государственный заем	499 500	300 000
На подарки бойцам	-	10 000
На благоустройство города (благоустройство кладбищ)	-	50 000
Сдано облигаций займа	499 500	500 000
Сдано билетов денежно-вещевой лотереи	-	10 000
Помощь эвакогоспиталю	10 000	
Всего	1 474 000	1 265 000

Источники: ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 12 об., 15.

Тем самым два действовавших прихода собрали в 1944 г. на цели обороны и поддержки семей военнослужащих и инвалидов свыше 2,7 млн рублей. Не менее значимым вкладом Русской Православной Церкви стало паstryрское участие в деле консолидации общества и формирования патриотического сознания.

Показательно и противодействие уполномоченного попыткам районных властей под прикрытием патриотических целей обложить Церковь произвольными поборами (например, «исходатайствовать у епископа средства на покупку лошади для Собеса») (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 14).

Позиция епископа Михаила (Постникова), регулярные отсылки в проповедях к решениям поместного собора и речи председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпова вызвали среди верующих патриотический подъем, что выразилось в поступлении средств в фонд помощи детям и семьям фронтовиков. Так, в январе 1945 г. только в Пензе было собрано 200 тыс. руб., в феврале – 100 тыс. руб., в марте – 100 тыс. руб. (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 22).

В третьем квартале 1945 г. церквами области было внесено в фонды помощи детям и семьям погибших бойцов Красной Армии, инвалидам Отечественной войны и на 4-й Государственный заем Победы 351 720 руб. По словам уполномоченного, особую признательность власти верующие выразили за разрешение колокольного звона: «епископ ответил благодарственной телеграммой на имя товарища Сталина с сообщением, что верующими собрано 150 000 руб.» (ГАПО. Ф.р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 32). Отметим, что постановление СНК СССР от 22 августа 1945 г. о разрешении колокольного звона, о предоставлении приходским общинам прав юридического лица и об учете при планировании нужд церковных общин в строительных материалах, по своей сути, регламентировало пределы «примирения» государства и Церкви в условиях окончания войны. Уже в июле 1948 г. в ответ проведение в области массовых молебствий «по случаю бездождия» Н. И. Лысманкин получает из Совета инструктивное письмо о необходимости пресечения любых действий, «подогревающих» религиозность населения (массовые молебствия, распространение фотокарточек епископа по епархии, миссионерская деятельность епископа и пр.). Особое возмущение вышестоящего начальства вызвали факты одобрения молебствий со стороны председателей советов и колхозов с предоставлением подвод священнослужителям (ГАПО. Ф.р-2391. Оп. 1. Д. 5. Л. 18).

Отдельно регламентировались действия уполномоченного по организации гражданского служения Церкви. Так, в январе 1946 г. председатель Совета по делам РПЦ указал Лисманкину на халатное отношение к составлению отчетов о церковной жизни в регионе, отметив, что в разделе о патриотической деятельности церкви тот уклончиво сообщил, что «...духовенство проводит беседы на основе евангельских и апостольских чтений с выведением нравственной или политической морали», в то время, как о содержании бесед сведений не поступает (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 45).

Фиксация патриотического содержания проповедей и бесед («духовенство ставило своей задачей развить у верующих горячую любовь к Родине, к нашему Правительству и гениальному Вождю и полководцу товарищу И. В. Сталину») оставалась важным направлением работы Н. И. Лысманкина на протяжении 1945-1953 гг. [10, с. 104]. По данным отчетной документации, « побуждение к внесению денег в «Фонд мира» в целях «ослабления экономики церкви и направления церковных средств на общественно-полезные цели» оставалось значимым направлением деятельности исполнительных органов и в 1960-е гг. Так, в 1965 г. обеспечение патриотического направления деятельности церкви составило 150 200 руб., в том числе, в городах и рабочих поселках области – 125 550 руб. (ГАПО. Ф. р-2391. Оп. 1. Д. 20. Л. 42).

И все же приведенные выше материалы свидетельствуют в пользу становления позитивной и жизнеспособной модели взаимодействия власти и Церкви. В годы Великой Отечественной войны общий тренд изменений выстраивает систему социально-политических коммуникаций в направлении от тотального запрета на организацию религиозной жизни и подавления проявлений религиозного чувства до весьма эффективного включения приходских общин в решение общегосударственных задач. Институционально советское общество становилось сложнее, была пересмотрена и возрождена не только миссия Церкви по формированию патриотического сознания, исподволь менялся и функционал органов государственной власти и управления. И вот уже уполномоченный по делам РПЦ решает вопросы приобретения лошади для транспортных нужд епархии, проведения телефона в квартиру епископа в церковной сторожке, занимается выселением из смежных помещений работников похоронного бюро и т.д. (ГАПО. Ф.р-2391. Оп. 1. Д. 3. Л. 30). Тем самым со всеми ограничениями можно вести речь о конструктивном диалоге, не только укреплявшем систему, но и создававшем новые возможности для реализации социальных потребностей.

Библиография

1. Региональные аспекты формирования российской нации в XVII – начале XXI в. (по материалам Поволжья). Пенза: изд-во ПГУ, 2017.
2. Липатов А., иерей. Русская Православная Церковь и государственная политика в годы Великой Отечественной войны 1943–1944). Анализ новейшей историографии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2020. Вып. 1 (14). С. 68-79.
3. Конфессиональная политика советского государства, 1917-1991 гг. Документы и материалы: в 6 т. / редакционная коллегия: А. К. Сорокин (ответственный редактор) и др.; составители: М. И. Одинцов (ответственный составитель) и др. Т. 1. 1917-1924 гг.: в 4 кн. Кн. 1: Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды / составители: М. И. Одинцов (ответственный составитель) и др. М.: РОССПЭН, 2017.
4. Конфессиональная политика советского государства, 1917-1991 гг. Документы и материалы: в 6 т. / редакционная коллегия: А. К. Сорокин (ответственный редактор) и др.; составители: М. И. Одинцов (ответственный составитель) и др. Т. 1. 1917-

- 1924 гг.: в 4 кн. Кн. 2: Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений/ составители М. И. Одинцов (ответственный составитель) и др. М.: РОССПЭН, 2017.
5. Конфессиональная политика советского государства, 1917-1991 гг. Документы и материалы: в 6 т. / редакционная коллегия: А. К. Сорокин (ответственный редактор) и др.; составители: М. И. Одинцов (ответственный составитель) и др. Т. 1. 1917-1924 гг.: в 4 кн. Кн. 3: Народные комиссариаты СНК РСФСР (1917-1924) и СНК СССР (1922-1924): проведение в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», 1917-1924 гг. М.: РОССПЭН, 2017.
6. Конфессиональная политика советского государства, 1917-1991 гг. Документы и материалы: в 6 т. / редакционная коллегия: А. К. Сорокин (ответственный редактор) и др.; составители: М. И. Одинцов (ответственный составитель) и др. Т. 1. 1917-1924 гг.: в 4 кн. Кн. 4: Религиозные объединения, духовенство и верующие, общественные организации и граждане о вероисповедной политике советского государства и религиозной ситуации в стране, 1917-1924 гг. М.: РОССПЭН, 2017.
7. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
8. Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны: Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.: РОИР, 2005.
9. Дворжанский А.И. История Пензенской епархии. Книга первая. Исторический очерк. Пенза: б/и, 1999.
10. Королева Л.А., Королев А.А., Гарькин И.Н. Православные религиозные объединения Пензенской области. 1940-1960-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. 2010. № 2 (5). С. 103-112.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Русская Православная Церковь в системе социально-политического взаимодействия в годы Великой Отечественной войны (на примере Пензенской области)»

Предмет исследования обозначен в названии статьи и разъяснен автором в тексте. Название работы и текст статьи также соответствуют друг другу.

Методология исследования базируется на принципах объективности, системности, историзма. В работе использованы проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, структурно-системный и другие методы.

Актуальность темы. Автор статьи пишет, что «период 1943-1953 гг. определяется современными исследователями как время «религиозного возрождения» в СССР, когда Русская Православная Церковь смогла отчасти восстановить свои позиции», но тема эта изучена недостаточно и пока идет процесс становления с выделением основных направлений изучения этой большой проблемы. Автор отмечает, что исследователи отходят от абсолютизации «totalitarной» оценки к pragматическому подходу при изучении религиозной политики в нашей стране, вопросов взаимодействия религиозных организаций и власти и т.д. Актуальность разработки темы социально-политического взаимодействия Русской Православной Церкви и государства автор также видит в «

реализуемый в настоящее время проекте издания 6-томной истории конфессиональной политики Советского государства в 1917-1991 гг.».

Автор отмечает, что в настоящее время идет процесс становления с выделением ключевых направлений: факторы смягчения антирелигиозной политики; периодизация государственно-церковных отношений; организация и деятельность аппарата уполномоченных Совета по делам РПЦ при СНК СССР и облисполкомах; особенности организации церковного управления; открытие церквей и организация духовной жизни верующих; пастырское служение Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы; репрессивная практика в отношении священнослужителей и др.». В настоящее время религия занимает важное место в жизни людей и российского общества.

Научная новизна обусловлена постановкой темы и задач исследования. Научная новизна также заключается в комплексном анализе Русской Православной Церкви в системе социально-политического взаимодействия в годы Великой Отечественной войны на основе достижений исторической науки. Научная новизна определяется тем, что автор подготовил статью на основе широкого комплекса исторических документов из Государственного архива Пермской области(ГАПО).

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, есть также элементы описательности, что делает текст более понятным и ясным. Структура работы не разделена на разделы, но выстроена логично. В начале статьи автор показывает актуальность, характеризует современное состояние историографии по вопросу и отмечает, что в настоящее время идет становления данной тематики и формирование предметного поля с выделением ключевых его направлений, далее он перечисляет эти направления. Далее автор анализирует причины смягчения религиозной политики в нашей стране в исследуемый период, пишет о встрече митрополита Сергия с руководителем страны и Верховным Главнокомандующим и видит важность этой встречи в том, что митрополит Сергий «обозначил необходимые условия нормализации государственно-конфессиональных отношений». В статье много интересных данных и материалов, показывающих активизацию приходской жизни и т.д. Автор показывает позитивные изменения в религиозной политики страны, в частности он отмечает, что «для координации государственно-конфессионального взаимодействия в 1943 г. был создан Совет по делам РПЦ при Совнаркоме СССР, а годом позже – Совет по делам религиозных культов» и многое другое. Уделяется в статье внимание деятельности регионального уполномоченного Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР, его правах и обязанностях, представлена религиозная жизнь в Пермской области и т.д. В заключении работы автор дает выводы и пишет, что в исследуемый период «шло становления позитивной и жизнеспособной модели взаимодействия власти и Церкви...и общий тренд изменений выстраивает систему социально-политических коммуникаций в направлении от тотального запрета на организацию религиозной жизни и подавления проявлений религиозного чувства до весьма эффективного включения приходских общин в решение общегосударственных задач. Институционально советское общество становилось сложнее, была пересмотрена и возрождена не только миссия Церкви по формированию патриотического сознания, исподволь менялся и функционал органов государственной власти и управления»

Библиография работы состоит в основном из фундаментальных работ, в том числе работ, изданных издательством РОССПЭН в последние годы. Библиография грамотно оформлена.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации по теме исследования и библиографии

Выводы, интерес читательской аудитории. Работа написана на актуальную тему и будет

интересна специалистам.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Аленичева Я.С. Дискуссия на тему советского коллаборационизма: взгляд на проблему отечественных и зарубежных историков // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.2.69180 EDN: NLWYAN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69180

Дискуссия на тему советского коллаборационизма: взгляд на проблему отечественных и зарубежных историков

Аленичева Яна Сергеевна

аспирант, кафедра истории России, ГАОУ ВО Ленинградской области "Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина"

196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, шоссе Петербургское, 10

✉ alenicheva.history@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискуссии, полемика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69180

EDN:

NLWYAN

Дата направления статьи в редакцию:

01-12-2023

Аннотация: Продолжая исследовать советский коллаборационизм, автор обращает внимание на эволюцию научной мысли об этом феномене, детально разбирая работы отечественных и иностранных ученых. Десятилетие за десятилетием разбираются тенденции, формируемые и выдвигаемые историками в качестве основных направлений для анализа, описания и оценки явления добровольного сотрудничества советских граждан с немецкими оккупантами. Особенное значение приобретает аккумуляция научных исследований по теме, позволяющая увидеть ключевые идеи, а также их последовательные изменения: декларируя в начале параллелизм взглядов отечественных и зарубежных историков в послевоенный период, автор выделяет первые точки соприкосновения, находит совпадения и расхождения во взглядах, следит за развитием дискуссии о предпосылках, мотивах, формах и судьбе советского коллаборационизма. При написании данной статьи в целях организации объемной разрозненной научной информации автором использовались компаративный и агрегатный методы исследования, а также метод исторического анализа. Отмечая сходства и различия векторов развития научных интересов исследователей по теме

советского коллаборационизма во времена Великой Отечественной войны, в статье показывается, как обогащают друг друга научно-обоснованные диспуты в России и за ее пределами. Особым вкладом автора стало введение иностранной литературы, ранее не публиковавшейся на русском языке, а также обращение к работам современных исследователей смежных историй специальностей (политология, международные отношения), которые ранее не попадали в поле зрения российских историков. Выявляя сильные и слабые стороны научных концепций, конкурирующих между собой, автор обозначает направления по теме советского коллаборационизма, которые нуждаются в дополнительном внимании и разработке как для отечественных, так и для иностранных специалистов.

Ключевые слова:

Великая отечественная война, Коллаборационизм, Немецкая оккупация, Пособничество, Сотрудничество с нацистами, Вторая мировая война, Советский коллаборационизм, СССР в войне, Предательство, Военная история

Коллаборационизм, в значении добровольного сотрудничества населения с противником страны гражданства в военное время, был и остается сложным для изучения явлением. С одной стороны, исследование проблемы содействия врагу в уязвимое для государства время обогащает социально-политическую историю: фокусируя внимание на условиях, сложившихся в предвоенное время, разбирая причины тех или иных настроений среди населения, анализируя масштаб и последствия пособничества. С другой стороны, изучение коллаборационизма может расцениваться обществом как попытка размытия границ между предателями и героями, принижение роли военных побед и заслуг своей страны, действия по разложению патриотических чувств и изменению традиций культуры памяти.

Так или иначе вопрос советского коллаборационизма в период Великой Отечественной войны не перестает волновать отечественных и зарубежных авторов: имея, порой, кардинально разные точки зрения на данное явление, историки вступают в дискуссии, приводят полученные в ходе исследований аргументы, стараясь тщательно изучить малоизвестные эпизоды в истории сотрудничества советских граждан с немецкими захватчиками, получить новые данные в архивах.

Еще в военное время и первые годы после окончания Второй Мировой войны по теме коллаборационизма в СССР прослеживаются две основные тенденции: отечественные авторы акцентируют внимание на массовости партизанского движения и преступлениях, совершенных немцами на оккупированных территориях [1, 11, 32, 37, 40], а зарубежные исследуют историю советско-германских отношений накануне войны [59]. Отдельно следует отметить книгу А. Леонтьева [27]: написанная в стиле, не лишенном эмоциональности [11], работа рассказывает о захваченной Красной Армией директиве по управлению оккупированными территориями СССР. В части коллаборационизма автор отмечает следующее: "Лишь отдельных жалких отщепенцев, людей без роду и племени из числа уголовных или разложившихся элементов удалось найти немецким оккупантам и использовать в своих целях" [Там же, с. 41]. Среди значимых книг иностранных исследователей того времени следует упомянуть А. Таска [60]. Французский журналист описывает специфику отношений между СССР и Германией начиная с 1917 года, со времен Веймарской республики и РСФСР: анализируя возможности, которые обоядно

подарил странам Рапалльский договор, А. Таска повествует о постепенном сближении Москвы и Берлина, кульминацией которого стал вопрос о разделе Польши. Утверждая, что Германия уклонялась от военных положений договора и, в обход требований по Версальскому миру, строила на территории СССР заводы по производству авиаадеталей, журналист, меж тем, декларирует: "Именно Гитлер, и только Гитлер, проявил первые признаки враждебности по отношению к своему могущественному партнеру на Востоке. Stalin ... был вынужден принять меры предосторожности перед лицом этой растущей угрозы" [Там же].

В 50-60-е годы XX века в отечественной историографии продолжают преобладать работы, посвященные партизанской борьбе [9, 46]. За границей одна за одной выходят книги, утверждающие, что корни советского коллаборационизма произрастали из антикоммунистических настроений населения, составляющих оппозицию сталинской власти [49, 57]. Появляются критические статьи в адрес Соединенных Штатов Америки, способствовавших насильственной депатриации русских, сражавшихся против страны Советов [58]. Провокационной выглядит книга того периода, написанная английскими военными, скрупулезно изучающими коммунистическое партизанское движение: отдавая должное успехам советских партизан, авторы предполагают, что СССР сознательно не подписывала положения Женевской конвенции, чтобы бесчинствами немцев разозлить "народных мстителей" и усилить партизанскую борьбу на оккупированных территориях [12]. Англичане замечают: "Если ответ, который мы попытались дать на поставленные вопросы, правилен, тогда можно сказать, что Советам удалось осуществить самое ловкое мероприятие, которое когда-либо знала психологическая война" [Там же]. У. Ширер, между тем, подчеркивает, что русские всегда сражались "до последнего" и даже будучи частично побежденными, в октябре-ноябре 1941 года, не осознавали этого. Вспоминая встречу генерала-полковника Г. Гудериана со старым царским генералом из Орла, он приводит следующие слова: "Если бы вы только приехали двадцать лет назад, мы бы встретили вас с распростертыми объятиями. Но теперь уже слишком поздно ... Сейчас мы сражаемся за Россию, и в этом деле мы все едины" [56].

Следующее десятилетие в отечественной историографии ученые также много говорят о партизанах [20], публикуют рассекреченные документы [38], но появляются две новые тенденции: изучение управления на оккупационных территориях [5] и первые открытые дискуссии с зарубежными авторами [4]. Так, Л.А. Безыменский пишет: "Западная историография меньше всего и неохотнее всего говорит о мощи Советского государства, о героизме советских воинов, о крепости советского тыла. На всем этом лежит табу" [Там же]. Среди зарубежных источников становятся заметны новые направления развития мысли о коллаборационизме: профессиональные исследователи начинают говорить о неэффективности немецкого управления на оккупированных территориях из-за национал-социалистических идеологических установок, и, как следствие, невозможность формирования полноценных оппозиционных сил [54], а воспоминания бывших власовцев это подтверждают. А.Г. Алдан пишет в своих мемуарах: "У нацистской верхушки, конечно, было основание не доверять русским. Они понимали, что Русское Освободительное Движение (РОД) и РОА в одинаковой мере направлены как против большевизма, так и против нацизма и фашизма" [2].

1970-е годы характеризуются совпадением пристального интереса отечественных и зарубежных историков к "власовщине". С. Стенберг рассуждает: "Он (Власов - прим. автора) хотел вернуть Россию обратно в нормальное состояние, которого она была

лишена, благодаря Октябрьской революции” [39], подполковник Г. Пшеничный, активный участник власовского движения, вспоминает: “Существовало взаимное недоверие, неискренность со стороны немцев, презрительное отношение к русским, нежелание или неумение немецких кругов оценивать действительность. Это заглушало все здоровое, служило причиной различных идеологических колебаний...” [34, С.84], но А.В. Тишков порицает за подобные мысли своих современников, укоряя их в стремлении “обелить” генерала-предателя [41].

Среди работ 80-х годов заметны книги В.Н. Земского [21], отдельно выделившего роль рабочего класса в борьбе против немецких оккупантов, а также М.М. Загорулько и А.Ф. Юденкова [19]. Исследователи вводят в оборот ранее неопубликованные документы, в том числе из немецких архивов, одними из первых упоминают опыт Локотского окружного самоуправления [Там же, С.163-164]. Зарубежные авторы в это же время активно изучают пророссийски настроенную немецкую верхушку, составляющую в Германии оппозицию Гитлеру: А. Алексиев в своей работе перечисляет таких видных политических деятелей (В. Шулленбург, К. Штауффенберг, Х. Тресков и другие), рассказывая о внутренних противоречиях и спорах в вопросах того, стоит ли поддерживать национальные настроения некоторых сегментов советского населения и их стремления к самостоятельности или нет [48].

1990-е годы характеризуются настоящим “взрывом” публикаций, посвященных вопросу советского коллаборационизма: количество работ отечественных историков здесь несоразмерно больше иностранных. Освободившись от идеологического давления, российская историография разворачивает на своих страницах жаркие дискуссии среди соотечественников: большинство из них вновь интересуется власовским движением [25, 35], но более открыто задает вопросы, формулирует смелые предположения [26, 29]. Появляются книги и статьи, посвященные изучению советского коллаборационизма по национальному признаку [8, 28], рассказывающие о послевоенной судьбе антикоммунистов [22]. Публикуются первые научные труды С.И. Дробязко, уделяющего особенное внимание теме участия советских граждан в рядах вермахта [13, 14]. На этом фоне среди иностранных авторов 90-х выделим В. Рера [55], А. Муньоса [53], Й. Хоффманна [42], В.К. Штрик-Штрикфельдта [47]. Последний, к слову, рассказывал о намерении создать из оставшихся власовцев, а также чешских, югославских и немецких добровольцев силовой блок, который должен был действовать после войны на территории Югославии: “Этот интернациональный корпус должен был составить ядро военно-политического сопротивления вторгающемуся в Европу сталинскому большевизму” [Там же].

Первые годы XXI века показали, что российская историческая наука, увлеченная вопросами добровольного сотрудничества советских граждан во времена Великой Отечественной войны, активно развивается, обогащается серьезными научными исследованиями, авторы которых определяют своей главной задачей не оценку коллаборационизма с точки зрения нравственности и морали, а объективное изучение всего многообразия этого явления [3, 15, 23, 33, 36]. Российские и зарубежные историки обращают особенное внимание на изучение деятельности коллаборантов на юге СССР [18, 50], продолжают исследовать роль белой эмиграции в формировании и распространении антисоветской повестки на оккупированных территориях [44]. Не утихают дискуссии относительно политики партии в предвоенные годы, так или иначе

повлиявшей на настроения населения. Ю.С. Цурганов критикует советскую власть: "1917 год показал, что, оказывается, допустимо жить без царя ... потом оказалось, что допустимо вынести из здания приходского храма иконостас, соорудить из него уборную, а само здание использовать как склад. На этом фоне вопрос о том, можно ли жить при немцах, отпадал сам собой" [43], а О.В. Вишлев, наоборот, считает, что стратегия советского правительства перед войной была верной: "Советско-германский договор о ненападении представлял собой наиболее значительный дипломатический и политический акт завершающей фазы предвоенного кризиса ... и был заключен в условиях, когда предотвратить военный конфликт в Европе, по мнению Москвы, представлялось уже невозможным ... Противоречил он лишь интересам тех сил Запада, которые рассчитывали спровоцировать германо-советский конфликт и добиться развития германской экспансии в восточном направлении" [10].

В 2010-х годах на тему коллаборационизма защитили диссертации И.Ю. Молодова [31], Е.Н. Шанцева [45], Б.С. Мартынов [30]. Исследователи задавались вопросами численности и социального состава немецких пособников, специфики деятельности специально созданных коллаборационных структур, оценки роли коллаборационизма на региональных и геополитическом уровнях. Поступают в печать книги, рассказывающие о жизни населения, оказавшегося на оккупированных территориях [16, 24], появляются все новые рассекреченные документы [6] и дневники коллаборантов [7]. Среди серьезных исследований зарубежных авторов этих лет следует упомянуть Э. Марк [52]: ученый, используя новые методы исторической статистики и социокультурный подход, изучает мотивы и специфику условий, при которых солдаты Красной армии были вынуждены добровольно сдаваться в плен. Среди прочего, Э. Марк приходит к выводу о том, что самой частой причиной этого явления было стремление выжить, а не идеологическая "заряженность": "Возможно, это была война идеологий, но не все, кто был вовлечен в нее, были идеологически мотивированы" [Там же, С.10].

За последние несколько лет, в период с 2020 года отечественная историография пополнилась несколькими сборниками по теме коллаборационизма: Д. Жуков и И. Ковтун представили статьи и документы об интерпретации термина "коллаборационизм", политической и военной деятельности Б. Каминского, оккупационных органах печати и многом другом [17]. Иностранные авторы опубликовали интересное исследование, посвященное культуре памяти о Второй Мировой войне среди молодежи Беларуси и Латвии [51]: способности признать наличие факта коллаборационизма и возможности взглянуть критически на историческое прошлое своей страны.

Говоря, в заключении, о специфике полемики вокруг вопроса советского коллаборационизма среди отечественных и зарубежных авторов отметим следующее. Дискуссия с разницей в подходах и оценках рассматриваемого явления, по сути, существовала только до 1990-х годов: то есть до того момента, пока иностранные ученые писали о том, что в СССР находилось под идеологическим запретом. С одной стороны, это имело позитивный исход: сознательное умалчивание о добровольном сотрудничестве с немцами или преуменьшение влияния оппозиционных настроений на поведение населения оккупированных территорий, разжигало интерес зарубежных ученых, акцентирующих внимание на социально-политических предпосылках коллаборационизма, что позволило весомо пополнить фактами общую историографию вопроса. С другой стороны, из зарубежного исследовательского фокуса практически выпала повседневная жизнь населения оккупированных территорий, мотивы и настроения рядовых граждан, столкнувшихся с проблемой адаптации к новым условиям, продиктованным немецкой

оккупационной политикой. С этой точки зрения работы российских авторов, посвященных теме коллаборационизма, наполнены более богатым и всеобъемлющим эмпирическим материалом: за последние 20-30 лет ученым удалось создать целый пласт серьезных научных работ и исследований, а также книг и статей, написанных в атмосфере плюрализма и гласности, что положительно сказалось на развитии отечественной историографии вопроса.

[11] Например: "...в наши дни весь советский народ, весь цивилизованный мир должен знать содержание этого документа, которым гитлеровская клика пригвождается к позорному столбу как банда бессовестных поджигателей войны, торговцев смертью, заливающих мир потоками крови...".

Библиография

1. Аброськин С. В. Зверства фашистов в Воронежской области. М.: Госполитиздат, 1943. 47 с.
2. Алдан А. Г. Армия обреченных [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/aldan_ag01/index.html (дата обращения: 30.08.2023).
3. Арзамаскин Ю.Н. Заложники второй мировой войны: Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. /Ю.Н. Арзамаскин. М.: Российская историческая военно-политическая библиотека, 2001. 144 с.
4. Безыменский Л. А. Гитлеровские генералы с Гитлером и без него [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/research/bezymensky1/index.html> (дата обращения 30.08.2023).
5. Болтин Е.А. Немецко-фашистский оккупационный режим. (1941-1945 гг.). М.: Политиздат, 1965. 388 с.
6. Будницкий О.В. Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне. М.: РОССПЭН, 2018. 514 с.
7. Будницкий О.В. Свершилось! Пришли немцы. Идейный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Rulit. URL: <https://www.rulit.me/books/mys-strahov-lp-read-415171-1.html> (дата обращения: 20.06.2023).
8. Взварова Г. Н. Туркестанские легионеры // Военно-исторический журнал, 1995. № 2. С. 39-46.
9. Виноградов И. И. Партизанская война на Псковщине. Псков: [Б.и.], 1950. 112 с.
10. Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/research/vishlev/index.html> (дата обращения 30.08.2023).
11. Волин Б. М. Всенародная партизанская война. М.: Госполитиздат, 1942. 69 с.
12. Диксон Ч. О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/research/dixon_heilbrunn/index.html (дата обращения: 30.08.2023).
13. Дробязко С.И. Восточные легионы и казачьи части в Верхмате. М.: АСТ, 1999. 55 с.
14. Дробязко С.И. Вторая мировая война, 1939–1945. Русская освободительная армия. М.: АСТ, 2000. 46 с.
15. Ермолов И.Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг.: Дис. ...

- канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история / Игорь Геннадьевич Ермолов. Тверь, 2005. 279 с.
16. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2010. 383 с.
17. Жуков Д., Пособники. Исследования и материалы по истории отечественного коллаборационизма [Электронный ресурс] // Libking. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/1056692-2-dmitrij-zhukov-posobniki-issledovaniya-i-materialy-po-istorii-otechestvennogo-kollaboracionizma.html#book> (дата обращения: 30.08.2023).
18. Журавлев Е. И. Гражданский коллаборационизм в годы немецкой оккупации 1941–43 гг. на материалах юга России // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. № 16. С. 66-73.
19. Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана "Ольденбург". М.: Экономика, 1980. 376 с.
20. Залесский А. И. В партизанских краях и зонах. М.: Соцэкиз, 1962. 396 с.
21. Земсков В. Н. Ведущая сила всенародной борьбы. Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории (1941–1944 гг.) [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/research/zemskov_vn01/index.html (дата обращения: 30.08.2023).
22. Казанцев А. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом [Электронный ресурс] // Libking. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-military/361439-aleksandr-kazantsev-tretya-sila-rossiya-mezhdu-natsizmom-i-kommunizmom.html> (дата обращения: 30.08.2023).
23. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn01/index.html (дата обращения 30.08.2023).
24. Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn03/index.html (дата обращения: 30.08.2023).
25. Колесник А.Н. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. Харьков: [Б.и.], 1991. 238 с.
26. Кудряшов С. В. Предатели, "освободители" или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль, 1993. № 14. С. 91.
27. Леонтьев А. «Зеленая папка» Геринга. М.: Госполитиздат, 1942. 43 с.
28. Литвин А. Г. Крымско-татарские формирования: документы третьего рейха свидетельствуют // Военно-исторический журнал, 1991. № 3. С. 91.
29. Малиновский В. В. Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории. 1996, № 11. С. 165.
30. Мартынов Б.С. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм на территории южных и юго-восточных районов Курской области (октябрь 1941 – август 1943): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история /Богдан Сергеевич Мартынов. Белгород, 2016. 212 с.
31. Молодова И.Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история / Ирина Юрьевна Молодова. Брянск, 2010. 263 с.
32. О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае

- [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/177890-soobschenie-chrezvychaynoy-gosudarstvennoy-komissii-o-zlodeyaniyah-nemetsko-fashistskih-okkupantov-v-stavropolском-krasnoyarskom-krae-5-avgusta-1943-g> (дата обращения: 30.08.2023).
33. Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. 174 с.
 34. Поздняков В. В. Рождение РОА. Пропагандисты Вульхайде-Люкенвальде-Дабендорфа-Риги. Сиракузы, 1972. 256 с.
 35. Раманичев Н.М. Власов и другие. М.: Наука, 1995. 293 с.
 36. Семиряга М.И. Коллaborационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 862 с.
 37. Сидельский Р. И. Борьба советских партизан против фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат, 1942. 65 с.
 38. Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / Сост. В. И. Даичев. М.: Наука, 1967. 752 с.
 39. Стеенберг С. Власов [Электронный ресурс] // Вторая литература: электронный архив зарубежья имени Андрея Синявского. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/steenbergs_vlasov_1974__ocr.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
 40. Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации. Приговор // Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1943. № 169 [Электронный ресурс] // История РФ. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/23/613c12f55acbb08fe927b7634120b41b00f7bf8c.pdf> (дата обращения: 31.08.2023).
 41. Тишков А.В. Предатель перед советским судом // "Советское государство и право", 1973. № 2. С. 89-98 [Электронный ресурс] // Криминальный Саратов. URL: <https://криминальныйсаратов.рф/vlasov-andrey-predavshij-rossiyu-chast-3-a-v-tishkov-predatel-pered-sovetskym-sudom-1973-g.php> (дата обращения: 30.08.2023).
 42. Хоффман Й. История власовской армии [Электронный ресурс] // Сайт "Военная литература". URL: <http://militera.lib.ru/research/hoffmann/index.html> (Дата обращения: 20.04.2023).
 43. Цурганов Ю.С. Вторая мировая: иной взгляд [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: http://militera.org/books/pdf/research/sb_vm-inoy-vzglyad.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
 44. Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш: Белая эмиграция во второй мировой войне. М.: Intrada, 2001. 286 с.
 45. Шанцева Е.Н. Генезис партизанского движения и коллаборационизма в Великую Отечественную войну: на примере оккупированной территории Брянского региона: август 1941- сентябрь 1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отечественная история / Елена Николаевна Шанцева. Курск, 2011. 290 с.
 46. Шевердалкин П. Р. Партизанская борьба на Новгородской земле. Новгород: Новогор. обл. тип., 1957. 171 с.
 47. Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера [Электронный ресурс] // Военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/strick-strickfeldt/index.html> (дата обращения: 30.08.2023).
 48. Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945 [Электронный ресурс] // Defence Technical Information Center. URL:

<https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA141338.pdf> (дата обращения: 30.08.2023).

49. Fischer G. Soviet opposition to Stalin. A case study in WWII. Cambridge, 1952. 230 p.
50. Jeffrey W. Every Family Has Its Freak": Perceptions of Collaboration in Occupied Soviet Russia, 1943–1948 [Электронный ресурс] // Cambridge.org. URL: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/3FC20C0654F59AC63709F26BF831B40D/S0037677900031466a.pdf/every-family-has-its-freak-perceptions-of-collaboration-in-occupied-soviet-russia-1943-1948.pdf> (дата обращения: 30.08.2023).
51. Krawatzek F., Soroka G. Remembering a Contentious Past: Resistance and Collaboration in the Former Soviet Union [Электронный ресурс] // Sage Journals. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0888325420952154> (дата обращения: 30.08.2023).
52. Mark E. Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941–1945. Oxford University Press, 2017. 126 p.
53. Munoz A. Hitler Easter Legions. New York, 1997. 96 p.
54. Reitlinger G. The House Built on Sand; The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. London, 1960. 459 p.
55. Rohr W. Okkupation und Kollaboration (1938–1945): Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik. Hüthig, 1994. 632 p.
56. Shirer W. The rise and fall of the Third Reich [Электронный ресурс] // Elibrary. URL: http://elibrary.bsu.edu.az/files/books_400/N_389.pdf (дата обращения: 30.08.2023).
57. Shub. B. The choice. Madison, 1950. 205 p.
58. Shub. B. Why America Is Losing World War III // The American Mercury. 1952. Pp. 11–24.
59. Sontag R.J., Beddie J. S. Nazi-soviet realtions, 1939–1941 [Электронный ресурс] // Ibilibio.org. URL:<https://www.ibiblio.org/pha/nsr/nsr-preface.html> (дата обращения: 30.08.23).
60. Tasca A. The Russo-German Alliance: August 1939 – June 1941 [Электронный ресурс] // Marxists.org. URL: <https://www.marxists.org/history/ussr/great-patriotic-war/soviet-german-pact/tasca/ch6.htm> (дата обращения: 30.08.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

На статью Дискуссия на тему советского коллаборационизма: взгляд на проблему отечественных и зарубежных историков

Предмет исследования – обозначен в названии и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования базируется на принципах историзма, научной объективности и системном подходам к анализируемым историографическим фактам. системности и историзма. В работе использованы проблемно-хронологический, историко-сравнительный, методы логического и конкретного анализа, а также метод периодизации и другие методы..

Актуальность. Автор рецензируемой статьи отмечает, что «вопрос советского

коллаборационизма в период Великой Отечественной войны не перестает волновать отечественных и зарубежных авторов: имея, порой, кардинально разные точки зрения на данное явление, историки вступают в дискуссии, приводят полученные в ходе исследований аргументы, стараясь тщательно изучить малоизвестные эпизоды в истории сотрудничества советских граждан с немецкими захватчиками, получить новые данные в архивах». Актуальность темы не вызывает сомнения.

Научная новизна обусловлена постановкой проблемы и задач. Новизна определяется тем, что в статье проведен всесторонний и системный анализ работ отечественных и зарубежных исследователей на тему советского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны с учетом современных достижений исторической науки.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный с элементами описательности. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования. В начале работы автор дает раскрывает значение термина коллаборационизм. И пишет, что «исследование проблемы содействия врагу в уязвимое для государства время обогащает социально-политическую историю: фокусируя внимание на условиях, сложившихся в предвоенное время, разбирая причины тех или иных настроений среди населения, анализируя масштаб и последствия пособничества». Он также отмечает, что «изучение коллаборационизма может расцениваться обществом как попытка размытия границ между предателями и героями, принижение роли военных побед и заслуг своей страны, действия по разложению патриотических чувств и изменению традиций». И в этой двойственности заключается сложность данной темы. Структура работы построена по хронологическому периоду, что дает автору возможность показать, как рассматривалась проблема советского коллаборационизма отечественными и зарубежными исследователями в 1950-ые, 1960-ые, 1970-ые и т.д. Особое внимание уделено подходам отечественных и зарубежных исследователей в 1990-ые годы и причин «взрыва интереса отечественных историков к этой теме. Текст статьи изложен логически и последовательно. В заключении работы автор приводит выводы по теме и пишет, что «дискуссия с разницей в подходах и оценках» советского коллаборационизма «существовала только до 1990-х годов», пока иностранные исследователи писали о том, что в СССР было под идеологическим запретом. В последние же десятилетия отечественным исследователям «удалось создать целый пласт серьезных научных работ и исследований, а также книг и статей, написанных в атмосфере плюрализма и гласности, что положительно сказалось на развитии отечественной историографии вопроса».

Библиография работы насчитывает 60 работ и это обусловлено темой исследования. Автор провел большую работу по анализу работ отечественных и зарубежных исследователей и в работе отмечены фактически все фундаментальные и интересные работы по исследуемой теме. Библиография показывает, что автор статьи тему знает достаточно хорошо

Апелляция к оппонентам проведена на основе проделанной работы и библиографии статьи.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья подготовлена на актуальную научную тему и будет интересна специалистам, а также студентам, аспирантам и т.д.

Англоязычные метаданные

Features of the development of the Russian banking system in 1996-1999.

Baydakov Ivan

Director of the Centre for Public History, Research Fellow, Laboratory of Contemporary History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential academy of National Economy and Public administration

119192, Russia, Moscow, Mchurinsky ave., 12k1, sq. 69

✉ Baydakovim@gmail.com

Abstract. This work is devoted to the crisis quadrennial of 1996-1999 in the history of Russia and the relationship with the changes that have occurred in the Russian banking system. The author identifies two stages in the development of domestic banking: its formation in 1991-1995, which ended with the exit from the August crisis of 1995, which showed that the banking system has not yet adapted to the requirements of market reality. The second stage was the crisis four-year period of 1996-1999, the peak of which was the default and devaluation of the ruble, as a result of which the main activity of banks turned from participating in a speculative game to working with the real sector of the economy and the population. As part of the study of the second period, the author, among other things, considers the issue of anti-crisis measures taken by the Government of the Russian Federation. The author analyzes a large layer of sources and bibliographies, actually building a chronology of the development of the banking sector in Russia in 1996-1999. The novelty of this work consists in the fact that until now there are practically no generalizing historical works about the history of the banking system of Russia in the Russian historiography. The author comes to the following key conclusions: as a result of the 1998 crisis, in which there was a collapse of government securities, which are the basis of both speculative activities of credit institutions and collateral for their resource base, the banking community began to focus mainly on working with the real sector of the economy and the needs of the population. During the period under review, a reform of the banking system was carried out, including the establishment of a set of strict banking standards and reporting that serve to increase the reliability of credit institutions and the possibilities of effective regulation of their activities, and the elimination of the technical backlog of the Central Bank in the automation of control and payment spheres was carried out.

Keywords: Russian economic history, Yeltsin's economic policy, default in russia, russian economic reform, GKO-OFZ, the budget crisis Russia, ruble devaluation, Russian economy crises, development of the banking system, Banking in Russia

References (transliterated)

1. Aleksashenko S. V. Bitva za rubl'. M.: Almamater, 1999. 240 s.
2. Al'bats E. Anatolii Chubais: nas zhdut ochen' tyazhelye poltora-dva goda // Kommersant". 1998. 8 sentyabrya. № 165.
3. Astanin E. V. Nasylshchenie likvidnost'yu // Denezhnyi rynok. 2017. № 1. S. 3.
4. Baidakov I. M. Rozhdenie bankovskoi sistemy v Rossiiskoi Federatsii v 1991-1995 godakh // Ekonomicheskaya politika. 2023. T. 18. № 4. S. 36-57. DOI:10.18288/1994-5124-2023-4-36-57

5. Boiko B. Tat'yana Paramonova otvergnuta Dumoi // *Kommersant*". 1995. 20 iyulya. № 140.
6. Bondarenko N. V. Defolt avgusta 1998 goda glazami naseleniya // *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008. S. 23-32.
7. Bochenkova N. A. Indeksy sotsial'nykh nastroenii v sovremennykh sotsiologicheskikh tsentrakh // *Vestnik Universiteta*. 2013. № 23. S. 232-236.
8. Britvin B. Chubais nazval spasitelya rossiiskoi ekonomiki v 1998 godu // *Lenta.ru*. 2021. 15 fevralya. URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/15/kudr/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
9. Gilman M. Defolt, kotorogo moglo ne byt'. M.: *Vremya*, 2009. 480 s.
10. Grigorii Yavlinskii v programme «Vremya» // Partiya «Yabloko». 1998. 10 sentyabrya. URL: <https://www.yabloko.ru/Publ/Articles/yavl-28.html> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
11. Drobyshevskii S. V. Analiz rynka GKO na osnove izucheniya vremennoi struktury protsentnykh stavok // Nauchnye trudy Fonda «Institut ekonomiceskoi politiki im. E. T. Gaidara». 1999. 265 s.
12. El'tsin B. N. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 17.02.1998 «Obshchimi silami k pod"emu Rossii» // Rossiiskaya gazeta. 1998. 24 fevralya. № 1966.
13. El'tsin B. N. Prezidentskii marafon. M.: AST, 2000. 383 s.
14. Izbrannye vystupleniya deputatov Gosudarstvennoi Dumy s 1906 goda do nashikh dnei / Pod red. S. E. Naryshkina. M.: Izdanie Gosudarstvennoi Dumy, 2013. 304 s.
15. Illarionov A. N. Mify i uroki krizisa // *Voprosy ekonomiki*. 1999. № 10. S. 24-48.
16. Krotov N. I., Gerashchenko V. V. Zhizn' i udivitel'nye priklyucheniya bankira Viktora Gerashchenko... M.: Nashe zavtra, 2022. 581 s.
17. Kto vinovat v krizise 1998 goda? // *Kommersant*". 2013. 17 avgusta. № 147.
18. Kukol E., Nevinnaya I. 2000-e gody stali unikal'nymi po rostu dokhodov naseleniya Rossii // Rossiiskaya gazeta. 2011. 12 dekabrya. № 5556.
19. Lopatnikov L. I. Ot plana k rynku. Ocherki noveishei ekonomiceskoi istorii Rossii. SPb.: Norma, 2010. 320 s.
20. Luzhkov Yu. M. «Blefonomika» ili real'naya ekonomika? // *Ekonomiceskaya nauka sovremennoi Rossii*. 1998. S. 46-55.
21. Lyakin A. N. Tri krizisa po odnomu stsenariyu // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo GU. Ekonomika*. 2018. T. 34. Vyp. 1. S. 4-25. DOI:10.21638/11701/spbu05.2018.101
22. Mau V. A. Krizisy i uroki. *Ekonomika Rossii v epokhu turbulentnosti*. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2016. 488 s.
23. Mau V. A. Politicheskaya priroda i uroki finansovogo krizisa // *Voprosy ekonomiki*. 1998. № 11. S. 4-19.
24. Mau V. A. *Ekonomika i politika Rossii: god za godom (1991-2009)* // *Sobranie sochinienii v 6 t. T. 4*. M.: Izd-vo «Delo», 2010. 832 s.
25. Mikhailov L. V., Sycheva L. I., Timofeev E. V. Bankovskii krizis 1998 goda v Rossii i ego posledstviya // *Nauchnye trudy IEPP*. 2000. № 21R. 159 s.
26. Mikhailov L. V., Sycheva L. I., Timofeev E. V. Krizis 1998 goda i vosstanovlenie bankovskoi sistemy. M.: Gendal'f, 2001. 308 s.
27. Mozhaiskov O. V. Platezhnyi balans Rossii za 1998 god // *Kommersant*". 1999, 14 maya. № 80.
28. «My vse togda sdelali vybor». Interv'yu S. K. Dubinina // *TASS*. 2018. 17 avgusta. URL:

- <https://tass.ru/interviews/5447827> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
29. My prosnulis' v drugoi strane // "Kommersant". 2016. 16 avgusta. № 148.
 30. Otkrytoe pis'mo uchenykh Otdeleniya ekonomiki RAN Prezidentu RF, Federal'nomu Sobraniyu i Pravitel'stvu RF // Ekonomika i zhizn'. 1998. № 37. S. 4-12.
 31. Petrakov N. Ya. Russkaya ruletka. Ekonomiceskii eksperiment tsenoyu 150 millionov zhiznei. M.: Ekonomika, 1998. 286 s.
 32. Proekt Gerashchenko // "Kommersant". 1998. 25 sentyabrya. № 178.
 33. Rossiiskaya ekonomika v pervom polugodii 1996 goda. Tendentsii i perspektivy / Pod red. E. T. Gaidara. M.: IEPP, 1996. 135 s.
 34. Rossiiskaya ekonomika v 1996 godu. Tendentsii i perspektivy / Pod red. E. T. Gaidara. M.: IEPP, 1997. 190 s.
 35. Rossiiskaya ekonomika v 1997 godu. Tendentsii i perspektivy / Pod red. E. T. Gaidara. M.: IEPP, 1998. 293 s.
 36. Rossiiskaya ekonomika v yanvare-sentyabre 1998 goda. Tendentsii i perspektivy / Pod red. E. T. Gaidara. M.: IEPP, 1998. 382 s.
 37. Rossiiskaya ekonomika v 1998 godu. Tendentsii i perspektivy / Pod red. E. T. Gaidara. M.: IEPP, 1999. 477 s.
 38. Rossiiskaya ekonomika v 1999 godu. Tendentsii i perspektivy / Pod red. E. T. Gaidara. M.: IEPP, 2000. 745 s.
 39. Rushailo P. Rynku GKO 30 let // "Kommersant". 2023, 24 maya. № 98.
 40. Savinskaya N. A., Pivovarov V. V., Smirnova N. I. i dr. Iz istorii stanovleniya i razvitiya platezhnoi sistemy v Rossii // Problemy sovremennoi ekonomiki. 2010. № 34. S. 476-488.
 41. Simonov N. S. Banki i Den'gi. M.: Izd-vo RAGS, 2009. 612 s.
 42. Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. M.: Goskomstat Rossii, 1999. 445 s.
 43. «Takie skorbyne litsa ya videl tol'ko v translyatsiyakh TV-pokhoron gensekov»: kak rossiyane perezhivali defolt v avguste 1998 goda // NGS.ru. 2023. 17 avgusta. URL: <https://ngs.ru/text/economics/2023/08/17/72605825/> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
 44. Trofimov G. Yu. Byl li rossiiskii gosudarstvennyi dolg «finansovoi piramidoi»? // Voprosy ekonomiki. 1999. № 5. S. 109-119.
 45. Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii. Godovoi otchet 1997. M.: TsB RF, 1998. 215 s.
 46. Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii. Godovoi otchet 1998. M.: TsB RF, 1999. 219 s.
 47. Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii. Godovoi otchet 1999. M.: TsB RF, 2000. 211 s.
 48. Chubais A. B. Neplatezhi v rossiiskoi ekonomike 1990-kh: nepredvidennyi institut // Voprosy ekonomiki. 2023. № 7. S. 142-158. DOI:10.32609/0042-8736-2023-7-142-158
 49. Shmid A. V., Kontorovich V. K., Galakhov I. V. Reisovy i nepreryvnyi rezhimy provedeniya platezhei // «VKSS. Connect!». 2007. № 4. URL: <https://ec-leasing.ru/rejsovyj-i-nepreryvnyj-rezhimy-provedeniya-platezhej.html> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
 50. Entov R. M., Radygin A. D., Mau V. A. i dr. Razvitie rossiiskogo finansovogo rynka i novye instrumenty privlecheniya investitsii. M.: IEPP, 1998. 283 s.
 51. Entov R. M., Ulyukaev A. V., Yudin A. D. i dr. Bankovskii krizis: mekhanizmy vyzrevaniya i razvertyvaniya krizisnykh protsessov. M.: IEPP, 1999. 41 s.
 52. Yanik A. A. Iстория современной России. М.: Изд-во МГУ, 2012. 760 с.
 53. Yasin E. G. Ekonomika Rossii nakanune pod"ema. M.: Izd. dom VShE, 2012. 334 s.

54. Chiodo, A. J., & Owyang, M. T. (2002). A Case Study of a Currency Crisis: The Russian Default of 1998. *Economic Research of The Federal Reserve Bank of St. Louis*, 24(6), 7-18.
55. Desai, P. (2000). Why Did the Ruble Collapse in August 1998? *The American Economic Review*, 90(2), 48-52.
56. Kharas, H., Pinto, B., Ulator, S. (2001). An Analysis of Russia's 1998: Meltdown: Fundamentals and Market Signals. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1.
57. Zonis, N. (2010). The Financial Crisis in Russia 1998. GRIN. Seminar Paper.

Labor contingent of the Southern Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs of the USSR in 1947-1953: number, employment, composition of the working fund.

Ryabova Yuliya Vladimirovna □

PhD in History

Associate Professor, Department of "Management in Social and Economic Systems, Philosophy and History", Ural State Transport University

66 Kolmogorova str., Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620034, Russia

✉ YuRyabova@usurt.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the labor contingent in the South Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs in the period from 1947 to 1953. The purpose of the publication is to identify the composition and number of workers involved in the production sector of labor camps and their employment. The chronological framework of the study covers the period from the formation of the camp until the beginning of a radical restructuring of the Soviet Gulag system. When studying this issue, the author used general scientific and special historical methods (methods of quantitative analysis and statistical processing of materials). The novelty of the work lies in the use of unpublished archival documents and addressing local history issues that have not received widespread scientific coverage. Based on archival materials from the current archive of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service for the Kemerovo Region, the dynamics of changes in the number of both forced labor camp prisoners and civilian workers, as well as the degree of their employment, are examined. A comparative analysis of the quantitative composition of the working fund of the South Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs predecessor, the Yuzhukuzbassles trust, showed that the transition to the use of forced labor in the logging industry in the south of the Kemerovo region made it possible to solve the problem of labor shortage. Particular attention is paid to the issues of employing the camp contingent in the production sector of the Corrective Labor Camp. The reasons why labor functions were not always performed by the prison population were identified, and statistics for each of them were also provided. Particular attention is paid to the processes of transformation of the labor fund in 1953.

Keywords: logging, prisoners, Gulag, camp economy, Southern Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs of the USSR, forced labor camp, forced labor, Gornaya Shoria district, Kemerovo Oblast, USSR

References (transliterated)

1. Bakunin A. V. Istorya sovetskogo totalitarizma. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. – Kn. I. Genezis, 1996. – 256 s.
2. Berdinskikh V. A. Spetsposelentsy. Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoi Rossii. M., 2005. – 768 s.
3. Bikmetov R. S. Proizvodstvennaya deyatel'nost' Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR v 1947–1952 gg. // Intellektual'nyi i industrial'nyi potentsial regionov Rossii. Materialy IV Vserossiiskikh nauchnykh chtenii. Kemerovo, 2006. s. 248–253.
4. Butenko A. P. Sotsiologicheskie voprosy istorii i teorii totalitarizma // SOTsIS. 1998. № 6. – S. 28–37.
5. Gvozdikova L. I. Istorya repressii i stalinskikh lagerei v Kuzbasse. Kemerovo, 1997. – 516 s.
6. GULAG. 1918–1960 / Sost. A. I. Kokurin, N. V. Petrov. M.: Materik, 2000. – 888 s.
7. Detkov M. G. Tyur'my, lagerya i kolonii. – M.: Verdikt, 1999. – 448 s.
8. Zemskov V. N. Spetspereselentsy v SSSR. 1930–1960 gg. M., 2003. – 304 s.
9. Ivanova G. M. Istorya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty. M., 2006. – 438 s.
10. Istorya stalinskogo GULAGa: konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: Sobr. dok.: V 7-mi tomakh. M.: ROSSPEN, 2004. T. 2: Karatel'naya sistema: struktura i kadry. – 696 s.
11. Kan A. S. Postsovetskie issledovaniya o politicheskikh repressiyakh v Rossii i SSSR. // Otechestvennaya istoriya. – 2003. – № 1. – 120–133 c.
12. Kustyshev A. N. Evropeiskii Sever Rossii v repressivnoi politike KhKh v. Ukhta, 2003. – 127 s.
13. Morozov N. A. GULAG v Komi krae 1929–1956 gg. Syktyvkar, 1997. – 190 s.
14. Papkov S. A. Lagernaya sistema i prinuditel'nyi trud v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v 1929–1941 gg. // Vozvrashchenie pamyati: istoriko-arkhivnyi al'manakh. Novosibirsk, 1997. – Vyp. 3.– S. 37–67.
15. Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerei v SSSR, (1923–1960). Spravochnik / Sost. M. B. Smirnov. Pod red. N. G. Okhotina, A. B. Roginskogo M., 1998. – 600 s.
16. Smykal A. S. Kolonii i tyur'my v Sovetskoi Rossii. Ekaterinburg, 1997. – 368 s.
17. Upadyshev N. V. GULAG na Evropeiskom severe Rossii: genezis, evolyutsiya, raspad. Murmansk, 2008. – 322 s.
18. Khlevnyuk O. V. Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury. M., 2010. – 479 s.
19. Ekonomika GULAGa i ee rol' v razvitiu strany. 1930-e gody: Sb. dok. / RAN. In-t ros. istorii; sost. M. I. Khlusov. M., 1998. – 172 s.
20. Ertts S. Lagernaya sistema v 193–1950-e gg.: evolyutsiya struktury i printsipov upravleniya. // GULAG: ekonomika prinuditel'nogo truda. M., 2005. – S. 90–128.

A. F. Voeykov and "Description of the Kalmyk people"

Dordzhieva Elena Valerievna □

Doctor of History

Professor, Department of Social and Human Sciences, MREA - Russian Technological University

119435, Russia, Moscow, Malaya Pirogovskaya str., 1 p.5, room B-302

✉ evdord@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the perception of the "inner" traveler of the nomadic people of the Russian Empire on the example of the Kalmyks. The research material is the "Description of the Kalmyk people" by the poet, translator and publisher A. F. Voeikov (1779-1839), which was based on the diaries of a trip to the south of Russia in 1813. In his travel notes, the writer pays special attention to understanding the customs and traditions of the Kalmyks. The study of Voeykov's biography and work revealed the context of the appeal to the history of the Kalmyks. In the context of the rise of national consciousness and the ethnographic boom after the Patriotic War of 1812, literary travel pursues both educational (knowledge of another culture) and ideological goals ("increment" of the province to the empire). Usually harsh and sometimes unscrupulous, Voeykov tries to avoid looking "from above" in the description of Kalmyks. Noting the archaic social structure, ignorance and superstitions of the people under the rule of their secular and spiritual rulers, he draws the Government's attention to the need for further integration of the Kalmyks. The narrative of the "Description" combines the tasks of the traveler and the author-narrator. On the one hand, Voeykov draws on early works on the Kalmyks and actively introduces quotations from ethnographers, scientists and administrators into the text, on the other hand, he tries to make a personal analysis of another culture. To create an image of the "Other", the text uses a number of lexical means, which include the use of evaluative words and expressions ("superstitious Kalmyks"), comparisons ("the Kalmyk way of life resembles primitive human societies", intelligent gernguters /ignorant Kalmyks), metaphors ("peaceful shepherds").

Keywords: Nikolai Strakhov, Benjamin Bergman, image of Kalmyks, Kalmyk laws, Lamaist clergy, everyday life, nomads, Kalmyk economy, Kalmyks, Alexander Voeykov

References (transliterated)

1. Voeikov A.F. Opisanie kalmytskogo naroda // Syn Otechestva. 1822 b. Ch. 75. №5. C. 208-226. №6. C. 244-267. №7. C. S. 293-308.
2. Lotman Yu.M. Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba ego vremeni. // Uchen. zap. Tart. gos. un-ta. Tartu, 1958. Vyp. 63. 193 s.
3. Al'tshuller M.G., Lotman Yu.M. A.F. Voeikov. Biograficheskaya spravka // Poety 1790-1810-kh godov. L.: Sovetskii pisatel', 1971. S. 259-261.
4. Nikitina D. M. Izuchenie biografii i tvorchestva A.F. Voeikova: sistematiceskii obzor // Filologicheskienauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13, № 6. S. 17-21.
5. Kliment'eva M.F. Literaturno-kriticheskaya deyatel'nost' A.F. Voeikova: diss... k. filol. n., Tomsk, 2003. 300 s.
6. Turgenev A.I. K vekhomu poddevicheskomu domu A.F. Voeikova // Poety 1790-1810-kh godov. Biblioteka poeta; Bol'shaya seriya. L.: Sovetskii pisatel', 1971. 912 s.
7. Istrin V.M. Mladshii turgenevskii kruzhok i Aleksandr Ivanovich Turgenev // Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Vyp. 2. SPb.: tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1911. S. 3-134.
8. Dmitriev M. Glavy iz vospominanii moei zhizni. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998. 752 s.
9. Solov'ev N.V. Iстория одного из моих путешествий в Калмыкию. A.A. Voeikova – «Svetlana». Pg.: b.i., 1915-1916. T. 1-2. 274 s.
10. Grech N.I. Vospominaniya o moei zhizni. M.: Zakharov, 2002. 520 s.
11. Petukhov E.Ya. Voeikov, Aleksandr Fedorovich // Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Yur'evskogo, byvshego Derptskogo, universiteta za sto

- let ego sushchestvovaniya (1802–1902). Yur'ev, 1903. Tom II. S. 352-354.
12. Timashev A.K. Voeikov. M.: Molodaya gvardiya, 1957. 58 s.
 13. Mordovchenko N.I. Zhurnalistika dvadtsatykh – tridtsatykh godov [XIX veka] // Istorya russkoi literatury: V 10 t. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1941–1956. T. VI. Literatura 1820–1830-kh godov. 1953. S. 579-610.
 14. Voeikov A.F. Puteshestvie iz Sarepty na razvaliny Sheri-Saraya, byvshei stolitsy Khanov Zolotoi Ordy (iz dorozhnykh zapisok) // Novosti literatury. 1824. Kn. 9 Iyul'. S. 1-26.
 15. Lebedeva O.B. Natsional'noe, imperskoe, kolonial'noe kak faktor chastnoi zhizni: poslanie V. A. Zhukovskogo «K Voeikovu» // Imagologiya i kamparativistika. 2017. №1(7). S. 93-107.
 16. Kupriyanov P.S. Russkoe zagranichnoe puteshestvie nachala XIX veka: paradoksy literaturnosti / P. S. Kupriyanov // Istorik i khudozhnik. 2004. № 1. S. 59-73.
 17. Voeikov A.F. Opisanie Sarepty // Severnyi arkhiv, 1822 a № 1. S. 48-69.
 18. Mitroev B.L. B. Bergman i ego trud o kalmykakh i kalmytskoi kul'ture // Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2020. № 4. S. 149-175.
 19. Bergmann V. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Erster Theil, Riga, 1804, 352 pp., 12 facs.; zweiter Theil, Riga, 1804, 352 pp.: dritter Theil, Riga, 1804, 302 pp.; vierter Theil, Riga, 1805, 356 pp.
 20. Kleitman A.L. Materialy nauchnoi ekspeditsii G.M. Lovitsa i P.B. Inokhodtseva 1769–1774 godov kak istochniki po istorii Nizhnego Povolzh'ya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2011. T. 11. Ser. Istorya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vyp. 1. S. 3-8.
 21. Voeikov A.F. Astrakhan' (iz dorozhnykh zapisok odnogo puteshestvennika) // Novosti literatury. 1824. Avgust. S. 49-76.
 22. Balakin A.Yu. Blizko k tekstu: Razyskaniya i predlozheniya. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.; M.: «RUGRAM_Pal'mira», 2022. 377 s.

Overcoming the consequences of crop failures and helping victims of famine in the Penza province in the 1860s-1890s.

Kondalova Natalia □

PhD in History

Senior lecturer; Document Science, History and Law Department; MREA—Russian Technological University

78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia, Moscow

✉ natalja-kondalova@rambler.ru

Abstract. Despite the increased scientific interest in the problem of famine and food security in the Russian Empire in recent years, the topic remains poorly studied on the materials of the Penza province. The subject of the study is the main activities of the authorities and the public in the fight against famine and its consequences in the Penza province in the 1860s and 1890s. The purpose of the work is to identify the effectiveness of a system of local measures aimed at overcoming the consequences of crop failures and helping the hungry. The principles of historicism and objectivity, methods of grouping and generalizing statistical information, system, functional and comparative analysis were used as a methodological basis. According to the provisions of the socio-natural theory of E. S. Kulpin-Gubaidullin, the genesis of the crises of society is considered in the relationship and interdependence with the crises of nature. The author's special contribution to the research of the topic is that new information

about the causes of crop failures and famine, as well as specific measures taken by the authorities and society to provide assistance to the affected population, has been introduced and analyzed. Based on the analysis of archival and literary sources, the state and public forms of assistance to victims of famine are systematized, the joint contribution of government agencies and zemstvo self-government bodies to overcoming the consequences of crop failures is determined. The main conclusion of the study is that the local security system had limited damage compensation capabilities and needed extraordinary government support. It can be argued that the implementation of local measures together with general imperial ones turned out to be generally effective: mass starvation deaths in the Penza province were not recorded in any of the lean years.

Keywords: Penza province, public canteens, community service, grain spare stores, supply fund, zemstvo institutions, state food policy, famine in Russia, crop failure, post-reform period

References (transliterated)

1. Prosekov A. Yu. Retrospektivy goloda: uroki proshlogo i vyzovy budushchego // Tekhnika i tekhnologiya pishchevykh proizvodstv. 2017. T. 47, № 4. S. 5-20. DOI: 10.21603/2074-9414-2017-4-5-20
2. Demina Yu. V. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya goloda 1891-1892 gg. // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2018. № 4. S. 85-94. DOI: 10.25136/2409-868X-2018.4.25810
3. Teterina E. A., Ul'yanov A. E. K voprosu o prodovol'stvennom polozhenii v Sredнем Povolzh'e v kontse XIX – nachale XX vv. // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki. 2010. № 4 (16). S. 26-33. https://izvuz_gn.pnzgu.ru/files/izvuz_gn.pnzgu.ru/4410.pdf (data obrashcheniya: 24.01.2024).
4. Pervushkin V. I. Deyatel'nost' Penzenskogo dvoryanskogo deputatskogo sobraniya po okazaniyu pomoshchi melkopomestnym dvoryanam v neurozhainye 1891-1892 gg. // Penzenskoe kraevedenie. 2015. № 4 (16). S. 31-36. <https://kraeved-pnz.ru/wp-content/uploads/2016/03/Penzenskoe-kraevedenie-4-16-2015.pdf> (data obrashcheniya: 24.01.2024).
5. Pervushkin V. I. Blagotvoritel'naya pomoshch' V. O. Klyuchevskogo golodayushchim krest'yanam Penzenskoi gubernii v 1892 g. // Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 175-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya istorika V. O. Klyuchevskogo, g. Penza, 29-30 sentyabrya 2016 g. Penza: Izd-vo PGU, 2016. S. 155-157.
6. Pervushkin V. I. Obshchestvennye stolovye – odna iz form blagotvoritel'noi pomoshchi krest'yanam Penzenskoi gubernii v neurozhainye 1891-1892 gg. // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: GUMANITARNYE NAUKI. 2016. № 09. S. 16-19. <http://www.nauteh-journal.ru/files/8dc556a8-a97d-4b5f-8c4c-64076224a54e> (data obrashcheniya: 24.01.2024).
7. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii: izdavaemoe po vysochaishemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo shtaba. SPb.: Tipografiya Departamenta General'nogo shtaba, 1849. T. 13. Ch. 4.
8. Obzor Penzenskoi gubernii za 1879 god. [B.m.: b.i.], 1880.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti (GAPO). F. 5. Op. 1. D. 5822.
10. Obzor Penzenskoi gubernii za 1890 god. [B.m.: b.i.], 1891.
11. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 5503.

12. Akul'shin P. V. Golod 1891-1892 gg. v Rossii kak aktual'naya problema otechestvennoi intellektual'noi istorii // Aktual'nye problemy intellektual'noi istorii i gumanitarnogo znaniya v XXI veke: materialy Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf. 8 noyabrya 2016 goda. Ryazan': RROO SSAM «Sozvezdie», 2016.
https://elibrary.ru/download/elibrary_27461112_40150277.pdf (data obrashcheniya 25.01.2024).
13. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 5778.
14. Obzor Penzenskoi gubernii za 1882 god. [B.m.: b.i.], 1883.
15. Obzor Penzenskoi gubernii za 1883 god. [B.m.: b.i.], 1884.
16. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 6388.
17. Obzor Penzenskoi gubernii za 1892 god. [B.m.: b.i.], 1893.
18. Kniga M. D. Deyatel'nost' pravitel'stvennykh i zemskikh uchrezhdenii Rossii v bor'be s golodom 1891-1892 gg. // Teoriya i praktika innovatsionnykh tekhnologii v APK: materialy natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sektsiya «Gumanitarnye i sotsial'no-politicheskie nauki» 10-27 marta 2020 g. Ch. II. Voronezh: FGBOU VO Voronezhskii GAU, 2020. S. 7-11.
https://elibrary.ru/download/elibrary_44320640_57255990.pdf (data obrashcheniya 25.01.2024).
19. Suvorin R. V. Deyatel'nost' organov gosudarstvennoi vlasti po okazaniyu pomoshchi golodayushchim Tambovskoi gubernii v 1800-1820-e gg. // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. № 4 (144). S. 184-191.
<http://journals.tsutmb.ru/a8/upload/auto/cd/5d/temp.cd5d5a1fe881fd7065a6a4e744e6bb18.pdf> (data obrashcheniya 25.01.2024).
20. Evgrafov N. N. Dvadtsatipyatiletnaya deyatel'nost' zemskikh uchrezhdenii Penzenskoi gubernii. 1865-1889 gg. Penza: Tipolitografiya V. N. Umnova, 1894.
21. Chudov S. I. Prodovol'stvennye kapitaly Arkhangel'skoi gubernii v 1871-1917 gg. // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2020. T. 21. № 1. S. 99-116.
https://elibrary.ru/download/elibrary_42609612_76027505.pdf (data obrashcheniya 25.01.2024).
22. Belokurov E. V. Sel'skaya khlebozapasnaya sistema v Rossiiskoi imperii (1891-1914 gg.) // Trudy Instituta rossiiskoi istorii. Vyp. 12. M.: IRI RAN, 2014. S. 190-209.
<https://iriran.ru/sites/default/files/2022-06/TrudyIRIRAN12.pdf> (data obrashcheniya 25.01.2024).
23. Khlebnye zapasy v obshchestvennykh magazinakh i mestnye prodovol'stvennye kapitaly k 1-mu sentyabrya 1891 goda v Evropeiskoi Rossii / pod red. A. Dubrovskogo. SPb.: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD, 1892.
24. Chudov S. I. Sistema prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossiiskoi imperii na Evropeiskom Severe v XVIII – nachale KhKh v. Syktyvkare: GOU VO KRAGSiU, 2020.
25. Narykova N. M. Zakonodatel'stvo o prodovol'stvennoi pomoshchi naseleniyu v Rossiiskoi imperii XIX veka // Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii. 2013. № 20. S. 114-127.
26. Akul'shin P. V. Golod 1891-1892 gg. v Ryazanskoi gubernii // Istorya, filosofiya, pedagogika, psichologiya, pravo: sbornik nauchnykh statei s mezhdunarodnym uchastием k 100-letiyu Rossiiskoi revolyutsii 1917 g. Ryazan': «Sozvezdie», 2017. S. 7-12. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29398974_90074899.pdf (data obrashcheniya 25.01.2024).
27. Rogozhina A. S. Organizatsiya obshchestvennykh rabot v Rossiiskoi imperii vo vremya goloda 1891-1892 gg. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo

- universiteta. Seriya: Istorya. Politologiya. 2015. № 19 (216). С.103-109.
https://bsuedu.ru/upload/iblock/ad5/N%202019_216_vyp.36.pdf (data obrashcheniya
25.01.2024).
28. Bogachev A. I. Evolyutsiya sel'skokhozyaistvennogo strakhovaniya v Rossii: ot
vzaimnogo strakhovaniya k dvukhurovnevoi sisteme // Vestnik NGIEI. 2021. № 6 (121).
S. 101-116. DOI: 10.24412/2227-9407-2021-6-101-116
29. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 6497.
30. GAPO. F. 196. D. 1443.

Grigory Zinoviev: the torments and tosses of the oppositionist (1927-1934)

Orchakova Larisa Gennad'evna

Doctor of History

Professor, Department of History, Moscow City Pedagogical University

129226, Russia, Moscow, 2nd agricultural ave., 4 cor 3, room 3413

✉ luchlg@yandex.ru

Sinin Evgenii Yurevich

Postgraduate student, Department of History, Institute of Humanities, State Autonomous Educational Institution
"Moscow City Pedagogical University"

129226, Russia, Moscow, 2nd agricultural ave., 4 cor 3, room 3413

✉ e.sinin@yandex.ru

Abstract. The subject of the article is the political behavior of one of Stalin's greatest opponents, Grigory Yevseevich Zinoviev, in the period between his first expulsion from the party at the end of 1927 and his arrest on charges of Kirov's murder in December 1934. Zinoviev's letters, speeches and statements to the party leadership are analyzed, through which he tried to achieve the main goal of returning to the party and to political activity. It is established that Zinoviev has an internal struggle between public speaking and maintaining his own political attitudes. These "torments" and "tosses" caused distrust of Zinoviev from the party leaders and led the hero first to a psychological breakdown, and then to political death. The materialistic concept (in particular, historical determinism) is used as a tool. The method of psychohistory is also used to analyze the inner world of a politician and the motivation of his actions. An analysis of Zinoviev's activities as a vivid example of the political behavior of a communist oppositionist allows us to draw the following conclusions: 1) Zinoviev's behavior during the period under review was determined by his return to the party, preferably to a leadership job. The basis for achieving the goal was the recognition of the impossibility of further opposition struggle, which could lead to a split of the CPSU(b), as well as general agreement with the policy of collectivization and industrialization that had begun; 2) The content of Zinoviev's appeals to various governing bodies, including I. V. Stalin, changed according to the situation inside the party leadership. 3) The calculation was not just to return to the party and to the leadership, but to take part on Stalin's side in the fight against Bukharin. The party leadership saw this and used it for psychological breakdown. 4) It is incorrect to consider Zinoviev's political behavior as a classic "double-dealing". He did not conduct anti-party work and did not reject the foundations of the party line. But his behavior led at the end of 1932 to a psychological breakdown and a

rejection of his own political self. Finally, Zinoviev's "torments" and "throwing" stopped at the end of 1934. He died as a politician.

The scientific novelty of the article lies in the very formulation of the question, the introduction of unpublished Zinoviev documents into scientific circulation, consideration through one of the leaders of the party and the oppositionist of the mechanism of strengthening Stalin's personality.

Keywords: All-Union Communist Party, Joseph Vissarionovich Stalin, double dealing, internal party struggle, The left opposition, The oppositionist, The Zinovievites, Grigory Yevseyevich Zinoviev, totalitarianism, the cult of personality

References (transliterated)

1. Aksyutin Yu. Aleksandr Shlyapnikov//Nauchno-prosvetitel'skii zhurnal «Skepsis» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://scepsis.net/library/id_3428.html?ysclid=lp2m37kdvc927910506 (data obrashcheniya: 17.11.2023).
2. Apal'kov D. I. Vnutripartiinaya bor'ba v VKP(b): ot «kollektivnogo rukovodstva» k stalinskoi diktature. – M.: AIRO-XXI, 2022. – 192 s.
3. Bri M. Otkryt' Lenina snova. Dialektika revolyutsii vs Metafizika gospodstva. – M.: RLS (Moskau), Logos, 2017. – 192 s.
4. Voitikov S. S. Stalin protiv Zinov'eva. – M.: Veche, 2022. – 544 s.
5. Grigorii Zinov'ev-Iosifu Stalinu: "Ni v chem, ni v chem, ni v chem ya ne vinovat pered partiei..." // Rossiiskaya gazeta. 24 avgusta 2023 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: [https://rg.ru/2023/08/24/grigorij-zinovev-iosifu-stalinu-ni-v-chem-ni-v-chem-ia-ne-vinovat-pered-partiej.html?ysclid=ls0c8xv2e5200621325](https://rg.ru/2023/08/24/grigorij-zinovev-iosifu-stalinu-ni-v-chem-ni-v-chem-ni-v-chem-ia-ne-vinovat-pered-partiej.html?ysclid=ls0c8xv2e5200621325) (data obrashcheniya: 30.01.2024).
6. Gusev A. V. Levokommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR v kontse 20-kh gg. // Otechestvennaya istoriya. – 1996. – №1 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://archive.ph/YQ4t>. (data obrashcheniya: 30.01.2024).
7. Dnevnik istorika S. A. Piontkovskogo (1927–1934) / redkol.: D. Brandenberger (SShA), A. M. Dubrovskii, A. L. Litvin (otv. red. i vstup. st.). – Kazan': Kazanskii gos. un-t, 2009. – 515 s.
8. Zhukov Yu. N. Grigorii Zinov'ev. Otvergnutyi vozhd' mirovoi revolyutsii. – M.: Kontseptual, 2021. – 560 s.
9. Za leninizm, protiv trotskizma (po povodu «Urokov Oktyabrya» tov. Trotskogo). – M.: Molodaya gvardiya, 1925. – 242 s.
10. Zayavlenie tov. G. E. Zinov'eva // Pravda. – 1933. – 20 maya.
11. Zinov'ev G. E. Leninizm: vvedenie v izuchenie leninizma. – L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. – 400 s.
12. Zinov'ev G. E., Zhukov Yu. N., Spitsyn E. Yu. Zasluzhennyi prigovor. Oshibki i prestupleniya «zinov'evskoi» oppozitsii. – M.: Kontseptual, 2022. – 400 s.
13. Zinov'ev o rezhime VKP // Byulleten' oppozitsii (bol'shevikov-lenintsev). – 1934. – № 38–39 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/BO/BO_No_38-39/BO-0397.html. (data obrashcheniya: 30.01.2024).
14. Iстория Всесоюзной коммунистической партии (бolshevikов). Краткий курс. – М.: Partizdat, 1938. – 353 s.
15. Kochetova A. S. Lev Kamenev: «Ya ne soglasen». – M.: AFK Sistema; Politicheskaya

- entsiklopediya, 2022. – 463 s.
16. Kratkii kurs istorii VKP(b). Tekst i ego istoriya: v 2 ch. Ch. 1: Istorya teksta "Kratkogo kursa istorii VKP(b)" 1931–1956 / sost.: M. V. Zelenov, D. Brandenberger. – M.: ROSSPEN, 2014. – 791 s.
 17. Lunacharskii A. V., Radek K. B., Trotskii L. D. Siluety: politicheskie portrety / Pod obshch. red. V. V. Zhuravleva, V. T. Loginova, A. P. Nenarokova. – M.: Politizdat, 1991. – 462 s.
 18. Ob'edinennyi plenum TsK i TsKK VKP(b). 14–23 iyulya 1926 g. Dokumenty i materialy / sost., predisl. I. I. Kudryavtseva. – M.: Nauchno-politicheskaya kniga, 2023. – 1202 s.
 19. Ob'edinennyi plenum TsK i TsKK VKP(b) 21–23 oktyabrya 1927 g.: Dokumenty i materialy. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. – 471 s.
 20. Pervoe slovo pravdy: Doklad Komissii TsK KPSS Prezidiumu TsK KPSS po ustanovleniyu prichin massovykh repressii protiv chlenov i kandidatov v chleny TsK VKP(b), izbrannyykh na XVII s"ezde partii. 9 fevralya 1956 g. / otv. red. i avt. vvedeniya G. M. Ivanova; avt. poslesloviya A. K. Sorokin; sost. i avt. kommentariev T. M. Polyanskaya, I. V. Udovenko. – M.: Muzei istorii GULAGa, RGASPI, 2020. – 182 s.
 21. Pervye itogi khlebozagotovitel'noi kampanii i zadachi partii // Pravda. – 1928. – 15 fevralya.
 22. RGASPI (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii). F. 323. Op. 2. D. 161.
 23. RGASPI. F. 324. Op. 1. D. 9.
 24. RGASPI. F. 324. Op. 1. D. 512.
 25. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 45.
 26. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 46.
 27. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 49.
 28. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 50.
 29. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 55.
 30. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 60.
 31. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 73.
 32. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 74.
 33. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 75.
 34. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 77.
 35. RGASPI. F. 324. Op. 2. D. 94.
 36. RGASPI. F. 558. Op. 11. D. 734.
 37. Sarabeev V. Trotskii, Stalin, kommunizm. – SPb.: Piter, 2021. – 528 s.
 38. Sinin E. Yu. Ritorika vystupleniya G. E. Zinov'eva na XVII s"ezde VKP(b) kak priem politicheskoi legitimatsii I. V. Stalina // Klio. – 2022. – № 7 (187). – S. 128–137.
 39. Fel'shtinskii Yu. G., Chernyavskii G. I. Trotskii i Stalin: smertel'nyi konflikt lichnostei i pozitsii. – M.: Knizhnyi Klub Knigovek, 2018. – 416 s.
 40. Khlevnyuk O. V. Byl li kramol'nym «s"ezd pobeditelei»? // Vedomosti. 7 fevralya 2019 [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/02/07/793604-sezd-pobeditelei> (data obrashcheniya: 17.11.2023).
 41. Khlevnyuk O. V. Stalin: Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya. – M.: Izdatel'stvo AST; CORPUS, 2019. – 464 s.
 42. Egge O. Zagadka Kirova: ubiistvo, razvyazavshee stalinskii terror. – M.: ROSSPEN,

2011. – 285 s.

43. XIII s"ezd RKP(b). Mai 1924 goda. Stenograficheskii otchet. – M.: Gospolitizdat, 1963. – 884 s.
44. XIV s"ezd Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Stenograficheskii otchet. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. – 1026 s.
45. XV s"ezd Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (b). Stenograficheskii otchet. – M., L.: GIZ, 1928. – 1416 s.
46. XVII s"ezd Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Stenograficheskii otchet. – M.: Partizdat, 1934. – 717 s.
47. Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007. – 416 p

An overview of ethnographic sources for the study of agriculture in medieval Novgorod

Volgina Natalia Dmitrievna □

Postgraduate student, Department of Archeology, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ snatd@yandex.ru

Abstract. The subject of this article is a set of ethnographic sources related to agricultural activities. This complex includes items from the expositions of ethnographic museums, photographs from the collections of local historians and the Internet, as well as the autobiography of the peasant I.S. Karpov. The use of ethnographic sources for the study of agricultural activities in the Middle Ages is extremely important due to the fact that archaeological material does not always reach our days in complete preservation. For example, such complex devices as ploughing implements in archaeological collections only have iron tips of their working parts, therefore, it is necessary to refer to ethnographic materials to restore their appearance. The same can be said about the technology of cultivating the land. To select the necessary material for this study, the works of Russian ethnographers and archaeologists devoted to the history of agriculture and folklore were studied. A selection of photographic materials from the collections of local historians and publicly available photographs from the Internet was also carried out. The article presents an overview of various types of ethnographic materials and the experience of their application for the reconstruction of agricultural activities of the inhabitants of medieval Novgorod according to archaeological data. The main contribution of the author to the research of the topic is the expansion of the range of ethnographic sources, which are most often involved in this kind of research. In this work, the experience of using not only physical material and photographs from the collections of ethnographic museums, but also folklore, was demonstrated for the reconstruction of agricultural processes that cannot be interpreted according to archaeological data. Traditional economic activities such as farming, hunting or various crafts are rooted in the deep past and retain their characteristics for a long time. This feature allows researchers to fully reconstruct certain processes about which only archaeological evidence has been preserved, which do not always reach our days in full.

Keywords: the peasantry, material culture, archaeological sources, plowing, photos, folklore, agricultural implements, ethnographic sources, Veliky Novgorod, agricultural industry

References (transliterated)

1. Zelenin D.K. Russkaya etnografiya M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2013.
2. Zelenin D.K. Russkaya sokha i ee istoriya i vidy. Vyatka: Gubernskaya tipografiya, 1907.
3. Tret'yakov P.N. Sel'skoe khozyaistvo i promysly//Istoriya kul'tury Drevnei Rusi. T.1. Material'naya kul'tura. M-L.: Izd-vo Akademii nauka SSSR, 1948. – s. 44-77.
4. Dovzhenok V.I. K istorii zemledeliya u Vostochnykh slavyan v I tys. n.e. i v epokhu Kievskoi Rusi // Materialy po istorii zemledeliya SSSR. M., 1952. – S.115-159.
5. Tret'yakov P.N. Podsechnoe zemledelie v Vostochnoi Evrope // Izvestiya GAIMK. XIV. Vyp.1. L. 1932.
6. Illyustrov I.I. Sbornik rossiiskikh poslovits i pogovorok. Kiev: Tipografiya S.V. Kul'zhenko, 1904.
7. Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': V 5 t. T. 2 / T.A. Agapkina, O.V. Belova, M.M. Valentsova i dr.; Pod obshch. red. N.I. Tolstogo. M.: Ros. AN, In-t slavyanovedeniya, 1999.
8. Naidich D.V. Pakhotnye i razrykhlyayushchie orudiya// Russkie. Istoriko-etnograficheskii atlas. Zemledelie. Krest'yanskoe zhilishche. Krest'yanskaya odezhda. M.: Iz-vo «Nauka», 1967. – S. 35-59.
9. Krinichnaya N.A. Zhil v Kizhskoi volosti krest'yanin... (Skazitel' Trofim Grigor'evich Ryabinin: zhizn' i epicheskaya poeziya). Spb., 1995.
10. Miller V.F. Ocherki russkoi narodnoi slovesnosti. T.1: Byliny, I-XVI. M.: Tipografiya T-va I.D. Sytina, 1897. T.1.
11. Karpov I.S. Po volnam zhiteiskogo morya: vospominaniya / I. S. Karpov: publ. i podgot. teksta: G. V. Markelov, S. S. Grechishkin // Novyi mir, 1992. №1. S. 7-76.
12. Bezhkovich A.S., Zhegalova S.K., Lebedeva A.A., Prosvirkina S.K. Khozyaistvo i byt russkikh krest'yan. Pamyatniki material'noi kul'tury. M.: Izd-vo: Sovetskaya Rossiya, 1959.

M.S. Gorbachev and B.N. Yeltsin meetings with the top leadership of the Armed Forces of the USSR on December 10–11, 1991 as a turning point in the history of the Soviet Union

Sotnikov Vladislav Evgenievich □

Postgraduate student, Department of Russian History of the XX-XXI centuries, Moscow State University named after MV. Lomonosov

1E Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ ulsim96@mail.ru

Abstract. The object of the study is the speeches of the President of the USSR M.S.Gorbachev and the President of the RSFSR B.N. Yeltsin to the supreme military leadership of the USSR after the signing of the Belovezhskaya Agreements on December 8, 1991 on the dissolution of the USSR and the creation of the CIS. The author analyzes articles of the periodical press of December 1991, memoirs of military and political figures of the RSFSR and the USSR, as well as documents of the office of the President of the RSFSR on the preparation of Boris Yeltsin's speech to the leadership of the Armed Forces of the USSR. The author pays special attention to the methods of the two Presidents in dealing with the highest military leadership, identifies the reasons for the defeat of Mikhail Gorbachev in this struggle for the support of the military

and the victory of Boris Yeltsin in it. The author uses a comparative method when comparing the speeches of M.S. Gorbachev and B.N. Yeltsin, as well as the principles of historicism and objectivity. The author concludes that the President of the USSR, Mikhail Gorbachev, had a much better chance of success in attracting the sympathy of the military as the constitutional head of state and Supreme Commander-in-Chief, however, due to ignoring the interests of the army and navy, poor preparation of the speech and an erroneous strategy of requests for rescue, he was perceived negatively by them. The President of the RSFSR B.N. Yeltsin and his staff conducted a deep and thorough preparation of the speech, answers to topical issues of the Armed Forces were prepared, in addition, B.N. Yeltsin found time to listen to the military and give concrete answers and promises, which allowed him to enlist the support of the leadership of the Armed Forces of the USSR in an unfavorable starting situation, which helped him upon ratification of the Belovezhskaya Agreements in the Supreme Council of the RSFSR on December 12, 1991.

The novelty of the research lies in referring to such a little-studied event in the history of perestroika as the meetings of the Presidents of the USSR and the RSFSR with the military leadership of the USSR after the signing of the Belovezhsky Agreement in December 1991, as well as in the author's use of unpublished archival materials of the office of the President of the RSFSR B.N. Yeltsin.

Keywords: Perestroika, The Belovezhskaya Agreements, Ministry of Defense of the USSR, Army, The Armed Forces of the USSR, President of the RSFSR, Boris Yeltsin, President of the USSR, Mikhail Gorbachev, The collapse of the USSR

References (transliterated)

1. Barsenkov A.S. Reformy Gorbacheva i sud'ba soyuznogo gosudarstva. 1985–1991. M.: Izd-vo MGU, 2001. 364 s.
2. Polynov M.F. Vzaimootnosheniya soyuznogo Tsentra i rossiiskogo rukovodstva na zavershayushchem etape perestroiki. 1990–1991 gg. / Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2013. S. 164–174.
3. Lukashevich D.A. Juridicheskii mekhanizm razrusheniya SSSR. M.: Algoritm, 2016. 520 s.
4. Odom William E. The Collapse of the Soviet Military Yale University Press, 1998. 412 p.
5. Andreev N. Za kем poidet armiya? // Izvestiya. 1991. № 293. 11 dekabrya. S. 3.
6. Shaposhnikov E.I. Vybor. Zapiski glavnokomanduyushchego. Izd-e vtoroe. M.: PIK, 1996. 384 s.
7. Arkhiv Prezidentskoi biblioteki im. B.N. El'tsina F. 6. Op. 1. D. 104.
8. Baranets V.N. El'tsin i ego generaly: zapiski polkovnika Genshtaba. M.: Kolleksiya «Sovershenno sekretno», 1998. 544 s.
9. Chernyaev A.S. 1991 god: Dnevnik pomoshchnika Prezidenta SSSR. M.: TERRA: Respublika. 1997. 336 s.
10. Gorbachev M.S. Dekabr'-91. Moya pozitsiya. M.: Izd-vo «Novosti», 1992. 224 s.
11. Grachev A.S. Gibel' sovetskogo «Titanika»: Sudovoi zhurnal. M., 2015. 351 s.
12. Litovkin V. Verkhovnyi Glavnokomanduyushchii vstretilsya s rukovodstvom Vooruzhennykh Sil // Izvestiya. 1991. № 294. 11 dekabrya. S. 1.
13. Fel'gengauer P. V bor'be za armiyu, pokhozhe, pobezhdaet Boris El'tsin // Nezavisimaya gazeta. 1991. № 160. 12 dekabrya. S. 1.

14. Soveshchanie u Gorbacheva, 9 dekabrya 1991 goda // V Politbyuro TsK KPSS... Po zapisyam Anatoliya Chernyaeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shakhnazarova (1985–1991) // Sost. A. Chernyaev. Izd-e 2-e, ispravленное и дополненное. M.: Gorbachev-Fond, 2008. S. 756–757.
15. Krainii A. Kto armii platit, tot eyu i komanduet // Komsomol'skaya pravda. 1991. № 286. 12 dekabrya. S. 1.
16. Chernyak A. General Lobov nedoumevaet // Pravda. 1991. № 291. 13 dekabrya. S. 2.
17. Glebov R. Sovetskaya Armiya: odna na vsekh, my za tsenoi ne postoim? // Kommersant. 1991. № 48. S. 19.
18. Soveshchanie u Gorbacheva, 10 dekabrya 1991 goda // V Politbyuro TsK KPSS... Po zapisyam Anatoliya Chernyaeva, Vadima Medvedeva, Georgiya Shakhnazarova (1985–1991) // Sost. A. Chernyaev. Izd-e 2-e, ispravленное и дополненное. M.: Gorbachev-Fond, 2008. S. 758–759.
19. Arkhiv Prezidentskoi biblioteki im. B.N. El'tsina F. 6. Op. 1. D. 92.
20. Yuzbashev V. Prezident Rossii garantiruet armii sotsial'nuyu zashchitu // Izvestiya. 1991. № 294. 11 dekabrya. S. 1.
21. O vstrechakh M. Gorbacheva i B.N. El'tsina s voenachal'nikami // Krasnaya Zvezda. 1991. № 284. 12 dekabrya. S. 1.
22. Yazov D.T. Avgust 1991. Gde byla armiya? M.: Ekspo: Algoritm, 2011. 240 s.
23. Beshloss M. Izmena v Kremle: protokoly tainykh soglashenii Gorbacheva s amerikantsami / M. Beshloss, S. Telbott. M.: Algoritm, 2010. 352 s.
24. Byulleten' № 21 sovmestnogo zasedaniya Soveta Respubliki i Soveta Natsional'nostei, IV sessiya Verkhovnogo Soveta RSFSR, 12 dekabrya 1991 g. M.: Izdanie Verkhovnogo Soveta RSFSR, 1991. 48 s.

The problem of depoliticization of the Russian army in the crisis of the 1990s.

Volgin Evgeny Igorevich □

PhD in Politics

Associate Professor, Department of the History of Social Movements and Political Parties, Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Lomonosovsky ave., 27/4, office 415

✉ plytony@yandex.ru

Abstract. The object of the study is the policy of the Russian authorities aimed at leveling protest activity in the Armed Forces in the context of the protracted crisis of the 1990s. After the fall of the one-party dictatorship that subordinated the security forces, Russian legislation provided for a rigid model of de-partitzation and depoliticization of the Armed Forces. However, in the post-Soviet years, this strategy lost its relevance both due to the weakness of the parties themselves and the apolitical nature of the officer corps, tired of years of pressure from political organizations (CPSU). The problem was something else: the huge "Soviet-Russian" army, being a vestige of the previous system, did not fit into the paradigm of the new statehood, and therefore was subject to radical and painful reform, which threatened to put the Armed Forces on the brink of disaster. For thousands of military personnel and their family members, the most acute problem has become the elementary problem of survival. Historical, sociological, formal legal, institutional and systemic approaches are used as the main research methods. In the second half of the 1990s, against the background of chronic

underfunding in the army, cases of spontaneous protest became more frequent. These actions were nonviolent, spontaneous and scattered in nature, and therefore did not pose a serious threat to the authorities. Among the main factors that restrained open rebellion, one can name the lack of an all-Army protest coordination center, the lack of independent political thinking among senior officers, and the lack of a constructive program. This also includes army discipline, as well as the availability of sufficient means for the regime to pre-empt and suppress individual pockets of protest. At the same time, the authorities, realizing that by condemning their military to a miserable existence, they themselves act outside the legal framework, tried to resolve the conflicts that arose cautiously, trying not to resort to harsh measures. The question of how long this delicate balance could have been maintained remains open. At the end of the 1990s, there were faint signs of a revival of the army. The military was one of the first to catch these trends: exhausted by the "five-year plans" of liberal reforms, after all the temptations offered to them by opposition parties, they regained faith in the state. The scientific novelty of the work lies in the application of an interdisciplinary approach to the study of a complex problem related to the restructuring of the Russian army during the years of unstable internal political instability.

Keywords: Rokhlin, Grachev, Yeltsin, officers' meeting, military, law, political parties, depoliticization, armed forces, Putin

References (transliterated)

1. Gol'ts A. Voennaya reforma i rossiiskii militarizm. SPb.: Vremya, 2019.
2. Shakhrai S.M. Kak ya napisal Konstitutsiyu epokhi El'tsina i Putina. Sindbad, 2021.
3. Plokhi S. Poslednyaya imperiya. Padenie Sovetskogo Soyuza. M.: Corpus, AST, 2016.
4. Rodachin V.M. Armiya i politicheskaya vlast' // Voennaya mysl'. 1993. № 5. S. 12-19.
5. Serebryannikov V. Armiya i politika // Svobodnaya mysl'. 1992. № 2. S. 64-73.
6. Volgin E.I. 2023 Rossiiskaya armiya v elektoral'nykh bataliyakh 1993-1999 gg. // Noveishaya istoriya Rossii. 2023. T. 13. № 3. S. 705-720.
7. Baranets V.N. El'tsin i ego generaly: Zapiski polkovnika Genshtaba. M., 1998.
8. Volgin E.I. Problema depolitizatsii Vooruzhennykh Sil i pravookhranitel'nykh organov SSSR i RSFSR – RF v nachale 1990-kh gg. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). 2018. № 2. S. 113-134.
9. Ippolitov G.M. Stroitel'stvo politicheskikh organov Vooruzhennykh sil Sovetskogo gosudarstva: genezis i evolyutsiya (opyt kratkogo istoricheskogo obzora) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2019. Istoricheskie nauki. T. 1. № 1. S. 92-98.
10. Zorin O.L., Koryakin V.M. Kratkii istoriko-pravovoi analiz stanovleniya i razvitiya voenno-politicheskikh organov Vooruzhennykh Sil // Voennoe pravo. 2020. № 4. S. 44-56.
11. Balashov A.I. Rossiiskaya armiya: smena modeli // Mir Rossii. 2014. № 4. S. 148-177.
12. Chertopolokh A.A., Dudin P.V. Evolyutsiya sistemy podgotovki voenno-politicheskikh kadrov v Vooruzhennykh Silakh Rossii // Vestnik ad'yunkta. 2019. № 4. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42637873_69457681.pdf.
13. Solov'ev S.S. Rossiiskie ofitsery: opora gosudarstva ili istochnik nestabil'nosti // Sotsis. 1997. № 5. S. 26-34.
14. Serebryannikov V. Armiya: sotsial'nye aspeky // Svobodnaya mysl'. 1997. № 5. S. 13-25.

15. Volgin E.I. General L. Rokhlin i fenomen «voennoi oppozitsii» 1990-kh gg. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki». 2023. № 1. S. 36-52 // URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1234/1173>. doi: 10.18384/2224-0209-2023-1-1234.
16. Mirkii G. Armiya v rossiiskoi politike // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1997. № 3. S. 101-105. doi: 10.20542/0131-2227-1997-3-101-105.
17. Travin D.Ya. Prosushchestvuet li putinskaya sistema do 2042 goda? SPb.: Norma, 2016.
18. Volgin E.I. «Partiya Kremlja» v khode parlamentskikh vyborov 1999 g. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya. 2021. № 4. S. 167-193.

The concept of the “short 20th century” as an interpretative model for studying the socio-political history of Indonesia

Kyrchanoff Maksym Waler'evich □

Doctor of History

Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations; Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University; ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Russia, Voronezh region, Voronezh, Pushkinskaya str., 16, room 236

✉ maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The purpose of this study is to analyze the “short 20th century” concept as an interpretative model of modern historical science that claims to be universal. The author analyzes the concept of the “short 20th century” proposed by Eric Hobsbawm. The subject of the article is the concept of the “short 20th century”, the object is the possibility of its application and transplantation into Indonesian historical research. The novelty of the study lies in the analysis of the concept of the “short 20th century” as an interpretative model that allows us to analyze the features of the historical, social and cultural development of Indonesia in the context of those transformation processes that were launched by the development of nationalism, modernization and secularization. It is assumed that the interpretive models proposed by Western historians have a claim to universality, although the effect of its transplantation into non-Western historical contexts may be limited. The article analyzes 1) the features of the social and economic components in the transformation of Indonesia during the “short 20th century”, 2) the role of the factors of nationalism and Islam in political changes within the framework of political competition and the confrontational model of relations between the Ummah and the ruling elites, 3) the consequences of “short 20th century” for the subsequent history of the region. The article shows the potential of the concept of the “short 20th century” for analyzing the history of social and political transformations in Indonesia. The results of the study suggest that the effect of using the concept of the “short 20th century” is limited. The author believes that this interpretative model can be effective relatively and useful for analyzing social and political dynamics through the prism of confrontation between secular and religious institutions as sources and drivers of change.

Keywords: nationalism, Islam, modernization, social transformation, socio-economic history, history, Indonesia, short 20th century, Ummah, historiography

References (transliterated)

1. Vickers A. *A History of Modern Indonesia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 306 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511801020>
2. Woodward M. *Java, Indonesia and Islam*. Heidelberg: Springer, 2010. 275 p.
3. Zwart P. de, Inequality in late colonial Indonesia: new evidence on regional differences // *Cliometrica*. 2022. Vol. 16. P. 175-211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11698-020-00220-3>
4. Ali M. Categorizing Muslims in Postcolonial Indonesia // *Moussons*. 2007. No 11. P. 33-62. DOI: <https://doi.org/10.4000/moussons.1746>
5. Brenner S. Competing Hierarchies: Merchants and the Priyayi Elite in Solo, Central Java // *Indonesia*. 1991. No 52. P. 55-83. DOI: <https://doi.org/10.2307/3351155>
6. Sutherland H. The Priyayi // *Indonesia*. 1975. No 19. P. 57-77. DOI: <https://doi.org/10.2307/3350702>
7. Indonesian Economic History in the Dutch Colonial Era / Ed. A. Booth, W.J. O'Malley, A. Weidemann. New Haven: Yale University Press, 1990. 369 p.
8. Dick H. *The Emergence of a National Economy: An Economic History of Indonesia, 1800–2000*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. 304 p.
9. Kartodjirdjo S. Some Problems on the Genesis of Nationalism in Indonesia // *Journal of Southeast Asian History*. 1962. Vol. 3. No 1. P. 67-94.
10. De Silva M., Lai Yew Meng, The Roots and Evolution of Nationalism in Indonesia // *Akademika*. 2021. Vol. 91. No 3. P. 93-104. DOI: <https://doi.org/10.17576/akad-2021-9103-08>
11. Kirchanov M.V. Natsionalizm i modernizatsiya v Indonezii v KhKh veke. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2009. 250 s.
12. Yuliantri R.D.A., Suwignyo A. Revisiting the ideological negotiation of Indonesian identity, 1900–1942 // *Politics, Religion & Ideology*. 2024. January 5. URL.: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21567689.2023.2301560?src=DOI>: <https://www.doi.org/10.1080/21567689.2023.230156>
13. Gellner E. *Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals*. L. – NY.: Penguin Group, 1996. P. 23. 240 p.
14. Kirchanov M.V. Islamskoe Gosudarstvo Indoneziya (1949–1962 gg.) kak parallel'naya i al'ternativnaya forma razvitiya indoneziiskoi gosudarstvennosti // *Islamovedenie*. 2022. № 4. S. 30-42.
15. Federspiel H. *Indonesian Muslim Intellectuals of the Twentieth Century*. Singapore: National University of Singapore Press, 2006. 96 r.
16. Setiadi A. Soekarno Bapak Bangsa. Yogyakarta: Palapa, 2013. 180 hlm.
17. Elson R. *Suharto: A Political Biography*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 389 p.
18. Lane M. *Unfinished Nation. Indonesia Before and After Suharto*. L. – NY.: Verso Books, 2008. 312 p.
19. Violence and the State in Suharto's Indonesia / ed. B. Anderson. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 247 p.
20. Federspiel H. The Military and Islam in Sukarno's Indonesia // *Pacific Affairs*. 1973. Vol. 46. No 3. P. 407-420.
21. Mortimer R. *Indonesian Communism Under Sukarno: Ideology and Politics, 1959–1965*. Jakarta: Equinox Publishing, 2006. 464 p.

22. Jenkins D. Suharto and His Generals. *Indonesian Military Politics, 1975–1983*. NY.: Equinox Publisher, 2010. 330 p.
23. Robinson G. *The Killing Season: A History of the Indonesian Massacres, 1965–1966*. Princeton: Princeton University Press, 2018. 456 p.
24. Legge J.D. *Suharto's New Order // International Affairs*. 1968. Vol. 44. No 1. P. 40–47.
25. Vatikiotis M. *Indonesian Politics Under Suharto: Order, Development, and Pressure for Change*. L. – NY.: Routledge, 1993. 220 p.
26. Puspitawati E. *South-South Integration and the SDGs: Enhancing Structural Transformation in Key Partner Countries of the Belt and Road Initiative // United Nations Conference on trade and development*. NY.: UNO, 2021. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/BRI-Project_RP07_en.pdf
27. Reid A. *To Nation by Revolution: Indonesia in the 20th Century*. Singapore: National University of Singapore Press, 2011. 360 r.
28. Eklöf S. *Indonesian Politics in Crisis: The Long Fall of Suharto, 1996–1998*. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies Press, 1999. 272 p.
29. Hobsbawm E. *The Age of Extremes. A History of the World, 1914–1991*. L. – NY.: Knopf Doubleday Publishing Group, 1996. 627 p.

"Rasputin the traitor": the formation of an image in 1914–1916

Kaleda Georgii Kirillovich □

Postgraduate student, Department of Russian History of the XIX century - the beginning of the XX century,
Lomonosov Moscow State University

27 Lomonosovsky Ave., building 4, Moscow, 119192, Russia

✉ kaledageorge97@gmail.com

Abstract. The author of the article studies the process of forming the image of "Rasputin the traitor" during the First World War. The negative image of Grigory Efimovich began to form long before 1914. He was multifaceted: at first, Rasputin's detractors considered him a religious conman who posed as a "man of God", then he was accused of interfering in the management of the Church, as well as influencing the personnel policy of the supreme power. From the moment of the first failures at the front, an image of a traitor who acts in the interests of Germany began to form in relation to Rasputin. The mechanism for popularizing this image was rumors, newspaper publications and public speeches by deputies of the State Duma. The culprit behind the formation of the image of a traitor in relation to Rasputin was largely himself. On the eve of the Great War, the "Elder" Grigory spoke out several times in communication with the press against Russia's participation in the Balkan wars and the conduct of hostilities as such. This research is based on the principle of historicism, the study of written historical sources: office records, press materials, sources of personal origin. In the spring of 1915, the "Sacred unity" proclaimed by the Duma opposition at the very beginning of the war was replaced by "patriotic anxiety", the public began to look for internal enemies, and espionage began. At the same time, Rasputin attracted attention by staging a drunken brawl in a Moscow restaurant. This was the reason for attacks on Grigory Efimovich and accusing him of pandering to the Germans. It is important to note that Rasputin's accusations of betrayal were unfounded, no evidence was presented. The image of "Rasputin the traitor" began to be used by the Duma opposition, which fought for the Ministry of Public Trust. Everyone knew that Rasputin was a friend of the royal family, so the tsar and the tsarina indirectly became

the object of criticism. The purpose of using the image of "Rasputin the traitor" was an attempt to influence the adoption of state decisions by the emperor and the government.

Keywords: rumours, press, dark forces, traitor, espionage, State Duma, World War I, image, Grigory Rasputin, foreign policy

References (transliterated)

1. Firsov S. L. Grigorii Rasputin: pro et contra, antologiya. SPb., 2020. 1088 s.
2. Paleolog M. Dnevnik posla. M., 2003. 839 s.
3. Varlamov A. N. Grigorii Rasputin-Novyi. M., 2012. 864 s.
4. Dzhunkovskii V. F. Vospominaniya. V 2 t. T. 2. M., 1997. 688 s.
5. Izvol'skii A. P. Vospominaniya. Pg.-M., 1924. 192 s.
6. Radzinskii E. S. Rasputin: Zhizn' i smert'. M., 2000. 574 s.
7. Peterburgskaya gazeta. 1913. 13 (26) oktyabrya. № 281. S. 2.
8. Gaida F. A. Liberal'naya oppozitsiya na putyakh k vlasti: (1914 - vesna 1917 g.). M., 2003. 423 s.
9. Gosudarstvennaya duma. Sozyv IV. Sessiya IV. Stenograficheskie otchety: V 3 ch. Ch. 1: Zasedaniya 1–16 (s 19 iyulya po 3 sentyabrya 1915 g.). Pg., 1915. 1399 stb.
10. Vechernee vremya. 1915. 17 (30) avgusta. № 1211. S. 3.
11. Dnevnik L. A. Tikhomirova. 1915–1917 gg. M., 2008. 438 s.
12. Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva. T. 1–7 / Pod red. P. E. Shchegoleva. M.-L., 1924–1927. T. 1: Doprosy: A. N. Khvostova, E. K. Klimovicha, A. D. Protopopova, S. S. Khabalova, A. T. Vasil'eva, B. V. Shtyurmera, V. L. Burtseva, A. N. Naumova, kn. M. M. Andronikova. 1926. 462 s.
13. Spiridovich A. I. Velikaya Voina i Fevral'skaya Revolyutsiya. 1914–1917 gg. N'yu-Iork. 1960. S. 31–48.
14. Nikol'skii B. V. Dnevnik. 1896–1918. V 2 t. T. 2. SPb., 2015. 652 s.
15. Tereshchuk A. V. Grigorii Rasputin: Posledniy "starets" Imperii. SPb., 2006. 528 s.
16. Shatsillo K. F. «Delo» polkovnika Myasoedova // Voprosy istorii. 1967. № 2. S. 103–116. URL: <http://www.august-1914.ru/shacillo2.html> (data obrashcheniya: 14.04.2021).
17. Shul'gin V. V. Gody. Dni. 1920 god. M., 1990. S. 281.
18. Fuller U. Vnutrenniy vrag: Shpionomaniya i zakat imperatorskoi Rossii. M., 2009. S. 246.
19. Kolonitskii B. I. «Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny. M., 2014. 657 s.
20. Shavel'skii G. I., protopresviter. Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoi armii i flota. N'yu-Iork. 1954. V 2 t. T. 1. 414 s. T. 2. 412 s. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html (data obrashcheniya: 15.04.2021).
21. Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva. T. 1–7 / Pod red. P. E. Shchegoleva. M.-L., 1924–1927. T. 6: Doprosy i pokazaniya: gr. P. N. Ignat'eva, gr. S. I. Velepol'skogo, N. V. Pleve, A. N. Khvostova, A. A. Reinbota (Rezvogo), kn. V. M. Volkonskogo, I. N. Ladyzhenskogo, N. E. Markova, A. A. Neratova, A. N. Verevkina, A. I. Guchkova, P. N. Milyukova, D. N. Dubenskogo. 1926.

415 s.

22. Bokhanov A. N. Grigorii Efimovich Rasputin-Novyi. Mify i real'nost'. M., 2015. S. 346.
23. Brusilov A. A. Vospominaniya. M., 1963. URL:
<http://militera.lib.ru/memo/russian/brusilov/14.html> (data obrashcheniya: 25.04.2021). S. 258.
24. Denikin A. I. Ocherki russkoi smuty. Parizh, 1921. S. 17.
25. Gosudarstvennaya duma. Sozyv IV. Sessiya V. Stenograficheskie otchety: Zasedaniya 1-19 [v odnom per.]. Pg., 1916. Stb. 10-1219.
26. Milyukov P. N. Vospominaniya (1859-1917). V 2 t. T. 2. M., 1990. 445 s.
27. Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva. T. 1-7 / Pod red. P. E. Shchegoleva. M.-L., 1924-1927. T. 2 : Doprosy: A. D. Protopopova, kn. M. M. Andronikova, A. T. Vasil'eva, I. F. Manasevicha-Manuilova, A. A. Makarova, K. D. Kafafova, M. A. Belyaeva, kn. N. D. Golitsyna, N. A. Dobrovolskogo, I. G. Shcheglovitova. 1925. 439 s.
28. B'yukenen Dzh. Memuary diplomata. // Grigorii Rasputin: Sbornik istoricheskikh materialov. V 4 t. T. 2. M., 1997. S. 151.
29. Russkie vedomosti. 1916. 8 (21) noyabrya. № 258. S. 3.
30. Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo pravitel'stva. T. 1-7. Pod red. P. E. Shchegoleva. M.-L., 1924-1927. T. 7: Doprosy i pokazaniya: A. I. Shingareva, N. N. Chaplina, F. A. Golovina, gen. A. A. Polivanova, gr. V. N. Kokovtsova, M. V. Rodzyanko, N. B. Shcherbatova, A. R. Lednitskogo, A. V. Lyadova, gen. D. S. Shubaeva. 1927.

The Armed Forces and Police of Independent Rhodesia (1965-1979). Part 2: The Armed Forces

Gonta Semen Nikolaevich □

Student; Department of Theory of Law and State, History and Philosophy, Sochi State University

354000, Russia, Krasnodar Territory, Sochi, ul. Plastinskaya, 94

✉ rudolf.diesel.bmw@gmail.com

Ivanov Nikolai Aleksandrovich □

Lecturer, Department of Physical Culture and Sports, Sochi State University

354000, Russia, Krasnodar Territory, Sochi, ul. Plastinskaya, 94

✉ ivanovnik45@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the functioning of the Rhodesian Security Forces (the common name of the Rhodesian Police and Army forces) during the years of its de facto independence from 1965 to 1979. The object of the study is the Rhodesian Security Forces. The subject of the study in this (second) part of the work is the activities of the armed forces of Rhodesia after its declaration of independence. The authors studied the history of the development of the armed forces of Rhodesia from the moment of its participation in World War II to the end of the war with the rebels in 1979-1980. Also, the authors present data on the number, racial composition, technical equipment, main units and their structure, and other information about the armed forces of Rhodesia. The strategy of countering the

rebels and its transformation during the conflict is presented separately. The research methodology is based on general scientific research methods (abstract-logical method, classification method), as well as on special historical research methods (historical-genetic and narrative research methods). The scientific novelty of the work consists in a detailed description of the process of functioning and development of the armed forces of independent Rhodesia during the armed confrontation with the rebels (1965-1979). After the declaration of independence, the armed forces of Rhodesia, like the police, faced significant difficulties in ensuring combat capability, however, even in such conditions they managed to maintain phenomenally high combat capability and continue to improve. Based on this article, it is possible to draw conclusions about the decisive role played by the armed forces of Rhodesia in the existence of a country engulfed in counter-terrorism throughout its existence. Separately, it should be noted that the Rhodesian army was not racist, since a significant number of black soldiers served in its ranks, especially during the years of armed conflict with the rebels (1965-1979).

Keywords: ZAPU, terrorism, Rhodesian war, Rhodesian army, Rhodesian police, Rhodesian security forces, Rhodesia, Southern Rhodesia, Africa, ZANU

References (transliterated)

1. Gonta S. N. Vooruzhennye sily i politsiya nezavisimoi Rodezii (1965-1979). Chast' 1: Politsiya // Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2024. – № 1. – S. 167-179. – DOI: 10.25136/2409-868X.2024.1.68820. – EDN: DAYQPK.
2. Rhodesia Handbook. – Virginia: Central Intelligence Agency, 1 december 1970. – 44 p. – Approved For Release 2001/05/17: CIA-RDP79-00891A000700060001-0. – URL: <https://archive.org/details/CIA-RDP79-00891A000700060001-0> (data obrashcheniya: 30.10.2023).
3. Rhodesia: Growing Troubles for the Smith Government. – Virginia: Central Intelligence Agency, 1 June 1973. – 16 p. – Approved For Release 2004/06/29: CIA-RDP85T00875R002000120041-8. – URL: <https://archive.org/details/CIA-RDP85T00875R002000120041-8> (data obrashcheniya: 30.10.2023).
4. Zimbabwe-Rhodesia: economic, military, and demographic situations in Mid-1979. – Virginia: Central Intelligence Agency, August 1979. – 25 p. – Approved For Release 2007/09/04: CIA-RDP83R00184R002600410001-8. – URL: <https://archive.org/details/1979ZimbabweAfricaCia> (data obrashcheniya: 30.10.2023).
5. Rezolyutsiya Soveta Bezopasnosti OON № 221 ot 09.04.1966 g. [Elektronnyi resurs] // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii [sait]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1966> (data obrashcheniya: 30.10.2023).
6. Rezolyutsiya Soveta Bezopasnosti OON № 232 от 16.12.1966 г. [Elektronnyi resurs] // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii [sait]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1966> (data obrashcheniya: 30.10.2023).
7. Rezolyutsiya Soveta Bezopasnosti OON № 253 от 29.05.1968 г. [Elektronnyi resurs] // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii [sait]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1966> (data obrashcheniya: 30.10.2023).
8. Dvadtsat' tret'ya sessiya GA OON: Vopros o Yuzhnoi Rodezii № 2383 [Elektronnyi resurs] // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii [sait]. – URL:

- <https://www.un.org/ru/ga/23/docs/23res.shtml> (data obrashcheniya: 31.10.2023).
9. Karamaev S. G. Belyi i chernyi natsionalizm v Rodezii // Voprosy natsionalizma. – 2011. – № 4(8). – S. 90-111. – EDN: RXHJIF.
 10. Bobrinev K. S. Voina v Yuzhnoi Rodezii (1965-1979 gg.). Analiz boevykh deistvii // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2017. – № 3(276). – S. 113-118. – EDN: ZITEEJ.
 11. Shubin V. G. Afrikanskii natsional'nyi kongress v gody podpol'ya i vooruzhennoi bor'by: dis. ... dok. istor. nauk: 07.00.03. Moskva, 1999. – 468 s.
 12. Shubin V. G. Goryachaya "kholodnaya voina": Yug Afriki (1960-1990 gg.). – M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013. – 364 s. – ISBN 978-5-9551-0655-7. – EDN: UGNRTT.
 13. Turyanitsa D. A., Shubin V. G. Vospominaniya uchastnikov bor'by protiv aparteida ob uchebe v SSSR (1960-1980-e gg.) // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2021. – № 5. – S. 191-202. – DOI: 10.31857/S086919080016946-7. – EDN: LMFOAF.
 14. Shubin V. G. Nevospetye geroi // Aziya i Afrika segodnya. – 2010. – № 5(634). – S. 13-20. – EDN: OFZWYT.
 15. Urnov A. Yu. Sovetskii Soyuz i bor'ba protiv kolonializma i rasizma na yuge Afriki // Aziya i Afrika segodnya. – 2009. – № 3(620). – S. 55-61. – EDN: ULPJXL.
 16. Urnov A. Yu. Sovetskii Soyuz i bor'ba protiv kolonializma i rasizma na yuge Afriki (okonchanie) // Aziya i Afrika segodnya. – 2009. – № 4(621). – S. 53-59. – EDN: ULWCUT.
 17. Malkin S. G. Analiticheskie tsentry i politika SShA v stranakh "tret'ego mira" v nachale 1960-kh godov // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istorija. Mezdunarodnye otnosheniya. – 2018. – T. 18, № 3. – S. 363-367. – DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-363-367. – EDN: YNDQTB.
 18. Nesterov D. A. Kolonial'nyi opyt i teoriya kontrpartizanskoi bor'by v SShA: istochnikovedcheskii analiz materialov korporatsii "REND" pervoi poloviny 1960-kh godov // Samarskii nauchnyi vestnik. – 2018. – T. 7, № 2(23). – S. 203-208. – EDN: XQHMXB.
 19. Lezin A. I., Nesterov D. A. "Britanskii put'" kontrpartizanskoi bor'by: REND, dekolonizatsiya i politika chrezvychainogo polozheniya v Malaie (1948-1960 gody) // Samarskii nauchnyi vestnik. – 2018. – T. 7, № 1(22). – S. 217-220. – EDN: TEURYZ.
 20. Charles M. Lohman, Robert I. MacPherson Rhodesia: Tactical Victory, Strategic Defeat // War since 1945: seminar and symposium, Marine Corps Command and Staff College, 7 June 1983. Virginia: Marine Corps Development and Education Command Quantico, USA. 49 p.
 21. Bairstow M. Timothy Border Interdiction in Counterinsurgency: A Look at Algeria, Rhodesia, and Iraq: masters degree dissertation of military art and science. – Kansas: United States Army Command and General Staff College, 2006. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Border-Interdiction-in-Counterinsurgency%3AA-Look-at-Bairstow/0146034ddc8af3f09930ce16917f93b013c4e2b#citing-paper> (data obrashcheniya: 07.11.2023).
 22. Stewart P. Michael The Rhodesian African Rifles: The Growth and Adaptation of a Multicultural Regiment through the Rhodesian Bush War, 1965-1980: masters degree dissertation of military art and science. – Kansas: United States Army Command and General Staff College, 2011. – URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=77127cab0ded478811d871f80d5885694021ba38> (07.11.2023).

23. Kohmetscher M. Challenging the Narrative: Rhodesian Political Strategy Supporting Military Success During the Bush War (1965-1979) // Report: West Point Undergraduate Historical Review. – 2023. – № 13(1). – URL: <https://digitalcommons.usmalaibrary.org/report/vol13/iss1/10> (data obrashcheniya: 07.11.2023).
24. Gonta S. N. Rodeziiskaya «voina v bushe» (1965-1979) v issledovaniyakh zapadnykh voennykh // Voenniy sbornik. – 2023. – № 11(2). – S. 87-98. – DOI: 10.13187/vs.2023.2.87. – EDN: ZPIXVK.
25. Cilliers J. K. Counter-Insurgency in Rhodesia. London; Sydney; Dover, New Hampshire: Croom Helm, 1985. – 278 p. DOI: 10.4324/9781315713854.
26. Flower K. Serving secretly: an intelligence chief on record: Rhodesia into Zimbabwe, 1964 to 1981. London: John Murray (Publishers) Ltd, 1987. – 330 p. – ISBN: 0-7195-4438-6.
27. Moorcraft P., McLaughlin P. The Rhodesian War: A Military History. United Kingdom: Pen & Sword Military, 2008. – 274 p. – ISBN: 9781844156948.
28. Pittaway J., Fourie C. SAS Rhodesia: Rhodesians and the Special Air Service. Durban: Dandy Agencies (Pty) Ltd, 2003. – 320 p. – ISBN: 0-620-29347-0.
29. Stack M. "Strategy without tactics is the slowest route to victory. Tactics without strategy is the noise before defeat". A comparative study of the Malayan Emergency 1948 to 1960 and the Rhodesian Civil War 1964 to 1979: masters degree dissertation of arts in history. – Stellenbosch: Stellenbosch University, 2016. – URL: <https://scholar.sun.ac.za/items/8acf0e27-502f-4209-8b4e-d4123b8cb1d0> (data obrashcheniya: 08.11.2023).
30. Deklaratsiya nezavisimosti Rodezii [Elektronnyi resurs] // Wikilivres [sait]. URL: https://wikilivres.ru/%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9D%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8_%D0%A0%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B8 (data obrashcheniya: 08.11.2023).
31. Anthony R. Wilkinson Insurgency in Rhodesia, 1957-1973: An Account and Assessment (Adelphi Papers number 100). London: The International Institute for Strategic Studies, 1973. 47 p., maps.
32. Afrika: neoplachennyi dolg kolonizatorov / I. O. Abramova, S. N. Volkov, V. V. Gribanova [i dr.]. – M.: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut Afriki Rossiiskoi akademii nauk, 2023. – 122 s. – ISBN 978-5-91298-296-5. – EDN: OORAQY.
33. Veremeev Yu. G. Miny vchera, segodnya, zavtra. – Minsk: Sovremennaya shkola, 2008. – 352 s. – ISBN 978-985-513-138-1.
34. Gonta S. N. Voina v Rodezii (1965-1979): bor'ba s terroristami ili grazhdanskii konflikt? // Genesis: istoricheskie issledovaniya. – 2023. – № 7. – S. 45-57. – DOI: 10.25136/2409-868X.2023.7.43415. – EDN: TBNIFI.
35. Tompkins J. P., Grdovic M., Gutierrez B., Pilkulsky T., Pinczuk G., Riggs B. Unconventional Warfare Case Study: The Rhodesian Insurgency and the Role of External Support: 1961-1979. – Fort Bragg, North Carolina: The United States Army Special Operations Command. – 252 p.
36. Brownell J. The Hole in Rhodesia's Bucket: White Emigration and the End of Settler Rule* // Journal of Southern African Studies. – 2008. – Vol. 34(3). – pp. 591-610. – DOI: 10.1080/03057070802259837.

37. Pattenden H. Britain and the Rhodesian Mercenary Issue, c.1970–1980 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. – 2021. – Vol. 49(4). – pp. 777-804. – DOI: 10.1080/03086534.2021.1896647.
38. Lobban R. American Mercenaries in Rhodesia // Journal of Southern Africa Affairs. – 1978. – Vol. 3(3). – pp. 319-325.
39. Brown R. American Mercenaries in Africa // Soldier of fortune. – Summer 1975. – pp. 22-31.
40. Cocks C. Fireforce – One Man War in the Rhodesian Light Infantry // Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies. – 1998. – Vol 28(1). – pp. 179-182.
41. Ryabov K. YuAR i Rodeziya protiv min. Chast' I [Elektronnyi resurs] // Voennoe obozrenie [sait]. 2013. – URL: <https://topwar.ru/31663-yuar-i-rodeziya-protiv-min-chast-i.html> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
42. Kostin A. A. Chto takoe MRAP? Istoriya ikh razvitiya // Akademicheskii vestnik voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii. – 2022. – № 1. – S. 42-46.
43. Potemkin A. Tankovaya kontrabanda i tankovyи blef v Rodezii [Elektronnyi resurs] // Warspot [sait]. – 2015. – URL: <https://warspot.ru/3688-tankovaya-kontrabanda-i-tankovyy-blef-v-rodezii> (data obrashcheniya: 25.01.2024).
44. Karamaev S., Potemkin A. Voenno-vozdushnye sily Rodezii: na chestnom slove, arende i kontrabande [Elektronnyi resurs] // Warspot [sait]. – 2015. – URL: <https://warspot.ru/3497-voenno-vozdushnye-sily-rodezii-na-chestnom-slove-arende-i-kontrabande> (data obrashcheniya: 20.02.2024).
45. Stapleton T. 'Tracking, tracking and more tracking was their motto': bush tracking and warfare in late twentieth-century Southern Africa // War & Society. – 2015. – Vol. 34(4). – pp. 301-323. – DOI: 10.1080/07292473.2015.1128658.
46. Chervyakov R. Yu. «Belye ruki i gryaznye tryuki»: sovetskaya karikatura o politike aparteida v YuAR i Rodezii (1977–1985 gg.) // Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi shkoly-konferentsii molodykh uchenykh, Moskva, 11–14 oktyabrya 2021 goda / Institut rossiiskoi istorii RAN. – M.: Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2021. – S. 531-540. – EDN: NWGUEL.
47. Bobrinev K. S. Yuzhnaya Rodeziya v Pervoi mirovoi voine // Problemy sotsial'nykh i gumanitarnykh nauk. – 2021. – № 3(28). – S. 7-18. – EDN: LTUIZP.

The spiritual life of society through the prism of the activity of libraries in Europe at the intersection of the Middle Ages and Modern Times

Markova Elizaveta Vladimirovna

Postgraduate student, Department of Socio-Political Communications, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, 603022, Russia

 markovaev11@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the historical influence of European libraries on the spiritual life of society, in particular, by the example of the phenomenon of witch hunting. In accordance with the basic principles of historical science, based on the analysis of a number of historical sources and modern research, the question of the influence of libraries on the phenomenon of witch hunts in Europe is being clarified. Research methods include both general scientific and specific historical methods. A comparative historical and descriptive

approach is applied to the cited historical sources. The influence of libraries on the phenomenon of witch hunting in Europe is shown based on a review of historical sources about libraries on the phenomenon of witch hunting in Europe. Based on a review of historical sources about libraries dedicated to the phenomenon of witch hunting in Europe, the first attempt has been made to study the direct impact of libraries on the phenomenon of witch hunting in Europe. In this study, comparative historical and descriptive approaches of the above historical sources were used. Using these methods of processing archival documents, information on the influence of European libraries on the phenomenon of witch hunts is revealed on the basis of available sources. A review of some historical sources is proposed in order to clarify the influence of European libraries on the phenomenon of witch hunts in the context of certain chronological frameworks and socio-political conditions. The object of the study is the literature and libraries of Europe in transition. A problem-chronological method was used to study the influence of libraries on the phenomenon of witch hunts. The basis of the research consists of the main principles of historical science. Historicism and scientific research make it possible to assume the main influence of European libraries on the phenomenon of witch hunts according to the chronology of events against the background of the specified historical period of time. At the same time, the array of historical materials found and currently published is strictly taken into account. General scientific and special historical methods constitute the methodology of the presented research.

Keywords: the Inquisition, The Age of Enlightenment, Baroque, Renaissance, New time, Middle Ages, Europe, witch hunt, spiritual life, library

References (transliterated)

1. Institoris H. 1494. Malleus maleficarum.-Nürnberg : Anton Koberger, 17.III. 4° (Genrikh Institoris, Yakob Shprenger. Molot ved'm. Nyurnberg: Anton Koberger, 17.III. 454 l. ; 4°).
2. Naudé N. 1627. Advis pour dresser une bibliothèque (Ukazaniya po sozdaniyu biblioteki).
3. Papal Bull Summis desiderantes affectibus. 1484. December. 5.
4. Kramer G, Shprenger Ya. 1932. Molot ved'm. Per. s lat. N. Tsvetkova; predisl. S. G. Lozinskogo i M. P. Baskina. Borisov : OGIZ GAIZ Ateist. 297 s.
5. Speranskii N. 1906. Ved'my i vedovstvo. Moskva, 214 s. Spisok literatury.
6. Monter E.W. (ed.). 1969. European Witchcraft. New York, 191 p.
7. Midelfort H.C.E. 1972. Witch Hunting in South Western Germany, 1562-1684. Stanford. 306 p.
8. Moore John C. 2019 A Brief History of Universities. Springer International Publishing, 126 p.
9. Badzev K.D., Ivanov S.G., Movsisyan L.A. 2023. Filosofskie predposylki meditsiny epokhi Vozrozhdeniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pedagogiki i psichologii vysshego obrazovaniya. №2 (6). S. 5-14.
10. Volodarskii M.S, Kozhevnikov S.B 2023. Vedovstvo i obraz ved'my v kul'ture srednevekovoi evropy i russi // Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki. №1 (45). S. 89-100.
11. Glukhov S.V. 2023. Rets. na kn.: Shnirel'man V.A. Uderzhivayushchii. Ot apokalipsisa k konspiroligii // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3, Filosofiya: Referativnyi zhurnal. №1. S. 196-199.

12. Gregorovius F. 2008. *Istoriya goroda Rima v Srednie veka (ot V do XVI stoletiya)*. Moskva: Al'fp-kniga. 1278 s.
13. Denisova K. 2022. Dukhovnoe est' politicheskoe: zachen feminizmu sverkhreal'naya i mul'titemporal'naya utopiya // *Filosofsko-literaturnyi zhurnal «Logos»*. №1 (146). S. 87-102.
14. Ioann XII. 2010 // *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moskva: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya». T. XXIII.
15. Karpov V.I. 2022. Zagovornye teksty v nemetskikh sudebnykh aktakh XVI-XVII vv.: pragmaticskei aspekt yazykovogo var'irovaniya // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*. №18-2. S. 39-60.
16. Kozhurin A.Ya. 2024. «Okhota na ved'm» i genezis novoeuropeiskoi nauki (nekotorye aspekty problemy). URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kozhurin-aya/ohota-na-vedm-i-genezis-novoeuropeyskoy-nauki-nekotorye-aspekty-problemy>. Data obrashcheniya: 09.01.2024.
17. Lebedeva I.V. 2022. Retsenziya na monografiyu Elizabet V. Nivre «Zhenshchiny i semeinaya zhizn' v nemetskoi literature rannego novogo vremeni» // *Corpus Mundi*. №2 (10). S. 120-125.
18. Lozinskii S.G. 1932. Rokovaya kniga Srednevekov'ya // Molot ved'm / Ya. Shprenger i G. Institoris. Per. s lat. N. Tsvetkova, predisl. prof. S. G. Lozinskogo i prof. M. P. Baskina. Borisov: OGIZ GAIZ Ateist, 1932. 297 s.
19. Martynova O.A. 2022. S. Federichchi o roli okhoty na ved'm v stanovlenii kapitalisticheskogo obshchestva // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. №4 (40). S. 110-119.
20. Ostavnova E.A. 2022. Netraditsionnaya i narodnaya meditsina v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovoi aspekt // *Vestnik SGYuA*. №4 (147). S. 47-54.
21. Pigulevskii V.O., Mirskaya L.A. 2022. Chudesnoe kak problema ikonografii // *Yuzhno-Rossiiskii muzykal'nyi al'manakh*. №3 (48). S. 44-53.
22. Ponomarev N.F. Epidemicheskaya psikhologiya i pandemicheskii narrativ // *E-Scio*. №1 (64). S. 527-532.
23. Stolyarov Yu.N. 2019. Ispol'zovanie knizhnoi tematiki v bor'be srednevekovoi katolicheskoi tserkvi s satanismom // *Vestnik ChGAKI*. №1 (57). S. 14-24.
24. Stolyarov Yu.N. 2017. Istoki knizhnoi kul'tury. Chelyabinsk: ChGIK. 500 s.
25. Stolyarov Yu.N. 2018. Otrazhenie knizhnoi tematiki v satanizme kak svoeobraznoi subkul'ture: drevniy etap // *Vestnik ChGAKI*. №4 (56). S. 7-15.
26. Torndaik 1962. Psikhologiya i nauka obrazovaniya. URL: https://archive.org/details/trent_0116301896639. (data obrashcheniya: 31.01.2024).
27. Chernykh V.V. 2022. Volkhy – zhretsy Drevnei Rusi? // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. T. 39. S. 110-116.
28. Shul'ts S.A. 2022. Gogol' – Shekspir – Servantes (O «srednevekovom» i «renessansnom» podtekste povesti «Vii») // *Literaturovedcheskii zhurnal*. №58. S. 81-112.

The Russian Orthodox Church in the system of socio-political interaction during the Great Patriotic War (using the example of the Penza region)

Doctor of History

Dean of the Faculty of History and Languages, Penza State University

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40

✉ savtemp@yandex.ru

Inozemtsev Ivan Nikolaevich □

Assistant, Department of History of Russia and Methods of Teaching History, Penza State University

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40

✉ Kerskij@mail.ru

Kolpakova Olga Vasilievna □

PhD in History

Senior Lecturer, Department of History of Russia and Methods of Teaching History, Penza State University

440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40

✉ al.olga3443@yandex.ru

Abstract. The transformation of the practices of state-confessional interaction during the Great Patriotic War is considered on an analysis of the office documentation of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars of the USSR. The research methodology is based on the concept of social constructionism or the theory of constructing social reality, as well as new local history, which allows to study the factors and mechanisms of adaptation of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) to the new geopolitical situation and the tasks of socio-political integration on the scale of a specific region – the Penza region. The content and regional specifics of the activities of the Commissioner for the Affairs of the Russian Orthodox Church are revealed. The key areas of activity are: consideration of petitions of believers to open churches and participation of the priesthood in mobilization activities of the authorities. Despite many years of atheistic policies, persecution and repression of the clergy, the population of the Penza region demonstrated the strength of the religious foundation of regional identity. This was more significant compared with ideological constructs imposed from the outside. During the Great Patriotic War, relations between believers and authorities were built in the direction from the suppression of religious life to the very effective inclusion of parish communities in solving national problems. Appeals from believers to open churches became increasingly widespread and persistent. Under the influence of growing religiosity and divinely sanctioned changes in the legal status of the Russian Orthodox Church, local authorities adopted new rules of the game. Governance practices are also gradually changing, and a constructive dialogue is being built in the triad: the commissioner as a representative of the state – the diocesan administration – the parish communities.

Keywords: mobilization activities, church-patriotic activities, opening of churches, regional identity, religious revival, clergy, believers, Russian Orthodox Church, Penza region, Great Patriotic War

References (transliterated)

1. Regional'nye aspekty formirovaniya rossiiskoi natsii v XVII – nachale XXI v. (po materialam Povolzh'ya). Penza: izd-vo PGU, 2017.
2. Lipatov A., ierei. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i gosudarstvennaya politika v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1943–1944). Analiz noveishei istoriografii // Vestnik

- Orenburgskoi duchovnoi seminarii. 2020. Vyp. 1 (14). S. 68-79.
3. Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva, 1917-1991 gg. Dokumenty i materialy: v 6 t. / redaktsionnaya kollegiya: A. K. Sorokin (otvetstvennyi redaktor) i dr.; sostaviteli: M. I. Odintsov (otvetstvennyi sostavitele') i dr. T. 1. 1917-1924 gg.: v 4 kn. Kn. 1: Tsentral'nye rukovodyashchie organy RKP(b): ideologiya veroispovednoi politiki i praktika antireligioznoi propagandy / sostavitele: M. I. Odintsov (otvetstvennyi sostavitele') i dr. M.: ROSSPEN, 2017.
 4. Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva, 1917-1991 gg. Dokumenty i materialy: v 6 t. / redaktsionnaya kollegiya: A. K. Sorokin (otvetstvennyi redaktor) i dr.; sostaviteli: M. I. Odintsov (otvetstvennyi sostavitele') i dr. T. 1. 1917-1924 gg.: v 4 kn. Kn. 2: Tsentral'nye organy gosudarstvennoi vlasti i upravleniya v RSFSR: sozdanie normativno-pravovoi bazy deyatel'nosti religioznykh ob"edinenii/ sostavitele M. I. Odintsov (otvetstvennyi sostavitele') i dr. M.: ROSSPEN, 2017.
 5. Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva, 1917-1991 gg. Dokumenty i materialy: v 6 t. / redaktsionnaya kollegiya: A. K. Sorokin (otvetstvennyi redaktor) i dr.; sostaviteli: M. I. Odintsov (otvetstvennyi sostavitele') i dr. T. 1. 1917-1924 gg.: v 4 kn. Kn. 3: Narodnye komissariaty SNK RSFSR (1917-1924) i SNK SSSR (1922-1924): provedenie v zhizn' dekreta «Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi», 1917-1924 gg. M.: ROSSPEN, 2017.
 6. Konfessional'naya politika sovetskogo gosudarstva, 1917-1991 gg. Dokumenty i materialy: v 6 t. / redaktsionnaya kollegiya: A. K. Sorokin (otvetstvennyi redaktor) i dr.; sostaviteli: M. I. Odintsov (otvetstvennyi sostavitele') i dr. T. 1. 1917-1924 gg.: v 4 kn. Kn. 4: Religioznye ob"edineniya, dukhovenstvo i veruyushchie, obshchestvennye organizatsii i grazhdane o veroispovednoi politike sovetskogo gosudarstva i religioznoi situatsii v strane, 1917-1924 gg. M.: ROSSPEN, 2017.
 7. Pospelovskii D.V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v KhKh veke. M.: Respublika, 1995.
 8. Odintsov M.I. Vlast' i religiya v gody voiny: Gosudarstvo i religioznye organizatsii v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. M.: ROIR, 2005.
 9. Dvorzhanskii A.I. Istoryia Penzenskoi eparkhii. Kniga pervaya. Istoricheskii ocherk. Penza: b/i, 1999.
 10. Koroleva L.A., Korolev A.A., Gar'kin I.N. Pravoslavnye religioznye ob"edineniya Penzenskoi oblasti. 1940-1960-e gg. // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 2 (5). S. 103-112.

Discussion about the Soviet collaboration: a View on the problem of domestic and foreign history researches

Alenicheva Iana Sergeevna □

Postgraduate student, Department of history of Russia, Pushkin Leningrad state University

✉ alenicheva.history@yandex.ru

Abstract. Continuing to explore Soviet collaboration, the author draws attention to the evolution of scientific thought about this phenomenon, analyzing in detail the work of domestic and foreign scientists. Decade after decade, the trends formed and put forward by historians as the main directions for analyzing, describing and evaluating the phenomenon of voluntary cooperation of Soviet citizens with the German occupiers are being analyzed. Of particular importance is the accumulation of scientific research on the topic, which allows us to see the key ideas, as well as their successive changes: declaring at the beginning the

parallelism of views of domestic and foreign historians in the post-war period, the author identifies the first points of contact, finds coincidences and divergences of views, follows the development of the discussion about the prerequisites, motives, forms and fate of Soviet collaborationism. When writing this article, in order to organize voluminous disparate scientific information, the author used comparative and aggregate research methods, as well as the method of historical analysis. Noting the similarities and differences in the vectors of development of scientific interests of researchers on the topic of Soviet collaboration during the Great Patriotic War, the article shows how scientifically based disputes enrich each other in Russia and abroad. A special contribution of the author was the introduction of foreign literature that had not previously been published in Russian, as well as an appeal to the works of modern researchers of related history sciences (political science, international relations), which had not previously come to the attention of Russian historians. Identifying the strengths and weaknesses of scientific concepts competing with each other, the author identifies areas on the topic of Soviet collaboration that need additional attention and development for both domestic and foreign specialists.

Keywords: The USSR in the war, Soviet collaboration, World War II, Collaboration with the Nazis, complicity, German occupation, collaboration, the Great Patriotic War, Betrayal, Military history

References (transliterated)

1. Abros'kin S. V. Zverstva fashistov v Voronezhskoi oblasti. M.: Gospolitizdat, 1943. 47 s.
2. Aldan A. G. Armiya obrechennykh [Elektronnyi resurs] // Voennaya literatura. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/aldan_ag01/index.html (data obrashcheniya: 30.08.2023).
3. Arzamaskin Yu.N. Zalozhniki vtoroi mirovoi voiny: Repatriatsiya sovetskikh grazhdan v 1944–1953 gg. /Yu.N. Arzamaskin. M.: Rossiiskaya istoricheskaya voenno-politicheskaya biblioteka, 2001. 144 s.
4. Bezymenskii L. A. Gitlerovskie generaly s Gitlerom i bez nego [Elektronnyi resurs] // Voennaya literatura. URL: <http://militera.lib.ru/research/bezymensky1/index.html> (data obrashcheniya 30.08.2023).
5. Boltin E.A. Nemetsko-fashistskii okkupatsionnyi rezhim. (1941-1945 gg.). M.: Politizdat, 1965. 388 s.
6. Budnitskii O.V. Garvardskii proekt: rassekrechennye svidetel'stva o Velikoi Otechestvennoi voine. M.: ROSSPEN, 2018. 514 s.
7. Budnitskii O.V. Svershilos'! Prishli nemtsy. Ideini kollaboratsionizm v SSSR v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Elektronnyi resurs] // Rulit. URL: <https://www.rulit.me/books/mys-strahov-ip-read-415171-1.html> (data obrashcheniya: 20.06.2023).
8. Vzvarova G. N. Turkestanskie legionery // Voenno-istoricheskii zhurnal, 1995. № 2. S. 39-46.
9. Vinogradov I. I. Partizanskaya voyna na Pskovshchine. Pskov: [B.i.], 1950. 112 s.
10. Vishlev O.V. Nakanune 22 iyunya 1941 goda [Elektronnyi resurs] // Voennaya literatura. URL: <http://militera.lib.ru/research/vishlev/index.html> (data obrashcheniya 30.08.2023).
11. Volin B. M. Vsenarodnaya partizanskaya voina. M.: Gospolitizdat, 1942. 69 s.
12. Dikson Ch. O., Geil'brunn O. Kommunisticheskie partizanskie deistviya [Elektronnyi

- resurs] // Voennaya literatura. URL:
http://militera.lib.ru/research/dixon_heilbrunn/index.html (data obrashcheniya: 30.08.2023).
13. Drobayazko S.I. Vostochnye legiony i kazach'i chasti v Verkhmate. M.: AST, 1999. 55 s.
 14. Drobayazko S.I. Vtoraya mirovaya voina, 1939–1945. Russkaya osvoboditel'naya armiya. M.: AST, 2000. 46 s.
 15. Ermolov I.G. Vozniknovenie i razvitiye sovetskogo voenno-politicheskogo kollaboratsionizma na okkupirovannykh territoriyakh SSSR v 1941–1944 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 – Otechestvennaya istoriya / Igor' Gennad'evich Ermolov. Tver', 2005. 279 s.
 16. Ermolov I.G. Tri goda bez Stalina. Okkupatsiya 1941–1944. M.: Tsentrpoligraf, 2010. 383 s.
 17. Zhukov D., Posobniki. Issledovaniya i materialy po istorii otechestvennogo kollaboratsionizma [Elektronnyi resurs] // Libking. URL: <https://libking.ru/books/sci-sci-history/1056692-2-dmitrij-zhukov-posobniki-issledovaniya-i-materialy-po-istorii-otechestvennogo-kollaboracionizma.html#book> (data obrashcheniya: 30.08.2023).
 18. Zhuravlev E. I. Grazhdanskii kollaboratsionizm v gody nemetskoi okkupatsii 1941–43 gg. na materialakh yuga Rossii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. № 16. S. 66–73.
 19. Zagorul'ko M.M., Yudenkov A.F. Krakh plana "Ol'denburg". M.: Ekonomika, 1980. 376 s.
 20. Zalesskii A. I. V partizanskikh krayakh i zonakh. M.: Sotsekgiz, 1962. 396 s.
 21. Zemskov V. N. Vedushchaya sila vse narodnoi bor'by. Bor'ba sovetskogo rabochego klassa na vremenne okkupirovanno fashistami territorii (1941–1944 gg.) [Elektronnyi resurs] // Voennaya literatura. URL:
http://militera.lib.ru/research/zemskov_vn01/index.html (data obrashcheniya: 30.08.2023).
 22. Kazantsev A. Tret'ya sila. Rossiya mezhdu natsizmom i kommunizmom [Elektronnyi resurs] // Libking. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-military/361439-aleksandr-kazantsev-tretya-sila-rossiya-mezhdu-natsizmom-i-kommunizmom.html> (data obrashcheniya: 30.08.2023).
 23. Kovalev B. N. Kollaboratsionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy [Elektronnyi resurs] // Voennaya literatura. URL:
http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn01/index.html (data obrashcheniya: 30.08.2023).
 24. Kovalev B. N. Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period natsistskoi okkupatsii [Elektronnyi resurs] // Voennaya literatura. URL:
http://militera.lib.ru/research/kovalev_bn03/index.html (data obrashcheniya: 30.08.2023).
 25. Kolesnik A.N. Grekhopadenie? General Vlasov i ego okruzhenie. Khar'kov: [B.i.], 1991. 238 s.
 26. Kudryashov S. V. Predateli, "osvoboditeli" ili zhertvy rezhima? Sovetskiy kollaboratsionizm (1941–1942) // Svobodnaya mysl', 1993. № 14. S. 91.
 27. Leont'ev A. «Zelenaya papka» Geringa. M.: Gospolitizdat, 1942. 43 s.
 28. Litvin A. G. Krymsko-tatarskie formirovaniya: dokumenty tret'ego reikha svidetel'stvuyut // Voenno-istoricheskiy zhurnal, 1991. № 3. S. 91.
 29. Malinovskii V. V. Kto on, rossiiskii kollaboratsionist: patriot ili predatel'? // Voprosy istorii. 1996, № 11. S. 165.

30. Martynov B.S. Natsistskii okkupatsionnyi rezhim i kollaboratsionizm na territorii yuzhnykh i yugo-vostochnykh raionov Kurskoi oblasti (oktyabr' 1941 – avgust 1943): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 – Otechestvennaya istoriya /Bogdan Sergeevich Martynov. Belgorod, 2016. 212 s.
31. Molodova I.Yu. Natsistskii okkupatsionnyi rezhim na territorii Zapadnogo regiona RSFSR: vlast' i naselenie: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 – Otechestvennaya istoriya / Irina Yur'evna Molodova. Bryansk, 2010. 263 s.
32. O zlodeyaniyah nemetsko-fashistskikh okkupantov v Stavropol'skom krae [Elektronnyi resurs] // Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/177890-soobschenie-chrezvychaynoy-gosudarstvennoy-komissii-o-zlodeyaniyah-nemetsko-fashistskikh-okkupantov-v-stavropol'skom-krae-5-avgusta-1943-g> (data obrashcheniya: 30.08.2023).
33. Okorokov A.B. Antisovetskie voinskie formirovaniya v gody Vtoroi mirovoi voiny. M., 2000. 174 s.
34. Pozdnyakov V. V. Rozhdenie ROA. Propagandisty Vul'khaide-Lyukenval'de-Dabendorfa-Rigi. Sirakuzy, 1972. 256 s.
35. Ramanichev N.M. Vlasov i drugie. M.: Nauka, 1995. 293 s.
36. Semiryaga M.I. Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroi mirovoi voiny. M.: ROSSPEN, 2000. 862 s.
37. Sidel'skii R. I. Bor'ba sovetskikh partizan protiv fashistskikh zakhvatchikov. M.: Gospolitizdat, 1942. 65 s.
38. Sovershenno sekretno! Tol'ko dlya komandovaniya! Strategiya fashistskoi Germanii v voine protiv SSSR. Dokumenty i materialy / Sost. V. I. Dashichev. M.: Nauka, 1967. 752 s.
39. Steenberg S. Vlasov [Elektronnyi resurs] // Vtoraya literatura: elektronnyi arkhiv zarubezh'ya imeni Andreya Sinyavskogo. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/steenbergs_vlasov_1974__ocr.pdf (data obrashcheniya: 30.08.2023).
40. Sudebnyi protsess po delu o zverstvakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov i ikh posobnikov na territorii goroda Krasnodara i Krasnodarskogo kraja v period ikh vremennoi okkupatsii. Prigovor // Izvestiya Sovietov deputatov trudyashchikhsya SSSR, 1943. № 169 [Elektronnyi resurs] // Istoriya RF. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/23/613c12f55acbb08fe927b7634120b41b00f7bf8c.pdf> (data obrashcheniya: 31.08.2023).
41. Tishkov A.V. Predatel' pered sovetskim sudom // "Sovetskoe gosudarstvo i pravo", 1973. № 2. S. 89-98 [Elektronnyi resurs] // Kriminal'nyi Saratov. URL: <https://kriminal'nyisaratov.rf/vlasov-andrey-general-predavshij-rossiyu-chast-3-a-v-tishkov-predatel-pered-sovetskim-sudom-1973-g.php> (data obrashcheniya: 30.08.2023).
42. Khoffman I. Istoriya vlasovskoi armii [Elektronnyi resurs] // Sait "Voennaya literatura". URL: <http://militera.lib.ru/research/hoffmann/index.html> (Data obrashcheniya: 20.04.2023).
43. Tsurganov Yu.S. Vtoraya mirovaya: inoi vzglyad [Elektronnyi resurs] // Voennaya literatura. URL: http://militera.org/books/pdf/research/sb_vm-inoy-vzglyad.pdf (data obrashcheniya: 30.08.2023).
44. Tsurganov Yu.S. Neudavshiisa revansh: Belya emigratsiya vo vtoroi mirovoi voine. M.: Intrada, 2001. 286 s.
45. Shantseva E.N. Genezis partizanskogo dvizheniya i kollaboratsionizma v Velikuyu Otechestvennuyu voinu: na primere okkupirovannoj territorii Bryanskogo regiona:

avgust 1941- sentyabr' 1943 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 – Otechestvennaya istoriya / Elena Nikolaevna Shantseva. Kursk, 2011. 290 s.

46. Sheverdalkin P. R. Partizanskaya bor'ba na Novgorodskoi zemle. Novgorod: Novgor. obl. tip., 1957. 171 s.
47. Shtrik-Shtrikfel'dt V.K. Protiv Stalina i Gitlera [Elektronnyi resurs] // Voennaya literatura. URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/strick-strickfeldt/index.html> (data obrashcheniya: 30.08.2023).
48. Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945 [Elektronnyi resurs] // Defence Technical Information Center. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA141338.pdf> (data obrashcheniya: 30.08.2023).
49. Fischer G. Soviet opposition to Stalin. A case study in WWII. Cambridge, 1952. 230 p.
50. Jeffrey W. Every Family Has Its Freak": Perceptions of Collaboration in Occupied Soviet Russia, 1943–1948 [Elektronnyi resurs] // Cambridge.org. URL: <https://www.cambridge.org/core/services/aop-cambridge-core/content/view/3FC20C0654F59AC63709F26BF831B40D/S0037677900031466a.pdf/every-family-has-its-freak-perceptions-of-collaboration-in-occupied-soviet-russia-1943-1948.pdf> (data obrashcheniya: 30.08.2023).
51. Krawatzek F., Soroka G. Remembering a Contentious Past: Resistance and Collaboration in the Former Soviet Union [Elektronnyi resurs] // Sage Journals. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0888325420952154> (data obrashcheniya: 30.08.2023).
52. Mark E. Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers Became Hitler's Collaborators, 1941–1945. Oxford University Press, 2017. 126 p.
53. Munoz A. Hitler Easter Legions. New York, 1997. 96 p.
54. Reitlinger G. The House Built on Sand; The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945. London, 1960. 459 p.
55. Rohr W. Okkupation und Kollaboration (1938–1945): Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik. Hüthig, 1994. 632 p.
56. Shirer W. The rise and fall of the Third Reich [Elektronnyi resurs] // Elibrary. URL: http://elibrary.bsu.edu.az/files/books_400/N_389.pdf (data obrashcheniya: 30.08.2023).
57. Shub. B. The choice. Madison, 1950. 205 p.
58. Shub. B. Why America Is Losing World War III // The American Mercury. 1952. Pp. 11–24.
59. Sontag R.J., Beddie J. S. Nazi-soviet realtions, 1939–1941 [Elektronnyi resurs] // Ibilibio.org. URL:<https://www.ibiblio.org/pha/nsr/nsr-preface.html> (data obrashcheniya: 30.08.23).
60. Tasca A. The Russo-German Alliance: August 1939 – June 1941 [Elektronnyi resurs] // Marxists.org. URL: <https://www.marxists.org/history/ussr/great-patriotic-war/soviet-german-pact/tasca/ch6.htm> (data obrashcheniya: 30.08.2023).